

**ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ИСТОРИЯ
НАРОДОВ РОССИИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ
И ДОКУМЕНТАХ**

К юбилею В.В. Трепавлова

Выпуск 9

**Москва
2022**

ББК 63,3(2)
УДК 94(47)
И 90

Издание основано в 2004 г.

Ответственный редактор
кандидат исторических наук *Дж.Я. Рахаев*

Рецензенты:

доктор исторических наук *Н.М. Рогожин*,
кандидат исторических наук *С.М. Шамин*

И 90 История народов России в исследованиях и документах / Рос. акад. наук.
Ин-т рос. истории. – М., 2004 – Выпуск 9 : К юбилею В.В. Трепавлова / [отв.
ред. Дж.Я. Рахаев] ; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. – М. : Ин-т рос. исто-
рии Рос. акад. наук. – 2022. – 368, [1] с.
ISBN 978-5-8055-0405-2

В девятом выпуске периодического издания Центра истории народов России и межэтнических отношений опубликованы статьи, раскрывающие различные аспекты истории тюркских государств и их отношений с Россией (Русью) (статьи А.В. Белякова, А.А. Горского, И.В. Зайцева, Р.Ю. Почекаева), присоединения народов и территорий к Российскому государству и организации управления в национальных регионах (статьи А.Х. Абазова, А.В. Белякова и Д.Н. Маслюженко, А.В. Марчуков, Г.П. Визгалова и Е.В. Вершинина, А.А. Ганич, Дж.Я. Рахаева и З.Н. Сулаберидзе), этнической политики в СССР (статьи Д.А. Аманжоловой, Л.С. Гагаговой, К.С. Дроздова, Дж.Я. Рахаева), историографии (статьи С.З. Ахмадулина, В.В. Тихонова), этнографии народов (статьи Ю.Д. Анчабадзе, В.В. Грибовского). Кроме того, сборник содержит список публикаций доктора исторических наук В.В. Трепавлова.

ISBN 978-5-8055-0405-2

© Институт российской истории РАН, 2022
© Коллектив авторов, 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной выпуск сборника Центра истории народов России и межэтнических отношений посвящен 60-летию юбилею В.В. Трепавлова, который руководит Центром уже более 20 лет.

Вадим Винцерович Трепавлов родился в 1960 г. в Свердловске (ныне Екатеринбург). Еще со школьных лет он — по неизвестной и непонятной причине (как он сам говорит) — увлекся историей кочевых народов средневековой Евразии. Школу он закончил с твердым намерением стать профессиональным историком.

Во время учебы на историческом факультете Уральского государственного университета им. А.М. Горького (УрГУ) Вадим Винцерович нашел поддержку и понимание его давнего увлечения Монгольской империей и Золотой Ордой у своего первого научного руководителя — преподавателя тогдашней кафедры истории СССР досоветского периода Брониславы Борисовны Овчинниковой. Она не только направляла его изыскания во время подготовки курсовых и дипломной работ, но и открыла начинающему историку-студенту реальный мир азиатских степей. В течение всего обучения в университете с наступлением лета В.В. Трепавлов отправлялся в составе руководимой Б.Б. Овчинниковой Саяно-Тувинской археологической экспедиции УрГУ в Туву, на раскопки памятников, оставленных древними кочевниками.

В 1983 г. им был закончен с отличием истфак, и после года работы школьным учителем в Свердловске Вадим Винцерович поступил в очную аспирантуру Института истории СССР АН СССР, в отдел общих проблем истории народов СССР. Обучение там и подготовка диссертации проходили под руководством заведующего отделом, члена-корреспондента АН Туркмении Сергея Григорьевича Агаджанова. Он поддержал идею своего аспиранта о написании работы, посвященной исторической преемственности кочевых империй Средневековья. Некоторые наброски для этого уже были сделаны В.В. Трепавловым в университетском дипломном сочинении.

В 1989 г. в Институте истории СССР Вадим Винцерович защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Социально-политическая преемственность в государственном строе Монгольской империи XIII в.». Вскоре он стал сотрудником этого института. Пройдя всю «карьерную лестницу» через должности лаборанта, младшего, старшего и ведущего научного сотрудника, ныне В.В. Трепавлов является главным научным сотрудником и с 1998 г. возглавляет Центр истории народов России и межэтнических отношений (бывший отдел общих проблем истории народов СССР). В 2001—2003 гг. он одновременно занимал должность заместителя директора института по научной работе.

Сфера научных интересов В.В. Трепавлова чрезвычайно широка. Это и формирование многонационального Российского государства, и национальная политика и межэтнические отношения в России, и закономерности функционирования империй и полиэтнических сообществ, и история народов России — главным образом Поволжья, Сибири, Северного Кавказа, а также Казахстана и Центральной Азии в XIII—XVIII вв., и отражение этой истории в памятниках фольклора... Не забыто и первое увлечение, которое привело его в науку, — история средневековых кочевников. В 2001 г. вышло в свет фундаментальное, неоднократно с тех пор переизданное исследование Вадима Винцеровича «История Ногайской Орды», а в следующем году на его основе им была защищена докторская диссертация.

И все-таки своим главным на сегодняшний день научным трудом В.В. Трепавлов считает книгу «Белый царь. Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV—XVIII вв.» (2007, 2-е изд. — 2017), в которой он развил, в том числе, идею о разном понимании российского подданства официальными

ми властями страны и представителями народов, присоединенных к России на протяжении почти четырех столетий.

Из-под пера Вадима Винцеровича к настоящему времени вышло более 450 научных работ. Он является автором 11 монографий и соавтором 18 коллективных трудов. Его статьи публиковались в научных изданиях Венгрии, Германии, Казахстана, Республики Корея, Нидерландов, США, Турции, Узбекистана, Украины, Франции, Швеции, Японии.

В.В. Трепавлов входит в состав редколлегий журналов «Российская история», «Этнографическое обозрение», «Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований» (Элиста), «Вестник Удмуртского университета. История и филология» (Ижевск), «Научный Татарстан» (АН Республики Татарстан, Казань), «Золотоордынское обозрение» (Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, Казань), «Волго-Уральские региональные исследования» (Приволжский федеральный университет, Казань), «Тюркологические исследования» (Приволжский федеральный университет, Казань), «Гасырлар авызы» «Эхо веков» (Главное архивное управление при Кабинете Министров Республики Татарстан, Казань), электронного журнала «Scriptorium Nostrium» (Херсонский университет, Украина); является ответственным редактором периодического издания возглавляемого им Центра «История народов России в исследованиях и документах»; много лет был в числе ответственных редакторов авторитетного «Тюркологического сборника».

В.В. Трепавлов является экспертом Российского научного фонда, Фонда президентских грантов, Российского фонда фундаментальных исследований, несколько лет входил в состав экспертного совета ВАК РФ по истории. Он регулярно привлекается органами государственного управления в качестве эксперта для оценки документов, имеющих отношение к истории народов России, бывшего СССР и межэтнических отношений.

Вадим Винцерович пользуется заслуженным авторитетом среди коллег. Его достижения в области изучения прошлого народов нашей страны признаны российскими и зарубежными историками. Репутация объективного и непредвзятого исследователя (особенно необходимая при изучении такой деликатной сферы, как этническая история и межэтнические отношения) получила и общественное признание. За последние годы ученый был неоднократно награжден. Он стал Заслуженным деятелем науки Карачаево-Черкесской Республики, лауреатом Государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники, премии им. Хусаина Фаихзанова и др. Особенно юбиляр ценит специально изготовленный знак «Народное признание», который представители ногайской общности вручили ему от имени ногайского народа в 2019 г.

* * *

В 9-й выпуск сборника вошли статьи, отражающие многообразные интересы юбиляра и в то же время освещающие различные проблемы прошлого народов России и сопредельных («постсоветских») стран. В них рассматриваются отдельные аспекты истории тюркских государств и их отношений с Россией (Русью) (статьи А.В. Белякова, А.А. Горского, И.В. Зайцева, Р.Ю. Почкаева), присоединения народов и территорий к Российскому государству и организации управления в национальных регионах (статьи А.Х. Абазова, А.В. Белякова, Д.Н. Масложенко, А.В. Марчукова, Г.П. Визгалова, Е.В. Вершинина, А.А. Ганич, Дж.Я. Рахаева и З.Н. Сулаберидзе), этнической политики в СССР (статьи Д.А. Аманжоловой, Л.С. Гагаевой, К.С. Дроздова, Дж.Я. Рахаева), историографии (статьи С.З. Ахмадуллина, В.В. Тихонова), этнографии (статьи Ю.Д. Анчабадзе, В.В. Грибовского).

ИССЛЕДОВАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ

А.Х. Абазов

Моздокский верхний пограничный суд в системе органов власти на Центральном Кавказе в 1793–1822 гг.

В статье определяется роль и место Моздокского верхнего пограничного суда в системе органов власти на Центральном Кавказе в 1793–1822 гг., характеризуется его компетенция. Делается вывод, что, осуществляя функции локального судебно-административного контроля в пределах своей компетенции, он состоял в переписке с функционировавшими в регионе основными учреждениями и должностными лицами региона и помимо судебных обязанностей выполнял административные, делопроизводственные и досудебные процессуальные функции.

Ключевые слова: Российская империя, Центральный Кавказ, Моздокский верхний пограничный суд, органы государственной власти

А.Н. Abazov

THE MOSDOK UPPER BORDER COURT IN THE SYSTEM OF AUTHORITIES IN THE CENTRAL CAUCASUS IN 1793-1822

The article defines the role and place of the Mosdok Upper Border Court in the system of authorities in the Central Caucasus in 1793–1822. It is concluded that, in carrying out the functions of local judicial and administrative control within the limits of its competence, it consisted of correspondence with the main institutions and officials of the region operating in the region and, in addition to judicial duties, performed administrative, office and pre-trial procedural functions.

Key words: Russian Empire, Central Caucasus, Mosdok Upper Border Court, State authorities

Одной из форм инкорпорации народов Центрального Кавказа в политико-правовое пространство Российской империи в последней трети XVIII – начале XIX в. на фоне масштабных преобразований всей системы управления стало учреждение организаций локального судебно-административного контроля (Моздокский верхний пограничный суд, родовые суды и расправы в Большой и Малой Кабарде, приставские управления). В 1777–1778 гг. началось строительство Азово-Моздокской кордонной линии, в 1785 г. была учреждена Кавказская губ. в составе Кавказского наместничества. В административ-

ном плане в состав Кавказской губ. входило 6 уездов, в том числе и Моздокский. Правовые основания деятельности губернских и уездных органов власти устанавливались на основе Учреждения «для управления губерний Всероссийской империи» (1775).

Народы, проживавшие за пределами Азово-Моздокской (Кавказской) линии, с этого времени стали фигурировать в российских делопроизводственных и некоторых нормативных документах как «залинейные горцы». Власти начали прорабатывать различные формы и механизмы «управления фронтиром», учитывая исторические, социально-политические и конфессиональные особенности проживавших на этих территориях народов. Важную роль в этом процессе выполнял образованный в 1793 г. Моздокский верхний пограничный суд – учреждение, сочетавшее в своей деятельности как принципы российского правосудия, так и некоторые элементы традиционной соционормативной культуры народов региона. Поэтому определение его роли и места в системе местных органов власти и характеристика форм его коммуникации с ними представляется важной научно-исследовательской задачей.

Изучая ключевые вопросы социально-политической истории Центрального Кавказа конца XVIII – начала XIX в., вряд ли возможно обойти вниманием проблемы становления и развития системы российского государственного управления и определения в ней роли и места Моздокского верхнего пограничного суда. Некоторые сведения по истории этого учреждения содержатся в материалах П.Г. Буткова, трудах Н.Ф. Грабовского, В.Н. Кудашева, С.К. Бушуева, Т.Х. Кумыкова, М.М. Блиева, З.М. Блиевой, В.Х. Кажарова, Ж.А. Калмыкова, А.Д. Дзидзоева, Х.М. Думанова и Ю.М. Кетова, А.Н. Кубатко, А.Н. Маремкулова, С.Н. Бейтуганова, А.Х. Абазова и др., а также в целом ряде обобщающих работ по истории северокавказских республик¹. В них в основном описывались обстоятельства и усло-

¹ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. 1–3. СПб., 1869; Грабовский Н.Ф. Очерк суда и уголовных преступлений в кабардинском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IV. Тифлис, 1870. С. 1–72; Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 1991; Бушуев С.К. Из истории русско-кабардинских отношений. Нальчик, 1956; Кумыков Т.Х. Из истории судебных учреждений в Кабардино-Балкарии (конец XVIII–XIX вв.) // Ученые записки КБНИИ. Вып. XIX. Нальчик, С. 90–102; Блиев М.М. Осетия в первой трети XIX в. Орджоникидзе, 1964; Блиев М.М. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII – 30-е гг. XIX в.). Орджоникидзе, 1970; Блиева З.М. Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в. Владикавказ, 1992; Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века. Изд. 2, перераб. Владикавказ, 2015; Кажаров В.Х. О времени и обстоятельствах учреждения «духовных судов» в Кабарде // Исторический вестник. Вып. III. Нальчик, 2006. С. 398–425; Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII – начале XX в.). Нальчик, 1995; Калмы-

вия создания Россией на Центральном Кавказе административных и судебных органов, характеризовались их составы и структуры, подсудность и подведомственность. В настоящее время материалы Моздокского верхнего пограничного суда позволяют детально рассмотреть формы его взаимодействия с другими учреждениями российской власти в регионе в указанное время.

Историческая эвристика, систематизация и анализ материалов дают возможность разделить весь корпус источников по истории Моздокского верхнего пограничного суда по видовой принадлежности на несколько групп: нормативные акты, делопроизводственная документация, источники личного происхождения, картография. При определении особенностей коммуникации пограничного суда с другими институтами власти в регионе наиболее информативную группу источников представляют делопроизводственные документы (докладные и настольные регистры, почтовые книги и книги «на запись прихода и расхода экстраординарной Моздокского верхнего пограничного суда суммы», списки членов суда, ведомости об оплате их труда, протокола (в том числе, расходные), рапорты членов родовых судов и родовых расправ Большой и Малой Кабарды, сообщения, предложения, уведомления должностных лиц и учреждений, многочисленные экстракты, приказы (приказания) и указы и т.п.). Для исследования поставленной проблемы анализ этих документов дает возможность установить особенности его коммуникациями с учрежде-

ков Ж.А. Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX в.). Нальчик, 2007; *Дзидзоев А.Д. Судебная политика на Северном Кавказе в XIX – первой трети XX в.* Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011; *Думанов Х.М., Кетов М.Ю.* Адыгэ хабзэ и суд в Кабарде во второй половине XVIII–XIX в. Нальчик, 2000; *Кубатко А.Н.* История становления российской судебной системы на Северном Кавказе: Конец XVIII – начало XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2002; *Кубатко А.Н.* История становления российской судебной системы на Северном Кавказе (конец XVIII – начало XX в.). Пятигорск, 2003; *Маремкулов А.Н.* Основы геополитики Российской империи в конце XVIII – начале XX в. Нальчик, 2016; *История Кабарды с древнейших времен до наших дней. М., 1957; История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1967; Адыгская (черкесская) энциклопедия. М., 2006; История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик, 2007; Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.). Нальчик, 2017; Россия и народы Северного Кавказа в XVI – середине XIX века: социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому единству: монография / К.Ф. Дзамихов, Е.Г. Муратова, А.Х. Боров, Н.В. Варывода, А.Х. Абазов, Д.Н. Прасолов. Нальчик, 2018.*

ниями власти и структурами локального судебно-административного контроля в регионе и определить его место в этой системе.

Моздокский суд на основании российского права разбирал дела, касающиеся «измены, явного ослушания начальства, разбоя, грабежа, воровства, учиненных насильственно вооруженною рукой, и убийства». В его компетенцию также входила «апелляция на решения родовых судов и расправ по гражданским искам, позволенная тяжущимся в случае неудобства на решения тех судов и расправ»². Дела о тяжких преступлениях направлялись «для дальнейшего поступления по законам или военному начальнику, на Линии поставленному, или ген[ерал]-губернатору Кавказского наместничества»³. Помимо судебных полномочий пограничный суд отвечал за проведение следственных мероприятий для обеспечения как правосудия в пределах своей компетенции, так и по запросам других судебных учреждений, осуществлял перевод документов с языков местного населения на русский и выполнял некоторые административные функции. Также в его компетенцию входило засвидетельствование сделок (в основном купля-продажа холопов), совершавшихся представителями проживавших на подведомственной ему территории народов, установление или признание социального статуса местных жителей и т.п. Например, на основании анализа содержания исходящего регистра Моздокского верхнего пограничного суда за 1797 г. можно установить, что он в пределах своей компетенции собирал обобщенные данные (статистику) о нерешенных делах для представления вышестоящему начальству, осуществлял розыск беглых крестьян и холопов, выдавал билеты на право выезда за пределы Кавказской линии, решал финансовые вопросы, разбирал имущественные споры, связанные с кражей и хищением между представителями разных народов, проживавших на подведомственной ему территории⁴.

Анализ входящих и исходящих регистров Моздокского верхнего пограничного суда показывает, что в конце XVIII в. он состоял в переписке с главнокомандующим войсками на Кавказе, Кавказским наместническим и Астраханским губернским правлениями, Моздокским и Кизлярским комендантами, Моздокским уездным казначейством, городовыми магистратами Моздока, Кизляра, Георгиевска и Ставрополя, кабардинским и ногайским приставами, Моздокским, Георгиевским⁵, Ставропольским, Кизлярским уездными судами,

² Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. 3. СПб., 1869. С. 264.

³ Из документальной истории кабардино-русских отношений (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) / Сост. Х.М. Думанов. Нальчик, 2000. С. 50.

⁴ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 168.

⁵ Там же. Л. 9.

Моздокским, Георгиевским, Кизлярским и Ставропольским нижними земскими судами, Моздокской духовной консисторией, родовыми судами и расправами в Большой и Малой Кабарде⁶.

О характере взаимодействия Моздокского верхнего пограничного суда с другими административными и судебными учреждениями региона можно говорить на основе анализа «книги на вступаемых из разных мест бумаг» за 1807 г. Так, в 1807 г. в этот суд поступала корреспонденция от Кавказского губернского правления (сообщения разъяснительного и уведомительного характера); Кавказской палаты уголовного и гражданского суда по спорам, относящимся к подсудности пограничного суда; Ставропольского нижнего земского суда со следственным делом по спору о краже скота между ногайцами и казаками; Моздокской почтовой конторы и Моздокской полиции⁷. Кроме того, в книге за 1807 г. были зафиксированы письма от генерал-майора и кавалера Султана Менгли-Гирея по делам Моздокского верхнего пограничного суда, одной из сторон в которых являлись проживавшие на подведомственной ему территории ногайцы; рапорты приходчиков и расходчиков, прошения протоколиста и заседателей суда, отношения пристава Кабарды генерал-майора И.П. Дельпоццо с просьбой перевести на русский язык бумаги «на татарском диалекте» и об освобождении холопа, а также многочисленные жалобы и прошения от жителей региона по разным вопросам⁸.

Примерно такой же набор организаций, с которыми взаимодействовал Моздокский верхний пограничный суд в рамках своей компетенции, сохранялся и к концу первого десятилетия XIX в. Так, анализ журналов исходящей документации Моздокского верхнего пограничного суда за 1809 г. позволяет установить особенности его коммуникации с другими учреждениями региона и специфику принимаемых к разбирательству дел. В этот период суд состоял в переписке с И.В. Гудовичем по различным вопросам деятельности суда (в том числе согласование кандидатур на основные должности, финансирование и т.п.)⁹; с городскими полициями Кизяра и Моздока, моздокским уездным и нижним земским судами¹⁰, главным приставом надворным советником Ахвердовым, приставом (начальником) Большой Кабарды генерал-майором И.П. Дельпоццо, по вопросам содействия в доставке для участия в разбирательстве жителей подведомственных им территорий и предоставлении необходимых сведений для решения конкретных дел, с Моздокским армянским духовным правлением по

⁶ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 168, 169.

⁷ Там же. Л. 12.

⁸ Там же. Ед. хр. 360.

⁹ Там же. Л. 2.

¹⁰ Там же. Д. 411. Л. 1, 1 об.

вопросам отправления некоторых религиозных обрядов в отношении служащих суда, с Моздокским уездным казначейством и Кавказской казенной палатой по вопросам финансирования деятельности суда¹¹.

В материалах суда первого десятилетия XIX в. встречается переписка с Александровским, Кизлярским и Ставропольским нижними земскими судами, Кавказским губернским правлением, кавказским губернским прокурором, приставами (кабардинским, главным караногайским, главным калмыцким и трухменским, ногайским и абазинским), Прохладненской карантинной заставой, Моздокской почтовой конторой, Моздокским армянским духовным правлением¹² и др.

Часто в документах 1816–1822 гг. упоминается Моздокский армянский суд¹³. Деятельность этого суда до сих пор детально не исследована. Некоторые сведения о нем содержатся в трудах Р.О. Авакяна¹⁴. Следует обратить внимание, что в 1816 г. главнокомандующий Кавказской линией генерал от инфантерии Н.Ф. Ртищев уведомил Моздокский верхний пограничный суд о своем согласии на исключение из его состава «заседателя от армян». Он отмечал, что «на случай, если встретится в таковом суде дело такого рода, что к оному будет прикосновен кто-то из армян, то от армянского суда может быть назначен депутат»¹⁵. Возможно, именно эту дату следует взять за начало самостоятельной деятельности армянского суда в Моздоке. При этом анализ документов показывает, что специфика взаимодействия Моздокских верхнего пограничного и армянского судов заключалась в необходимости вызова для разбирательства относящихся к их подведомственности жителей региона¹⁶. Также можно предположить, что деятельность верхнего пограничного и армянского судов строилась на схожих принципах: во главе суда находился российский офицер, значительное представительство в нем имело местное население. Последние попадали в суд по итогам выборов и приступали к отправлению своих обязанностей после утверждения высшим военным начальством в регионе и принятия присяги, основу судопроизводства составляли нормы российского права. В последующем пограничный и

¹¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 411, 521.

¹² Там же. Д. 521, 525, 517, 534.

¹³ Там же. Д. 525. Л. 15.

¹⁴ Авакян Р.О. Самоуправление, национальное судопроизводство и культурное наследие армянских колоний-поселений Северного Кавказа (XVIII – начало XX в.) // Политические государства и нормативно-юридические системы народов Кавказа: понятие, разновидности, историческое значение для формирования национальных государств. Материалы VII научно-практической конференции (г. Нальчик, 22–23 июня 2017 г.). Ростов н/Д, 2017. С. 12–47.

¹⁵ ЦГА РСО-Алания. Ф. 244. Оп. 1. Д. 525. Л. 20 об.

¹⁶ Там же. Д. 519. Л. 33 об.

армянский суды находились во взаимовыгодном сотрудничестве и состояли в тесной переписке.

Таким образом, в конце XVIII – первых десятилетиях XIX в. Моздокский верхний пограничный суд занимал важное место в системе органов суда и управления на Северном Кавказе. Осуществляя функции локального судебно-административного контроля в пределах своей компетенции, он состоял в переписке с функционировавшими в регионе основными учреждениями и должностными лицами региона. Материалы переписки и формы их коммуникации показывают, что помимо судебных обязанностей пограничный суд выполнял административные (контроль за организацией жизнедеятельности «залинейных» горцев через приставов), делопроизводственные (перевод документов с языков местного населения на русский) и досудебные процессуальные (проведение следственных мероприятий для обеспечения как правосудия в пределах своей компетенции, так и по запросам иных судебных учреждений) функции.

Литература

- Абазов, А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. [Текст]. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. 264 с.
- Авакян, Р.О.* Самоуправление, национальное судопроизводство и культурное наследие армянских колоний-поселений Северного Кавказа (XVIII – начало XX в.) [Текст] // Полиэтнические государства и нормативно-юридические системы народов Кавказа: понятие, разновидности, историческое значение для формирования национальных государств. Материалы VII научно-практической конференции (г. Нальчик, 22–23 июня 2017 г.). Ростов н/Д: ЮРИУФ РАНХиГС, 2017. С. 12–47.
- Адыгская (черкесская) энциклопедия [Текст]. М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. 1248 с.
- Бейтуганов, С.Н.* Кабарда в фамилиях [Текст]. Нальчик: Эльбрус, 1993. 304 с.
- Блиев, М.М.* Осетия в первой трети XIX в. [Текст]. Орджоникидзе: Сев.-Осет. книж. изд-во, 1964. 174 с.
- Блиев, М.М.* Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII – 30-е гг. XIX в.) [Текст]. Орджоникидзе: Изд-во ИР, 1970. 380 с.
- Блиева, З.М.* Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в. [Текст]. Владикавказ: СОГУ, 1992. 108 с.
- Блиева, З.М.* Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века. [Текст]. Изд. 2, перераб. Владикавказ: Ин-т истории и археологии РСО-А, 2015. 397 с.
- Бутков, П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. [Текст]. Ч. 1–3. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1869.
- Буцуев, С.К.* Из истории русско-кабардинских отношений [Текст]. Нальчик: Кабардинское книж. изд-во, 1956. 192 с.
- Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.) [Текст]. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 544 с.

- Грабовский, Н.Ф.* Очерк суда и уголовных преступлений в кабардинском округе [Текст] // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IV. Тифлис: Тип. ГУ наместника Кавказского, 1870. С. 1–72.
- Дзидзов, А.Д.* Судебная политика на Северном Кавказе в XIX – первой трети XX в. [Текст]. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. 23 с.
- Думанов, Х.М., Кетов, М.Ю.* Адыгэ хабзэ и суд в Кабарде во второй половине XVIII–XIX в. [Текст]. Нальчик: КБНЦ РАН, 2000. 140 с.
- Из документальной истории кабардино-русских отношений (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) [Текст] / Сост. Х.М. Думанов. Нальчик: Эльбрус, 2000. 456 с.
- История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1: История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции [Текст]. М.: Наука, 1967. 484 с.
- История Кабарды с древнейших времен до наших дней [Текст]. М: Изд-во АН СССР, 1957. 396 с.
- История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России [Текст]. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. 720 с.
- Кажаров, В.Х.* О времени и обстоятельствах учреждения «духовных судов» в Кабарде [Текст] // Исторический вестник. Вып. III. Нальчик: КБИГИ, 2006. С. 398–425.
- Калмыков, Ж.А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII – начале XX в.) [Текст]. Нальчик: Эльбрус, 1995. 125 с.
- Калмыков, Ж.А.* Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX в.) [Текст]. Нальчик: Эльфа, 2007. 232 с.
- Кубатко, А.Н.* История становления российской судебной системы на Северном Кавказе: Конец XVIII – начало XX в. [Текст]. Дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2002. 204 с.
- Кубатко, А.Н.* История становления российской судебной системы на Северном Кавказе (конец XVIII – начало XX в.) [Текст]. Пятигорск: Изд-во «Технологический университет», 2003. 197 с.
- Кудашев, В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе [Текст]. Нальчик: Эльбрус, 1991. 190 с.
- Кумыков, Т.Х.* Из истории судебных учреждений в Кабардино-Балкарии (конец XVIII–XIX вв.) [Текст] // Ученые записки КБНИИ. Вып. XIX. Нальчик: Каб.-Балк. книж. изд-во, 1963. С. 90–102.
- Маремкулов, А.Н.* Основы геополитики Российского государства на Северном Кавказе в XVIII – начале XIX в.: политико-правовой аспект [Текст]. Нальчик: Эльбрус, 2003. 152 с.
- Россия и народы Северного Кавказа в XVI – середине XIX века: социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому единству: монография [Текст] / К.Ф. Дзамихов, Е.Г. Муратова, А.Х. Боров, Н.В. Варывода, А.Х. Абазов, Д.Н. Прасолов. Нальчик: Ред.-изд. отд. ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 268 с.
- Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-Алания), ф. 244 (Моздокский верхний пограничный суд).

**«Вопрос о государственных формах существования отдельных наций – для нас производный».
Организационно-управленческие аспекты советского нациестроительства. 1920–1930-е гг.**

Организационно-управленческие проблемы были неотъемлемой частью советской этнополитики, поскольку формирование федеративного облика советского государства потребовало учета сложившихся в имперском прошлом межрегиональных, хозяйственных, социально-культурных связей, границ и межэтнических коммуникаций. Одновременно создавалась принципиально иная структура – национально-государственные образования, которая не только реорганизовывала наличный багаж, но и давала импульс рождению новых инструментов и системных звеньев, призванных обеспечить устойчивость полиэтничного государства, предложившего собственные политические, идейные, социальные ценности и нормы. Всеохватные преобразования неизбежно порождали разнообразные коллизии в настройке отношений между центром и автономиями, урегулирование которых было связано со спецификой культурно сложного общества и его представителей в составе руководства страны и этнических элит.

Ключевые слова: национальная политика, СССР, центр и автономии, советское нациестроительство

D.A. Amanzholova

«THE QUESTION OF STATE FORMS OF INDIVIDUAL NATIONS IS A DERIVATIVE FOR US». ORGANIZATIONAL AND MANAGERIAL ASPECTS OF THE SOVIET NATION-BUILDING. 1920s–1930s

The author analyzes the problems of relations between the center and autonomous regions of the Soviet federation. Organizational and managerial problems were an integral part of the ethnopolitics, since the formation of the federal image of the Soviet state required taking into account the interregional, economic, socio-cultural ties, borders and inter-ethnic communications that were formed in the imperial past. At the same time, a fundamentally different structure of national-state entities was created. This gave push to the birth of new tools and system units, designed to ensure the sustainability of a polyethnic state that offered its own political, ideological, social values and norms. All-encompassing transformations inevitably gave rise to various conflicts in setting up relations between the center and autonomies, the settlement of which was connected with the specifics of a culturally complex society and its representatives in the composition of the country's leadership and ethnic elites.

Key words: National politics, USSR, Center and autonomy, Soviet nation-building

Организационно-управленческие аспекты играли существенную роль в реализации советской этнополитики. Формирование федеративного облика советского государства потребовало учитывать сложившиеся в Российской империи межрегиональные, хозяйственные, социально-культурные связи, границы и межэтнические коммуникации. Одновременно впервые в России создавалась принципиально иная структура — национально-государственные образования, которая не только реорганизовывала наличный багаж, но и давала импульс рождению новых инструментов и системных звеньев, призванных обеспечить устойчивость полиэтничного государства, предложившего собственные политические, идейные, социальные ценности и нормы. Всеохватные преобразования неизбежно порождали разнообразные коллизии в настройке отношений между центром и автономиями, урегулирование которых было связано со спецификой культурно сложного общества и его представителей в составе руководства страны и этнических элит.

Центр рассматривал и осуществлял управленческие и территориальные трансформации с учетом общегосударственных задач социально-экономического развития, одновременно требовалось учитывать и принципы национального самоопределения, задачи достижения фактического равенства народов. Основные принципы и практические подходы в этом процессе определялись по мере развития государственности. Так, В.И. Ленин поначалу считал необходимым отказаться не только от существа прежней социально-экономической системы Российской империи, но и сложившейся структуры внутреннего устройства страны, отводя экономике главное место в разграничении ее территорий и регионов. Это обусловило и негативное отношение к федерации, якобы ослабляющей экономические связи внутри государства¹. Между тем отрезвляющая реальность привела РКП(б) в 1918 г. к признанию федерации как формы советского государства, при этом большую озабоченность партии, как показали дискуссии на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г., вызывала ключевая проблема — как совместить национальное самоопределение с «общенациональной политикой» и вертикальным управлением страной из единого экономического центра². Решением этой проблемы центру пришлось заниматься постоянно, на всех уровнях управления, в общегосударственных, региональных и национально-территориальных структурах.

На основе решений VII съезда Советов (5–9 декабря 1919 г.) Президиум ВЦИК образовал административную комиссию для регулиро-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 24. М., 1973. С. 147, 144; Т. 3. М., 1971. С. 518–520; Т. 33. М., 1969. С. 109, 116; Т. 48. М., 1970. С. 235.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. М., 1969. С. 151; Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. М., 1919. С. 48–71.

вания принципов районирования и формирования административно-хозяйственный территорий во главе с заместителем наркома внутренних дел М.Ф. Владимирским. VIII съезд Советов (22–29 декабря 1920 г.) принял решение за два месяца провести такую организацию территорий, чтобы центры новых районов были связаны с пролетарским началом. Большое значение придавалось созданию условий для развития экономики, при этом Ленин на XI съезде РКП(б) в марте 1922 г. связывал научное обоснование областного районирования и работу ЭКОСО (экономических совещаний при местных органах власти) с учетом всевозможных обстоятельств хозяйственного развития, географических и инфраструктурных факторов на местах³. В ноябре 1921 г. Президиум ВЦИК создал комиссию по районированию РСФСР под председательством М.И. Калинина. Она должна была обеспечить единство замысла и его реализацию на основе неких общих принципов, при этом, как считал Калинин, «граница может быть и здесь, может быть и там. Какая река будет границей или будет какая-нибудь этнографическая граница, это вопрос мест. На местах к этому вопросу подойдут заинтересованные стороны, мы же ставим перед собой принципиальный вопрос. Решению этого вопроса местные интересы должны быть целиком принесены в жертву. Мы должны иметь в виду интересы коммунистического строя»⁴.

Именно в связи с этими решениями, очевидно, разгорелся конфликт между Чувашской и Марийской АО, когда 27 октября 1921 г. Президиум ВЦИК принял предложения Административной комиссии и комиссии районирования Госплана РСФСР о передаче левобережной части Чебоксарского уезда Чувашии в состав Марийской области (Чувашия включалась при этом в состав планируемой Средне-Волжской области, которая в итоге образовалась лишь в 1928 г.). Комиссия по районированию исходила не только из преобладания марийцев в этом уезде, но и необходимости выхода к Волге Вятско-Ветлужского района и управления запланированной электростанцией со стороны центра. В пользу Чувашии заключение дал лишь Главлеском⁵. Руководство обкома партии и облисполкома Чувашии направило в ЦК РКП(б) доклад, в котором критиковалась позиция Госплана о приоритете экономической самостоятельности, якобы не связанной с вопросом культурной и национальной автономии. Это расценивалось чувашскими деятелями как претензия «к пересмотру и изменению самих основ федеральной конституции РСФСР» и даже великодержавие⁶. В конфликте наглядно проявились повсеместные пробле-

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. М., 1970. С. 115.

⁴ Сборник материалов по районированию с 1917 по 1925 год / Под ред. К.Д. Егорова. М. ; Л., 1926. С. 11–26; ГА РФ. Ф. 6984. Оп. 1. Д. 1. Л. 17 об.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 242. Л. 59, 60–61.

⁶ ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. М., 2005. С. 56.

мы советского строительства, когда «интересы коммунистического строя» в рамках хозяйственной специализации и межрегиональных экономических связей в огромной многонациональной стране противоречили этническому картографированию во имя заявленных принципов национального самоопределения. Планы районирования не устраивали местные элиты, при этом сами руководители Чувашии признавали, что их «область по экономической природе не имеет никакого практического значения, т.к. ...является экономической единицей обычного губернского типа и самостоятельной экономической политики не ведет». Но чисто теоретические, как они считали, подходы к районированию, предусматривавшие отторжение лесных массивов по Волге, есть вопрос жизни и смерти именно в экономическом смысле. В политическом отношении они считали такое решение противоречащим идее создания автономий в составе РСФСР, поскольку «этнографический принцип разграничения ни в коей мере не должен идти вразрез с основными тенденциями экономики». Передача уезда в состав Марийской АО, пугали они, «будет учтена населением, как злобная провокация», способная породить контрреволюционные выступления⁷. Наркомнац в своем заключении к заседанию Оргбюро ЦК РКП(б) 14 ноября 1921 г. указал, что «нет никаких оснований к пересмотру данного вопроса» в пользу Чувашской АО и предложил пользование лесами урегулировать на уровне Федерального земельного комитета, «куда чувашам надлежит обратиться». Оргбюро тогда же приняло решение предложить Президиуму ВЦИК повторно рассмотреть вопрос с участием всех заинтересованных сторон. 27 ноября ВЦИК постановил отложить решение до июля 1922 г., комиссии по районированию рассмотреть вопрос с учетом интересов обеих областей, а НКВД и Наркомнацу было предложено разработать мероприятия «для смягчения затруднений», вытекающих из состояния границ двух автономий⁸.

В тезисах доклада Президиума ВЦИК очередной сессии ВЦИК 9 созыва (апрель 1922 г.) по вопросу об экономическом районировании, которые готовили общеплановая, административная комиссии ВЦИК и Комиссия по районированию Наркомзема и ЦСУ (обсуждались в конце 1921 г. в Секретариате ЦК), подчеркивалось: «Провозглашенный Советской властью принцип самоопределения должен быть сохранен, и экономическое районирование должно послужить базой для наивысшего расцвета автономных национальных объединений в хозяйственном отношении». Поэтому границы автономий при включении в экономические области не должны были нарушать-

⁷ ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. С. 57–58.

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 242. Л. 66, 3; ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. С. 58.

ся, а «политические права и компетенция национальных объединений, предусмотренные декретами о них, не подлежат умалению». Экономическое районирование, говорилось далее, «должно обеспечить мирное сожителство и братское сотрудничество всех национальностей и племен РСФСР, также и договорных дружественных Советских Республик»⁹. Однако ВЦИК не принял решение о районировании, передав его на обсуждение местам¹⁰.

Именно на местах — в национально-государственных и административно-территориальных образованиях разворачивалась тяжелая и затяжная дискуссия по поводу распределения управленческих полномочий и оптимизации хозяйственных связей, сложившихся чаще всего задолго до этнического картографирования страны. Так, 9 июня 1922 г. секретарь Сиббюро ЦК РКП(б) И.И. Ходоровский направил «весьма секретно» телеграмму в ЦК партии о том, что декрет ВЦИК о Якутской республике «не оговаривает подчинение ЯССР в хозяйственном отношении Сибревкому». Якутские товарищи, говорилось далее, «склонны понимать это буквально, [есть] опасность невыполнения ими распоряжений Сибревкома, нарядов Сибпродкома и т.п.». Он просил срочно провести через ВЦИК подчинение республики Сибревкому в хозяйственном отношении. На расшифровке телеграммы член Сибоблбюро, член ЦК партии Е.М. Ярославский написал: «Это необходимо срочно сделать, ввиду чрезвычайно сильных сепаратистских настроений у части руководящих работников якутов»¹¹.

Вертикаль власти отстоять удалось: в тот же день Секретариат ЦК РКП(б) по докладу Ярославского и члена коллегии наркомфина, замнаркома РКИ СССР С.Е. Чуцкаева по вопросу о взаимоотношениях Якутского обкома партии с Сибревкомом постановил известить Якутский обком, что «согласно постановления ЦК Якутская область в хозяйственном отношении подчинена РСФСР через Сибревком». 13 июня в Якутский обком была направлена срочная шифротелеграмма о решении ЦК, 9 июня утвердившего состав Якутского ревкома. Там же доводилось до сведения постановление ЦК РКП(б) по спорному вопросу¹².

⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Коллекция Наркомнаца. Папка 3. Постановления СТО. Л. 10 об.

¹⁰ В 1923 г. XII съезд РКП(б) принял резолюцию «О районировании» (Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 697–698). Но его реализация растянулась до конца 1920-х гг. и обрела существенную региональную специфику. См.: *Сухова О.А., Филenkova О.А.* Национальный вопрос и районирование в РСФСР в 1920-е — начале 1930-х годов: управленческие стратегии и их реализация (по материалам Поволжья) // *Новейшая история России*. 2017. № 1. С. 62–77.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 339. Л. 55.

¹² Там же. Л. 3, 52.

Претензии на самостоятельность, не подкрепленную реальными возможностями и практической необходимостью, проявлялись у лидеров и других «самоопределившихся» под крылом большевиков республик. 16 октября 1922 г. Оргбюро ЦК РКП(б) заслушало и приняло к сведению доклад П.Г. Смидовича о Всекиргизском¹³ съезде советов. Именно он сообщил, в частности, «о наличии взаимных дипломатических представительств в Киргизии, Башкирии и Туркестане». Оргбюро было решено «разъяснить указанным странам (так в тексте. — Д.А.), что конституция их как автономных республик исключает существование дипломатических представительств»¹⁴. Очевидно, в качестве диппредставительств выступали органы, созданные для урегулирования хозяйственных и административно-территориальных вопросов, возникших в ходе федерализации. В связи с этим в тот же день было принято отдельное постановление Оргбюро «О представительствах». В нем констатировалось, «что дипломатических представительств при Автономных республиках Кирреспублика не имела. Бывшее представительство при Сибревкоме ликвидировано со времени окончания присоединения Семипалатинской и Акмолинской губерний. В Башкирии был представитель по вопросам лесозаготовок, но в настоящее время не имеется. Туркестанское же представительство вело главным образом работы по заготовке хлеба и сбору в пользу голодающих киргиз». Президиуму КирЦИК было предложено заслушать доклад о работе Туркпредставительства и «необходимости оставления агентур в дальнейшем». По поводу Башкирии, видимо, был направлен отдельный запрос, так как 26 октября Башкирский обком партии представил в Оргбюро выписку из протокола, в коем доложил, что «никаких дипломатических представителей у Башкирии нет, а лишь имеются в Оренбурге и Туркестане уполномоченные Башсовнаркома по экономическим вопросам, и по окончанию борьбы с последствиями голода в Башреспублике последние будут отозваны»¹⁵.

В ходе образования СССР, как известно, взгляды В.И. Ленина и И.В. Сталина разошлись прежде всего по вопросу о положении русских и РСФСР¹⁶. Дискутировался вопрос о системе управления и иерархии наркоматов в новом государстве. По предложению Сталина создавалась трехуровневая система: объединенные наркоматы на уровне РСФСР, управлявшие своими филиалами в автономиях и соб-

¹³ Имеется в виду Казахская АССР. До 1925 г. в отношении казахов использовался этноним киргизы.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 379. Л. 2.

¹⁵ Там же. Л. 14–15 об.

¹⁶ См.: *Ненароков А.П.* К единству равных: Культурные факторы объединительного движения советских народов, 1917–1924. М., 1991; *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 542–550.

ственно наркоматы автономий. Дебатам руководителей страны сопутствовали инициативы лидеров автономий: М. Султангалиев и другие пытались добиться вхождения автономных республик и областей в СССР напрямую, минуя РСФСР, что, по мнению Сталина, могло привести к созданию русского СНК и ЦИК¹⁷.

В конце 1922 г. проявились, как считают историки, два подхода: «крепнувший день ото дня, демонстрируемый Чичериным, Сталиным и Пятаковым, — проводил идею ликвидации “либерализма Москвы” в национальном вопросе, отказа признавать независимость договорных советских республик “за чистую монету”, считая это “игрой”. Дело организации союза республик по существу сводилось в этом случае к вопросам управления административно-территориальными единицами. Другой подход (его представляли в Комиссии Раковский и Каменев) ... отражал поиск баланса интересов, сочетания суверенитетов, заложенных, как представляется, в ленинской формуле “вместе и наравне”». В частности, Г.Л. Пятаков в письме к Сталину и Л.Б. Каменев в письме к Ленину обращали внимание на потенциальные сложности управления и опасности бюрократизации, связанные с созданием разноуровневых наркоматов в иерархии субъектов создаваемой федерации¹⁸.

При подготовке Конституции СССР 1924 г. проблемы взаимоотношений центра и субъектов федерации вновь актуализировались. Национальные элиты продолжали «битву» против «шовинизма» всех этнических цветов, за укрепление своих внутрирегиональных позиций и повышение реального статуса в принятии общесоюзных политических решений. Накануне X Всероссийского съезда Советов (23–27 декабря 1922 г.) непосредственно перед провозглашением СССР, приехавшие в Москву казахские делегаты встретились с делегатами из Башкирской, Татарской и Туркестанской АССР в номере главы правительства Казахстана С. Сейфуллина гостиницы «Париж». Инициаторами и организаторами так называемого совещания 20 лидеров тюркских автономий стали представители автономий при ВЦИК. От КАССР, кроме Сейфуллина, участвовали председатель КазЦИК С. Мендешев, 2-й секретарь Киробкома РКП(б) А. Асылбеков и представитель КАССР при СНК РСФСР М. Мурзагалиев.

Главным докладчиком и руководителем обсуждения был М. Султангалиев, который, по данным ПП ГПУ в Казахстане И. Каширина, заявил, что с заключением Союза ССР права «отдельных республик урезаются, но зато они будут иметь общий Союзный

¹⁷ Национальный вопрос на перекрестке мнений: 20-е годы. Документы и материалы. М., 1992. С. 102–105.

¹⁸ См.: На пути к «социалистическому унитаризму» (Из новых документов 1922 г. по истории образования СССР) // Отечественная история. 1992. № 4. С. 89–102.

ЦИК и СНК, и тогда положение прочих автономных республик сведется к положению губернии, поэтому было бы целесообразным, если бы остальные республики также вошли в Союз»¹⁹. Как указывал далее Каширин, Асылбеков, «согласившись с доводами... о необходимости вступления в союз, крайне обиженно и с заметным негодованием, как представитель целой республики, обойденной вниманием центра, закончил свою речь следующими словами: “Нам нужно во что бы то ни стало отвоевать себе место в союзе, если же этого не будет, то нужно все бросить и пускай ликвидируют всякую автономию, ибо все равно ничего не выйдет”».

Вслед за этим выступил Мурзагалиев, который со свойственным ему пафосом доказывал, что «это создание союза клонится к руссофикации (так в тексте. — Д.А.), великорусскому господству, что видно, например, из того, что даже такая маленькая республика, как Белоруссия, входит в Союз, в то время как более крупные автономии Республики остаются на положении губерний без малейшей местной инициативы». Далее Мурзагалиев делает заключение, что с созданием союза, при необходимости организации государственного капитализма, предполагается образовать в Москве единый руководящий промышленный центр для Западной России в целях единого планового использования сырья, каковое, очевидно, предполагается выкачивать из Восточных Республик.

Заканчивая свою речь, Мурзагалиев сказал: «Теперь мы переживаем худший момент, — момент эксплуатации государственным капитализмом, т.е. возвращаемся к старому угнетенному положению. Я об этом кричал в свое время, говорил, что центр душит нас, стремясь к великодержавному господству, — меня обвинили в национализме и выбросили вон. Поэтому во что бы то ни стало нужно отстоять самостоятельность, т.е. иметь место в союзе». Мендешев при обсуждении этого вопроса держал себя сдержанно. Одобрив мысль о вступлении в союз, он тем не менее предоставлял это решение всецело ЦК РКП(б), которому и подчинится. Сайфуллин совершенно себя не проявил, оставаясь все время пассивным. Асылбеков же «почти все время волновался и говорил, что если ничего не выйдет, то он откажется от должности секретаря Киробкома РКП(б) и уедет куда-либо в губернию, где и будет работать в каком-либо предприятии». В итоге было решено создать комиссию из 4 человек, а через два дня председатель

¹⁹ 11 января 1923 г. Оргбюро ЦК РКП(б) решительно осудило поведение Султангалиева, «выразившееся в выступлении на заседании большой коллегии Наркомна с представителями мест в присутствии беспартийных с предложениями, идущими вразрез с постановлением фракции РКП X-го съезда Советов по вопросу о Союзе Республик». Его дальнейшая работа в коллегии была признана нецелесообразной, однако в феврале этот пункт был отменен по предложению Г.И. Бройдо (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 402. Л. 3; Д. 411. Л. 3).

СНК Татарской АССР К. Мухтаров составил проект обращения к руководству страны, который подписали все участники совещания²⁰. 25 декабря 1922 г. 31 делегат X Всероссийского съезда Советов от автономных республик и областей направили в Политбюро ЦК РКП(б) письмо с предложением положить «в основу конструирования союзного ЦИК и СНК... непосредственное и широкое участие в них не только независимых, но и всех автономных единиц»²¹.

Эта инициатива не могла остаться без внимания. В ходе подготовки тезисов о национальных моментах в партийном и государственном строительстве к XII съезду РКП(б) Сталин, продолжая отстаивать позицию, обсуждавшуюся в спорах с Лениным, 4 февраля 1923 г. обратился к членам Политбюро ЦК (копия была направлена секретарю ЦИК СССР А.С. Енукидзе) с «совершенно секретной» запиской, в которой заявил, что в вопросах партийного строительства «едва ли придется сказать что-либо новое на партийном съезде, — тут все ясно, и дело ограничится по всей вероятности изменением некоторых второстепенных пунктов устава партии».

А вот проблемы государственного строительства он расценивал как менее ясные и требующие «некоторых существенных изменений» в Конституции СССР. Для составления тезисов Сталин просил членов Политбюро высказаться по трем ключевым вопросам. На первое место он поставил вопрос о праве вхождения автономий в состав СССР «как отдельных государств», а не через объединявшие их РСФСР и ЗСФСР, поскольку он «усиленно дебатировался среди восточных националов и отчасти среди грузин»²².

По мнению Сталина, эта идея отвечала национальным стремлениям субъектов федерации и устраняла «среднюю ступеньку в строении союзного государства (федеральные образования) и вместо трех ступеней (национальная республика — федеральное образование — союз) создает две ступени (национальная республика — союз)». Существенные минусы он видел в том, что такой подход «обязывает нас создать новую русскую (подчеркнуто Сталиным. — Д.А.) республику, что сопряжено с большой организационной перестройкой». К тому же, «оно вынуждает нас выделить русское население из состава автономных республик в состав русской республики, причем такие республики, как Башкирия, Киргизия, Татреспублика, Крым рискуют лишиться своих столиц (русские города) и, во всяком случае, вынуждены будут серьезно перекроить свои территории, что еще больше усложнит организационную перестройку. Я думаю, что тут плюсы явно превышаются

²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 586. Л. 39 об. — 40 об.

²¹ См.: Вехи консолидации. Из опыта партийных организаций Казахстана в решении национального вопроса в 1917–1927 гг. Сборник документов / Сост. В.К. Янулов и др. Алма-Ата, 1990. С. 66–67.

²² РГАСПИ. Ф. 667. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.

минусами, не говоря уже о том, что минусы эти не могут быть оправданы, по крайней мере, в данный момент политической необходимостью.

Поэтому, вхождение республик в союзные государства через федеральные образования должно быть оставлено в силе»²³, — делал вывод Сталин.

Он также предложил внести изменения в Конституцию и наряду с союзным ЦИКом, представляющим главным образом наиболее многочисленных русских, «создать еще параллельный союзный орган, являющийся представительством всех национальностей союза на началах равенства». Сталин не считал нужным создавать для этого «более или менее самостоятельный» и стоящий над ЦИКом орган. «Целесообразнее было бы, предлагал он, — создать такой модус, при котором: а) Союзный ЦИК состоял бы из двух, скажем, палат, из Союзного Собрания (представительство рабочих и крестьян на началах пропорциональности) и Союзного Совета (представительство национальностей на началах равенства); б) в Союзный Совет входили бы, скажем, по четыре представителя от каждой республики, в том числе и от русских (Центральная Россия), не имеющих своей республики, но посылающих в Союзный Совет своих представителей от центральных губерний, и по одному представителю от национальных областей вроде Кабарды, Карелии и проч. (8 автономных республик, помноженных на четыре, плюс четыре русских представителя, плюс Украина, Белоруссия, Грузия, Азербайджан, Армения, помноженные на четыре плюс тринадцать национальных областей, помноженных на единицу = 69 членов Союзного Совета); в) существующие законы проходили бы через обе палаты, собирающиеся посессионно и обсуждающие их раздельно; г) Президиум Союзного ЦИК и Союзный Совнарком выбирались бы на совместном заседании обеих палат, причем в периоды между сессиями Президиум Союзного ЦИКа являлся бы носителем верховной власти.

Сказанное не исчерпывает вопроса о функциях двух палат, оно даже не затрагивает вопроса о способах разрешения разногласий между двумя палатами (это дело специальных комиссий), но я полагаю, что идея в второй палате с представительством национальностей назрела... Само собою понятно, что в случае принятия этого предложения, Наркомнац придется упразднить»²⁴. Последнее, вполне вероятно, для Сталина было еще и способом избавиться от дополнительной нагрузки.

Наконец, среди главных проблем государственного строительства Сталин выделил вопрос: не следует ли в СНК СССР ввести наркомов по просвещению, внутренним делам, земледелию, юстиции, здравоохранению и соцобеспечению, кроме наркомов по объединенным

²³ РГАСПИ. Ф. 667. Оп. 1. Д. 3. Л. 21–22.

²⁴ Там же. Л. 22–23.

комиссариатам. Он считал, что инициативу по данному вопросу не должны выдвигать москвичи, чтобы националы не смогли обвинить центр в стремлении к снижению прав республик. Если же националы поставят данный вопрос, — писал он далее, — то в резерве стоит иметь следующие предложения: а) при СНК и Президиуме ЦИК создать Советы по просвещению, здравоохранению, земледелию и проч.; б) в состав Советов входят представители соответствующих наркоматов республик; в) представители данных Советов входят в состав СНК СССР на правах наркомов; г) права и обязанности их исчерпываются контрольными функциями. Эти идеи должны были продемонстрировать готовность центра идти навстречу требованиям республик и в то же время обеспечить необходимую иерархию в строившейся управленческой вертикали. Он считал также, что до подготовки тезисов о национальных моментах в партийном и государственном строительстве к съезду по всем спорным вопросам нужно сформулировать директиву Политбюро²⁵.

8 февраля 1923 г. Политбюро рассмотрело вопрос «Письмо т. Сталина о Конституции Союза советских республик» и постановило: «Впредь до окончательного решения общего вопроса о равном представительстве национальностей поручить т. Сталину разработать свой проект более детально». 20 февраля Политбюро по вопросу «Тезисы по национальному вопросу» (докл. Сталин) постановило: «перенести на пленум». 22 марта по этому же вопросу Политбюро решило: «Поручить т. Сталину вставить в тезисы пункт согласно обмена мнений в П.бюро по вопросу об объединении наркоматов»²⁶.

В итоге в тезисах Сталина «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве» к XII съезду отмечалось, что объединение национальных республик в СССР — заключительный этап «военно-хозяйственного и политического объединения народов в единое многонациональное Советское государство», поскольку в советском строе нашелся «ключ к правильному разрешению национального вопроса, ... путь организации устойчивого многонационального государства на началах национального равноправия и добровольности». Там же были определены главные препятствия в решении этой задачи — так называемое наследство в виде пережитков великорусского шовинизма, «хозяйственное и культурное неравенство национальностей» СССР, а также «пережитки национализма в среде целого ряда народов». При этом последнее препятствие, перераставшее в шови-

²⁵ РГАСПИ. Ф. 667. Оп. 1. Д. 3. Л. 23.

²⁶ Там же. Ф. 17. Оп. 163. Д. 317. Л. 16; Д. 320. Л. 12; Д. 325. Л. 30.

низм доминировавших в республиках «против слабых национальностей в них», объяснялось как следствие первого²⁷.

Одним из проявлений великорусского шовинизма Сталин считал попытки «значительной части советских чиновников» ликвидировать республики и в качестве одного из шагов провести слияние наркоматов, что стало экзаменом для советского аппарата. В одобренные Политбюро ЦК партии тезисы было включено предложение Сталина создать в системе высших органов власти специальный орган равноправного представительства национальных республик и областей. Что касается наркоматов, тезисы лишь рекомендовали конструировать союзные комиссариаты «на началах, обеспечивающих удовлетворение нужд и потребностей народов Союза»²⁸.

Однако почти сразу после XII съезда РКП(б) проблема взаимодействия центра и мест была озвучена вновь. 14 мая 1923 г. глава правительства Татарской АССР К.Г. Мухтаров и представитель автономии при Наркомнаце А.М. Енбаев от имени ответственных работников республики направили заявление в ЦК партии, Сталину (копии секретарям ЦК Рудзутак и Молотову, членам ЦК Л.Д. Троцкому, Г.Е. Зиновьеву, Н.И. Бухарину, В.В. Куйбышеву, Л.Б. Каменеву), в котором в связи с известным делом М. Султангалиева подчеркивалось, что XII съезд «с очевидностью обнаружил массу противоречий, накопившихся в партии по вопросу о национальных моментах в партийном и советском строительстве». Они обвиняли чиновников из центральных ведомств в колонизаторстве, а экономические органы как «первых в роли душителей Автономных Республик». Требования были связаны и с решениями X Всероссийского съезда Советов (23–27 декабря 1922 г.), поскольку он рассматривал вопрос об СССР «без достаточной предварительной агитационной подготовки», что якобы было воспринято в массах «как единство и неделимость великой России и упразднение автономных республик». Татарские лидеры претендовали на выражение позиции и других «тюркских» автономий, утверждая, что «левые» коммунисты и националы в Москве связались с «левыми» группировками Крыма, Башкирии, Казахстана и Татарстана и вели «самую гнусную работу», причем «в центре обстрела оказался» Султангалиев. Они выступили в защиту казахских националов, которые в конце 1922 г. якобы были заменены «левыми», и башкирских, «кои не просто ослаблены, а еще сильнее придавлены»²⁹.

Это подвигло центр на более конкретные меры. 19 мая 1923 г. по предложению В.В. Куйбышева Политбюро постановило поручить

²⁷ Сталин И.В. Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 186, 187–189. Съезд проходил 17–25 апреля 1923 г. Тезисы опубликованы в «Правде» 14 марта 1923 г.

²⁸ Там же. С. 193–194.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 269. Л. 47–47 об.

ЦКК и Секретариату ЦК партии через две недели провести совещание националов окраинных областей, причем с приглашением двух представителей, «по возможности антипода». Целью встречи было изложение дела Султангалиева, дабы «показать, куда неизбежно заводит логика тайной и направленной против партии работы», изучение «положения коммунистической работы на окраинах» и ее руководителей, их сплочения и более тесной связи с ЦК. Сам Султангалиев в обширном письме к руководству партии, в частности, довольно метко охарактеризовал начальные результаты большевизации элиты азиатских автономий: «“Левые” оказались “правыми”, “правые” — “левыми”, “националисты” оказались “русскими колонизаторами”, а “интернационалисты” — “националистами”»³⁰. На совещание от КАССР предлагались С. Мендешев, М. Мурзагалиев и А. Коростелев. При этом на списке работников национальных республик и областей, подготовленном в Секретариате ЦК РКП(б) и утвержденном Политбюро 24 мая 1923 г. для созыва совещания, Мендешев и Мурзагалиев значились как имеющие «более националистический оттенок», а А. Джангильдин, оказавшийся в итоге вне списка, — «примыкающим к европейским работникам», «но не пользующимся влиянием»³¹. Примечательно, что в поправках Е. Ярославского к заседанию Политбюро по проекту Секретариата ЦК на данное совещание отмечалось: для характеристики общей линии партработы в крае в отношении влияния прежней элиты нужно вписать, что «фактически такие явления, как буюкехановщина, не растут, а лишь оформляются» и получают «более отчетливое выражение»³². Именно активизация региональных элит по поводу прав и полномочий республик в связи с образованием СССР дала Москве повод считать национализм главной опасностью на пути большевизации. Эта опасность отягощалась внутриэлитными противоречиями в руководстве автономий.

Как известно, IV совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей 12 июня 1923 г. ознаменовало поворот центра в отношении этноэлит и поставило двудединую задачу борьбы с уклонами к русскому национализму и одновременно к антирусскому и вообще, к местному национализму. Наказание Султангалиева и общая линия Сталина на стадии обсуждения в Политбюро вызвали весьма показательные сомнения. Они отразились в каран-

³⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 269. Л. 51, 71–72.

³¹ Там же. Л. 107, 111; Ф. 17. Оп. 163. Д. 339. Л. 7. На совещании 12 июня от КАССР выступал Каратлеуов, от Туркестана — С. Ходжанов, активным участником был Т. Рыскулов.

³² Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 269. Л. 114. См. также: Тайны национальной политики ЦК РКП. Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г. Стенографический отчет. М., 1992.

дашных заметках участников заседания 4 июня на обороте протокола: «“урavnительность” двух задач?»; «На Ильича нечего ссылаться, у нас нет Ильича. 1) Как изменился Сталин за последние 6 месяцев. 2) Я... больше, может быть, чувствую ту опасность, которую несет нашей партии упущение 2-й задачи... 4) Дисциплина в национальных компартиях нужна или нет»; «1) Сталин провел свою точку зрения, мы промолчали. 2) Какая все же разница между резолюцией и проектом?»³³.

29 октября 1924 г. во ВЦИК прошло совещание членов ВЦИК и ЦИК СССР от автономных республик и областей РСФСР. Оно утвердило тезисы Отдела национальностей ВЦИК об упрощении государственного аппарата в автономных республиках и областях. Признавалась необходимость «стремиться к максимальной экономии государственных средств и изыскивать пути к возможному сокращению средств на содержание госаппарата». В то же время вновь всплыл вопрос о правах автономий: при реорганизации этих аппаратов следовало иметь в виду «различие между автономной республикой и губернией заключается главным образом, в объеме прав, а не в количественном составе госаппарата (штате)... В построение аппарата отдельных республик и областей должны вноситься коррективы, вытекающие из индивидуальных черт каждой автономной единицы, ее экономики и административного деления». Показательно, что классификация автономий проводилась по формальному признаку – количеству административно-территориальных единиц: а) масштабом в несколько губерний (Киргизия), б) масштабом в одну губернию (Татарская, Башкирская, Крымская, Дагестан и Якутия), в) масштабом в несколько уездов (Немцев Поволжья, Бурято-Монгольская и Карельская). Автономные области: в несколько уездов – Марийская, Чувашская, Вотская, Коми, Чеченская и вновь образуемая Кара-Киргизская, масштабом в один уезд и менее уезда – Адыгейско-Черкесская, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Северной Осетии, Ингушетии, Калмыцкая и Ойратская³⁴.

Для Казахстана проблемы районирования оказались тесно связаны с размежеванием и переносом столицы из Оренбурга. В 1922 г. планировалось разделить территорию КАССР на три области – Средне-Киргизскую с центром в Оренбурге (Оренбургская, Кустанайская, Актюбинская губернии, Адаевский уезд и части Илекского уезда Уральской губерний), Восточно-Киргизскую с центром в Семипалатинске или Омске (Семипалатинская и Акмолинская губернии) и Западно-Киргизскую с центром в Уральске (Букеевская и Уральская губернии, часть Уильского района Актюбинской губернии). Этот про-

³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 341. Л. 17 об. Авторы заметок и подчеркиваний не установлены.

³⁴ Там же. Оп. 68. Д. 188. Л. 1, 5.

ект, выдвигавшийся руководством автономии, не получил тогда развития, хотя, как считали авторы, учитывал принципы удобства управления, экономические связи объединяемых территорий, «концентрацию и более рациональное использование административных и политических сил», а также необходимость в сокращении бюджета³⁵.

Но в связи с национально-территориальным размежеванием в Средней Азии бюро Киробкома РКП(б) 23 декабря 1924 г. приняло решение о сохранении столицы в Оренбурге и объединении Оренбургской губернии и Тургайской области. Член бюро С.М. Мендешев 27 декабря направил секретное письмо в ЦК партии с объяснением сути дискуссий о столице КАССР. Он был против объединения двух регионов, как слишком различающихся по национальному составу и хозяйственному укладу, хотя большинство обкома считало, что такое объединение поможет «обкиргизить» Оренбург. Мендешев был также против сохранения столицы в Оренбурге. Он предлагал создать в КАССР 6 областей (Семипалатинская, Акмолинская, Уральская, Каракалпакская, Сырдарьинская и Оренбургская) и перенести столицу в Ак-Мечеть³⁶.

Между тем в тезисах полномочного представителя автономии при Наркомнаце М. Мурзагалиева «по административно-экономическому районированию Киргизии в новых границах» (конец 1924 г.) за основу предлагалось взять природно-географические особенности автономии, 84,1 % территории которой по площади равнялись площади Германии, Франции, Испании и Италии. «Центральные учреждения КССР», писал он от имени ЦИК КАССР, решили создать 6 административно-экономических областей, но принцип, применимый в европейской части РСФСР, где в каждой могло быть 5–8 млн населения, здесь нельзя было реализовать «при совершенном отсутствии связи и низкой плотности населения». Поэтому предлагалось образовать Урало-Букеевскую, Оренбургско-Тургайскую, Акмолинскую с включением в нее Кустанайской, Семипалатинскую, Сыр-Дарьинскую и Джетысуйскую области, а также Кара-Калпакскую вместо автономной области. Плотность населения в каждом регионе была низкой – от 3,3 человек на 1 кв. версту в Урало-Букеевской до 2,1 – в Оренбургско-Тургайской. При этом ряд уездов и волостей должны были передаваться из прежних губерний в соседние области³⁷.

Считалось, что данный вариант районирования будет полезен для создания прочной базы «построения устойчивых взаимоотношений центра республики с ее составными административно-территориальными единицами». В то же время отрицательной стороной проекта,

³⁵ Там же. Оп. 112. Д. 633. Л. 250.

³⁶ ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. М., 2005. С. 252–255.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 633. Л. 247–249 об.

сильно уменьшающей возможность нужных практических достижений, была большая площадь 6 областей без должной инфраструктуры. С учетом расположения центров на границах областей это создаст, считал председатель Административной комиссии при Президиуме ВЦИК А.Г. Белобородов, «чрезвычайные затруднения в управлении огромной территорией» республики, исправить которые можно лишь в «весьма отдаленном будущем». Поспешность в проведении новой перекройки территории, судя по имеющемуся опыту, нельзя приветствовать, «т.к. образование новых единиц, не имеющих разработанного бюджета, поведет к большим осложнениям в их работе»³⁸.

Председатель Госплана СССР Г.М. Кржижановский 23 января 1925 г. «весьма срочно» обращение в ЦК партии по поводу тезисов Мурзагалиева. В документе отмечалось, что деление КАССР на 6 областей не соответствует общему масштабу районирования, принятому Госпланом, который наметил 21 область для всего СССР в среднем по примерно 1 млн км² с населением около 6,4 млн человек в каждой. В казахстанском проекте эти критерии не выдерживались, не планировалось выделять округа, к тому же национальный состав населения планируемых областей был неравномерным – в Оренбургско-Тургайской и Акмолинской получалось преобладание русских. Все центры регионов располагались по плану КазЦИК на самом севере или на юге автономии, и «только с Семипалатинском положение складывается несколько благоприятное. Такое размежевание чрезмерно осложняет связь области с ее центром», – писал он. Вместо Чимкента глава Госплана предлагал рассмотреть Аулие-Ату. Еще одним недостатком была неопределенность с центром всей КАССР. Между тем, проект самого Госплана до размежевания в Средней Азии предполагал создание в КАССР всего двух областей – Западно-Киргизской и Восточно-Киргизской, после добавлялась бы Южно-Киргизская, что более соответствовало общесоюзному плану районирования. Кржижановский считал, что доложенный Мурзагалиевым проект районирования КАССР «подлежит коренной переработке»³⁹.

Административная комиссия при Президиуме ВЦИК 24 января 1925 г., рассмотрев проект, рекомендовала «учесть количество и характер административных звеньев (ступеней), при помощи которых будет осуществляться управление Кирреспублики. Данных точных об этом нет. Но имеются сведения, что предполагается количество ступеней от ЦИК СССР до сельсовета 7, а от КирЦИКа до сельсовета 5 (село, волость, город, область, республика)»⁴⁰. 2 февраля Президиум ЦКК, обсудив постановление пленума ОКК КАССР по вопросу райо-

³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 633. Л. 251 об.

³⁹ Там же. Л. 252–253.

⁴⁰ Там же. Л. 250–251 об.

нирования и о центре автономии, постановил сообщить КирОКК, что «ЦК РКП(б) решил вопрос о перенесении центра в Перовск и ЦКК полагает, что это решение правильно и не видит оснований к его пересмотру»⁴¹. 2 апреля Политбюро ЦК создало комиссию по вопросам КАССР, а 21 мая заслушало доклад и предложения комиссии, в том числе о строительстве Ак-Мечети⁴².

В целом взаимоотношения центра и республик, как и субъектов федерации между собой оставались почти перманентно чувствительными в советском проекте национального строительства, при этом они были прямо связаны со всеми другими вопросами комплексного перехода от традиции к модерности, а решение их зависело от партийного руководства. В июле 1925 г. Отдел национальностей ВЦИК направил в Национальную группу Орграспредотдела ЦК РКП(б) проект предложений по вопросу о советском строительстве и национализации партийных, профессиональных и кооперативных учреждений в национальных республиках и областях. В ВЦИК считали, что «следует более основательно поставить учебу ответработников, не знающих местного языка, и в первую очередь националов, не владеющих родным языком... Выдвижение и вовлечение в государственную работу крестьян и рабочих идет в нацреспубликах и областях чрезвычайно медленно»⁴³. На совещании комиссии по советскому строительству в национальных областях и республиках при Оргбюро ЦК РКП(б) 8 сентября 1925 г. заведомом печати ЦК партии И.М. Варейкис посетовал: «В нацреспубликах, как общее правило, нет правильного фракционного руководства партийных органов советами, а есть командование. Необходимо учесть этот момент и указать конкретные мероприятия по проведению общих партдириктив по этому вопросу в условиях нацреспублик... В советских органах нацреспублик и областей происходят громадные злоупотребления (обогащение председателей советов и всего его рода). Нужно в резолюции заострить вопрос о проведении революционной законности, о фактическом контроле масс и т.д.»⁴⁴.

15 сентября при обсуждении проекта резолюции по этому вопросу дискуссия продолжилась. К примеру, заместитель заведующего Орграспредотделом ЦК партии М.М. Хатаевич признал, что «отношения партии с аппаратом сложная вещь». Традиционная внутриэтническая иерархия, межнациональные распри на почве противоречий в хозяйственных укладах и экономической культуре составляли серьезное препятствие для советского строительства в его идеальном социально-

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 633. Л. 254.

⁴² ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. С. 255.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 188. Л. 8.

⁴⁴ Там же. Л. 17.

классовом облике. Глава Отдела национальностей ВЦИК С.Д. Асфендиаров приводил данные о неравенстве в оплате труда советских руководителей на местах: «предрик⁴⁵ на Украине получает от 45 до 75 руб. в мес. в зависимости от местных бюджетов; в Башкирии — 40 рублей, в Актюбинской губ. (волбюджет в кирволостях не проведен) предвик получает 12 рублей. Предсельсовета в Белоруссии получает 15,6 рублей, в Ферганской области 12,5 рублей, в Актюбинской губернии 5 рублей, причем жалование на окраинах выдается с большим опозданием. Например, в Актюбинской губернии до 3 месяцев, в Ферганской от 5 до 8 мес.». Это наверняка играло свою роль в злоупотреблениях властью в сельсоветах и влиянии на них межродовой борьбы⁴⁶.

Он обратил внимание и на связь между экономическим развитием, административно-территориальным устройством и эффективностью управления. «С экономической точки зрения размежевание Средне-Азиатской Республики дало мало положительных результатов. Границы отдельных республик проходят не по естественным преградам... Экономическое и торговое тяготение к отдельным центрам не было достаточно учтено». В результате «среди таджикского населения наблюдается стремление к выделению из состава Узбекской республики и образованию самостоятельной республики. Созданная Кара-Калпакская область не имеет под собой твердой экономической базы... Сельское хозяйство вынужденно находится в кочевом состоянии вследствие “капризов” Аму-Дарьи, постоянно меняющей свои берега». Асфендиаров привел примеры дезорганизации управления: в Нуратинском районе Узбекистана большинство населения составляли казахи, узбеки же в основном жили в городах, и в итоге были созданы два исполкома. Один имел дело с казахским населением и подчинялся центру КАССР, другой — с узбекским и подчинялся узбекскому центру. В Зитиашинской волости Ташкентской области «засилие в органах власти узбеков», хотя казахи составляли $\frac{1}{3}$ населения, в итоге из-за конфликтов то и дело принимаются приговоры о присоединении волости к тем и другим. «Интересно, что в этом споре киргизы были объединены общим национальным интересом и не замечалась родовая борьба». Районирование между тем не помогло приближению чиновников к населению. В понимании широких беспартийных масс и в самих сельсоветах, «советы — это аульные старшины. Совет находится там, где живет председатель». Общественные организации действовали по привычной схеме. Так, во время кампании МОПР «председатель делает обязательную раскладку». В Каратугайской волости Семипалатинской губернии глава сельсовета был уличен в умышленном

⁴⁵ Предрик — председатель районного исполнительного комитета; вик — волостной исполнительный комитет.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 188. Л. 23, 30, 69.

уменьшении количества байского скота на 60 %. В некоторых районах волисполкомы с бедняков в 8 душ семьи при 1 лошади брали 5 руб., а с бая (8 баранов, 12 коров и рабочий скот) — 6,5 руб.⁴⁷

2 января 1926 г. под председательством секретаря ЦК партии В.М. Молотова в ЦК ВКП(б) состоялось совещание секретарей парт-организаций по вопросу о «большевизации национальных кадров». В нем участвовали руководители партийных организаций регионов с тюркоязычным населением — Казахстана, Средней Азии, в том числе Узбекистана, Киргизии и Туркмении, а также других автономий в составе РСФСР (Крыма, Башкирии, Татарстана и Дагестана). Они обсудили важные проблемы формирования национального политического класса в республиках с мусульманским коренным населением, а также реализации советской этнополитики, прежде всего, с точки зрения укрепления влияния власти в этносоциальных общностях на основе их классового расслоения.

В самом начале заседания секретарь Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) И.С. Зеленский, кратко охарактеризовав ситуацию в регионах, выделил круг основных проблем, которые затем обсуждали секретари парторганизаций на примере своих республик: рост «националистических» элементов (панисламизм и пантюркизм), связь членов партии с «националистическими» буржуазными элементами и их влияние на партию, рост национального сознания коммунистов и «тенденция стать ближе к управлению», проблема подготовки новых кадров, развитие партийного строительства. Обсуждение показало, что во всех республиках наиболее сложными для большевизации управленцев-националов и советского государственного строительства оказались проблемы взаимодействия присланных из Москвы руководителей (как их тогда называли, европейцев, имевших отличную от коренного населения этническую принадлежность) с традиционной элитой и интеллигенцией, прямо и опосредованно влиявших на местное чиновничество, на характер и смысл реализуемых центром проектов преобразований. Особую роль в становлении системы и кадров управления играли не только вовлекавшиеся поначалу в органы власти лояльные представители бывших национальных партий и движений (так называемые националистические буржуазные элементы), но и основанные на многовековой социальной иерархии внутриэтнические противоречия⁴⁸.

⁴⁷ Там же. Л. 70—71, 73, 83.

⁴⁸ Так называемая группировочная борьба была особенно характерна для нарождавшейся советской бюрократии таких республик, как Казахстан, Крым, Киргизия, Бурят-Монголия, Юго-Осетия, Каракалпакия, Дагестан, Татария (ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918—1933 гг. М., 2005. С. 355—359).

Практически все выступавшие констатировали серьезные трудности в решении задач по формированию новых кадров национальных управленцев (коренизации), которые объективно не успевали получить должное образование и достичь необходимого уровня общей культуры. В то же время специалисты с досоветским опытом и лучшей подготовкой не устраивали власть по идейным соображениям. Большевикизация и национализация власти посредством создания управленческого класса априори заданными параметрами обернулись большими сложностями. Трудности гармонизации межэтнических отношений и языковой политики при необходимости проводить ускоренную социально-экономическую модернизацию на классово-основе усугубляли ситуацию. Высказывалась «обида на ЦК в отношении того, что вопросы, которые пытались ставить в том или другом ведомстве или в ЦК, не только не получали разрешения, но даже не встречают достаточного внимания к себе». М.М. Хатаевич заметил: «Все автономные республики, расположенные в средней части РСФСР, хотят создать нечто вроде средне-русских соединенных штатов». Партийные лидеры республик, как видно из выступлений, надеялись получить в ЦК РКП(б) конкретные рекомендации по поводу методов и средств социально-политической консолидации этносообществ на основе советских преобразований.

Согласившись, что «мы до сих пор мало занимались национальными республиками», Молотов отверг идею провести новое совещание по национальной политике⁴⁹. Он подтвердил наличие проблем в урегулировании прав и полномочий субъектов федерации, а также при взаимодействии их с центром: «Создали Совет Национальностей, который ничего не делает. Это орган на 9/10 русский. Тут до известной степени националов обида сохранилась. Тут националы сидят, там русские сидят, ничто, конечно, не оживит межнациональные органы. Они национальные вопросы не решают, партийные вопросы не решают, но массовые административные вопросы пусть националы ре-

⁴⁹ 7–25 апреля 1923 г. XII съезд РКП(б) осудил «национал-уклонистов», прежде всего в Грузии. 9–12 июня 1923 г. состоялось четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, в котором участвовали представители 20 партийных организаций. Официально оно созывалось для выработки практических мер по проведению в жизнь резолюции XII съезда партии по национальному вопросу. Докладчиком по основному вопросу был И.В. Сталин. Большое значение имел представленный на совещании от имени ЦКК доклад В.В. Куйбышева о «деле» М. Султаналиева, которого обвинили в уклоне к местному национализму. Было решено учредить в составе ЦИК СССР две равноправные палаты (Союзный Совет и Совет Национальностей). Закрепление сталинской линии в этнополитике после совещания выразилось в проведении чистки от «буржуазных националистов» всех парторганизаций Востока. См.: Тайны национальной политики ЦК РКП. Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г. Стенографический отчет. М., 1992.

шают». Непосредственно с вопросом «знаком не очень хорошо», – признал он и подтвердил: «национальный вопрос будет иметь решающее значение». Один из высших руководителей партии сделал весьма путаное заключение. Его резюме – «Какие решения? Просто никаких решений не будем принимать», – можно считать свидетельством сложившегося в руководстве мнения о достаточности принятых ранее мер и неизменности избранной стратегии⁵⁰.

Между тем круг обсуждаемых вопросов и содержание выступлений участников совещания отражали общие и специфические проблемы реализации советской этнополитики в республиках с коренным тюркоязычным населением, как и нестыковки в позициях центра и автономий. Так, на заседании Совета национальностей 2-й сессии ЦИК СССР 3-го созыва 14 апреля 1926 г. председатель СНК КАССР Н.Н. Нурмаков привел ряд примеров несогласованности действий центра и республик, а также игнорирования интересов автономий при распределении фондов и других средств. Он заявил, что центр сокращает выделение запланированных средств, утверждая: «Вы не справитесь с этим, у вас нет сил». Более того, «у нас никаких бюджетных прав нет. То положение о бюджетных правах автономных республик и областей, которое имеется в РСФСР, это только фикция... Наряду с пересмотром бюджетных прав союзных республик нужно было бы и дать твердую директиву союзным республикам, в состав которых входят автономные республики и области, чтобы они пересмотрели свои бюджетные права в сторону уточнения и расширения»⁵¹.

Примечательно, что в тот же день заместитель секретаря ВЦИК, глава Отдела национальностей ВЦИК С.Д. Асфендиаров⁵² направил в Президиум ВЦИК «совершенно секретно» докладную записку о проблемах в работе отдела, с коими он столкнулся за два года работы. «Дефекты эти настолько значительны, – писал он, что не останавливаться на них совершенно невозможно, они требуют немедленного изжития, ибо вся дальнейшая работа по выполнению Отделом Национальностей своих функций зависит от исправления этих дефектов. Обращаясь конкретно к этому вопросу, нужно сказать, что все это в большей своей части сводится к организационным неувязкам, существующим внутри аппарата Президиума ВЦИК, и которые выражаются в отсутствии единого органа и единства в работе»⁵³. Это приводило к тому, считал Асфендиаров, что самые важные вопросы автономий

⁵⁰ Стенограмму совещания см.: «Как вести руководство, на что ориентироваться?». Стенограмма совещания секретарей парторганизаций в ЦК ВКП(б) по вопросу о «большевизации национальных кадров». 1926 г. // Исторический архив. 2015. № 5. С. 100–125.

⁵¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 3. Д. 131. Л. 16.

⁵² Эту же должность Нурмаков занимал в 1931–1937 гг.

⁵³ Подчеркнуто при чтении неуставленным лицом.

«по планомерному обслуживанию хозяйственных и культурных нужд отдельных республик и областей остаются вне поля зрения», тогда как имеющиеся в структуре ВЦИК Отдел национальностей, Федеральный земельный комитет (создан в июле 1921 г., Федкомзем) и Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера) занимаются лишь текущими делами. Это порождало недостаточное руководство национальной политикой на местах и невозможность учитывать их опыт. «Одни республики или области пользуются большим обслуживанием, другие – меньшим, а третьи совершенно остаются в стороне»⁵⁴. Все это делается от случая к случаю.

Между тем, в этих республиках и областях в данное время возникает масса жгучих вопросов, требующих внимательнейшего изучения центральных органов, как, например, в условиях настоящего времени отсталость трудящихся масс некоторых национальностей, слабая активность их подчас приводят к укреплению влияния и мощи феодальной и родовой верхушки. Наряду с этим увеличиваются также эксплуататорские стремления зажиточного крестьянства.

Промышленность, кооперация, госторговля авт[ономных] республик и областей, хотя и двинулись вперед, но все же находятся в тяжелом положении. Положение это осложняется еще чисто местными и национальными особенностями этих республик и областей»⁵⁵. Асфендиаров привел конкретные данные и обратил внимание на сохраняющиеся трудности в улучшении положения меньшинств. Все эти проблемы он считал следствием отсутствия достаточно сильного и авторитетного органа в «общефедеративном» масштабе (РСФСР), который был бы в состоянии решать неотложные и принципиальные задачи вместо имеющихся трех структур, наряду с различными комиссиями. К тому же проблема усугублялась вынужденными попытками наркоматов создать собственные общероссийские комитеты для управления отраслевыми вопросами в автономиях. По мнению докладчика, Президиум ВЦИК и есть тот самый единый орган управления, но нуждающийся в реорганизации аппарата. Орготдел ВЦИК не имел должной связи с Отделом национальностей, что лишало его «возможности учитывать и направлять текущую работу нац[иональных] республик и областей», приводило к дублированию в работе и пр. Асфендиаров обратил внимание и на «не совсем равноправное положение Отд[ела] национальностей среди других отделов. Это чувствуется на каждом шагу. Особенно оно проявилось при унификации заработной платы сотрудников ВЦИК» (зарплата сотрудников его отдела была на 25–100 руб. ниже)⁵⁶. Он предложил ликвидиро-

⁵⁴ Подчеркнуто при чтении неустановленным лицом.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 108. Л. 180–181.

⁵⁶ Там же. Л. 182–185. Подчеркнуто при чтении неустановленным лицом.

вать Федкомзем и Комитет Севера с передачей их функций его отделу и включением в подотделы Орготдела сотрудников Отдела национальностей. «Проведением всех этих организационных мероприятий мы достигнем: 1) единого руководства, 2) единства в политике, 3) ликвидации параллелизма в работе, 4) сокращения аппарата, 5) поднятия авторитета Отдела Национальностей (вместо трех неавторитетных лучше иметь один авторитетный)»⁵⁷.

Записка была направлена Сталину, а 19 марта 1927 г. – в архив⁵⁸. 19 апреля Асфендиаров «Лично. Секретно» обратился к Сталину по поводу проблем во взаимоотношениях центра в лице Федкомзема и Административной комиссии ВЦИК с органами власти Семиречья, мешавших решению конкретных задач хозяйственного и межэтнического свойства⁵⁹. К тому же, он поддержал представителей автономий, предлагавших расширить их права. В 1927 г. в докладе Отдела национальностей «Советское строительство в Казакстане» в ЦК партии он отметил, что в автономии одна из самых низких цифр расхода на душу населения. «Со стороны центральных органов РСФСР должно быть уделено внимание КССР, как наиболее крупной автономной республике. Необходимо дать директивы пересмотреть правовое положение КССР в ряду автономий в сторону некоторого расширения прав, подогнать отстающий казакский бюджет (местный бюджет КССР – расход 3 р. 50 коп. на душу при 6 р. 50 коп. в среднем РСФСР и 5 р. 90 коп. по госбюджету при среднем по РСФСР в 12 рублей), равным образом полное учесть потребности КССР в планах и предположениях РСФСР»⁶⁰.

Довольно частые административно-территориальные изменения по всему СССР влияли не только на иерархию национально-государственных образований, но на конкретную организационно-управленческую деятельность на местах. При этом верховенство классового подхода над национальным считалось приоритетным. Так, секретарь ЦИК СССР А.С. Енукидзе подчеркивал: «Вопрос о государственных формах существования отдельных наций – для нас производный, зависящий от вопроса о классовых взаимоотношениях. Мы не строим также фикции о децентрализованной федерации, как панацеи от закабаления народов». Он обвинял автономии в центробежных тенденциях, которые содержались в проектах конституций автономных республик, представленных в Президиум ВЦИК. Некоторые положения в них, говорилось далее, трактуются «на основе отвлеченных

⁵⁷ Абзац подчеркнут дважды слева по вертикали (Там же. Л. 185–187).

⁵⁸ Там же. Л. 180.

⁵⁹ Там же. Д. 102. Л. 267.

⁶⁰ Самые отсталые центральные губернии имели большой бюджет: Пензенская – 3,76 руб., Тамбовская – 3,87 руб. (Там же. Оп. 69. Д. 61. Л. 63, 72).

предпосылок национального самоопределения», а не классовых требований текущего момента⁶¹.

Позиция лидеров национально-государственных образований и их отношения с центральной властью в советской истории и современности представляют важнейшую часть комплекса мер по обеспечению целостности страны со сложным этносоциальным составом населения, устойчивости ее политической системы, эффективности внутренней и внешней политики, межкультурной интеграции и гражданской консолидации общества. Продолжавшиеся дискуссии, в том числе о полномочиях и компетенции субъектов РСФСР, привели к тому, что 12 и 14 ноября 1926 г. по инициативе Отдела национальностей ВЦИК и заместителя председателя СНК РСФСР Т.Р. Рыскулова в Москве состоялось «Частное совещание националов — членов ВЦИК и ЦИК СССР и других представителей национальных окраин»⁶². По его итогам Рыскулову, председателю СНК автономии немцев Поволжья В.А. Курцу, председателю ЦИК Дагестана Н. Самурскому, наркому соцобеспечения РСФСР И.А. Наговицыну и С.Д. Асфендиарову было поручено встретиться со Сталиным и доложить о результатах работы. Состоялась ли эта встреча, неизвестно⁶³. Указанные руководители подготовили свои предложения, причем Самурский и Наговицын, подписывая документ, оставили рукописные уточнения по поводу отдельных пунктов. Одновременно Асфендиаров и Самурский подготовили свои предложения к совещанию, причем первый повторил в них идеи, высказанные в записке от 14 апреля 1926 г.⁶⁴

В общих предложениях по итогам совещания констатировалось, что полное проведение в жизнь решений XII съезда и других постановлений по национальному вопросу «недостаточно обеспечено в повседневной практической работе руководящих Госорганов РСФСР». Особенно «отличились в этом плане Наркомюст и Наркомзем, что отразилось прежде всего в земельном вопросе, когда реакция центральных ведомств на «необоснованные» прошения ходоков не учитывала других важных местных обстоятельств. «Неурегулированность взаимоотношений центра с национальными окраинами по хозяйственно-финансовым вопросам и слабый учет по этим вопросам центральным аппаратом нужд и интересов этих окраин», восприни-

⁶¹ Енукидзе А.С. Конституции автономных республик (в порядке постановки вопроса) // Советское строительство. 1926. № 3–4. С. 20, 33, 35.

⁶² Подробнее см.: Чеботарева В.Г. Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг. М., 2008. С. 44–70.

⁶³ В журнале записей приемов за 1926 г. сведений об этом нет. См.: На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник / Науч. Ред. А.А. Чернобаев. М., 2008. (URL: <http://istmat.info/node/165>, дата обращения: 24.04.2018).

⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 108. Л. 5–40.

мавшихся в центре «рвачами», объяснялась отсутствием националов в составе центральных учреждений РСФСР и ничтожным представительством их на сессиях ВЦИК. В документе отвергалась идея выделения великорусской республики и предлагались практические меры по подъему национальных регионов по линиям хозяйственного и советского строительства, а также партийной линии.

Среди них стоит выделить следующие: «установить определенную долю участия АССР в средствах, ассигнуемых на промышленность и капитальное строительство, определив эту долю в соответствии не только с количеством населения АССР с экономическими возможностями, но также с задачами преодоления, имеющего место, фактического материального неравенства», в том числе развитие национальной кооперации по решениям XIII съезда партии; «полное и реальное отражение в бюджете и в общехозяйственных планах РСФСР нужд и потребностей национальных окраин»; соблюдение правильной линии в земельной политике и завершение землеустройства в соответствующих национальных окраинах; «решительно приспособить Госплан и ЦСУ РСФСР к внимательному изучению экономической и культурно-социальной жизни автономных национальных объединений, динамики их развития, степени отсталости, выявления более точного коэффициента удельного веса каждой из автономии в составе РСФСР»; закрепление в конституциях РСФСР, АССР и Положении об автономных областях «автономных прав национальных объединений, с учетом необходимости расширения законодательных прав АССР для применения общих законов к местным условиям»; увеличение числа представителей автономий в составе членов ВЦИК и в Президиуме ВЦИК, с приданием им в Президиуме ВЦИК «определенного влияния в работе», а также установление «определенных расширенных функциональных прав» Отделу национальностей при Президиуме ВЦИК; «дальнейшее введение в управленческие, планирующие и руководящие хозяйственные органы РСФСР националов, по кандидатурам которых должно учитываться мнение всех местных национальных организаций партии» с созданием «особых секций» во всех объединенных наркоматах, планирующих и хозяйственных органах под руководством националов; а также «установление на ближайшие годы особого культурного фонда, который был бы в бюджете РСФСР постоянной величиной, пропорциональной росту бюджета». По партийной части самым важным было предложение об увеличении «количества националов в ЦК ВКП и ЦКК, с учетом положения нацобъединений в РСФСР, обеспечение участия секретарей национальных организаций на Пленуме ЦК и ЦКК с совещательным голосом, а также связи с ЦК выдвинутых в Президиум ВЦИК и СНК РСФСР националов по вопросам национальных окраин». Против этого пункта возражал Наговицын, оставивший запись при подписа-

нии документа. Участники совещания выступили и за созыв V совещания при ЦК партии по национальному вопросу. Самурский, подписывая документ, выступил против пункта о ненужности великорусской республики⁶⁵.

В его предложениях к совещанию Рыскулова содержались уточнения по поводу поведения наркоматов: НКЮ РСФСР по новому положению о судостроительстве пытался подчинить себе прокуратуру и НКЮ АССР; а при аппарате Наркомпроса РСФСР пытались создать Федеральный Комитет для руководства делом всеобщего обучения. Именно он критиковал также слабое присутствие националов во ВЦИК. «Предлагаемый некоторыми товарищами выход из РСФСР автономных республик и переход их в союзные, с выделением особой чисто-великорусской республики должен быть решительно отвергнут», — писал он. «Теснейшее сплетение» автономий с РСФСР и участие представителей меньшинств в законодательных и исполнительных органах в центре он считал лучшим средством от великорусского шовинизма, а усиление социалистического строительства на местах — от национализма автономий. Вошло в общий текст и предложение о развитии кооперации, но идея создать особый фонд для этого не была поддержана. Предложение о культурном фонде вошло в итоговый текст, но без уточнения против его подмены резервным фондом. Важно, что Самурский заявил о необходимости увеличения «интернационального» пролетариата в республиках для межэтнической интеграции. «Чтобы, прежде, нежели кочевые племена ОСОЗНАЮТ СЕБЯ ЕДИНОЙ НАЦИЕЙ, значительная часть их уже ОСОЗНАВАЛА БЫ СЕБЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫМ ПРОЛЕТАРИАТОМ». Самурский также настаивал на создании Совета национальностей ВЦИК. Практически все выше перечисленные пункты итогового документа совещания были обоснованы им более детально. Так, он предлагал, чтобы в особые секции представители выдвигались не центральными органами РСФСР, а только местными парторганизациями и утверждались ЦК ВКП(б)⁶⁶.

Асфендиаров в своем проекте к совещанию на первое место ставил задачу коренизации «всех без исключения аппаратов сов[етской] власти нацреспублик и областей, как местных, так и централизованных (хозяйственные органы, филиалы союзных органов и органов РСФСР)» и предложил «вести обязательное, параллельное делопроизводство (на русском и на языке местной национальности) во всех звеньях власти в текущем же году». По поводу культурного фонда он уточнял: его средства нужно направить как целевые на школы и медицину, чтобы за 2–3 года создать минимальную и необходимую сеть

⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 108. Л. 5–12.

⁶⁶ Там же. Л. 34–39.

таких учреждений. Все его идеи касались конкретных нужд автономий: не допускать сокращения наличного состава рабочих из местного населения, создать фонд на развитие промышленности в национальных республиках и областях из правительственных ассигнований, установить определенные отчисления от прибылей заготовительных органов на территории автономий, экспортирующих и перерабатывающих предприятий вне зависимости от места нахождения. По примеру черноземных областей он считал необходимым выделить денежные фонды помощи сельскому хозяйству автономий в виде долгосрочных кредитов, запланировать на текущую пятилетку строительство железных дорог в национальных республиках и областях. Стоит обратить внимание на его предложение «постепенно преобразовывать автономные области в автономные республики и автономные республики в союзные. К предстоящему XIII Съезду Советов, — писал он, — преобразовать автономные Вятскую и Марийскую области в автономные республики и автономную Казакскую ССР в союзную». Он повторил свои апрельские пункты о реорганизации отделов ВЦИК. Не менее важно, что Асфендиаров предложил «разработать Конституции автономных республик на основе:

а) предоставления права законодательства в сфере деятельности необъединенных наркоматов, оставив за центральным правительством РСФСР право установления общих начал в этой области;

б) предоставления права общей и частной амнистии ЦИКам автономных республик;

в) предоставления права руководства объединенными наркоматами в установленных пределах и полного руководства необъединенными, сохраняя за правительством РСФСР право верховного надзора за соблюдением общих начал, установленных Конституциями РСФСР и СССР;

г) предоставление автономным республикам определенных бюджетных прав».

Последнее предложение в его проекте касалось партийной работы в национальных автономиях: «Меньше преследовать удобства управления и больше углубленной партийно-воспитательной работы, не взирая на трудности»⁶⁷.

Материалы совещания стали предметом обсуждения в Комиссии по строительству РСФСР, национальных республик и областей во главе с М.И. Калининым, а также подкомиссий в ее составе под руководством главы Госплана России А.М. Лежавы и секретаря ЦК ВКП(б) Н.М. Шверника. В итоге определенные подвижки состоялись: как настаивал Асфендиаров, эксперты рекомендовали передать всю практическую работу по национальным вопросам Отделу нацио-

⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 108. Л. 30–32.

нальностей ВЦИК, центральные наркоматы стали более внимательно относиться к запросам и нуждам автономий. Однако в целом исполнительные власти субъектов федерации, предусмотренные Конституцией РСФСР, вследствие острого дефицита всевозможных ресурсов в условиях ускоренной модернизации экономики страны не получили ожидаемого их лидерами расширения прав⁶⁸.

Тем не менее некоторая корректировка происходила. Наркомат РКИ СССР в плане на 1925–1927 гг. предусматривал изучение и решение важных проблем взаимодействия и управления многосоставным пространством страны. Необходимо было обеспечить упрощение и удешевление центрального аппарата автономных республик и областей; провести реформу административного деления АССР и АО в связи с проведением в них районирования и на этой основе – упрощение и удешевление аппарата местных советских органов АССР и АО; упрощение порядка прохождения дел АССР и АО в аппарате союзных республик и Союза ССР. Предварительно НК РКИ РСФСР провел проверку ряда автономий – Башкирии, Татарстана, Крыма и др. Казахстан в обследование не включался, так как отличался особыми условиями. Было установлено, что повсеместно управленческие структуры излишне раздуты, нерационально организованы и дублируют структуру органов СССР и РСФСР. Дороговизна аппарата, параллелизм функций, большое число инстанций, через которые должны проходить любые решения – все это делало работу неэффективной. Председатель Госплана СССР Г.М. Кржижановский писал в ЦК партии (29 декабря 1927 г.): «Чем больше число управляемых единиц, чем разнообразнее они по предметам ведения и объему территории, чем сложнее передаточная цепь управления, тем менее эффективно управление, тем большая затрата сил и меньший полезный результат». А.С. Енукидзе 31 января 1928 г. заявил: единообразие в районировании сразу же упрощает управление. НК РКИ сделал вывод о необходимости сократить управленческий аппарат в автономных республиках и областях примерно на 20%. Были упразднены малые СНК и малые президиумы ЦИК автономий, сокращены комиссии при них и штаты Госпланов, почти везде ликвидировался Наркомат соцобеспечения, сокращались отделы наркоматов юстиции и внутренних дел и др.⁶⁹

20 января 1928 г. ВЦИК провел совещание по вопросу о пересмотре системы управления в автономиях. Вскоре вышло постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О расширении прав автономных социалистических советских республик и областей и упрощении порядка прохождения дел, возбуждаемых ими в высших правительственных органах

⁶⁸ Подробнее см.: *Чеботарева В.Г.* Указ. соч.

⁶⁹ ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. С. 531–534; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 122. Д. 165. Л. 33–36.

РСФСР». Так, в АССР госбюджет республик включал государственные доходы и расходы по их необъединенным наркоматам, по объединенным наркоматам и по всем учреждениям РСФСР, находившимся на территории автономий. Наркомфину РСФСР предлагалось пересмотреть список централизованных кредитов по необъединенным наркоматам для передачи некоторых из них в бюджет АССР. ВСНХ СССР и союзных республик должны были стремиться к максимальному сокращению числа предприятий, находившихся в непосредственном управлении общесоюзных и федеративных органов на территории автономий. Правительствам АССР предоставлялось право перераспределения в пределах утвержденного общего штатного контингента для АССР – штатов по отдельным наркоматам АССР (увеличение штатов одних учреждений за счет сокращения штатных единиц других). В области внутреннего управления, в частности, АССР предоставлялось право окончательно разрешать вопросы перенесения волостных центров, переименования отдельных населенных пунктов, не имеющих железнодорожных станций или почтово-телеграфных учреждений, перечисления селений из волости в волость, выделения, слияния и разделения сельсоветов, установления и изменения низового административного деления АССР. Для лучшей координации дел Отдел национальностей ВЦИК был преобразован: в нем создавались секции – общая, земельная, культурная и национальных меньшинств. При Президиуме ВЦИК организовывался Комитет по делам национальностей в составе: заведующего отделом национальностей, его заместителя и еще трех лиц, назначаемых персонально Президиумом ВЦИК. Председателем комитета был заведующий отделом национальностей. С Отделом национальностей должны были согласовываться все ведомственные проекты, касающиеся автономных республик и областей, вносимые на рассмотрение ВЦИК, СНК, МСНК, ЭКОСО РСФСР⁷⁰.

В том же году Политбюро утвердило условия вхождения автономных республик в состав районированной области (края). Были предусмотрены начала добровольности (по решению съезда Советов республики) и право выхода, незыблемость конституций АССР, их «культурно-хозяйственный рост и национальное развитие» в составе нового региона, единство хозяйственного плана края для входящей в него АССР, как и подчинение парторганизации республики соответствующей краевой структуре (то же касалось комсомола, профсоюзов, кооперации и т.п.). Распределение работников-националов вели об-

⁷⁰ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 122. Д. 165. Л. 5, 9–22.

комы АССР, но выдвижение на краевую работу согласовывалось с краевыми органами партии⁷¹.

Как показало обследование Бурят-Монгольской АССР, коренизация во многих автономиях оставалась одной из сложных проблем. К концу 1930 г., судя по докладу инструктора Президиума ВЦИК П.Д. Самойловича, «принадлежность ряда работников к бурятской национальности не означает, что в их лице мы имеем людей, способных провести активную коренизацию. Обследование 42 центральных учреждений показало, что из 364 работников бурят грамотных побурятски только 67 человек, малограмотных — 41 и неграмотных 256. Не знающих бурятского языка — 7 человек. По данным НК РКИ по 7 аймакам из 5 124 работников бурят 2 268 и русских 2 047. При этом необходимо отметить, что буряты по преимуществу работают на руководящих политических должностях и в качестве обслуживающего персонала. Оперативно-технические работники буряты по этим 7 районам составляют абсолютное меньшинство»⁷². Это означало, что решением конкретных повседневных вопросов управления и организации жизнедеятельности на местах занимались специалисты, которых среди титульного этноса было еще крайне мало.

К тому же, ужесточение требований к выполнению хозяйственных планов ставило местных руководителей всех уровней автономного образования в крайне сложное положение, неизбежно подстегивало отказ от тех элементов управленческой культуры, которые основывались на компромиссе, поддержке инициативы, самостоятельности, солидарного и конструктивного взаимодействия в интересах дела, а не отчета. «Трудгужповинность и трудовая повинность из меры экстраординарного порядка превращены в повседневное явление, в необходимый и неизбежный элемент хозяйственной работы советских, хозяйственных, кооперативных организаций и административных органов БМ АССР. Вводят трудгужповинность и трудповинность, уже не говоря о центральных органах ЦИК, СНК, АИК (рик) и сельсоветы по самым разнообразным поводам, для переброски хлеба из глубинных пунктов, для подвозки леса, для восполнения недостающих рабочих рук в строительстве, для развозки по району работников и т.д.», — писал Самойлович.

«Во взаимоотношениях аиков — риков⁷³ с сельсоветами вместо повседневного руководства путем инструктирования пока преобладает приказ, нажим, угроза, административное взыскание, предание суду».

⁷¹ Между тем секретариат Казкрайкома партии своим решением от 25 февраля 1928 г. отметил, что вопрос о согласии с проектом расширения бюджетных прав автономных ССР не был поставлен ни в СНК КАССР, ни в самом крайкоме (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 22. Л. 164).

⁷² ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 24. Л. 289—291.

⁷³ Аик — аймачный исполком, рик — районный исполком.

В частности, инструктор из столицы обнаружил «совершенно незаконные вычеты из заработной платы председателей сельсоветов на публикацию объявляемых им выговоров в печати». Это порождало большую сменяемость кадров: за год в орготделе сменилось 11 человек при штате в 3 человека. Зарплата инструкторов БурЦИК была ниже оплаты инструкторов и инспекторов других учреждений (соответственно 135 против 150 руб.), тогда как председатели аймачных исполкомов получали 210 руб. в месяц, заведующие районными отделами — 180.

Прибегли и к чистке управленческого корпуса: по 8 районам ей подверглись 5 640 человек. Из низового аппарата было «вычищено» 515, из них 171 за извращение классовой линии и сращивание с кулаком и нэпманом, 25 — за вредительство, 47 — за разложение и пьянство, 32 — за растраты, 132 — за непригодность к управленческой работе, 25 — за бюрократизм. В центральных органах из 466 человек, подвергнутых чистке, вычищено 29. Но «чистка советского аппарата не дала того эффекта, который необходимо было ожидать от нее, поскольку в ряде районов подлежащие увольнению, согласно постановления комиссии остаются в аппарате из-за невозможности заменить их другими работниками. Мало того, приходится нередко наблюдать такие явления, когда сотрудник, вычищенный по первой категории, сам начинает требовать его увольнения, согласно постановления комиссии по чистке, а районные организации всеми силами стараются удержать его (Закаменский аймак) — нет работников», — писал проверяющий⁷⁴.

Как дополнительные и оправданные рычаги для скорейшего и успешного прогресса этнической общности декларировались и подчас понимались на местах пересадка национально-государственного образования из одной «матрешки» в другую, наделение управленцев той или другой не очень большой «матрешки» более высоко котирувавшимися в советской номенклатуре статусными регалиями. В 1930 г. Каракалпакская АО, входившая в состав Казахской АССР, непосредственно вошла в состав РСФСР. Но создание собственных управленческих структур в Каракалпакии затянулось. В марте 1931 г. глава отдела национальностей ВЦИК Н. Нурмаков был вынужден сообщить в союз союзов сельхозкооперации, наркоматы, ведомства и учреждения РСФСР, что, несмотря на постановление ВЦИК от 20 июля 1930 г. о выделении Кара-Калпакской АО с непосредственным подчинением центральному органам РСФСР, в ряде случаев в контрольных цифрах на 1931 год отдельного плана для области не предусмотрено. Судя по всему, этого оказалось недостаточно. Не случайно 15 декабря 1930 г. постоянный представитель правительства области при Президиуме ВЦИК К. Аvezов обратился в Секретариат Президиума ВЦИК с

⁷⁴ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 24. Л. 285–286, 288–289.

просьбой «немедленно опубликовать» в центральных органах, особенно в «Известиях», постановление о выделении КАО. Он подчеркивал, что во всех оперативных планах обслуживания и руководства АО продолжают включать в состав Казахской АССР, «в результате чего Каракалпакия и КАССР никогда не закончат размежевания и постоянно между ними будут возникать споры»⁷⁵. Очевидно, бюрократическая машина действовала в рамках привычной инерции: ведомства получали поздно, откладывали или просто игнорировали решение ВЦИК относительно далекого региона, предпочитая заниматься более важными, как они считали, вопросами, которые контролировались вышестоящими инстанциями особо пристально. К тому же, такая ситуация свидетельствовала о фактической правовой силе и властной авторитете ВЦИК. В конечном счете, определенный сдвиг произошел, когда СНК РСФСР 31 августа 1931 г. принял постановление о хозяйственном и культурном строительстве области.

В январе 1932 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) констатировало, что Казкрайком и Средазбюро не приняли нужных мер к экономическому и партийному укреплению Каракалпакии, и 23 февраля Политбюро решило преобразовать область в автономную республику «ввиду большой удаленности ... от промышленных центров и от Москвы, а также ее особой экономической и культурной отсталости»⁷⁶. Однако в новом статусе республика не могла развиваться вне регионального контекста, не связанного прямо с РСФСР, и 5 декабря 1936 г. была включена в состав Узбекской ССР. Современные авторы считают: «Каракалпакстану в 1930–1936 гг. пришлось существовать в ассоциации» с РСФСР⁷⁷.

Административно-территориальные преобразования середины 1930-х гг. вкупе с переносом в центр с 1935 г. назначения руководителей округов укрепляли вертикаль власти в ущерб относительной самостоятельности регионов и республик⁷⁸. Смена состава местных элит в ходе провалов коллективизации и репрессий параллельно с кампанией «борьбы с бюрократизмом» создавала условия для вовлечения в их число нового поколения более образованных и благонадежных кад-

⁷⁵ Там же. Д. 199. Л. 2, 3, 5, 8.

⁷⁶ ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. С. 685–688.

⁷⁷ *Базарбаев Р.Ж., Кошанов Б.А.* Кадровая политика РСФСР в Каракалпакстане в 1930–1936 гг. // Молодой ученый. 2010. № 7. С. 205–209. (URL: <https://moluch.ru/archive/18/1817/>, дата обращения: 10.06.2019). При этом, «осуществляя свою бытовую, фольклорно-художественную, ритуально-культурную жизнь в рамках своего языка, своей культуры, своих общественных учреждений, каракалпакский народ стремился иметь гораздо больший объем коммуникаций в школе, прессе, экономической и политической жизни на языке и в рамках культуры ассоциирующей нации, т.е. русской».

⁷⁸ Структура Отдела руководящих парторганов ЦК партии // Партийное строительство. 1935. 15 октября. № 17. С. 73–78.

ров. Но заложенный в основу административно-территориального разграничения регионов страны этнический признак⁷⁹, который во многом искусственно привязывался к определенной местности, создавал проблемы координации и распределения полномочий, средств, кадров, ресурсов и ответственности, постоянно сопровождая жизнедеятельность субъектов федерации и их управленцев. Такой подход не всегда отвечал интересам экономической интеграции, сложившимся исторически хозяйственным связям и производственным специализациям регионов. Партийный аппарат при этом постоянно подвергался реструктуризации вслед за административно-территориальными реформами, причем изменялись не только число, но и функциональная направленность отделов партийных органов. Главное состояло в том, что они все больше приобретали хозяйственный и производственно-отраслевой характер, а это приводило к прямой подмене советских администраций, хозяйственных органов и общественных организаций.

Литература

- Базарбаев, Р.Ж., Кошанов, Б.А.* Кадровая политика РСФСР в Каракалпакстане в 1930–1936 гг. [Текст]. // Молодой ученый. 2010. № 7. С. 205–209. (URL: <https://moluch.ru/archive/18/1817/>, дата обращения: 10.06.2019).
- Вехи консолидации. Из опыта партийных организаций Казахстана в решении национального вопроса в 1917–1927 гг. (К 70-летию Компартии Казахстана). [Текст]. Сборник документов. Алма-Ата: Казахстан, 1990. 232 с.
- Восьмой съезд РКП(б). [Текст]. Протоколы. М.: Коммунист. 1919. 415 с.
- Двенадцатый съезд РКП(б). [Текст]. Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1968. 904 с.
- Енукидзе, А.С.* Конституции автономных республик (в порядке постановки вопроса) [Текст]. // Советское строительство. 1926. № 3–4. С. 20–35.
- Игнатьев, В.* Национальный момент в районировании [Текст]. // Советское строительство. 1929. № 10. С. 62–67.
- «Как вести руководство, на что ориентироваться?». Стенограмма совещания секретарей парторганизаций в ЦК ВКП(б) по вопросу о «большевизации национальных кадров». 1926 г. [Текст]. // Исторический архив. 2015. № 5. С. 100–125.
- Ленин, В.И.* Критические заметки по национальному вопросу [Текст]. // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 24. М.: Политиздат. 1973. С.113–150.
- Ленин, В.И.* Развитие капитализма в России [Текст]. // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 3. М.: Политиздат, 1971. 609 с.
- Ленин, В.И.* Государство и революция [Текст]. // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 33. М.: Политиздат, 1969. С. 1–120.
- Ленин, В.И., С.Г. Шаумян.* 6 декабря 1913 г. [Текст]. // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 48. М.: Политиздат, 1970. С. 233–236.

⁷⁹ В одном из решений подчеркивалось: «Нужно ведь прямо признать, что советская федерация мыслится как федерация национальностей, а не областей». См.: *Линевский А.* Роль этнографа в советском строительстве Севера // Советское строительство. 1929. № 8. С. 114; *Игнатьев В.* Национальный момент в районировании // Там же. 1929. № 10. С. 62, 67, 65.

- Ленин, В.И.* Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» [Текст]. // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36. М.: Политиздат, 1969. С. 127–164.
- Ленин, В.И.* XI съезд РКП(б) 27 марта – 2 апреля 1922 г. Политический отчет Центрального Комитета РКП(б) 27 марта [Текст]. // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. М.: Политиздат, 1970. С. 69–116.
- Линевский, А.* Роль этнографа в советском строительстве Севера [Текст]. // Советское строительство. 1929. № 8. С. 112–114.
- Мартин, Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. [Текст]. М.: РОССПЭН, 2011. 664 с.
- Национальный вопрос на перекрестке мнений: 20-е годы. [Текст]. Документы и материалы. М.: Наука, 1992. 268 с.
- На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). [Текст]. Справочник / Научный редактор А.А. Чернобаев. М.: Новый хронограф, 2008. 784 с. (URL: <http://istmat.info/node/165>, дата обращения: 24.04.2018).
- На пути к «социалистическому унитаризму» (Из новых документов 1922 г. по истории образования СССР) [Текст]. // Отечественная история. 1992. № 4. С. 89–102.
- Ненароков, А.П.* К единству равных: Культурные факторы объединительного движения советских народов, 1917–1924 [Текст]. / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1991. 270 с.
- Сборник материалов по районированию с 1917 по 1925 год [Текст]. / Под ред. К.Д. Егорова. М.; Л.: Плановое хозяйство, 1926. 307 с.
- Сталин, И.В.* Национальные моменты в партийном и государственном строительстве [Текст]. // Сочинения. Т. 5. 1921–1923. М.: ОГИЗ, 1947. С. 186–189.
- Структура Отдела руководящих парторганов ЦК партии [Текст]. // Партийное строительство. 1935. 15 октября. № 17. С. 73–78.
- Сухова, О.А., Филенкова, О.А.* Национальный вопрос и районирование в РСФСР в 1920-е – начале 1930-х годов: управленческие стратегии и их реализация (по материалам Поволжья) [Текст]. // Новейшая история России. 2017. № 1. С. 62–77.
- Тайны национальной политики ЦК РКП. Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г. [Текст]. Стенографический отчет. М.: Инсан, 1992. 293 с.
- ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. 1918–1933 г. [Текст]. Кн. 1. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. 784 с.
- Чеботарева, В.Г.* Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг. [Текст]. М.: ГУ МДН, 2008. 832 с.

Ногайцы в историософии российского кавказоведения

Ногаеведение является составной частью российского кавказоведения. Посвященные ногайцам историко-этнографические нарративы содержат ценнейший материал по истории, материальной и духовной культуре, бытовым традициям народа. Одновременно в них прослеживается ряд повторяющихся характеристик и определений, в которых отражены историософские представления исследователей истории и этнографии ногайцев.

Ключевые слова: ногайцы, российское кавказоведение, историософия, этнография, хозяйство, материальная культура, духовное наследие, бытовая культура, историко-этнографическое ногаеведение

Yu.D. Anchabadze

THE NOGAIS IN THE HISTORIOSOPHY OF RUSSIAN CAUCASUS STUDIES

Nogais studies is an integral part of Russian Caucasus studies. Historical and ethnographic narratives dedicated to Nogais contain the most valuable material on the history, material and spiritual culture, everyday traditions of the people. At the same time, they trace a number of recurring characteristics and definitions, which reflect the historiosophical views of researchers of history and ethnography of Nogais.

Key words: The Nogais, Russian Caucasus studies, Historiosophy, Ethnography, Economy, Material culture, Spiritual heritage, Household culture, Historical and ethnographic Nogais studies

Изучение кавказских народов вообще и ногайцев в частности началось вместе с завоеванием Кавказа, а затем было продолжено в процессе административной, социальной и культурной инкорпорации региона в состав Российской империи. Покорение ногайцев не было легким делом. С.В. Фарфоровский повествует о столкновениях ногайцев с колонизировавшими край русскими: «Ногайцы угоняли скот, делали набеги и т.д. — всеми силами противясь оттеснению их в степи и проникновению туда русских колонизаторов. Большая часть дел кончалась ничем, виновников не находили; они исчезали в степях»¹. Впрочем, автор не сводил роль ногайцев в русской истории только к военным столкновениям и силовым взаимодействиям, но видел примеры исторического сотрудничества двух народов, начиная с благородного эдисанского правителя Джан-Мамбет-бея, верного своей

¹ Фарфоровский С. Ногайцы в русской истории // Русский архив. 1914. Кн. 2. № 5. С. 81.

клятве о дружбе с Екатериной II даже в условиях неустроенности и шаткости геополитических позиций России в регионе во второй половине XVIII в.²

В целом дореволюционное кавказоведение обладает огромным и ценнейшим научным наследием, которое даже вышло за рамки собственно регионального знания и, по определению М.О. Косвена, рассматривается ныне как «значительная глава истории русской общественной науки»³. Эта спецификация отечественной кавказоведческой регионалистики явилась следствием и отражением исследовательских интенций русских авторов, писавших о Кавказе, мотивацию которых обозначил замечательный русский ученый, тюрколог, ногаевед П.А. Фалев. В отчете о результатах своих исследований, проведенных летом 1916 г. в ходе лингвистической экспедиции в азербайджанские районы, он отметил: «Задача полного и всестороннего изучения азербайджанских наречий лежит на русских востоковедах. К этому их обязывает как многолетнее владычество России в Закавказье, так и тесное соседство с Азербайджаном»⁴. Эта максима во многом стала движущим императивом и концептуальной основой историософии российского кавказоведения в его эвристическом, гуманистическом и общественном звучании.

Ногаеведение, являясь составной частью русской кавказоведческой науки, развивалось в общей интеллектуальной парадигме освоения Кавказа отечественной научной и общественной мыслью. В ногаеведческом компендиуме представлены разные формы и жанры научно-исследовательского письма — от книжных изданий до небольших газетных заметок, от всесторонних монографических описаний до узкотематических публикаций, от летучих впечатлений путешественника до глубоких аналитических обобщений. При этом в разнообразном контенте сопряженных с ногайцами историко-этнографических нарративов обозначены некие общие тренды и специфические атрибуции, повторяющиеся смыслы, фокусирующие характеристические и константные черты некоего общего, в известном смысле историософского восприятия «ногайской феномена» со стороны русских исследователей и наблюдателей.

Одна из таких констант восприятия заключалась в несоответствии исторического величия ногайской истории и наблюдаемого состояния ногайского социума в XIX в. Практически все писавшие о ногайцах свидетельствовали об их золотоордынском генезисе, о грозной силе

² Фарфоровский С. Ногайцы в русской истории. С. 79.

³ Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. Т. 1. М., 1955. С. 265.

⁴ Фалев П.А. Отчет о поездке в Закавказье и в Азербайджан летом 1916 года в связи с охраною памятников восточных древностей на Кавказском фронте // Известия Академии наук. Пг., 1917. Т. 11. Вып. 3. С. 172.

на российско-евразийских просторах, об обширности пределов их физического присутствия и политического доминирования. С.В. Фарфоровский еще более расширяет пределы властвования ногайского народа, указывая, что «его полчища затопляли Русь, достигали Западной Европы, наводя трепет и страх даже на Италию»⁵.

Однако прошло каких-нибудь несколько столетий, и уже ничего не напоминало о прежней славе и величии Ногайской орды. Разрыв между тем, что «было», и реалиями, которые могли видеть наблюдатели, посещавшие ногайские кочевья, был разительным и для многих труднообъяснимым. «Это ли жалкие остатки тех могущественных орд, которые некогда кочевали в странах прикавказских», – патетически восклицал А. Архипов и далее уверял своих «сомневающихся» читателей: «Но это именно потомки тех ногаев, которые долго известны были соседям своим по буйному удалству в страшном наездничестве»⁶. «Настоящее этих народов не много разъясняет их прошлую жизнь», – отмечал анонимный автор газеты «Кавказ»⁷, подчеркивая тем самым невозможность понять причины удивительной метаморфозы ногайской истории.

Тем не менее причины, в конце концов, были найдены – их обнаружили в устоях экономической и общественной жизни народа. Расхожее мнение традиционно сопрягало ногайцев с кочевническим миром. Между тем в российском историческом сознании номадизм априори помешался на нижних ступенях социальной эволюции. Кочевничеству отказывали в потенциалах развития, в способности продуцировать передовые формы хозяйственной и общественной жизни; в условиях подвижного быта не видели предпосылок для социальной динамики и расширения интеллектуально-духовного пространства. В соответствии с этим видением, ногайцы были обречены прозябать на задворках цивилизованного мира.

В то же время акцентация кочевнических форм хозяйствования, внимание к скотоводству как главной экономической составляющей народной жизни оставались неизменными. Во многих работах скрупулезно подсчитывались многосоставные ногайские стада, включавшие крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, верблюдов, описывались приемы и методы ведения кочевого хозяйства, особенно развитые у караногойцев и эдишкульцев, подчеркивались трудности ведения кочевого хозяйства, во многом зависимого от погодных условий, всегда капризных и непредсказуемых на просторах Ногайской степи. Точно так же всегда отмечалось кочевническое наследие в бытовых обыкновениях. Так, описывая праздничные увеселения ногайцев,

⁵ Фарфоровский С. Ногайцы в русской истории. С. 76.

⁶ Архипов А. Ногайцы // Кавказ. 1850. № 63.

⁷ М. Татарское племя на Кавказе // Кавказ. 1859. № 86.

автор газеты «Кавказ» подчеркивал, что главные развлечения у них «конские скачки, на которых джигиты силились показать свое удалство, так много между ними ценимое»⁸. Удалство джигитов — это, конечно же, от кочевнического наездничества.

Между тем конкретные наблюдения за ногайским бытом разрывали эти примитивные схемы. Фарфоровский уже наблюдал интенсивный процесс оседания ногайцев на землю: «О перекочевках прежнего времени рассказывают старики, помнившие это время, когда они были молодым и удалыми джигитами». При этом он зафиксировал, что процесс этот происходил болезненно, отразившись во фрустрации общественного самосознания. Изложив рассказ старого ногайца о былых временах, Фарфоровский заключает: «Тяжелая печаль звучала в словах старика ногайца, печаль вольного сына степей об исчезающем приволье и о тяжести оседлой жизни, к которой принуждает степняка сила непреодолимых обстоятельств»⁹.

Архипов вообще считал, что ногайцы живут «почти оседлым бытом»¹⁰. Соответственно это вынуждало их осваивать непривычные отрасли хозяйства, такие как хлебопашество, садоводство и др. Архипов даже углядел гораздо большее развитие у ногайцев хлебопашества, чем скотоводства; он же весьма сочувственно говорил о ногайском садоводстве. Эти сферы хозяйствования стали проникать даже к караногайцам. Посетив караногайские земли, Г.Б. Ананьев отмечал, что, «проезжая по степи, можно кое-где видеть посеvy риса, овса и пшеницы»¹¹. По подсчетам Фарфоровского, до 30% ногайского населения «усвоили себе приемы хлебопашества и вообще оседлого сельскохозяйственного быта, и у огромного числа поселенных жителей есть свой хлеб, солома, сено, а работы по общественным запашкам производятся общественными земледельческими орудиями и машинами. С каждым годом приобретаются молотилки, жнеи, сенокосилки, плуги и т.п.»¹².

Известное несовпадение ожидаемого и сущего наблюдалось и в описании общественного устройства, которое вызывало у наблюдателей большой интерес. Настаивая на кочевнической «простоте», они в то же время не могли не увидеть сложность социального устройства ногайского общества, состоящего из различных ячеек, начиная с крупных территориальных образований — некоторые даже эдишкюль,

⁸ Новый год в Ставропольской губернии // Кавказ. 1859. № 7.

⁹ Фарфоровский С. Ногайцы в русской истории. С. 81, 82.

¹⁰ Архипов А. Ногайцы // Кавказ. 1850. № 63.

¹¹ Ананьев Г.Б. Караногайцы, их быт и образ жизни // Сборник сведений о Северном Кавказе. Т. 2. Ставрополь, 1908. С. 18.

¹² Фарфоровский С. Народное образование среди ногайцев Северного Кавказа в связи с современным их бытом // Журнал министерства народного просвещения. 1909. № 12. С. 188.

эдисан, джембойлук называли «народами». Наиболее крупные кубовые объединения получали разные наименования: «племя», «общество», «поколение», «семья». «Но это еще не все», — восклицал автор одной из статей в газете «Кавказ»: «Каждая семья подразделяется еще на несколько родов, нередко враждебных друг другу»¹³.

Но дальше внешних и поверхностных констатаций ногайские бытописатели проникнуть, к сожалению, не смогли, равно как и адекватно описать всю сложность социальной, духовной и исторической составляющей взаимодействий и взаимоотношений традиционных социальных единиц ногайского общества. При этом, оставаясь в рамках представлений об исторической отсталости кочевнического социума, многие пытались разглядеть в системе общественных отношений ногайцев черты глубокой архаики. Так, крайне архаизировал общественный быт ногайцев Фарфоровский, низводя его к одному из ранних этапов социогенеза. «Ногайцы в древности, как и теперь, — писал он, — были народностью, жившей чисто родовым бытом. Каждое общество состояло из нескольких крупных и мелких родов, внутри которых господствовал принцип патриархальности, сохранившийся доселе в чистом виде»¹⁴.

В целом, исследовательское осмысление специфики общественно-го устройства ногайцев протекало в парадигме двух явно противоречащих друг другу взглядов. Одним социальная структура казалась лишенной каких бы то ни было сословных различий. Фарфоровский полагал, что члены ногайского «рода» были «полноправными и равноправными братьями», добавляя также, что «разделения на сословия не было»¹⁵. Эта точка зрения была не нова, так как уже высказывалась в более ранней литературе. «Ногайцы не имеют различия сословий, но все равны», — заявлял автор статьи «Татарское племя на Кавказе». В то же время он не преминул отметить четкую внутреннюю самоорганизацию социума: «В ногайском обществе определены права каждого ногайца»¹⁶. В противоречие этому Ф.И. Капельгородский рисует едва ли не всеобщую вольницу, уверяя читателя, что «каждый кочует, где ему вздумается, и косит, где ему нравится»¹⁷. В то же время А.А. Калантар и В. Аликов, внимательно изучавшие скотоводство на Кавказе, в том числе у ногайцев, показали, что оно подчиняется достаточно строгим правилам и обыкновениям, регулировавшимся как

¹³ Новый год в Ставропольской губернии // Кавказ. 1859. № 7.

¹⁴ Фарфоровский С. Ногайцы в русской истории. С. 76.

¹⁵ Там же.

¹⁶ М. Татарское племя на Кавказе // Кавказ. 1859. № 87.

¹⁷ Капельгородский Ф.И. Караногай // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 10.

природно-климатическими факторами, так и определенными социальными детерминантами структуры ногайского общества¹⁸.

Наблюдателям, отказывающимномадам в интенциях духовного развития, бросалось в глаза, что ногайском обществе весьма высоко ценилась грамотность, почетом и уважением пользовались лица, владевшие арабским языком и имевшие возможность читать суры. Обычно носителями этих качеств были муллы, которые пользовались в социуме привилегированным статусом. Впрочем, Г.Ф. Малявкин отметил другую подмеченную им черту: «Нередко бывает, что и совсем бедный ногай пользуется большим влиянием и почетом, исключительно лишь за свой ум и опытность»¹⁹.

Ногайский быт всегда был предметом пристального и заинтересованного внимания. Специфический образ жизни и хозяйствования, связанный с частыми перемещениями, отсутствие привычных для российских наблюдателей оснований бытоустройства наделили ногайцев некой аурой особенного народа, который выделялся в круге даже многоплеменного Кавказа. Понимая, что специфика ногайского быта являлась отражением их кочевничества, многие авторы переносили негативизм от восприятия номадизма на атрибутивные особенности кочевого жизнеустройства ногайцев. Так, до чуткого уха автора, повстречавшего во время своих странствий по Кавказу «кочующих ногайских татар», доносился «неприятный скрип их двухколесных, запряженных волами арб»²⁰. Нежное обоняние многих наблюдателей вводил в неудовольствие запах, который присутствовал на ногайских кочевьях.

Впрочем, в подавляющем большинстве описаний присутствует искренний интерес и желание понять особенности жизненного уклада общества, которое не было привязано к земле, оставаясь свободным в своем передвижении по территориям кочевий. Именно эта свобода, возможность немедленно сняться с места и откочевать в другое, где в ту же минуты возводилось жилище и налаживался быт, и вызывала восхищенное недоумение всех наблюдателей. Н. Семенов, возможно, и не понимал, как в записанной им караногайской песне точно и нюансированно отразилась жизненная «философия» народа: «Хорошо иметь плодородную жену и верблюда. Хорошо, перекочевывая с места на место, положить свое добро на верблюда; жена поведет верблюда, а

¹⁸ *Калантар А.А.* Состояние скотоводства на Кавказе // *Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе.* Т. 2. Тифлис, 1890; *Аликов В.* Очерк положения животноводства в Терской области, составленный по данным обследования, произведенным в 1912 г. Владикавказ, 1914.

¹⁹ *Малявкин Г.* Караногайцы // *Терский сборник.* Владикавказ, 1913. Вып. 2. Кн. 3. С. 141.

²⁰ *Г. Ст.* Журнал путешествия по земле донских казаков, к Кавказу и в Астрахань // *Северный архив.* СПб., 1824. Ч. 12. С. 267.

сыновья пойдут спереди, сзади, с боков»²¹. Ананьев подметил: «Караногаец болеет, если хотя раз в месяц не проедется верхом по степи»²².

Измученное недоумение вызывала неприхотливость ногайского быта. Почти в каждом описании рисуются бедные «кибитки», нехитрый домашний скарб, пара войлоков, утварь, непрменный котел для варки чая; в домах «побогаче» замечены некоторые предметы «русского быта»: кровати, столы, самовары, которые, впрочем, остаются приметами престижного и гостевого быта, предназначенного в основном для заезжих русских — кунаков или случайных путников. «Простота и нетребовательность в жизни караногайцев поразительны»²³ — искренне недоумевал Малявкин.

Слабые попытки властей посадить подвижные хозяйства ногайцев на землю не увенчались успехом. Ананьев крайне сожалел об этом, сетуя, что «нашлось только несколько семей караногайцев, пожелавших построить себе сакли»²⁴. Архипов цитировал наивный отчет караногайского пристава, согласно которому ногаец «до такой степени упорен, что лучше согласится остаться на худшем примере отцов своих, нежели воспользоваться каким-нибудь нововведением, к благу им относящимся»²⁵. При всем этом ногаец обладает, что для Малявкина стало неожиданностью, чувством самодостойнства: «Несмотря на бедность обстановки и почти постоянное подневольное состояние, караногайцы гордятся своими общественными порядками»²⁶.

Из артефактов материальной культуры внимание привлекали ногайские «кибитки» и ловкость, с которой юрты в кратчайшие сроки сворачивались, а затем собирались на новом месте. Определенное внимание уделялось пище. В целом традиционные ногайские блюда не вызвали энтузиазма у гурманов и им не расточались большие похвалы. Тем не менее многие считали важным отметить традиционную для кочевников преимущественно мясо-молочную систему питания, с дотошным энтузиазмом описывали способы приготовления наиболее характерных блюд и напитков, как это сделал А.П. Архипов²⁷. Из напитков особый интерес вызывал «калмыцкий» чай, единственный, пожалуй, удостоившийся одобрительных оценок и рекомендаций к употреблению. Отмечалось, что ногайцы пьют его многократно в течение дня, а Ананьев, со вкусом и удовольствием описавший процесс его приготовления «ногайкой», вообще считал, что в ногайской ки-

²¹ Семенов Н. Ногайцы (этнографический этюд) // Терские ведомости. 1884. № 29.

²² Ананьев Г.Б. Караногайцы, их быт и образ жизни. С. 18.

²³ Малявкин Г. Караногайцы. С. 142.

²⁴ Ананьев Г.Б. Караногайцы, их быт и образ жизни. С. 6.

²⁵ Архипов А. Этнографический очерк ногайцев и туркмен // Кавказский календарь на 1859 г. Тифлис, 1858. С. 351.

²⁶ Малявкин Г. Караногайцы. С. 141

²⁷ Архипов А. Замечание о кумысе и айране // Вестник Императорского Русского Географического общества. 1851. Ч. II.

битке «почти целый день горят кизяки и готовится калмыцкий чай»²⁸. Н. Семенову неоднократно доводилось наблюдать развернутые церемониальные действия, связанные с традицией потребления чая: «А вот наступил и торжественный момент обеда: дверь кибитки расстворилась, и два человека внесли и поставили на пол деревянную миску с ручками вместимостью ведра в два. От миски до самого верха кибитки поднимается белый пар, а кругом распространяется запах калмыцкого чая. Хозяин уселся на корточки около любимого напитка, расставил вокруг себя деревянные ковши с ручками, стаканов 5–6 в каждом ковше, и занялся наполнением их с помощью деревянного половника. Молодые люди подхватывают наполненные ковши и обносят ими гостей, начиная со старшего. Выпивший первый ковш получает второй, за вторым иной выпьет третий, а то и четвертый. Калмыцкий чай — страсть ногайца»²⁹.

Однако в целом бытовой уклад ногайцев, специфика их обычаев, смысл народных традиций оставались для наблюдателей малопонятными. Некоторым даже казалось, что эта сторона жизни у ногайцев развития не получила. «Вообще у кочующих народов немного церемоний в домашнем быту», — писали в газете «Кавказ»³⁰. «Трудно представить себе жизнь более скучную и монотонную, чем жизнь но[гайца]», — столь же безапелляционно утверждал Семенов³¹. Но тот же Семенов в той же публикации последовательно показал сложноорганизованную повседневность ногайского аула с его нормативными поведенческими стереотипами во взаимоотношениях возрастных, поколенческих и гендерных групп, социальных страт, соотношение власти и авторитета, многообразные формы внутриобщинной солидарности.

Бытовые черты ногайцев описывали многие, часто не понимая истинного функционала того или иного явления, традиции, поведенческой или ментальной нормы. Например, М.Н. Алейников сетует, что «на свадьбы же или на какое-нибудь другое семейное торжество они (ногайцы. — Ю.А.) являются без всякого приглашения со стороны хозяина, почти всем аулом»³². Для Алейникова это негативная характеристика, хотя вполне понятно, что перед нами патриархальная норма, являвшаяся одним из механизмов сплочения, интеграции и объединения членов социума.

Уж как сросся с ногайской жизнью Ф.И. Капельгородский, но и он с раздражением описывал, как, задумав прорыть в Караногое артезианские скважины, первоначально столкнулся с сильным противо-

²⁸ *Ананьев Г.Б.* Караногойцы, их быт и образ жизни. С. 3, 6, 7.

²⁹ *Семенов Н.* Ногайцы. Этнографический этюд // Терские ведомости. 1884. № 28.

³⁰ *М.* Татарское племя на Кавказе // Кавказ. 1859. № 89.

³¹ *Семенов Н.* Ногайцы. Этнографический этюд. № 28.

³² *Алейников М.Н.* Поверья ногайцев // Сборник материалов для писания местностей и племен Кавказа. Вып. XVII. Отд. 2. Тифлис, 1893. С. 2.

действием и многочисленными препонами. Капельгородский винил в этом «богатых скотоводов, завладевших большими участками». Используя свой авторитет и влияние, они чинили ему препятствия, воздействовали на общество, которое «долго не соглашалось на бурение артезианских колодцев»³³. Однако за этой злобредностью Капельгородский не увидел духовной составляющей, оставшейся ногайским скотоводам в наследство от кочевнической ментальности с ее сакрализацией земли, с почтительным отношением к ее первозданности, с запретом всяких попыток ее потревожить и т.д.

При этом к ногайской ментальности приглядывались, и каждый наблюдатель непременно старался составить свое представление о наиболее знаковых чертах национального характера. Главной характеристикой народа считалось кочевничество, и в этой ипостаси ногайцев почти что романтизировали. «В степях ездят по звездам», — писал автор газеты «Кавказ», и далее, рассказывая о своем путешествии, он представлял читателю едва ли не эпизод из приключенческого романа: «Сначала ехали вправо, потом влево, после поехали прямо, наконец, поворотили как бы назад — и все это делалось по команде или скорее по крику рассыпанных в полуверсте проводников, которые беспрестанно кричали: джулдузга, джулдузга (к звезде, к звезде), джельден, джельден (от ветра, от ветра)»³⁴.

Если же обобщить все наличествующие характеристики ногайцев, то в целом складывается очень симпатичный образ добродушных, миролюбивых, тихих, кротких, дружелюбных людей, готовых в беде и в нужде прийти на помощь. При этом ногайцев считали неспешными, несуетливыми, спокойными. Малявкину пришлось по душе манера ногайцев разговаривать: «Характер беседы мирный, спокойный, ни резкого движения, ни неприятного жеста вы не увидите... кажется, будто собрались какие-то мудрецы и говорят одни истины»³⁵. Многими отмечалась гостеприимство ногайцев, А. Павлов подробно и в несколько елейном тоне описал довольно развитый этикет приема гостя³⁶.

Впрочем, наряду с этим предьявлялся также список негативных и неодобряемых черт характера, среди которых едва ли не сквозной характеристикой является приписываемая ногайцам лень. Описав нехитрые дела ногайца, анонимный автор присовокупляет: «Остальное время совершенно нечего делать». Зимой «пьют калмыцкий чай, да слушают сказки про богатырей и духов». Лишь весной у ногайца намечается некоторое движение, связанное с перекочевками и полевыми работами, а «потом снова бездеятельность, снова лень; разве съез-

³³ Капельгородский Ф.И. Караногай. С. 17.

³⁴ М. Татарское племя на Кавказе // Кавказ. 1859. № 87.

³⁵ Малявкин Г. Караногайцы. С. 145.

³⁶ Павлов А. О ногайцах, кочующих в Кизлярской степи. СПб., 1842. С. 2—10, 33—34.

дят куда-нибудь — и только»³⁷. О том же пишет Малявкин: «Караногайцы довольно ленивы, некоторые из них физической работой не занимаются. Праздность и бездельность — их обычное препровождение времени»³⁸. Даже П.П. Надеждин, не утрудившийся в своем крайне поверхностном повествовании дать более или менее подробный очерк о народе, посчитал нужным вставить, видимо, вычитанную где-то фразу про «леность ногайцев»³⁹.

Очевидно, что это пустое определение из тех же расхожих представлений о кочевниках, которые якобы лишь переходят с места на место, останавливаются только, чтобы приготовить нехитрую пищу, немного отдохнуть и более ничем не обременяют свое существование. Между тем огромный массив сведений, содержащийся в ногаеведческой литературе, весьма выразительно опровергал это досужее суждение, составляя разительное противоречие в работах порой одного и того же автора.

В описаниях хозяйственных занятий ногайцев основное внимание уделялось, понятное дело, прежде всего скотоводству. Оно во многом, часто фатально, зависело от природно-климатических условий и в целом требовало немалых трудозатрат и практически постоянной заботы. Кроме того, значительные группы ногайцев занимались хлебопашеством. Как писал Архипов, «жатвенная и сенокосная пора у ногайца та же, что у крестьянина, та же, что и у всякого, кто придерживается мало-мальски заведенного порядка местных условий»⁴⁰.

Ананьев заставлял ногайцев и за другими видами работ. «В весеннее, летнее и осеннее время, — писал он, — караногайцы находят себя массу работы в кизлярских садах, занимаясь сухой и зеленой подвязкой лоз, набивкой к лозам таркал, мотыжением травы в садах, резкой и давкой винограда». Среди ногайцев развивались домашние промыслы — сапожное ремесло, выделка арроб, шорное и седельное дело. Женщины занимались валянием войлока, вязанием из шерсти, выделкой шкур и курпеев⁴¹. Ногайцы не были чужды торговли, привозя на базары продукты своего хозяйствования: скот, лошадей, домашнюю птицу, которую собственно и разводили для продажи; кожи, масло, сыр; продавали излишки сена, приторговывали кизяком.

Особый вид занятий был связан с выполнением казенных повинностей. Ногайцы «дают конвой, содержат караулы, перевозят на арбах за прогоны провиант и без прогонов больных нижних чинов; за день-

³⁷ М. Татарское племя на Кавказе // Кавказ. 1859. № 89.

³⁸ Малявкин Г. Караногайцы. С. 144.

³⁹ Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. Тула, 1859. С. 232.

⁴⁰ Архипов А. Ногайцы // Кавказ. 1860. № 63.

⁴¹ Ананьев Г.Б. Караногайцы, их быт и образ жизни. С. 18.

ги перевозят лес для починок в укреплениях и доставляют сено, воду и дрова в управление приставов»⁴².

Новые социальные веяния не оставили ногайцев в стороне, заставив осваивать новые формы деловой и хозяйственной активности. Так, необходимость защищать личные и групповые интересы включала «ленивых» ногайцев в судопроизводственную практику. В газете «Кавказ» не скрывали удивления: «Теперь между ними, особенно между караногайцами, такие дельцы и ходатаи по делам, которые знают даже судную часть законов»⁴³. А.А. Твалчрелидзе сообщает еще об одной экзотической форме деятельности, которой были причастны некоторые жители Канглы — они «занимаются летом обучением верховой езде лиц, приезжающих в Пятигорск и Железноводск “покурсовать”, а также отдают лошадей внаймы для верховых прогулок, причем хозяева лошадей часто служат в качестве чичероне по окрестностям названных групп минеральных вод»⁴⁴.

При этом досуг занимал значительный объем времени, так как ногайцы любили повеселиться: «Наступит праздник, пойдут хороводиться из кибитки в кибитку, и везде едят баранину, везде пьют калмыцкий чай и скачут по привольным степям, распевая исторические песни»⁴⁵. Были и другие забавы, достаточно агрессивные, доставшиеся в наследство от кочевнического прошлого — скачки, борьба, охота. И еще один вид развлечений и отдохновения — это вид народного творчества, выразившийся в пении и исполнении разнообразных фольклорных нарративов — эпических сказаний, легенд, преданий, часто передаваемых в формах поэтических импровизаций. Анонимный автор так описывал фольклорные богатства ногайцев: «В народе существует много сказок, басен, анекдотов, где воспеваются герои Золотой Орды, Казани и Астрахани, описываются геройские дела с другими народами, которых они притеснили или которые их самих теснили»⁴⁶.

Семенов оставил любопытное описание того, как его принимали в ногайском ауле. В частности, вышедшие для развлечения певцы «чествовали гостя..., щеголяя друг перед другом подбором красивых фраз и рифмующихся слов»⁴⁷. Вообще богатство устно-поэтического творчества ногайцев, его включенность в бытовую повседневность было топовым сюжетом для многих этнографических работ. Фарфоровский указывал, что «каждая семья имеет свои особые исторические предания, связанные с фамильными прозвищами и фамильными эмблема-

⁴² М. Татарское племя на Кавказе // Кавказ. 1859. № 91.

⁴³ Там же. № 87.

⁴⁴ Твалчрелидзе А. Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях. Ставрополь, 1897. С. 50.

⁴⁵ М. Татарское племя на Кавказе // Кавказ. 1859. № 89.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Семенов Н. Ногайцы. Этнографический этюд.

тическими знаками и названиями»⁴⁸. Поют многие, но среди певцов выделяются особенные умельцы — «ногайские трубадуры», как их назвал Малавкин, исполняющие исторические песни, содержание которых «относится обыкновенно к эпохе процветания Золотой Орды»⁴⁹. Ананьев записал образцы этого поэтического и музыкального творчества, в частности песни о Тохтамыше, Мамае, Адиль-Солтане Крымском, Эрю-Амеде, Нариге и Чира-Батыре⁵⁰.

В целом ногайская действительность благоприятно воспринималась русскими наблюдателями. Многие срастались с ней, искренне пытались донести до читателя свое знание о народе, иные практическими делами стремились внести вклад в его развитие. На Павлова вхождение в ногайский мир оказало глубокое духовное воздействие. По его признанию, «в кругу степных людей, вникая в их характер, я совершенно переродился. Начал иначе об них мыслить, рассуждать и даже чувствовать. Какая же непостижимая сила привела меня до такого состояния, спрашивал я себя ежеминутно? И вдруг проснулась в душе моей новая мысль. “Ты среди людей добрых, без лести, хитрости, коварства. Вот эти самые свойства привязывают к ним твою душу, сердце, мысли и волю”»⁵¹.

Еще одной топовой темой ногаеведческой литературы были взаимоотношения ногайцев с соседствующими народами. Наряду с примерами добрососедских отношений в литературе описано немало конфликтных и конфронтационных ситуаций, в которые были вовлечены ногайцы. Наблюдатели отмечали, что наиболее частой, едва ли не основной причиной конфликтов была земля. «У ногайцев вечные поземельные споры с казаками и калмыками», — отмечалось в газете «Кавказ»⁵². Архипов пояснял, что «земли ногайцев, по своей обширности и обилию в целине, возбуждают величайшую зависть в казенных поселенцах».

При этом Архипов сформулировал очень важную мысль, хоть и представленную в несколько юмористическом тоне, но несущую глубокое историсофское осмысление проблемы. В частности, описывая примеры бытового общения ногайцев и русских, он задавался вопросом: что может быть общего между приехавшим из кочевья в город ногайцем «и каким-нибудь Петром Ивановичем, жителем скромного губернского захолустья в фризовой шинели, не без труда понимающими друг друга?». Но «ногаец» и «Петр Иванович» общаются, пытаются понять друг друга, и, наблюдая это, Архипов делает важное заклю-

⁴⁸ Фарфоровский С. Ногайцы в русской истории. С. 77.

⁴⁹ Малавкин Г. Караногайцы. С. 145.

⁵⁰ Ананьев Г. Караногайцы и их предания // Сборник сведений о Северном Кавказе. Т. II. Ставрополь, 1909.

⁵¹ Павлов А. О ногайцах. С. 34.

⁵² М. Татарское племя на Кавказе // Кавказ. 1859. № 87.

чение: «Это шаг важный, шаг к цивилизации с обеих сторон»⁵³ (подчеркнуто нами. — Ю.А.). В этом авторском заключении раскрывается спецификация позитивного развития цивилизационного единства в разноплеменном, разноязыком, разнокультурном социуме, объединенном в рамках единого государственного организма.

Для многих строителей Кавказа — и это, кстати, во многом произошло и в кавказоведческой литературе — наиболее адекватным рецептом развития виделось утверждение в крае одной, тотальной и всеобщей этнокультурной доминанты, с подавлением и нивелировкой, а то и элиминацией миноритарных этнокультурных традиций. Вряд ли этот путь можно было признать эффективным. При его реализации сама доминанта лишается возможности идентифицировать себя в окружающем этнокультурном многообразии, чтобы занять в ней не только доминирующий, но — что важнее — референтный статус. Между тем последнее возможно только в условиях двустороннего движения навстречу, когда не только миноритарий, но и доминант готов понять, впитать и вобрать в себя окружающие этнокультурные импульсы, совершив, повторим слова Архипова, «важный шаг к цивилизации с обеих сторон».

В то же время для многих авторов остро стоял вопрос, успеют ли ногайцы сделать этот шаг, отпущено ли им историей время для того, чтобы вписаться в цивилизационную динамику уже начинавшейся глобализации мира. На этот вопрос многие были готовы ответить отрицательно. Фарфоровский был уверен, что на Северном Кавказе «умирает один народец, который сыграл громадную роль в русской истории». Малявкин вынес суровый приговор караногойцам, считая, что «это племя доживает последние дни». При всей любви к этому народу Капельгородский считал, что «население Караногая... составляет вымирающее племя, остаток Золотой Орды»⁵⁴. Однако и здесь уважаемые авторы противоречили себе. Выдавая мрачные прогнозы и трагические предсказания, они не удосужились понять, что сами же в своих работах представили «портрет» народа, который, возможно, знал более яркие страницы своей истории, но оставался живым этносоциальным организмом, сохраняющим богатые традиции, не чуждающимся новаций, занимающим достойное место среди многоязыкого и поликультурного населения Северного Кавказа.

В заключение отметим, что, к сожалению, дореволюционное ногаеведение не может похвастаться слишком уж богатым наследием. В известном библиографическом компендиуме А.А. Ярлыкапова за-

⁵³ Архипов А. Ногайцы // Кавказ. 1850. № 83.

⁵⁴ Фарфоровский С. Ногайцы в русской истории. С. 76; Малявкин Г. Караногойцы. С. 133; Капельгородский Ф. Караногай. С. 48.

фиксировано чуть более восьмидесяти позиций⁵⁵. Это не очень много, особенно если сравнивать с такими богатейшими разделами кавказоведения, как литература об осетинах, народах Дагестана, адыгах и др.

Поэтому мы с особой благодарностью вспоминаем имена тех, кто в своих трудах оставил нам бесценные свидетельства и описания традиционного ногайского быта. Это – Иосиф Викентьевич Бентковский (1812–1890), Павел Иванович Небольсин (1817–1893), Агафангел Петрович Архипов (1821–1875), Сергей Васильевич Фарфоровский (1878–1938), Филипп Осипович Капельгородский (1882–1938), Герасим Борисович Ананьев (ум. в 1942 г.) и др. Именно их труды заложили исследовательскую и источниковую базу, на основании которой во многом стал возможен выдающийся прорыв ногаеведческих исследований в XX и XXI столетиях. И здесь мы с большим уважением произносим имена этого поколения – выдающихся исследователей-ногаеведов. Это Абдулхамит Шаршенбиевич Джанибеков (1879–1955), Би-Арслан Балбекович Кочекаев (1929–1996), Ашим Имам-Маземович Сикалиев (1936–2016), Рамазан Хусинович Керейтов (1943–2019), а также Даниял Сайдахметович Кидирниязов, Нусипхан Хусиновна Суюнова, Ахмет Аминович Ярлыкапов, Владислав Владимирович Грибовский, Аминат Хасановна Курмансеитова, Эльдар Шамигуллович Идрисов, Аминат Исмаиловна Капланова, Мадина Багавутдиновна Гимбатова и другие современные исследователи, которые внесли огромный вклад в стратегию дальнейшего изучения истории, культуры и быта ногайского народа.

В ряду современных ногаеведов выдающееся место по праву принадлежит Вадиму Винцеровичу Трепавлову. При широком разнообразии научных интересов ногайская проблематика неизменно находится в поле его исследовательского внимания. Фундаментальная монография В.В. Трепавлова «История Ногайской орды» впервые в историографии осветила основные пути политического развития крупнейшего государственного образования ногайского народа. Выдержавшая несколько изданий «История...», а также другие ногаеведческие работы ученого составляют мощный каркас наших знаний об историческом прошлом одного из народов нашей страны.

Литература

Алейников, М.Н. Поверья ногайцев [Текст] // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 17. Отд. II. С. 1–14. Тифлис: Управление Кавказского учебного округа, 1893. 530 с.

Аликов, В.Н. Очерк положения животноводства в Терской области, составленный по данным обследования, произведенным в 1912 г. [Текст] Владикавказ: Комиссия животноводства Терской области, 1914. 103 с.

⁵⁵ *Ярлыкапов А.А.* Библиографический указатель научной литературы по ногайцам. Махачкала, 1998.

- Архипов, А.П.* Ногайцы [Текст] // Кавказ. 1850. № 63.
- Архипов, А.П.* Этнографический очерк ногайцев и туркмен [Текст] // Кавказский календарь на 1859 г. С. 347–356. Тифлис: Главное управление наместника Кавказского, 1858. 559 с.
- Архипов, А.П.* Замечание о кумысе и айране [Текст] // Вестник Императорского Русского Географического общества. Ч. 2. Отд. X. С. 45–48. СПб.: Типография Эдуарда Веймара, 1851. 672 с.
- Ананьев, Г.Б.* Караногайцы, их быт и образ жизни [Текст] // Сборник сведений о Северном Кавказе. Т. II. Ставрополь-Кавказский: Типо-Литография Т.М. Тимофеева, 1909. 225 с.
- Г.Ст. [Стивен Х.Х.]* Журнал путешествия по земле донских казаков, к Кавказу и в Астрахань [Текст] // Северный архив. СПб., 1824. Ч. 12. № 19. Отд. 3. С. 89–102; № 21. Отд. 3. С. 159–192; № 23–24. Отд. 3. С. 260–269.
- Новый год в Ставропольской губернии [Текст] // Кавказ. 1859. № 7.
- Капельгородский, Ф.И.* Караногай // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ: Типография терского областного правления, 1914. № 10.
- Калантар, А.А.* Состояние скотоводства на Кавказе [Текст] // Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. Т. 2. Тифлис: Типография А.А. Михельсона, 1890. 207 с.
- Косвен, М.О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке [Текст] // Кавказский этнографический сборник. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 376 с.
- М. Татарское племя на Кавказе [Текст] // Кавказ. 1859. № 86.*
- Малаякин, Г.* Караногайцы [Текст] // Терский сборник. Вып. 2. Кн. 3. Владикавказ, 1893. С. 133–173.
- Надеждин, П.П.* Кавказский край. Природа и люди. [Текст] Тула: Типография и литография Е.И. Надеждиной, 1895. 449 с.
- Павлов, А.М.* О ногайцах, кочующих в Кизлярской степи. [Текст] СПб.: Типография Департамента внешней торговли, 1842. 47 с.
- Семенов, Н.* Ногайцы (этнографический этюд) [Текст] // Терские ведомости. 1884. № 28, 29.
- Твалчрелидзе, А.И.* Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях. [Текст] Ставрополь: Типография М.Н. Корицкого, 1897. 760 с.
- Фалев, П.А.* Отчет о поездке в Закавказье и в Азербейджан летом 1916 года в связи с охраною памятников восточных древностей на Кавказском фронте [Текст] // Известия Академии наук. Пг., 1917. Т. 11. Вып. 3. С. 171–176.
- Фарфоровский, С.В.* Народное образование среди ногайцев Северного Кавказа в связи с современным их бытом [Текст] // Журнал министерства народного просвещения. 1909. № 12. С. 179–212.
- Фарфоровский, С.В.* Ногайцы в русской истории [Текст] // Русский архив. 1914. Кн. 2. № 5. С. 76–82.
- Ярылкапов, А.А.* Библиографический указатель научной литературы по ногайцам. [Текст] Махачкала: РИП, 1998. 95 с.

Мурад Рамзи об истории башкир с XVI по XIX в. Фрагмент перевода «Талфик ал-Ахбар»

В данной статье приводится перевод главы об истории башкирского народа с XVI по XIX вв. из двухтомного исторического арабоязычного сочинения «Талфик ал-ахбар» известного во многих регионах мусульманского мира суфийского шейха, переводчика, публициста и историка Мухаммада Мурада Рамзи (1855–1935). В целом книга посвящена последовательному изложению истории тюрков-мусульман Российской империи.

Ключевые слова: Мурад Рамзи; «Талфик ал-ахбар»; история башкир; историография Урало-Поволжья

S.Z. Akhmadullin

MURAD RAMZI ABOUT THE RUSSIAN PERIOD OF BASHKIRS' HISTORY (TRANSLATION OFFRAGMENT OF «TALFIQAL-AKHBAR»)

The article contains a translation of the chapter about the Russian period of history of the Bashkirs comprised in the two-volume historical work in the Arabic language «Talfiq al-ahbar» written by Muhammad Murad Ramzi (1855–1935), known in many regions of the Muslim worlds as the Sufi sheikh, translator, publicist and historian. The book is dedicated to the serial history of the Turkic Muslims of the Russian Empire.

Key words: Murad Ramzi; Talfiq al-ahbar; History of the Bashkirs; Ural-Volga region's historiography

В рамках статьи мы обращаемся к труду одного из ярких представителей мусульманской культуры своего времени – Морадуллы ибн Бахадиришаха Абдуллаха (1855–1935), который более известен современному читателю как историк, суфийский наставник, переводчик и публицист Мурад Рамзи. Его имя узнаваемо как в России, так и в различных регионах мусульманского Востока, а творческое наследие представляет собой ценный источник, позволяющий почерпнуть важные сведения для понимания исторических, политических, религиозных и культурных процессов на территории России, в частности на Урало-Поволжье в конце XIX – начале XX в. Перу М. Рамзи принадлежат переводы с персидского на арабский язык известных произведений суфийского содержания, например «Ал-мактубат аш-шарифа ал-маусум биддурар ал-макнунат ан-нафиса» («Благородные послания, отмеченные жемчужинами сокровенных тайн») авторитетного суфийского шейха Имама Раббани (1564–1624), «Рашахат `айн ал-хайат» («Капли из источника вечной жизни») Фахраддина Али-Шафи Кашифи (1463–1531). Также ему принадлежит авторство агиографического труда «Нафаис ас-салихат фи тазйили ал-бакийат ас-

салихат» («Драгоценности случайных мыслей в добавление добрых дел») (Мекка, 1890), статей на социально-политических, религиозно-философские темы, опубликованных на страницах таких дореволюционных изданий, как «Шура», «Ад-дин вал-адаб»; стихотворных произведений¹.

В России наиболее известен исторический труд Рамзи «Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакаи' Казан ва Булгар ва мулук ат-татар» («Собрание известий и сочетание преданий о событиях Казани, Булгара и татарских царей»). Впервые он был опубликован в Оренбурге в 1908 г. при финансовой поддержке известного на Урало-Поволжье суфийского наставника и основателя медресе «Расулия» Зайнуллы Расулева (1833–1917).

«Талфик ал-ахбар» представляет собой написанное на арабском языке фундаментальное сочинение в двух томах, в четырех частях, в котором последовательно излагается история тюркоязычных, мусульманских народов Российской империи.

Начинается книга с объемного введения, посвященного происхождению, хронологии развития тюрков и их взаимоотношениям с соседями. В первой части описывается история Волжской Булгарии и ее населения до завоевания последней монголами. Вторая часть рассказывает о нашествии монголов, образовании обширного государства и распространении в нем ислама. В третьей излагаются события, произошедшие до и во время завоевания Казани Иваном Грозным. В четвертой части описываются события, связанные с историей Казани и ее населения с момента присоединения к Русскому государству и до современного для автора труда времени. Кроме того, в последней части своего сочинения М. Рамзи приводит краткие биобиблиографические сведения примерно ста общественно-политических и религиозных деятелей, а также просветителей – своих современников.

Книга М. Рамзи «Талфик ал-ахбар» представляет ценность в различных аспектах. Во-первых, это письменный памятник историографии мусульманских народов (башкир, татар) Урало-Поволжья конца XIX – начала XX в. Во-вторых, книга является письменным зафиксированным артефактом, свидетельствующим о развитии национального самосознания и этнической самоидентификации указанной общности народов рассматриваемого периода. В-третьих, сама структура книги М. Рамзи, способ освещения им истории тюркских народов, методы привлечения письменных источников других историков – мусульманских, русскоязычных и западноевропейских – все это помогает реконструировать в какой-то мере образ мышления, менталитет интеллектуала, жившего на рубеже XIX и XX вв.

Нельзя не подчеркнуть, что «Талфик» является одним из немногих трудов на арабском языке, обращенных к истории России. Несмотря

¹ *Ахмадуллин С.З.* Мурад Рамзи и его касыда о Зайнулле Расулеве // Проблемы востоковедения. 2013. № 2 (60). С. 73–78.

на то что тема России не выведена в заглавие книги, практически весь второй том посвящен истории взаимоотношений Центра и мусульманского Поволжья.

Работу над своим фундаментальным сочинением автор начал в период пребывания в Медине в 80-х гг. XIX в. Имея доступ к арабским, персидским и тюркоязычным источникам, в том числе и рукописным, он активно использовал их (наряду с русскоязычными источниками) в своей работе, что, несомненно, можно назвать в числе преимуществ «Талфика».

Вскоре после издания книги на ее тираж наложил арест Казанский временный комитет по делам печати по причине «злобного и ненавистного отношения автора к христианству и христианам вообще и ко всему русскому»². Однако, судя по тому что экземпляры этой книги сегодня хранятся во многих библиотеках России и за рубежом, что в дореволюционной литературе имеются упоминания об использовании данной книги в качестве учебного пособия в ряде медресе, что она наличествует в частных коллекциях многих представителей мусульманской интеллигенции Урало-Поволжья в начале XX в.³, можно заключить, что книга успела получить достаточно широкое распространение.

Полное и отредактированное переиздание «Талфик ал-ахбар», вышедшее в свет в 2002 г. в Бейруте под общей редакцией И. Шамсуддина⁴, который также является и автором предисловия, свидетельствует об актуальности содержания и важности тем, поднятых М. Рамзи. Переиздание примечательно тем, что редакторы, будучи носителями языка, проделали большую текстологическую работу. Они очистили текст от грамматических и лексических ошибок, а в дополнение предприняли попытку прояснить замысловатые фрагменты текста.

Оригинальный язык М. Рамзи, отличающийся витиеватостью и «тяжелым слогом»⁵ вкуче со множеством текстологических ошибок, а также следование традициям средневекового арабграфичного текста, в котором отсутствуют диакритические знаки (огласовки) в словах, обозначения окончания одного предложения и начало другого, маркера между второстепенными темами и разделами книги или разбивки текста на абзацы и многие другие особенности вызывают серьезные затруднения в понимании текста читателями. В этом отношении

² *Ахмадуллин С.З.* «Талфик ал-ахбар» Мурада Рамзи: наперекор цензурным запретам и судебным преследованиям // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2017. № 7. С. 8–12.

³ *Мехдиев Р.Н.* Дамелла Абдулла-хазрат Сеййидбаттал углы Муллакаи. Оренбург, 1916. С. 8.

⁴ *Рамзи М.М.* Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакаиғ казан ва булгар ва мулюк ат-татар. В 2 т. / М. М. Рамзи; предисл. Ибрахима Шамсуддина. Т. 1–2. Бейрут, 2002.

⁵ Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 420. Оп. 1. Д. 115. Л. 100.

работа редакторов переиздания над текстом «Талфика» особо ценна. Однако следует отметить, что и в нем встречаются лексические и смысловые ошибки, возникшие в связи с неверным представлением описываемых народов России.

Поскольку рукопись данного труда еще не обнаружена, при переделке мы пользовались упомянутыми изданными текстами.

В целом историю башкир в «Талфик ал-ахбар» Рамзи рассматривает в контексте истории развития других тюркских народов, населявших Российскую империю. В его труде не осталась без внимания и история башкир с XVI до начала XX в. Ей посвящена часть четвертой главы, озаглавленная «Овладение русскими территорией на востоке от реки Кама и землями башкир, и то, какие ужасающие события там происходили после этого», оренбургского издания его книги, отличающегося от бейрутского⁶. М. Рамзи строит свое повествование по хронологическому принципу. Сначала он рассматривает русско-башкирские отношения XVI–XVII вв., затем переходит к определению места башкир в имперской политике России XVIII – начала XX вв.

При написании этой части своего сочинения Рамзи активно пользовался нормативно-правовыми актами. Историческое повествование по большей части строится посредством изложения содержания законодательного акта с привязкой ко времени его появления. Значительная часть работы опирается на Полное собрание законов Российской империи.

Несмотря на то что работа Рамзи выстроена по хронологическому принципу на базе документов царского времени, нельзя не обратить внимания на подборку указов, их трактовку, авторские выводы. Напомним, что материал изложен на арабском языке. Рамзи часто обращается к трудам Н.М. Карамзина, современным ему изданиям (например, к «Истории Оренбургского края» М. Хадиева), периодической печати⁷.

В оренбургском издании, которое взято мною за основу исследования, Рамзи в соответствии с собственным пониманием (без ссылок на других авторов) представляет в качестве введения общую картину исторических событий XVI в. и социально-политические процессы, связанные с присоединением Поволжья к Русскому государству. Далее он выстраивает панораму эпохи XVI–XIX вв. Ярко передан им период XVII–XIX вв., наполненный народными волнениями и восстаниями.

Для Башкирии начало новой эпохи в ее истории ознаменовалось после вхождения башкир в состав Российского государства. Среди дореволюционных и части советских и современных исследователей

⁶ В текст бейрутского издания добавлена вводная часть, в которой описывается «история русских».

⁷ В частности упоминается газета «Йолдыз».

преобладает мнение о его добровольном характере⁸. Для М. Рамзи же события, связанные с вхождением башкир в состав Русского государства, видятся таким образом: «Башкиры и прочие народы, которые, избегая от гнета новых властей, переселились на башкирские земли, — не сумели объединиться под одним главой и защитить свою родину». В результате «пожар, пылавший в Казани и ее окрестностях, перекинулся на башкирские земли и продолжился там более 200 лет»⁹. Автор высказывает предположение, что если бы башкиры вместе с переселившимися на башкирские земли жителями бывшего Казанского ханства встали на защиту своих земель и независимости, то «несомненно, смогли бы» добиться этого.

Рассуждая, почему не произошло объединения народов, автор отмечает «отсутствие осознания ценности независимости»; «непонимание негативных последствий подчинения»; «отсутствие предводителей, способных объединить народ принудительно, подобно Чингисхану или Явуз Султан Селиму». По перечисленным причинам эти народы не смогли выдвинуть единого предводителя, а «жители каждой местности подчинялись своему отдельному старейшине», среди которых, по мысли Рамзи, не было никого, подходящего на роль всеобщего предводителя. Но, как указывает Рамзи, «даже если с их стороны были бы многократные атаки на Россию, и они продолжались бы долго, но они не строились на принятых порядках и не были бы в рамках социальных структур, то это не принесло бы никакого результата, кроме кровопролития с обеих сторон, и в конце концов огромного урона для побежденной стороны. Да, если Всевышний желает блага или зла, то Он прежде всего подготавливает причины. Таким образом, для русских были подготовлены причины для захвата этих земель, и это было облегчено им... События изменчивы (из аята Корана), и победы в войнах чередуются. А Аллах одаривает властью того, кого пожелает, и лишает того, кого пожелает»¹⁰.

Как увидим ниже, в вопросе присоединения башкир к Русскому государству Рамзи исходит из ценности независимости народа. Он видит возможность объединенного сопротивления против русского

⁸ См.: *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. Т. I. Ч. 1. М., 1962. С. 237; *Карамзин Н.М.* История государства Российского / Под ред. А.Н. Сахарова. Кн. 2. Т. VIII. М., 1989. С. 135; *Новиков В.А.* Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, 1903. С. 2; *Усманов А.Н.* Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Изд. 2. Уфа, 1982; *Асфандияров А.З.* Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI — первая половина XIX в.). Уфа, 2006. С. 25–42; *Трепавлов В.В.* Башкортостан в эпоху Салавата: два столетия Российского подданства // Идея свободы в жизни и творчестве Салавата Юлаева / Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 250-летию со дня рождения Салавата Юлаева. 3 июня 2004 г. Уфа, 2004. С. 24–25; *Кузеев П.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992. С. 115.

⁹ *Рамзи М.М.* Указ. соч. Т. 2. С. 205.

¹⁰ Там же.

подданства, но все же не причисляет акт присоединения ни к добровольному действию, ни к завоеванию со стороны русского царизма. Рамзи приходит к выводу, что вхождение в состав Московского государства не привело к взаимному кровопролитию и было в интересах обеих сторон. Действительно, башкиры в XVI–XVIII вв. в защите своих прав и интересов опирались на те условия, с которыми они вошли в состав Московского государства¹¹.

Но, как следует из представленного ниже фрагмента перевода, Рамзи, выступая в первую очередь как религиозный деятель, настаивает на важности религиозной свободы, которая, согласно его представлениям, имела у башкир-мусульман до присоединения к Русскому государству, исповедующему христианство.

Излагая картину присоединения башкир к России, Рамзи связывает историческую «взаимовыгодность» этого процесса с неразвитостью башкирского общества, разрозненностью башкирских племен и отсутствием единого руководства. Действительно, в XVI в., ко времени формирования тесных отношений между башкирами и Московским государством, на разных территориях социальная организация существенно различалась и представляла собой совокупность племен и родов, ведущих кочевой или полукочевой образ жизни¹².

Падение Казани освободило западных и северо-западных башкир из-под власти казанского хана. Во второй половине XVI в. ногаи (ногайцы) ушли с Южного Урала¹³. Как указал Ч. Стейнвелд, «в целом для башкир было характерно отсутствие постоянных и централизованных государственных институтов или ханской власти, которой подчинялись их соседи»¹⁴. После присоединения башкирских земель к России край с 1557 г. подпал под социальное и политическое влияние Московского государства. На протяжении последующих веков царская власть стремилась добиться политической лояльности со стороны башкир. От Ивана IV башкиры получили жалованные грамоты, царская власть обещала не вмешиваться в религию башкир и не посягать на вотчинные права. Вспыхивавшие в XVII–XVIII вв. народные восстания, вызванные конфискацией земли, поднимались в защиту вотчинного права башкир на землю¹⁵.

¹¹ История башкирского народа / Под. ред. М.М. Кульшарипова. Т. 3. М., 2011. С. 8.

¹² Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М., 1974. С. 69.

¹³ Тренавлов В.В. Ногаи в Башкирии, XV–XVII в. // Материалы и исследования по истории и этнологии Башкортостана. Уфа, 1997. С. 24.

¹⁴ Стейнвелд Ч. Племя, сословие или национальность? Изменения в характере башкирской обособленности в контексте Российской империи // Новая имперская история постсоветского пространства / Под ред. И.В. Герасимова [и др.]. Казань, 2004. С. 477.

¹⁵ Постоянно выходившие царские указы (1664, 1682, 1694, 1734, 1739, 1790 гг.) подтвердили наследственное право башкир на племенные земли. См.: Там же. С. 478.

Перевод главы

«Талфик ал-ахбар» Овладение русскими территории на востоке от реки Камы и землями башкир и негативных последствиях, к которым это привело

Россия после покорения Казани захватила некоторые земли на востоке от реки Камы и подчинила некоторые живущие там роды [таифэ] башкир, чтобы они платили джизью (ясак. — С.А.) России, согласно тому, о чем упоминалось ранее. Это не коснулось внутренних районов башкирских [земель], которые были независимы, и [башкиры там] осуществляли самоуправление. Как уже упоминалось, и население Казани и ее окрестностей, которое спаслось от гибели, и население горных районов — мишары и прочие [народы] — переселились туда, спасаясь от злодеяний новых властей и их гнета. Их, переселенцев, [количество] было не меньше коренного населения, то есть башкир.

Если бы все эти племена сплотились и объединились под властью одного предводителя, который учитывал бы их мнения и управлял их делами, они сконцентрировали бы все свои старания ради этого дела [обороны], сумели бы защитить себя. Если бы не жалели своего имущества и со всей душой [шли] по этому пути, то (если даже [они] не смогли бы вернуть Казань), несомненно, получили бы возможность сохранить свое существование и независимость. Они смогли бы защитить от врагов свою родину, свои права и отразить нападения [неприятеля] без особого труда, потому что они были [достаточно] многочисленны и отважны. Более того — они были свидетелями того, что сделали русские с населением Казани, сами убедились в их намерениях относительно своей высокопочитаемой религии, кроме которой у них ничего и не осталось.

Лишь осознание степени независимости, ее ценности и понимание свободы и ее сладости могло подтолкнуть эти народы к противостоянию натиску русских. Кроме того, они должны были понять, что под чужим правлением много скверного [кубх], разложения [фасад], низости, позора, злобы и отсутствия безопасности. К сожалению, среди этих людей не было таких личностей, которые могли бы объединять их своим авторитетом, осуществлять управление ими, вести их дела. Нельзя не отметить, что в то время жители каждой окрестности подчинялись отдельному старейшине. Но эти старейшины не обладали качествами предводителей. Они наглядно подтверждали слова поэта:

Если на корабле не будет капитана,
И начнется буря, то им будут управлять лягушки.

И не было среди них [никого], кто, подобно Чингисхану и Явуз Султан Селим-хану, собрал бы их под одним знаменем силой своей власти. Поэтому даже многократные продолжительные нападения этих народов на Россию не принесли бы никакого результата, кроме кровопролития с обеих сторон и огромных потерь для побежденной стороны. Да, если Всевышний желает блага или зла, то Он прежде всего подготавливает предпосылки. Таким образом, русским были подготовлены предпосылки для захвата этих земель, что облегчило для них [этот захват]. Как прекрасны слова поэта:

Так уж определены Всевышним взаимоотношения между людьми¹⁶:

Несчастья одного народа — польза для другого.

События изменчивы, и победы в войнах чередуются. А Аллах одаживает властью того, кого пожелает, и лишает власти того, кого хочет. И невозможно призвать Его к ответу за то, что Он вершит. Любые деяния Всевышнего — самая что ни на есть мудрость, даже если она скрыта от наших слабых умов.

В итоге «пожар», долгие годы продолжавшийся в окрестностях Казани, после этого перекинулся на башкирские земли и продолжался здесь более двухсот лет. Систематизированных и упорядоченных исторических сведений, повествующих о событиях того периода, равно как и предшествовавшего ему, мы не имеем. И, следовательно, нет на нас вины в том, что они отсутствуют в этой главе. И также не стоит нас упрекать, если мы допустили ошибки в изложении некоторых событий или вовсе пропустили некоторые из них. Мы здесь привели то, что смогли найти из истории России Карамзина и других [авторов]. И сказал Карамзин: «Во время того, как Ермак направлялся в Сибирь, для того чтобы захватить ее, в 1581 году князь Пелымский¹⁷ осадил крепость Чердынь, находящуюся в верховьях реки Камы с большим количеством *истяков* (так Рамзи называет остяков. — С.А.), *вогулов*

¹⁶ Фрагмент из Корана, сура Али Имран, 140 аят (перевод И.Ю. Крачковского):

Если вас коснулась рана, то такая же рана коснулась и того народа.
Эти дни мы сменяем чередой среди людей, и чтобы знал Аллах тех,
которые уверовали и взяли из вас исповедников, — поистине Аллах
не любит несправедливых!

¹⁷ В этом фрагменте М. Рамзи цитирует Н.М. Карамзина (см. след. сноску). Возможно, Рамзи не имел представления о Пелымском княжестве и, соответственно, полагал, что «Пелымский» — это русский князь. Также и читатель, татарский или арабский, мог быть введен в заблуждение, что русский князь вместе с башкирами нападал на Чердынь. Пелымское княжество — объединение племен манси, существовавшее с середины XV до конца XVI вв. До присоединения к России этот племенной союз был известен под названием Пелымское государство, или Пелымское княжество. Территория княжества находилась в бассейнах рек Пелым, Сосьва и Лозьва и включала также племенные объединения манси по реке Конда и Табарское княжество на реке Тавда. Возглавлялось Пелымское княжество родовой аристократией.

(вогуличей, манси. — С.А.), *башкир и сибирских татар*. И они убивали, грабили и уводили в плен, однако после того, как услышали весть о Ермаке, вернулись на свои земли [дома]»¹⁸.

Сказано: «...и в 1616 г., что соответствует 1025 г. по хиджре, когда услышал Михаил Третий Федорович¹⁹ о переселении жителей Керкин²⁰ из северных окрестностей Уфы в восточную сторону реки Камы из-за страха нападения племен *пермяк* отправил им указ, запрещающий нападать на племя *башкир*». Сказано: «...и в 1633 г. вышеупомянутой Михаил издал указ, предписывающий направить людей — справедливых и мужественных — для сбора подати у племени башкир, проживающего в окрестностях Уфы, чтобы эти сборщики [при сборе] не проявляли несправедливость. И в 1645 г. — в последний год правления упомянутого Михаила — отправил воеводе Голованову распоряжение с тем, чтобы отбить племена калмыков, которые нападали на селения племени башкир, находящиеся на побережье реки Камы, и с тем, чтобы защитить этих башкир от их набегов с теми из русских солдат, которые имеются при нем. И в упомянутом 1645 году умер Михаил Федорович Романов, и его место занял его сын Алексей Первый. Сказано в Русском сборнике законов: Алексей в 1649 г. написал в книге законов запрет на покупку земель башкир, татар, чувашей, черемисов и вотяков (ар), и [запрет] на их многолетнюю аренду, также на изъятие из владения недавно поселившихся на них и крещенных, и их передачи татарам, в случае если земля изначально принадлежала коренному населению. И в 1655 г. башкиры напали на окрестности Кунгура, захватили ее, убили много черемисов. И в 1663 г. [соответствует 1074 г. по хиджре] приказал правитель [первый воевода] Казани Куракин поселить племя башкир в окрестностях Казани из-за их объединения с группой калмыков для восстания против России. Известно, что предводителем в этом восстании, который организовал и подготовил его, был человек по имени Сейид Джа'фар ар-Раис. И говорится, что он сражался против русских вместе с теми, кто последовал за ним, на протяжении двадцати лет, в течение которых, как говорят, он отстоял существование племени башкир в несчастиях 1670 г. И в 1673 г. было объявлено группе башкир о том, что разрешено им искать

¹⁸ В «Истории государства Российского» (Т. 9. Гл. 6) Н.М. Карамзин писал: «В то самое время, когда Российский Пизарро, не менее Испанского грозный для диких народов, менее ужасный для человечества, шел воевать Кучюмову державу, Князь Пельмский с Вогуличами, Остяками, Сибирскими Татарами и Башкирцами нечаянно напал на берега Камы, выжег, истребил селения близ Чердыни. Усоля и новых крепостей строгановских: умертвил, пленил множество Христиан. Защитников не было; но сведав о походе Козаков в Сибирь, он спешил удалиться для защиты собственных владений».

¹⁹ От Рамзи: «И он первый, кто правил из династии Романовых в 1022 г. по хиджре, как недавно упоминалось».

²⁰ Арабское написание в «Талфик...»: كركين.

месторождения золота, и в случае находки им следовало сообщать об этом правительству, и сообщившему полагались привилегии и чины.

В 1675 г. вышел тайный указ, запрещающий продажу ружей и пороха и прочих военных принадлежностей башкирам.

В 1676 г. умер Алексей. В его эпоху большая часть Литвании была присоединена к России и не осталось от нее ничего, кроме южной стороны — области Крыма и Одессы. На троне его заменил сын — Федор Третий Алексеевич. В упомянутый год русские получили сведения о том, что группа башкир, проживающая на берегах реки Кинели, готовится напасть на прибрежные земли реки Камы. И русские «поправили дело», предотвратив нападение.

В 1677 г. командующий Пушкин потребовал от своего руководства военное снаряжение для устрашения башкир. И сказал, что башкиры не перестают прибывать в Аятскую слободу толпами. И по их поведению и движениям становится ясно, что у них есть дурные цели в этом скоплении. И приказал наместник Уфы собирать с башкир, проживающих в окрестностях реки Табын, постоянные поборы, а они [к тому времени] отказывались от уплаты.

И в 1678 г. правитель Чердыни получил указ от своего руководства [правительства] о принятии мер предосторожности от нападений башкир.

И в 1682 г. умер Федор, не оставив после себя сына. У него было два брата — Иван и Петр. Иван был слабым и неспособным управлять делами и он сам привлек своего брата Петра к правлению, сделал своим компаньоном. Поскольку Иван также был и малолетним, их старшая сестра Софья стала их опекуном до тех пор, пока Петр не повзрослеет.

В том же году до смерти Федора или [сразу] после нее башкиры поднялись против Российского государства и сосредоточились близ Уфы. И поэтому российский князь написал командующему Барятинскому, приказывая собрать войско и привести его к месту восстания. И в июне русские получили сведения, что башкиры стянули силы и сговорились с группой калмыков напасть на Россию. И со слов их историков становится ясно, что они напали на Казанский уезд, поскольку они сказали, что, когда башкиры напали по сговору с группой калмыков на Казанский уезд в сентябре того же года, предатель — князь Хованский не отправил войско стрельцов²¹, которые были под его командованием, для отражения атак упомянутых племен. В 1683 г.²² собралось 40 тысяч из групп калмыков для нападения на окрестности Уфы, они рассредоточились на берегах реки Чуртанлы. И в

²¹ В тексте «Талфика»: «войско стерлич».

²² От Рамзи: и вероятно, что предводителем в этих нападениях был человек по имени Алдар из племени башкир.

1689 г., который соответствует 1100 г. по хиджре, Петр вступил на престол, заточив свою сестру Софью в монастырь, и приступил к усердной работе, засучив рукава. Он, сконцентрировав все свои мысли, посвятил все свое время обновлению [реформированию] Государства Российского и совершил дела, от которых умы приходят в изумление — и это широко известно. Он так реформировал государство, что благодаря этому страна достигла сегодняшнего положения, несмотря на различные дворцовые перевороты, [случившиеся] после его эпохи. По этой причине его стали называть Петром Великим. Несмотря на его искусственность в политике, христианские корни и необоснованный фанатизм²³ привели [Петра I] к мысли о насильственной христианизации инородцев. Дело дошло до того, что он издал указы, объявив о высылке в шестимесячный срок в другие страны всех, кто не принял христианства. А что касается тех инородцев, кто не переселился в указанные сроки, то они по умолчанию будут считаться христианами²⁴. По этой причине в некоторых регионах произошли беспорядки. В конце концов умелый политик победил в нем фанатизм, и он отказался от этой вредоносной и бесплодной идеи. Его реформы, реорганизации и великое множество свершений общеизвестны, и нет нужды описывать их в этой книге. И в 1714 г., что соответствует 1126 г. по хиджре, Петр издал указ, предписывающий принять группу башкир на службу для строительства городов, которые он [Петр I] желал основать в Сибири. И в 1720 г. он амнистировал группу башкир за их старые преступления и бунты. Для этого он отдал соответствующие распоряжения. И подкрепил требованиями, запрещающими притеснять их. И [предписал] оказывать содействие тем из них, кто желает работать на золотых приисках в окрестностях Перми. И в 1722 г. вышли распоряжения, запрещающие направленным в окрестности Уфы шпионам заниматься сбором сведений о башкирах. Я считаю: словно они почувствовали себя в безопасности от их восстаний и бунтов, потому что их силы были уже исчерпаны. И не упоминаются²⁵ проживающие в Астраханской и Уфимской губерниях татары и башкиры в том законе Петра Первого 1724 г., в котором он отрегулировал

²³ В тексте «Талфика»: *الجاهلية الحمية* (хамийят ал-джахилийя) — упорство, фанатизм времен невежества.

²⁴ Здесь подразумевается царский указ от 1713 г. (ПСЗ-1. Т. 6. № 2734), где «бусурманам магометанской веры» Казанской и Азовской губерний, «за которыми есть поместья и вотчины», а также крестьяне, дворовые и деловые люди православной веры, для сохранения своего положения и имений предписывается покреститься «конечно в полгода». «А ежели не покрестятся», поместья и вотчины вместе с крестьянами и людьми «отписать» на государя.

²⁵ Примечание М. Рамзи: «То есть, Петр провел перепись населения и установил для мужчин имущественный налог и военную службу для определенного количества (башкир), но этот порядок не затронул населения губерний Астраханской и Уфимской с проживающим в них татарским и башкирским населением по причине того, что они проживали близко к границам».

установление имущественного налога и набор на военную службу. Когда население Казани в 1725 г. начало вновь переселяться на башкирские земли, избегая уплаты имущественного налога и военного набора, вышел указ, запрещающий им переселяться и сбегать. К тому времени [на башкирские земли] успели перебраться 3 792 души, из которых были возвращены 92 человека, остальные закрепились на башкирских землях. Также были изданы приказы, запрещающие башкирам нападать на золотые прииски в Сибири и на заводы при них. И в тот же год умер Петр Первый, и он не оставил после себя детей, кроме малолетнего внука. И он завещал правление своей жене Екатерине Первой, и она правила два года. После нее правил Петр Второй — сын Алексея, сына Петра Первого. Ему было двенадцать лет. Говорится, что в период его правления граф [Конт] Строганов оказался не в состоянии отражать нападения башкир и был вынужден строить в 1728 г. несколько крепостей и укреплений, но ни местоположения этих крепостей и укреплений, ни [их] названия не указывается. В этот же год на основании прошения башкир и после получения от них гарантий [залога] были изданы указы, запрещающие притеснять башкир. И в 1729 г. изданы указы о том, чтобы для сбора имущественного налога и казенных поборов от башкирского народа направлялись честные, справедливые, доблестные и дальновидные люди. Добавлю от себя: отсюда очевиден вывод, что причина их восстаний и бунтов заключается в притеснении со стороны начальников и чиновников [на местах], как это бывает всегда в любом месте и обществе. В 1730 г. умер Петр Второй в возрасте 15 лет, и его место заняла Анна — дочь Ивана. При ней ситуация обострилась по причине произвола наместников и Общества миссионеров, пользующихся ее небрежностью и халатностью. В 1734 г. вышел приказ о строительстве крепости на реке Орь для сдерживания башкир и других народов. Эта крепость была названа Оренбургом. В упомянутом городке Оренбурге предполагалось учреждение специального суда для башкир и принятие туда на «безвозмездную службу» желающих из башкир. В том же году 31 мая вышло решение со стороны Сената²⁶ о том, чтобы довольствоваться солью Илецка без [права] продажи и чтобы в судопроизводстве башкир участвовало три человека: двое представляли «препирающиеся стороны», а один [третий] не имел отношения ни к одной из них. Подобная практика у русских называется «Третейским судом». И было решено завести «Тарханные грамоты» для башкир и мишар.

В 1735 г. вышло решение из того же Сената о межевании и упорядочивании башкирских земель и об учреждении в некоторых селениях

²⁶ М. Рамзи по ошибке пишет: «Синодальный суд». В документе «Сенатский указ». (ПСЗ-1. Т. 9. № 6862).

почты²⁷, решение о высылке совершивших преступления татар, черемисов, чувашей, мокши буртас (мордвы) в русские армейские полки, называемые Остзейскими [полками], которые располагаются на побережье Балтийского моря²⁸.

В 1736 г. вышел запрет из того же упомянутого суда на принятие башкир, проживающих в Уфимском уезде, на работу в качестве кузнецов и на приобретение [ими] ружей, пороха и прочего оружия. А для желающих заниматься упомянутыми делами разрешалось заниматься этим, выехав в Оренбургский край. В том же году вышел указ генерала Романцева и Кириллова об отделении племен тептяр и бобылей (вот как! — *М. Рамзи*) от племени башкир и о запрете [указанным племенам] подчиняться башкирам.

Именно в упомянутые годы группа башкир поднималась на восстание против России под руководством Кильмака Абызы ([иногда] говорят Калмак Абыз), и Акая Юсуфа, и они противостояли [одному из] полков русской армии и сражались с ним. И вышел указ²⁹, предписывающий казнить их и изъять их земли навсегда и отдать их [земли] мишарам, которые верно служили России в то время [восстаний].

В 1737 г. вышел указ императрицы Анны о формировании конного войска из башкир из 3 000 человек с целью уничтожения башкир через подавления одних башкир другими и внесение раздора в их среду³⁰. И в том же году были казнены 129 башкир — участников восстания. От себя добавлю: несомненно, предводитель Кильмак Абыз и Ака Юсуф были в их числе, и они первыми испили из чаши смерти. Говорят, что в упомянутый год они были привезены в Петербург. В тот же год вышел Указ о сборе десятой части [десятины] урожая у татар и башкир, подобно тому, как изымается у русских. Также в этот год вышел указ, предписывающий принять необходимые меры предосторожности для сдерживания башкир от восстаний и «о запрещении им генеральных сборов без присутствия воинских чинов»³¹. В том же году на заседании Военного совета, располагающегося в городке Минзале (Мензелинск. — *С.А.*), под председательством Тагищева и Соймонова было принято решение о разделении башкир на отдельные части под разными управлениями. [Такое разделение] будет препятствовать их бунтам и восстаниям, лишит возможности поддерживать друг друга. Вследствие этого в городке Ось назначили воеводу и в Красноуфимске построили крепость. Таким же образом были сформированы суды и особые управления в прочих местах. Это обстоятельство указывает на силу восстания и масштаб негативных последствий. А причина то-

²⁷ Там же. № 6721, п. 8.

²⁸ Там же, п. 10.

²⁹ Там же. № 6890, п. 7.

³⁰ Там же. Т. 10. № 7149.

³¹ Там же. № 7278.

му — несправедливость наместников и отрицательные последствия деятельности Общества миссионеров! И никак иначе! Это было так и до сих пор [это так]. Однако все еще причину бунтов связывают с фанатичностью мусульман, и защита своих прав считается религиозным фанатизмом, по мнению представителей Запада («западной» — имеется в виду русской науки и культуры. — С.А.).

В 1738 г. вышел императорский указ о назначении старшин по сбору ясака и пошлин из самих башкир. И запрет виноторговцам (у Рамзи — «хаммарин», в тексте указа — «ясачникам» и «целовальникам». — С.А.) делать вышеуказанное (сбирать ясак и пошлину. — С.А.) — в отличие от того, как было раньше. И это подтверждает мысль, которую мы высказали ранее (о несправедливости местных чиновников. — С.А.)³².

Вскоре вышел и Указ о разрешении земельного спора, возникшего между группой башкир и группами чувашей, черемисов (мари) и мишар, по справедливости и равенству. Особый акцент делался на то, чтобы не было несправедливости к мишарам, потому что они верно служили России (вот как! — М. Рамзи)³³.

В 1739 г. 530 башкир напали на жилища казахов³⁴, разграбили 30 домов и разрушили их. После этого происшествия вышел строгий указ, [предписывающий] нагребленное имущество возратить хозяевам и содержащий запрет на совершение подобных набегов и убедительные угрозы к его нарушителям. Это потребовалось, чтобы расположить к себе группы казахов. В тот год в реестрах [регистрационных книгах] была «закреплена» численность башкир. Тогда же вышел Указ о переносе упомянутого городка Оренбурга к Красной горе³⁵, что на берегу реки Яик [Урал], и о том, чтобы именовать старый Оренбург Орской крепостью. В тот же год также вышел указ об избрании старшин и чиновников, называемых *есаулами*, *юзбашами*, *писарями*, из числа самого башкирского народа и об отмене старого звания «*тархан*» и о подтверждении покупки татарами, мишарами и чувашами

³² Здесь Рамзи, в отличие от других авторов своего времени, усматривает причины бунтов в несправедливости местных чиновников, а не огульно обвиняет христианскую власть и царя. В целом мы видим, что он отходит от противостояния православия и ислама, разделяет деятельность разных групп общества (миссионеров, чиновников и т.д.), отмечает расхождение политики царя, его законов с их реализацией на местах. Рамзи не пользуется при объяснении сложных процессов простыми способами.

³³ ПСЗ-1. Т. 10. № 7542.

³⁴ Рамзи называет словом «казак» как казаков, так и казахов. В данном случае он подразумевает казахов, потому как это происшествие в ПСЗ под № 7782 фиксируется как «набеги на Киргиз-Кайсацкие Орды».

³⁵ От Рамзи: очевидно, что это современный Оренбург.

земель, приобретенными у башкир, и что эти земли считаются их собственностью³⁶.

В 1740 г. был издан Указ о разделении башкирских земель и их устройстве после отделения задействованных под строительство крепостей и укреплений участков от прочих земель³⁷. И это произошло на основании прошения Таймас-тархана³⁸ из числа башкир³⁹. В том же году вынесено решение⁴⁰ о высылке отставного солдата Атнагула Курнаева на побережье Балтийского моря⁴¹ за нанесение им вреда и вероломства в отношении Романа Исаева и за его возвращение в ислам после крещения. Затем его приговорили к смертной казни. И непосредственно перед казнью он сказал: «Я знаю золотые месторождения на башкирских землях. Я нашел там камень. Его цена была 1 500 рублей. И я отдал его главе городка Минзалея. Он [камень] был чистым и ослепительно блестящим — таким, что можно было читать письмо под его сиянием и светом». Однако к его словам не прислушались, и его слова не подтвердились⁴².

В этот же год группа башкир поднялась против России, и указали некоторые верноподданные киргизы на их предводителя, которого звали Карасакал⁴³. И схватили его, и успокоилась смута. В это же время вышел указ, объявивший о выявлении численности башкир-

³⁶ В тексте закона № 7876 о приобретении земель татарами, мишарами и чувашами не упоминается, лишь в реестре 10 есть пункт под названием «Подтверждение мемерьяк права на вечное владение отведенными им землями и освобождение их от ясака», а в заглавии самого текста закона есть такое упоминание: «О поселении Мешеряков, Татар и Чуваш особыми деревнями». Рамзи объединяет два пункта закона, в результате чего возник ошибочный пункт в его тексте (см. указ № 7876, п. 10).

³⁷ В п. 10 указа № 7876 говорится, что за земли, взятые у башкир под строительство крепостей, яsak брать не следует.

³⁸ Таймас Шаимов (жил в первой половине XVIII в.) — башкирский старшина Кара-Табанской волости Сибирской дороги Уфимского уезда, пожалованный в тарханы за содействие царской администрации при вхождении казахов Малого Жуза в состав Российской империи.

³⁹ ПСЗ-1. Т. 11. № 8124.

⁴⁰ В тексте ПСЗ — «Резолюция Кабинета министров на сообщении Сената».

⁴¹ В тексте ПСЗ (№ 8100) говорится, что Курнаев был определен в солдаты за серьезный проступок — «в согласии с другими Башкирцами к воровству», и дана резолюция Кабинета министров отослать его на каторжные работы в крепость Рогервик. В законе, в отличие от текста произведения Рамзи, ни о какой связи Курнаева с Романом Исаевым не упоминается.

⁴² В резолюции № 8125 говорится об «учинении смертной казни» казака Романа Исаева, который ранее был крещен, а затем, будучи солдатом, сбежал в Уфимский уезд и там «обусурманился» и во время бунта был «при главных ворах башкирцах» Кильмяке «с товарищи» при нападении на генерала Румянцева, статского советника Кириллова и на Вологодские роты. Из текста резолюции следует, что именно Исаев говорил о драгоценном камне и месторождениях, а не Курнаев.

⁴³ Мурад Рамзи не стал описывать более детально этот сюжет, хотя он интересен тем, что Карасакал ввел в заблуждение как башкир, так и казахов, назвав себя Султан-Гиреем — сыном джунгарского хана.

мусульман, насильственно крещеных башкир и калмыков-христиан. В этот год умерла Анна, и правил после нее по ее завещанию сын ее сестры Иван (Иоанн Антонович. — С.А.). И был его возраст в то время 6 лет (на самом деле ему было два месяца от роду. — С.А.). Он не смог долго находиться на престоле: после непродолжительного времени его сняли из-за малолетства и из-за того, что Елизавета, дочь Петра Первого, стала претендовать на право наследования престола. И в результате она стала править с 1741 г. В ее эпоху, в 1754 году, башкиры, татары и мишары, живущие в Оренбургской губернии, были освобождены от государственных поборов вследствие обращения губернатора Оренбурга. А вместо этого им вменили в обязанность покупку соли только из казенных хранилищ.

В 1755 г. была объявлена амнистия для группы башкир, которые бунтовали против России, а затем бежали в соседние страны, опасаясь наказания. И было им разрешено вернуться на родину. И в сентябре того же года были приняты необходимые меры предосторожности для упреждения восстаний башкир против России, и в рамках этих мер был укомплектован полк, состоящий из 5 000 казанских татар и их музр для противодействия башкирам, участвующим в восстаниях против правительства. Предводителями и лидерами в этом восстании были Мулла ‘Абдуррахман Мизгильди и Батыршах бин⁴⁴ ‘Али из племени мишар.

⁴⁴ Примечание М. Рамзи: эта информация упоминается некоторыми самыми великими из достойных [людей] нашего времени. И сказали некоторые, что предводителем восставших в упомянутом восстании был мулла ‘Абдулла бин Батыршах. И также говорится, что ‘Абдулла бин Батыршах [был] из племени мишар. И сказал [информатор], что он думает, что [тот] происходит из деревни Кариш, относящейся к Уфимской губернии. Башкиры решили подняться на восстание после того, как их гнев по отношению к правительству достиг высшей степени, а ненависть к власти — своего предела. Причинами стали принуждение их к принятию христианства, отказ [властей] принимать их предельные прошения с требованием прекратить насильственную христианизацию и [отменить принуждения относительно] покупки соли, которой раньше они пользовались бесплатно. И подняли они знамена восстания против правительства, и объединились в этом деле, и выбрали упомянутого муллу ‘Абдуллу своим предводителем, потому что он был известнейшим ученым своего времени. И отправил упомянутый [Батыршах] посланцев к населению Казани и к казахам, призывая их к объединению с ними для защиты прав мусульман. И они обещали ему содействие и [материальную] помощь в выступлении и защите. В частности, один из жителей Казанской губернии из Алатской дороги, которого звали Исмаил Абукиев, за три года до этого ратовавший за объединение населения Казанской и Уфимской губерний, призвал свой народ встать на защиту своих прав, объединившись с башкирами. И когда упомянутый мулла подготовил средства защиты в соответствии с возможностями, призвал всех башкир при посредстве ученых к восстанию и назначил им [дату] 10 июня 1755 г. для восстания и предупредил их, чтобы не было никаких движений до этого дня и чтобы не было опоздания. Но племя башкир поспешило и поднялось до назначенного времени. В частности, 25 мая указанного года восстали бурзянские башкиры и убили государственных мужей

и русских переселенцев. Таким образом, поднялись башкиры [племени] Тунгаур, Усерган, Тамьян, Сукур-Кипчак и Чакмин-Кипчак, что на границе с казахами, и убили русских и государственных мужей. И это восстание совпало с подготовкой русских к войне с Германией в период [правления] Фридриха Второго и повлияло на них сильно, и был губернатором Оренбурга в упомянутое время Неплюев, известный своей хитростью. Он принял за усмирение этой смуты очень изощренным способом. Дело в том, что до того как он повел войско к этим важным местам, начал сеять через мунафиков (лицемеров. — С.А.) раздор и семена раскола между племенем башкир и мишарами и тептярами, живущими среди башкир. Благодаря своим усилиям и изворотливости он достиг своей цели, использовав глупость мишар и тептяр. Он бросил большие силы на то, чтобы воспрепятствовать встрече племени башкир с казанскими татарами. Для этого он оборвал сообщение между ними. С этой целью он расставил войска на переправах и дорогах и назначил шпионов из числа мунафиков казанских татар для донесения информации до правительства. В то время губернатором Казани был Головин. И он наградил от имени императрицы Елизаветы некоторых помощников из числа жителей Казани для привлечения их сердец. И собрал пятидесятичное конное войско из казанских татар и отправил их в Оренбург для противостояния башкирам. Неплюев не ограничился этим и отправил посланцев к Нургали-хану, одному из казахских ханов, и [также] их начальникам с подарками и просьбой воспрепятствовать объединению башкир с казахами и не принимать их в своей стране. Таким образом, дела пошли иначе, нежели планировали башкиры. Они не получили содействия и поддержки от населения Казанской губернии. И те мишаре и тептяры, которые жили среди них, встали против них и заняли противоположную позицию. Когда башкиры почувствовали, что ситуация поменялась, они поняли, что не смогут одни противостоять русским, [поэтому], полагаясь на договоренности с казахами, попытались перейти через реку Яик. И они не знали ничего о происходящих интригах. Когда они подошли к берегам Яика, Неплюев к тому времени уже расставил войска на переправах через реку и на [стратегически] важных местах, чтобы не дать им перейти на другой берег. И погибло множество башкир от рук тех войск. Из них [башкир] посчастливилось переправиться только пятидесяти тысячам душ. Однако обернулось ли это для них успехом? Категорически нет! Каргалинские татары, замешанные в интригах Неплюева, губернатора Оренбурга, сумели спровоцировать сильную вражду между башкирами и группой казахов. Казахи захватили всех женщин и дочерей башкир, сделали их наложницами, вытворяя с ними различные непристойности и зверства, и прогнали их мужей. Башкиры были вынуждены сражаться с казахами, защищая своих женщин и свою честь. В результате был нанесен огромный урон обеим сторонам. И [все] это по причине их невежества, дремучей неграмотности и глупости. И как же их можно назвать людьми, тем более мусульманами?! Позже правительством была объявлена амнистия, и башкирам было разрешено вернуться на свои земли. И они вернулись. А что касается упомянутого Муллы 'Абдуллы, то он скрылся в темном лесу с частью своих учеников. 11 октября 1755 г. правительство во всей округе распространило сведения о том, что «кто схватит его живым, тот получит 500 рублей». Позже, 1 апреля 1756 г., объявили во второй раз: «кто схватит [Муллу 'Абдулла] живым и передаст в руки правительства, тот получит 1000 рублей». И поймал его старшина из племени мишар по имени Сулейман, пусть Всевышний даст ему самое жестокое из того, что он заслуживает, 8 августа того же года у деревни Азик на расстоянии 150 верст от города Уфы. Сначала его отправили в Уфу, затем в Оренбург, а оттуда в Петербург. И там его приговорили к пожизненному заключению в крепости Шлиссельбург. Проведя там пять лет, он бежал из крепости, убив спящих стражников ударом топора. А их было пятеро. Потом он упал на землю рядом с упомянутой крепостью и умер без какой бы то ни было причины. На его теле нет следов повреждения или ранения. Его тело похоронено в яме позади

Их восстание проходило в районе города Орск. И эти двое были пойманы вместе с их подвижниками и помощниками и были заключены в крепости Шлиссельбург. И [впоследствии] были похоронены под ее каменными стенами. В 1757 г. был укомплектован полк из тысячи башкир и мишар, и он [полк] был отведен в сторону Сибири. И им вместе с военными командирами было назначено специальное жалование. В 1761 г. разрешили перешедшим в христианство башкирам продавать свои земли, полученные от России. В том же году умерла Елизавета, и с ее смертью оборвалась династия Романовых, и возшел на престол Петр Третий Федорович – первый правитель из третьей династической линии – династии Хольштейн [Гольштейн]. После шести месяцев правления он был свергнут и убит из-за ревности жены – Екатерины Второй. Его место заняла Екатерина Вторая, широко известная среди мусульман этого края и называемая ими «Эби падша», то есть «царица-бабушка». Ее так прозвали по причине ее искусности и мастерства в политике и отмены религиозного принуждения – *икрах*, и притеснений, непрерывно продолжающихся со времен завоевания Иваном Грозным Казани и до ее [Екатерины Второй] дней [правления] – а это составляет целых 210 лет! Мусульмане этого края упоминают ее имя только с почтением и любовью. Хотя очевидно: все, что она делала, [было продиктовано] политическими причинами, а не любовью к ним [мусульманам] и не любовью к их религии. С ее правления начался второй период – период передышки и спокойствия. И благодаря ее усердиям после отмены насильственной христианизации и принуждения, отмены притеснений распространились справедливость и равенство. Прекратились также случаи ослушания, раздоров, тяжбы, бунты и восстания со стороны мусульман. Разве после этого ты увидишь на страницах истории хотя бы один след бунта и восстания? Увидишь только полную поддержку в религиозных делах, строительство мечетей, учреждение Махкама-и джам'ийа исламийа, называемое Собранием (Оренбургское духовное магометанское собрание. – С.А.). И обо всем этом мы расскажем в подробностях в соответствующем разделе, если позволит Всевышний! А здесь мы рассматриваем взаимоотношения, не касающиеся религиозных вопросов, для того чтобы повествование о событиях было систематизированным и упорядоченным.

упомянутой крепости. Да помилует его Всевышний! А что касается упомянутого несчастного Сулеймана, то он умер до того, как получил обещанное вознаграждение за свою блистательную преданную службу. Его сын, которому было 14 лет, был приглашен в Петербург, где ему оказали внимание, и он, получив 1 000 рублей, вернулся домой. Поистине, в этом повествовании про них есть назидание для обладающих разумом. Сведения взяты из повествования Мунира-эфенди Хади из книги «История Оренбургского края», изданной [написанной] на русском языке. Для более подробного описания я пользовался фрагментами газеты «Йолдыз» № 133.

В 1763 г. была объявлена амнистия для беглых башкир, и вышел указ о возвращении их на родину, и вернулось 9 879 человек из казахских степей. И в 1776 г. было дано позволение группе башкир и мишар заниматься различными видами торговли и строительством заводов, мастерских и фабрик в Российской империи. Численность татар, называющихся тептярами, и численность племени бобылей, живущих на башкирских землях, по данным переписи населения 1789 г., достигала 41 тысячи человек и увеличилась к третьей переписи на 10 тысяч.

В 1790 г. вышел закон о дозволении муфтию мусульман покупать башкирские земли⁴⁵.

В 1793 г. был издан указ о дозволении муфтию Мухаммаджану Хусаинову покупать башкирские земли (пустоши. — С.А.) и заселять их людьми [выкупаемыми из иностранных государств] нехристианской веры⁴⁶.

В 1796 г. умерла Екатерина. Из известных событий ее эпохи [можно упомянуть]: появление из [числа] уральских казаков провозгласившего себя Петром Третьим человека по фамилии Пугачев, который был казнен, но будто бы не погиб, а бежал прямо перед казнью. Это событие широко известно и остается в памяти народа⁴⁷. Также в эпоху ее [царствования] Крым вошел во владения русских. Ее место на престоле занял сын от упомянутого [выше] Петра — Павел. В отношениях к мусульманам он придерживался позиции своей матери — Екатерины Второй.

В 1797 г. вышел закон о выдаче денег вместо провианта 5 519 солдатам из числа башкир, которые охраняют границы Оренбурга. На каждого солдата размер ежемесячной выплаты составлял 1 рубль⁴⁸. Очевидно, что это по старому расчету, а по сегодняшним деньгам она составляет примерно 3 рубля.

В 1798 г. вышел указ⁴⁹ о переустройстве Оренбургской губернии, адресованный башкирским и мишарским начальникам; о точном подсчете башкир, проживающих в Оренбургской и Пермской губерниях; о разделении этих территорий на управления, называемые кантонами [означает «начальник округа», как уже было сказано во Введении]⁵⁰.

⁴⁵ О дозволении Муфтиям покупать земли у Башкирцов: Указ Сенатский от 13 августа 1790 г. (ПСЗ-И. Т. 23. № 16897. С. 165).

⁴⁶ ПСЗ-И. Т. 23. № 17099.

⁴⁷ Таким образом, Рамзи обходит сюжет, связанный с участием башкир в восстании Пугачева 1773–1775 гг. и историю предводителя башкир в этом восстании Салавата Юлаева.

⁴⁸ ПСЗ-И. Т. 24. № 17742.

⁴⁹ Там же. Т. 25. № 18477.

⁵⁰ От Рамзи: такое управление просуществовало там до начала второй половины XIX в. Начальники, называемые «кантонами», были из башкир, и [они] обладали неограниченными полномочиями среди населения.

В 1801 г. умер Павел, и его место занял Александр Первый из этой же династии — сын Павла. В отношениях с мусульманами он придерживался курса своего отца Павла и своей бабушки Екатерины Второй.

В 1802 г. вышел указ относительно башкир, проживающих в Оренбургской области, обязывающий их собрать средства на перемещение солдат из их числа к городку Минзала. В этот же год на основании жалоб башкир⁵¹ был издан указ⁵², запрещающий любое притеснение и произвол в их отношении.

В 1803 г. установлен новый порядок для разрешения тяжб и конфликтов, возникающих из-за башкирских земель⁵³.

В 1806 г. появился запрет для башкир на проживание за пределами территорий, отведенных им после определения границ их земельных владений, и были заложены основы законов для участия башкир в военной и государственной службе.

В 1807 г. вышел указ на основании обращения губернатора Сибири, [предписывающий], чтобы башкирские солдаты сопровождали преступников, конвоировали их в Сибирь и охраняли представителей властей в Сибири.

В 1811 г. вышел указ, адресованный князю Волхонскому, который должен был сформировать [несколько] конных полков из башкир и один полк из калмыков, каждый такой полк должен был состоять из 500 человек, причем начальники, командующие и офицеры, были [тех же национальностей].

В 1812 г., когда у России появилась необходимость увеличить военные силы для ведения войны с французами, напавшими на Москву, вышел указ о формировании полка, состоящего из тысячи человек, и тридцати полков, каждый из которых состоял из пятисот конных башкир и мишар. И это было поручено атаману Оренбурга полковнику Углицкому. Башкирские всадники сослужили России хорошую службу в этой войне.

В 1818 г. башкирам было разрешено продавать свои земли.

В 1824 г. установлены новые порядки и законы относительно земель, на которых проживают башкиры и мишары.

В 1825 г. умер Александр I, и престол занял его брат Николай I.

В 1826 г. утверждены законы о предоставлении солдатам-башкирам пороха и ружей.

⁵¹ Из текста указа следует, что жалоба поступила от «жительствоющих» в Бирском уезде башкир, мишар и тептяр «через поверенного их старшину Мустафина».

⁵² Указ «О защите башкирцев и мешеряков, жительствоющих в Бирском уезде, от притеснений, наносимых им чиновниками Земского суда» от 1802 г. № 20231 — именной, касающийся непосредственно Оренбургского военного губернатора Н.Н. Бахметева (1772—1831).

⁵³ «Оренбургская контора по полюбовному соглашению» — специальный орган по размежеванию башкирских земель и разрешению споров о них.

В 1827 г. установлен порядок определения границ между землями башкир и государственными землями.

В 1828 г. вышел указ для населения о перевозке начальников, называемых кантонами (кантонных начальников. — С.А.), на телегах и верхом до места их назначения бесплатно, когда цель их поездки — государственная служба. И те телеги, и верховые животные были занесены в книгу для их перевозки и назывались «илага».

В 1832 г. были определены права владельцев земель башкир в Оренбургском крае, и установлены новые порядки в этом деле.

В 1833 г. назначено жалование для имамов башкирских военных полков: каждому — 300 рублей в год, что составляет 100 рублей нынешних денег (на начало XX в. — С.А.). И в этот же год установлены новые порядки продажи и аренды башкирских земель и определены права в этом деле.

В 1834 г. вышел указ об осуществлении «обычного права» (на основе обычаев. — С.А.) над уголовными преступниками из башкир и мишар.

В 1835 г. вышел указ о выдаче 48 солдатам средств из казны за их сопровождение ссыльных в Сибирь по Златоустовской дороге. В тот же год было выделено 15 742 десятины земли Саратовской губернии и в пределах Оренбургской губернии согласно седьмому порядку об освобождении душ. И было оставлено башкирам и оставлено казне 837 497 десятин из земель в селе Вольский и 55 215 десятин в селе Хволин для государственных владельцев, у которых не было достаточно земли. В тот же год вышел указ об оставлении солдат, которые были взяты из числа детей башкир и мишар за их преступление в управление кантона без зачисления их в кантонные полки, поскольку группы башкир и мишар считаются «специальными воинами».

В 1836 г. учредили специальные военные чины для управления башкирскими солдатами.

В 1837 г. 52 солдата из башкир были приговорены к понижению по службе до низшего ранга, и им было выделено всего лишь 15 десятин земли — все это за то, что они отказались носить военную одежду, называемую униформой. И вышел указ о том, чтобы аналогичный приговор отныне применялся к каждому, кто не выполняет армейские правила. В этот же год позволено башкирам брать подтверждения собственности и документы из российских судов на свои купленные земли с условием, чтобы стоимость этих земель не превышала тысячи рублей. Также в этот год вышел указ о строительстве хранилищ для сокровищ и зерна на башкирских землях для предосторожности и о добыче сокровищ и зерна на этих землях, а также об изымании одного рубля у того, кто не занимается земледелием.

В 1849 г. вышел указ о приобщении к вакцинации против оспы детей башкир с условием, чтобы они знали русский язык. И в 1850 г.

вышел указ о запрете разделения детей башкир, которые получили дипломы после окончания учебы в одной из российских школ, от башкир, несущих воинскую службу.

В 1851 г. вышел указ о выделении содержания военным начальникам и российским служащим из числа башкир за счет суммы, получаемой на государственной службе.

В 1855 г., соответствующем 1272 г. по хиджре, умер Николай [II] во время известной Крымской и Севастопольской войны, и унаследовал престол его сын Александр II из этой же династии. Он был очень благородным, сдержанным, кротким, умным, серьезным и грамотным правителем. Но вместе с этим для мусульман он не был таким, как его ближайшие предки, — над ним взяли верх миссионерские черты до такой степени, что в результате в его эпоху начался третий этап давления на мусульман, как об этом будет сказано позже.

Это все, что известно этому немощному (автор имеет в виду себя. — С.А.) о делах башкир и отношении России к ним в этот период — мы рассказали о них по мере наших несовершенных знаний. Однако необходимо знать, что земли башкир, которые когда-то назывались Великой Хунгарией [об этом, а также о том, что стало с населением этих земель, мы уже рассказали во Введении] были очень обширными. И [на этих землях росли] различные прекрасные растения, и на этих [землях] были леса, состоящие из разных видов деревьев, в таком количестве, что невозможно было их счесть. И также было там множество рек, глубоких и мелких. Но они [башкиры] не смогли сберечь эти земли должным образом. Однако потеряли землю подобно потере незначительных вещей: они распродали ее, особенно леса и ценные деревья, русским знатным лицам, называемым *алтаутами*, боярам и другим богачам по ничтожной цене. И слово «распродали» здесь употребляется только формально — на самом деле не было никакой продажи — все отдавали бесплатно. И не осталось в их распоряжении ничего, кроме малой части. И этой малой частью также не пользуются и не извлекают пользу должным образом. Она [земля] пропадает без дела, а леса уничтожаются в ходе заготовки дров и их сжигании, а также для продажи за ничтожную цену. Они [башкиры] далеки от наук и ремесел и даже земледелия. Я не знаю, присутствует ли эта их нерадивость, безделье и невежество в них издревле, или это современное явление. Мы уже упоминали во Введении ученых-этнографов, которые считают башкир и мадьяр из одного рода.

Свят тот, кто сам не меняется, однако все остальные вынуждены измениться, и Он приказывает, устанавливает. Все, кроме Него, меняются и подвержены взлетам и падениям, взлетают вверх и спускаются вниз (здесь Рамзи указывает на прогресс и деградацию. — С.А.).

Возможно, упомянутое утверждение об однородности башкир и мадьяр отрицается по причине огромных различий между этими народами, но Всевышний знает лучше.

Низость [состоит] в том, что земли были завоеваны не [в результате] военных действий, а захвачены посредством мирных договоров. Если сказать честнее, то это было совершено посредством коварства. Затем использовали их [башкир] для охраны восточных границ своих владений в течение долгого времени, имею в виду до тех пор, пока не прекратились набеги восточных племен. Далее приводим стих, в котором описывается эта охранительная служба:

Сакмарнын буйы кумаяк,
Кумаякның төбө бер маяк,
Шул маяк төбөн саклай-саклай,
Сарғаядыр башкорт халаяк.
[Вдоль реки Сакмар берега песчано-землянистые,
Под этими берегами отметки границ.
Охраняя эти метки,
Изнемогает башкирский народ.]

Потом, когда прекратились набеги со стороны восточных племен, начались растрачивание их земель и раздел между чужеземцами, а также нападки на их вероучения. И насильственно крещенные, проживающие на землях башкир, в частности *ногайбаки*, являются потомками тех башкир, которые защищали границы. А их потомки стали мишенью для нападения, после того как миновала опасность и была достигнута безопасность, взамен того, чтобы наилучшим образом строить взаимоотношения с ними. Им запретили как их веру, так и земную жизнь.

Из этого рассказа в общих чертах стало ясно, [какими были] взаимоотношения русских с башкирами и мишарами (живущими среди башкир) в те века в делах, связанных с государственной и военной службой, пополнением казны.

А что касается их отношения с населением Казанского вилайата в этих делах, то уже упоминался указ Ивана Грозного населению Казани о том, чтобы брать с них столько, сколько брали с них предыдущие ханы из продовольствия, и мы не знаем эту сумму.

И сказал достопочтенный ал-Марджани, что они брали с каждого дома определенную сумму, и не упоминал эту сумму. Затем он говорит, что они довольствовались союзом с ними (казанцами. — С.А.) и их помощью в борьбе против редко появляющихся врагов. В эпоху Петра I прошла перепись населения, и начали брать подать с каждой души⁵⁴ от неверующих и мусульман. И брали на военную службу из

⁵⁴ Примечание М. Рамзи: недавно упоминалось, что переселение казанцев на башкирские земли, как сообщают некоторые, [происходило на основе] указа Петра Первого.

определенного количества населения одного человека и называли «солдат» и возлагали на них также службу *лашманами* (которые тянули судна по реке. — *М. Рамзи*) и подготовку дубовых досок из леса для производства кораблей, помимо военной службы.

Потом служба *лашманов* была упразднена после появления паровых судов, и осталась только военная служба. И призыв на военную службу не был упорядоченным, но был принудительным и, возможно, были те, на которого выпадала жеребьевка при рекрутском наборе, [а] он сбегал и скрывался где-нибудь. И несправедливо брали вместо него другого. И поэтому были те, на кого выпадал жребий, и его хватали и закрывали, чтобы он не скрылся. Время службы было очень продолжительным — 25 и 20 лет. Затем в 1874 г. установили порядок о призыве солдат со всего населения [всеобщая воинская повинность] из татар и башкир и населения Хаджи Тархана [Астрахань], в котором были приравнены дети ученых, богатых и знатных людей, и было отменено принятие воинского замена [выкупа], который был раньше. Этот призыв был принудительным, поскольку невозможно было освободиться от него бегством. Беглеца забирали тогда, когда он возвращался в родные места, и определяли его в службу в низшем ранге, и это продолжалось, пока не проходил призывной возраст беглеца. В итоге воинские правила в России стали соответствовать правилам других стран. Уравнились мусульмане с другими, кроме населения Туркестана, Мавераннахра, Ферганы, Дагестана, киргизов и казахов. Они освобождены от воинской повинности до сих пор.

А что касается налогов, я имею в виду «ал-вирку», [то] они зависят от национальности (джинс) и заработка (рода деятельности). Так, с крестьян Казанской, Симбирской, Нижегородской, Вятской губерний берут в два раза больше, чем с крестьян-башкир, аналогично [дело обстоит] и с крестьянами Дагестана, Мавераннахра, Ферганы и их владельцами садов — применительно к каждой группе есть свои отдельные законы. А что касается торговцев, то [сумма податей] для них зависит от того, к какой торговой гильдии [они принадлежат], а не от того, сколько капитала у них имеется. Перед ним (законом. — *С.А.*) равны [и] мусульмане, и прочие [народы].

Литература

- Асфандияров, А.З.* Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI — первая половина XIX в.) [Текст]. Уфа: Китап, 2006. 502, [1] с.
- Ахмадуллин, С.З.* «Талфик ал-ахбар» Мурада Рамзи: наперекор цензурным запретам и судебным преследованиям [Текст] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2017. № 7. С. 8—12.
- Ахмадуллин, С.З.* Мурад Рамзи и его касыда о Зайнулле Расулеве [Текст] // Проблемы востоковедения. 2013. № 2 (60). С. 73—78.

- История башкирского народа [Текст] / Под. ред. М.М. Кульшарипова. Т. 3. М.: Наука, 2011. 475 [4] с.
- Карамзин, Н.М.* История государства Российского [Текст] / Под ред. А.Н. Сахарова. Кн. 2. Т. VIII. М.: Наука, 1989.
- Кузеев, Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю [Текст]. М.: Наука, 1992. 344 [1] с.
- Кузеев, Р.Г.* Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения [Текст]. М.: Наука, 1974. 569 с.
- Мехдиев, Р.Н.* Дамелла Абдулла-хазрат Сеййидбаттал углы Муллакаи [Текст]. Оренбург: Вакт, 1916. 17 с.
- Новая имперская история постсоветского пространства [Текст] / Сост. И.В. Герасимов. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. 656 с.
- Новиков, В.А.* Сборник материалов для истории Уфимского дворянства [Текст]. Уфа: Печатня Н. Блохина, 1903. 309 с.
- Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 9–11; 23–25. СПб., 1830.
- Рамзи, М.М.* Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакаиғ казан ва булгар ва мулюк ат-татар [Текст]. В 2 т. / М.М. Рамзи; предисл. И. Шамсуддина. Бейрут: Дар ал-Кутуб, 2002. Т. 1. 732 с.; Т. 2. 528 с.
- Стейнвелд, Ч.* Племя, сословие или национальность? Изменения в характере башкирской обособленности в контексте Российской империи // Новая имперская история постсоветского пространства [Текст] / Под ред. И.В. Герасимова [и др.]. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 249–279.
- Татищев, В.Н.* История Российской с самых древнейших времен [Текст]. Т. 1. Ч. 1. М.; Л.: Наука, 1962. 500 с.
- Трепавлов, В.В.* Башкортостан в эпоху Салавата: два столетия российского подданства [Текст] // Идея свободы в жизни и творчестве Салавата Юлаева / Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 250-летию со дня рождения Салавата Юлаева. 3 июня 2004 г. Уфа: Уфимский научный центр РАН, 2004. С. 24–25.
- Трепавлов, В.В.* Ногаи в Башкирии, XV–XVII в. Княжеские роды ногайского происхождения [Текст] // Материалы и исследования по истории и этнологии Башкортостана. Уфа: АН РБ, 1997. С. 6–7.
- Усманов, А.Н.* Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству [Текст]. Изд. 2. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1982. 335 с.

Князья Урусовы в России в XVII в.

В статье рассматривается роль и место ногайских князей Урусовых в восточной политике России в конце XVI–XVII вв.

Ключевые слова: Ногайская Орда, князья Урусовы, Астрахань, восточная политика

A.V. Belyakov

THE PRINCES URUSOVS IN RUSSIA OF THE 17TH CENTURY

This article discusses the role and place of the Nogai princes Urusovs in the eastern policy of Russia at the end of the 16th – 17th centuries.

Key words: Nogai horde, Princes Urusov, Astrakhan, Eastern politics

В XVII в. в Московское государство различными путями попало немало ногайских мирз. Наиболее удачливыми из них оказались потомки бия Большой Ногайской Орды Уруса бин Исмаила. Только им в XVII в. удалось войти в высшую московскую элиту и прочно закрепиться в Боярской думе. К истории данного рода в России исследователи уже обращались¹. Однако здесь по-прежнему остается ряд вопросов. На некоторые из них мы попытаемся ответить.

После убийства бия Уруса бин Исмаила Малыми Ногаями в 1590 г. Большеногайским бием был провозглашен Ураз-Мухаммед бин Дин-Ахмед бин Исмаил. В.В. Трепавлов считает, что это произошло при явной протекции Москвы, стремившейся контролировать беспокойные ногайские степи. Около 1598 г. Ураз-Мухаммеда сменил младший брат, нурадин Дин-Мухаммед. В это время в степи разгорелось очередное междоусобие, поводом для которого стала кровная месть: «Урмамет князь от Урусовых детей умер; за то и Тин-Махмет князь умер; за то ж и Байтерек мурза от тех же недрузей за то ж умер». На этом фоне Джан-Арслан бин Урус, возглавивший наследников Уруса, начал борьбу за главенство над Большими Ногаями². Москва вынуждена была вмешаться в конфликт и поддержать своих ставленников, родственников только что убитого бия Дин-Мухаммеда. Царь приказал послать в степь рать с огненным боем. Мирзы Урусовы потерпели поражение. Тюменский воевода в 1601 г. докладывал, что Джан-Араслан

¹ *Нарбут А.Н.* Родословные росписи. Вып. 2. Князья Урусовы. М., 1994; *Урусов К.С.-Б.* К истории рода Урусовых: Семейная хроника. М., 1993; *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. Т. I. СПб., 1855.

² *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2002. С. 382–385.

собрался разместить свою семью и улусников на реке Исети (Средний Урал), а сам хочет кочевать в Северной Башкирии. Однако мирза попал в плен к астраханским стрельцам и был увезен в Москву. Власть над сильно потрепанной и ослабленной Большой Ногайской Ордой оказалась в руках у Иштерека бин Дин-Ахмеда. В 1600 г. в Астрахани состоялась церемония его возведения на «княжение»³.

В этих условиях семья Джан-Арслана вынуждена была искать место, где они бы могли почувствовать себя в безопасности. В это же время в России оказались анонимные дочь и внук сибирского хана Кучума. В грамоте самарских воевод князя Саввы Дмитриевича Шербатова и Федора Ивановича Бирдюкина-Зайцева сообщалось о том, что 28 апреля 1601 г. в Москву водным путем в сопровождении самарского жильца Якова Авлампиева отправлена дочь хана Кучума с сыном и мамкою. Из данного документа мы также узнаем, что еще 11 января те же воеводы писали в столицу, что царица с сыном больны и просят, чтобы им разрешили перезимовать в Самаре. По отметке на грамоте знатные путешественники прибыли в Москву 10 июня⁴. Известно, что вывозы пленных сибирских царевичей и их ближайших родственников в европейскую Россию проходили по приблизительно одному и тому же пути: Уфа – Казань – Ярославль – Ростов – Переяславль Залесский – Москва. Почему же здесь упоминается Самара? Этому можно дать только одно объяснение. Перед нами редчайший пример, когда представители семьи последнего сибирского хана выехали в Россию добровольно. При этом выезд состоялся из Большой Ногайской Орды. Логичнее всего было бы предположить, что перед нами одна из четырех дочерей Кучума, выданных за знатных ногайских мирз.

Следует отметить тот факт, что выезд царицы описывается как явное бегство. Ее прибытие в Самару посреди зимы с маленьким ребенком свидетельствует именно об этом. Она вышла из ногайских улусов, вероятно, именно на Самару, а не явилась в город из Астрахани.

В связи с этим мы предполагаем, что упоминаемая в Самаре зимой 1601 г. дочь Кучума с сыном – жена ногайского мирзы Джан-Арслана. После пленения супруга и окончательной победы в степи мирз Урмаметевых и Тинмамметевых она вынуждена была искать безопасное место для себя и для своего сына. Добровольный отъезд в Россию, по крайней мере, гарантировал им жизнь и относительно высокое материальное положение. В конце 1604 г. Джан-Арслан мирза, а с ним, по видимому, и семья, были отпущены в степь⁵.

³ Там же. С. 388–390.

⁴ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1601 г. Д. 1. Л. 1.

⁵ *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. С. 391–392.

Однако, отпуская в 1604 г. Джан-Арслана в ногайские степи, в Москве на положении заложников остались двое его сыновей — Урак и Зорбек. В России они были крещены и стали князьями Петром и Александром Урусовыми. Джан-Арслан так и не успокоился. В конечном итоге его арестовали русские власти и 20 ноября 1614 г. привезли в Казань. При этом приставленным к нему детям боярским Никите Захарьину и Ивану Деревнину в наказе указали, чтобы «к нему ни кто не приходил, и ни с кем не ссылался». Вскоре мирза «разнемогся» и после двухнедельной болезни 28 апреля 1615 г. умер. При этом новокрещены — его сын Иван, а также племянники Андрей Сатыев и Петр Кан мирзин — просили, чтобы тело покойного отправили в Астрахань, «похоронити на Сорочике⁶, где они кладутца»⁷. Об этих новокрещеных мирзах поговорим ниже. Интересен тот факт, что вскоре после переезда в Казань мирзе пришлось опосредованно поучаствовать еще в одной смуте. Город осадили участники так называемого Еналеевского восстания. Понятно, что на жизни самого Джан-Арслана этот факт никак не отразился. Однако данный эпизод лишней раз подчеркивает то, что всю жизнь мирза находился в центре раздоров и смут. Смерть его не стала исключением.

Перед смертью Джан-Арслан написал завещание, в котором обратился к своим братьям (Гинбаю, Курмашу и Алею⁸) и детям (Янсоху, Борису (Биряс) и Сулешу⁹), а также ко всем своим улусным людям. Мирза призывал их «служить и прямить московскому государю». Здесь же он обратился к Михаилу Федоровичу: «чтобы недругу моему,

⁶ Сорочик (Сарайчик) — город на правом берегу р. Урал. Ныне с. Сарайчик Махамбетского района Атырауской обл. Казахстана. Именно здесь находились родовые некрополи ряда золотоордынских ханов, а также ногайских мирз (см. подробнее: *Трепавлов В.В.* Сарайчук: переправа, некрополь, столица, развалины // Тюркологический сборник: 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 225–244).

⁷ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1615 г. Д. 1. Л. 1–2.

⁸ Для нас данный список мирз важен как фиксация наиболее близких отношений Джан-Арслана на момент его смерти. По родословным росписям таких детей у Уруса бин Исмаила нет (РГАДА. Ф. 127. Оп. 2. Д. 32, Л. 25, 34, 40; Оп. 1. 1627 г. Д. 4. Л. 1). Отождествить «адресатов» непросто. Гинбай может быть только Динбаем бин Исмаилом. Это дядя Джан-Арслана, на тот момент умерший. Курмашей было двое — Курмаш бин Байтерек бин Дин-Ахмед бин Исмаил и Курмаш бин Хан бин Урус. Алеев же среди ногайских мирз насчитывалось не менее пяти. Получается, что здесь мы видим явную ошибку, возможно, совершенную по причине плохой квалификации переводчика. Не исключено, что изначально в тексте говорилось об обращении не к конкретным «братьям», а о более общем понятии — «братье». В таком случае послание обращалось к потомкам этих мирз.

⁹ По родословным росписям известны девять сыновей Джан-Арслана. Кроме упомянутых трех и трех принявших православие — Урак (Петр), Зорбек (Александр), Тук (Иван) — известны также Саджук (Савук), Батырча, Адильша (РГАДА. Ф. 127. Оп. 2. Д. 32. Л. 3, 36, 41; Оп. 1. 1627 г. Д. 4. Л. 3). Почему не упомянуты трое последних, на настоящий момент неизвестно.

Иштереку князю, братью и детей моих, и моих улусных людей, и служилых людей недругу моему не выдал»¹⁰.

Но вернемся к детям мирзы. Впервые стольник князь Петр Ерусланович Урусов отмечен в июле 1604 г. При встрече царского посла Андрея Лоха он и А.Р. Плещеев «пить государю наливали»¹¹. По росписи русского войска 1604 г. он должен был выставить 47 конных человек¹². На основании этого мы можем говорить о том, что поместья новокрещеного князя и приданные вотчины его жены в общей сложности составляли не менее 4 700 четей земли. Петра женили «не по его воли» на вдове князя Александра Ивановича Шуйского Анне Григорьевне, урожденной Годуновой¹³. Брак служил неким маяком для выезда и крещения иных ногайских мирз. А.И. Шуйский умер в 1601 г., поэтому, возможно, выезд (пленение) состоялся между 1601 и 1604 гг.¹⁴ Похоже, Урак оказался здесь вслед за своим отцом, или же одновременно с ним. В боярском списке 1606/07 г. он стоял первым среди стольников¹⁵. Князь принял самое активное участие в событиях Смутного времени. Однако проследить его жизненные перипетии в этот период мы по причине скудности источников можем только пунктиром. Имеется утверждение о том, что на начальном этапе Смуты он возглавлял отряд из казанских, арзамасских и романовских служилых татар. Однако документальные свидетельства этого не приводятся. Бросив русскую жену, Петр в 1607 г. отъехал из-под Тулы в Крым¹⁶ или в ногайские улусы. Именно из последних он вскоре вернулся во главе отряда юртовских татар. Осенью 1608 г. он находился в Тушинском лагере, а затем в Калуге, Лжедмитрий II сделал его своим стольником¹⁷. Кем он себя позиционировал в это время, христиани-

¹⁰ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1615 г. Д. 1. Л. 3–3 об.

¹¹ Разрядная книга 1475–1605. Т. IV. Ч. 2. М., 2003. С. 74.

¹² *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 379.

¹³ Позднее, после бегства супруга, она еще долгое время продавала свои вотчины и проживала эти деньги. А.П. Павлов выявил ее вотчины в Переславском, Ростовском и Новоторжском уездах. При этом среди покупателей земель в том числе значится и племянник Анны Григорьевны Семен Андреевич Урусов (*Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. Т. II. СПб., 2018. С. 228).

¹⁴ В литературе со ссылкой на сочинение В.Н. Татищева можно встретить утверждение о том, что еще в конце 1580-х гг. в Москве проживали какие-то Урусовы и даже успели попасть в опалу. На самом деле речь шла о выбранном дворянине по Кашире В.М. Урусове, представителе русского служилого рода (*Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора ... С. 229).

¹⁵ Там же. С. 293.

¹⁶ *Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. С. 87, 123, 145, 174, 220.

¹⁷ *Тюменцев И.О.* Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 550; *Шепелев И.С.* Труды по истории Смуты в России в начале XVII столетия. Т. II: Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608–1610 гг. Волгоград, 2012. С. 83.

ном или мусульманином, не совсем понятно. Вероятно, для удобства татары считали его мусульманином, русские же и поляки — православным. По сообщению «Нового Летописца», в 1609 г. Петр Урусов с юртовскими татарами стал причиной хлебной дороговизны в Москве. Он контролировал поставки хлеба по Слободской дороге¹⁸. Речь идет о дороге на Ярославль¹⁹, И.О. Тюменцев, однако, утверждает, что это Коломенское направление²⁰. В декабре 1610 г. в Калуге он убил Царика (Лжедмитрия II) и окончательно покинул территорию Русского государства²¹. Интересно, что из Калуги с ним побежали не только татары, но и русские казаки²². Похоже, это были астраханцы.

Существует несколько описаний убийства Лжедмитрия. Когда Петр Урусов узнал про гибель касимовского царя Ураз-Мухаммеда по приказу Царика, он пожелал отомстить за смерть Чингисида. Конечно же, здесь могли сказаться и личная обида крещеного мирзы, которого Лжедмитрий приказал публично выпороть, и родственные связи с Ураз-Мухаммедом: он находился в родстве с женой царя Салтан-бике, дочерью ногайского мирзы на русской службе Али бин Кутума бин Шейх-Мухаммеда бин Мусы. Выждав и усыпив настороженность Самозванца, Петр Урусов выбрал момент, когда тот выехал гулять в поле и, напав с многочисленной толпой вооруженных татар, убил его и многих людей из его свиты²³. К. Бусов и П. Петрей почти дословно описывают обстоятельства сподвигшие П. Урусова на убийство Самозванца. После убийства Ураз-Мухаммеда князь узнал о доносе его сына и хотел его убить, когда тот ночью поедет от Лжедмитрия II к себе домой. Но ему попался другой татарин, по платью и внешности похожий на царевича Мухаммед-Мурада, и он снес саблей ему голову. За это Самозванец приказал бросить в тюрьму Петра Урусова и еще

¹⁸ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 14. М., 2000. С. 93.

¹⁹ *Шепелев И.С.* Труды по истории Смуты... Т. II. С. 442.

²⁰ *Тюменцев И.О.* Смута в России в начале XVII столетия... С. 550.

²¹ ПСРЛ. Т. 14. С. 76, 93, 104–105.

²² Русская историческая библиотека (далее — РИБ). Т. II. СПб., 1875. Стб. 618.

²³ «С ним (Лжедмитрием II. — А.Б.) ехало 300 конных татар, над которыми был старшим татарин Петр Урусов, несколько московских бояр, с коими было несколько десятков человек. Он приказал вести за собой двое саней различных напитков, меда, водки, коими в поле чествовал бояр и знатнейших татар, но в особенности этого Урусова (потому что он встретил тот отряд, поймал больше всех пахоликов и громил роту Чаплинского). В поле он был в хорошем расположении духа, возле его саней выпускали зайцев, охотились, напивались. Этот Урусов думал о другой охоте, и в таком гаме со своими [приспешниками] окружил несколько десятков людей, прежде всего московских бояр, а сам с другими [пустился] прямо на государя. Схватив коня и возницу, его убили там, сидящего в санях. Сначала один насакаку отрубил ему плечо с левой рукой, потом другие, спрыгнув с коней, ужасно изрубили и сразу же содрали одежду» (*Эйльбарт Н.Э.* Смутное время в польских документах Государственного архива Швеции: Комментарий перевод и исторический анализ. Новосибирск, 2013. С. 144–145; Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов. Волгоград, 2012. С. 616–617).

50 других татар и сильно мучил их несколько дней, после чего отпустил²⁴. В данном случае мы не можем сказать, кто были эти 50 татар. Возможно, приближенные к князю люди или наиболее знатные татары. Второй вариант видится более отвечающим тогдашним реалиям. Ю. Видекинд в целом повторяет эту же версию, однако утверждает, что первоначально ногайский князь застрелил Самозванца²⁵.

По сведениям П.В. Долгорукова князь Петр имел сына Василия, женатого на Степаниде Ивановне Репниной²⁶. Возможно, это ошибка, поскольку этот человек по другим источникам не прослеживается. Отец невесты, князь Иван Борисович, родился только в 1617 г. На самом деле речь идет сыне Петра Хановича Урусова. В Крыму Петр/Урак породнился с беком крымских ногаев Кантемиром. От этого брака у мирзы были дети, но их судьба оказалась трагичной. В 1628 г. в одном из дел Посольского приказа читаем о беглом князе: «Жену его и детей в Крыме сожгли»²⁷. Дело в том, что Петр/Урак и Кантемир затеяли гражданскую войну с крымскими ханами. Борьба шла с переменным успехом. Когда Гирей брали верх, Урак даже задумывался о возможном переселении к родственникам под Астрахань. Но при условии, что Урака оставят в мусульманской вере и не заставят вернуться к брошенной в России княгине²⁸. Тем более что в Москве не забыли его услугу по устранению Лжедмитрия II. Сам же князь/мирза и его брат Александр давлением через крымские власти хотели добиться от русского царя поставления Джан-Арслана князем над Большой Ногайской Ордой. Это нельзя назвать абсолютно не реальной затеей, если учитывать тот факт, что московский ставленник князь Иштерек был замечен в контактах с Мариной Мнишек и И.М. Заруцким в период их нахождения в Астрахани²⁹. В конечном итоге история Петра/Урака закончилась печально. В 1639 г. крымский хан Бахадур-Гирей обманом заманил Урака в Бахчисарай и казнил³⁰.

²⁴ Бусов К. Московская хроника // Хроники смутного времени. М., 1998. С. 139; Петрей П. История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. СПб., 1997. С. 357.

²⁵ Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московской войны. М., 2000. С. 153.

²⁶ Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Т. II. СПб., 1855. С. 28.

²⁷ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1628 г. Д. 3. Л. 23.

²⁸ Там же. Ф. 123. Оп. 1. 1614 г. Д. 2. Л. 24–25.

²⁹ Виноградов А.В. Посольство князя Григория Константиновича Волконского в Крым 1614–1615 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Религиоведение. Международные отношения. Т. 24. 2019. № 2. С. 158–174.

³⁰ Трепавлов В.В. Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // Тюркологический сборник: 2002. М., 2003. С. 337.

Зорбек (Александр) также был крещен при Борисе Годунове³¹, он отмечен столбиком в боярском списке 1606/07 г.³² Никоновская летопись сообщает, что он изменил со своим братом Петром под Тулой³³, позднее с ним же был в Тушинском лагере и в Калуге, а затем отъехал к своему отцу под Астрахань.

Дальнейшая история Урусовых в России оказалась связана с родным братом Петра и Александра Иваном, а также их двоюродными братьями, сыновьями мирз Хана и Саты Урусовых. Почему именно их вывели в Россию? Причины следует искать в событиях Смутного времени. Документы по этому периоду сохранились очень плохо. Но все же отдельные упоминания о представителях клана Урусовых позволяют нам сделать определенные предположения.

Имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства несколько противоречат друг другу. В первую очередь это относится к времени крещения сына Уруса Ивана и его племянников. В разных выписях называются Астрахань, Казань и даже Москва. Вполне возможно, это произошло от того, что за принятие православия им было выдано государево жалованье несколько раз. Похоже, ситуация все же развивалась следующим образом. «По скаске... Канай мурзы Тинбаева» астраханские воеводы «взяли в Астрахань новокрещенов Ян-Араслан мирзина сына Урусова князя Ивана да князь Андрея Сатыева, да князь Петра Кан мурзина и послали их в Казань»³⁴. Похоже, вскоре после перехода города на сторону Михаила Федоровича в мае 1614 г. началась «чистка» среди ногайских мирз. В первую очередь она ударила по Урусовым. Наиболее скомпрометировавшие себя, или же показавшиеся такими, были схвачены и частично крещены. Их всех решили отправить на жительство в Казань. При этом мы не можем сказать, послали их всех сразу, или же в два захода. Формулировка документа позволяет предположить оба варианта³⁵. Хотя, по-видимому, их все же отправили всех одновременно.

О Иване Янарасланове практически ничего неизвестно. По нашему мнению, именно он упоминается вместе со своей анонимной матерью в Самаре зимой 1601 г. По-видимому, до крещения его звали Тук³⁶. Однако А.П. Павлов, правда без ссылки на источник, отождествляет его с Янсохом³⁷. В 1614 г., когда его крестили, он был, очевидно, совсем молодым человеком, не достигшим и 20 лет. Осенью того же года он уже отмечен в Казани. Весной или летом 1615 г. его отправили

³¹ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1617 г. Д. 2. Л. 1.

³² Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора... С. 294.

³³ ПСРЛ. Т. 14. С. 76.

³⁴ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1615 г. Д. 1. Л. 8.

³⁵ Там же. Л. 15.

³⁶ Трепавлов В.В. Российские княжеские роды... С. 336, 338.

³⁷ Павлов А.П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова... Т. II. С. 228.

в Москву³⁸. После 1616 г. его имя в источниках упоминаться перестало³⁹, хотя имеется выписка о выдаче ему питья на свадьбу около 1617/18 г. (датировка может быть спорной)⁴⁰.

В описи архива Посольского приказа 1626 г. среди дел конца XVI в. отмечена выписка: «оклад князя Бориса Урусова з братьею»⁴¹. Однако на основании этого ни в коем случае не следует делать выводы о их появлении в Москве в досмутный период. Похоже, при описании сохранившихся после майского пожара 1626 г. дел была сделана непреднамеренная ошибка, и поздние материалы оказались перемешаны с более ранними. Приводимые ниже факты это подтверждают.

Сыновья Хана Андан (Ондан) и Бий стали князьями Борисом и Петром. Документов по ним сохранилось очень мало. Известно, что их отец был женат на дочери сибирского хана Кучума. Она приехала в Россию (повидать сыновей или сына?) и была отпущена обратно в Астрахань в 1619/20 г.⁴² Возможно, это о ней в 1621 г. расспрашивали человека ее племянника, касимовского царя Аслана бин Али, Байбека (Байбечко) Тончурина, незадолго до этого приехавшего из Астрахани⁴³. Бий (Петр) крестился в Москве в сентябре 1615 г.⁴⁴ По другим данным – в Астрахани, еще в 1614 г, что по нашему мнению более правильно⁴⁵. Весной или летом 1615 г. по челобитной (?)⁴⁶ его взяли в Москву, он стал стольником. А.П. Павлов считает, что Борис (он ничего не говорит о Петре) приходился двоюродным братом Евдокии Андреевны Стрешневой, второй супруге Василия Ивановича Стрешнева⁴⁷. Но к данному утверждению следует подходить очень осторожно, памятуя, что в культуре ислама распространено многоженство. В 1618 г. Петр принял участие в московском осадном сидении⁴⁸. В 1628 г. он и его племянник князь Василий Урмаметев были обвинены

³⁸ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1615 г. Д. 1. Л. 8, 15.

³⁹ Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.). М., 1918. № 93. С. 168.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1627 г. Д. 3. Л. 2.

⁴¹ Опись архива Посольского приказа 1626 г. / Подгот. В.И. Гальцов. М., 1977. С. 372.

⁴² *Садовский А.Я.* Нижнего Новгорода сметный список окладным и неокладным и оброчным местам и разным денежным доходам 7028 – 1621 г. // Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. Т. VII. Отд. III. Н. Новгород, 1908. С. 502.

⁴³ *Шишкин Н.И.* История города Касимова с древнейших времен. Рязань, 1999. С. 69–71; РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1621 г. Д. 17.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1617 г. Д. 2. Л. 4.

⁴⁵ Там же. 1619 г. Д. 7. Л. 3.

⁴⁶ Похоже, упоминание челобитья о выезде в Москву следует признать более поздней придумкой самого князя. Факт его самостоятельного, добровольного выезда должен был поднять его престиж в глазах московских властей.

⁴⁷ *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова... Т. I. С. 547.

⁴⁸ Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы. Вып. VIII. М.; Варшава, 2009. С. 31; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1628 г. Д. 3. Л. 25.

в измене и попытке бегства в Крым. В 1629 г. Петр «за вину сослан в тюрьму»⁴⁹, находился в заключении в Вятке⁵⁰.

Зорбек бин Арслан бин Ураз-Мухаммед был прислан из Астрахани 4 января 1623 г.⁵¹ В этом же году он крестился и стал стольником князем Василием. Известна его жена Авдотья, родная сестра дворянина московского Дмитрия Осипова сына Симанского. Ее родная сестра находилась замужем за московским дворянином Афанасием Нехорошевым сыном Аничковым. Семейная жизнь князя не сложилась. Шурин жаловался: «А жилье-де домашнее у него не стройное. Сам ворует, пьет и у людей своих жон и детей, девок, емлет на постелю, и животы все проворовал и пропил»⁵². Это подтверждает и опись имущества князя⁵³. Он позволял себе постоянные отъезды из Москвы без официального разрешения, вел затяжную тяжбу с думным дьяком Федором Федоровичем Лихачевым. Дядя князя, Петр Хан мирзин Урусов, ручался за племянника в этом деле в 120 руб. и дважды (?) выплатил эту сумму дьяку⁵⁴.

Следственное дело сохранилось, но в нем много темных мест. В целом картина вырисовывается следующая. Князь Василий постоянно всем жаловался на то, что ему жизни нет, недруги разорили его поместья, и он хочет бежать, но не знает куда⁵⁵. Подобные разговоры продолжались около двух лет. Его дядя по матери князь Петр Кан мирзин сын Урусов пытался безуспешно его урезонить. Донести же на племянника не хотел, потому что боялся ослабиться среди служилых иноземцев как «доводчик». В конечном итоге, после того как Василий под страхом смерти выбил согласие некоторых своих людей бежать с ним на Дон в июле 1628 г., дворовые люди князя донесли на него. Определенную роль здесь сыграли и постоянные сексуальные домогательства Василия Урмаметева к женам своих людей. Тут же началось разбирательство. Дело поручили главам Стрелецкого и Посольского приказов боярину князю Ивану Борисовичу Черкасскому и думному дьяку Ефиму Григорьевичу Телепневу. Вскоре в дело помимо людей князя Василия оказались замешаны его родственники Петр Кан мирзин и Андрей Сатый мирзин Урусовы, а также люди жены мирзы Урака Тинмаметева княгини Авдотьи. Вначале князь запирался, однако на очной ставке стал говорить. 22 июля князей Василия и Петра, а также их людей и людей Авдотьи Тинмаметевой приказали пытать. Это, однако, не принесло кардинально иных сведений. Царским ука-

⁴⁹ «Подлинные» Боярские списки 1626–1633 годов. М., 2015. С. 23, 103, 181, 259, 329.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1628 г. Д. 3. Л. 150.

⁵¹ Там же. Ф. 131. Оп. 1. 1625 г. Д. 6. Л. 12.

⁵² Там же. Ф. 127. Оп. 1. 1628 г. Д. 3. Л. 32.

⁵³ Там же. Л. 76–79.

⁵⁴ Там же. Л. 23.

⁵⁵ Там же. Л. 56.

зом поместья и движимое имущество князей было конфисковано, а самих изменников отправили в ссылку.

В деле осталось много нестыковок. Петр до последнего отпирался от обвинения в желании отъезда и сознался только в недоносительстве на племянника. Вырисовываются два абсолютно разных сценария побега, что также указывает на отсутствие сговора. Василий должен был уехать в свое поместье в Касимовском уезде, а оттуда поехать в Шацк якобы на богомолье «к Пятнице»⁵⁶ и убежать на Дон⁵⁷. Петра обвиняли в посылке своих людей на разведку в Калугу⁵⁸. При этом особо следует отметить тот факт, что в момент начала следствия Петра Урусова не было в Москве. Но после получения сообщения от жены он тут же вернулся в столицу. Непонятно, зачем людям княгини Тин-маметевой нужно было в апреле этого года креститься⁵⁹, если они уже тогда собирались бежать. Князь Урусов резонно говорил, что бежать ему некуда: в Крыму его убьют, в Азове — его враги, мирзы Казыева улуса, отъезд под Астрахань поставит под удар его тамошних родственников⁶⁰. Вероятно, вина князя Петра была явно переоценена. Вернули его в Москву только в 1643/44 г., но в списках служивых людей он уже не значился⁶¹. Жену звали Мария⁶². Его сын, Василий Петрович, был комнатным стольником у царя Федора Алексеевича⁶³. Женат на Степаниде Ивановне Репниной⁶⁴. Детей не имел.

Ондан (Борис) Ханович, похоже, являлся главным проводником взглядов Петра/Урака под Астраханью в эпоху Смуты. По крайней мере он отмечен как руководитель военного отряда в 700 человек, состоявшего из юртовских татар и «астраханских воров», который двинулся в 1608 г. из Астрахани, поддержавшей Лжедмитрия II, к Царицыну⁶⁵. Он также, по-видимому, был крещен в Астрахани в 1614 г. (или Казани?)⁶⁶. Вскоре после этого новокрещеный князь принял

⁵⁶ В Шацком уезде в XVII в. имелось значительно количество сел, церкви в которых были посвящены св. мчц. Параскеве Пятнице. Однако здесь, скорее всего, речь идет о селе Чернееве, где находился Никольский Чернеевский монастырь (Книги окладные монастырям, церквям и часовням Рязанской епархии, учиненные при Преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском. Кн. 2. Рязань, 2004. С. 73).

⁵⁷ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1628 г. Д. 3. Л. 8.

⁵⁸ Там же. Л. 25.

⁵⁹ Там же. Ф. 131. Оп. 1. 1641 г. Д. 1. Л. 10–11.

⁶⁰ Там же. Ф. 127. Оп. 1. 1628 г. Д. 3. Л. 46–47.

⁶¹ *Трепавлов В.В.* Российские княжеские роды... С. 338.

⁶² РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1641 г. Д. 7. Л. 7.

⁶³ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах. М., 1853. С. 247.

⁶⁴ *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. Т. II. С. 28.

⁶⁵ Акты времени правления царя Василия Шуйского... № 93. С. 168.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1617 г. Д. 2. Л. 4; 1619 г. Д. 7. Л. 3; *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. Т. II. С. 27.

разбойничать под Астраханью, «ходил по Иштерековы улусы» с другими едисанскими и юртовскими татарами на крымскую сторону, поэтому вместе с остальными мирзами отправить его в Казань не удалось. Ондана задержали на перевозе только 7 сентября⁶⁷. Поэтому ему пришлось перезимовать в Астрахани, а 25 мая 1615 г. его отправили в Москву⁶⁸. В 1618 г., он, будучи стольником, принял участие в московском осадном сидении⁶⁹. Жену звали Татьяна Петровна Ахамашукова-Черкасская (в монашестве Таисия)⁷⁰. 31 марта 1645 г. ее брат, окольничий Василий Петрович Ахамашукович-Черкасский, дал вклад по ней в московский Симонов монастырь⁷¹. В свою очередь дочь Василия Петровича Анна стала супругой другого ногайского князя, Левонтия Салтанаш мирзина сына Шейдякова⁷² (погребен в московском Симоновом монастыре, на его преставление был положен большой корм)⁷³. По сведениям П.В. Долгорукова Борис умер 14 февраля 1620 г., а его супруга 24 мая 1646 г.⁷⁴

Сын Саты мирзы Касай стал князем Андреем. Он впервые отмечен в Москве в сентябре 1615 г. в связи с крещением⁷⁵, по другим данным крещен в Астрахани⁷⁶. В 1618 г., будучи стольником, Андрей принял участие в московском осадном сидении⁷⁷. Далее, вплоть до своей смерти в 1642/43 гг., он упоминался как московский дворянин⁷⁸. Женат на Марии Васильевне Тюменской (в иночестве Марфа)⁷⁹. Имел сына Семена и дочерей Варвару (жена князя Петра Семеновича Прозоровского)⁸⁰ и Ирину⁸¹. Следует остановиться на генеалогии Марии Тюменской. Дело в том, что ее отец, Василий Агишевич, был женат на княжне Марии, дочери Ивана Большого Васильевича Шеремешева, сестра вышла замуж за астраханского царевича Михаила Кайбуловича

⁶⁷ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1615 г. Д. 1. Л. 8.

⁶⁸ Там же. Л. 50.

⁶⁹ Осадный список 1618 г. С. 31.

⁷⁰ Там же. С. 189; *Алексеев А.И.* Вкладная и кормовая книга московского Симонова монастыря // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 71.

⁷¹ *Алексеев А.И.* Вкладная и кормовая книга... С. 78.

⁷² *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова... Т. I. С. 547.

⁷³ *Алексеев А.И.* Вкладная и кормовая книга... С. 71, 85.

⁷⁴ *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. Т. II. С. 27.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1617 г. Д. 2. Л. 4.

⁷⁶ Там же. Д. 7. Л. 3.

⁷⁷ Осадный список 1618 г. С. 31.

⁷⁸ «Подлинные» Боярские списки... С. 37, 123, 201, 284, 362, 413, 475; Боярская книга 1627 г. М., 1986. С. 68–69; Боярская книга 1639 г. М., 1999. С. 90 (Ошибочно назван Семеновичем).

⁷⁹ Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. М., 2010. С. 885.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Шацкий уезд XVII века. Государевы служилые люди. Ульяновск, 2014. С. 393.

(Муртазу-Али бин Абдулу), а двоюродная сестра Елена, дочь Ивана Меньшого Васильевича Шереметева, была выдана за царевича Ивана Ивановича⁸².

Семен Андреевич, стольник с 19 июня 1637 г., кравчий с 12 января 1641 по 1645 г., далее дворянин по московскому списку⁸³, боярин с 11 марта 1655 г.⁸⁴ Умер в 1657 г. Имел четырех сыновей: Федора, Никиту, Петра и Юрия. Женат на дочери Бориса Михайловича Лыкова — Федосье Борисовне, двоюродной сестре царя Михаила Федоровича (в иночестве Марфа).

Федор Семенович, стольник с 1661 г., с 1680 г. боярин. Умер в 1694 г.⁸⁵ Женат на Фекле Семеновне Грушецкой, сестре царицы Агафьи Семеновны (супруга царя Федора Алексеевича). Дочь Мария, жена Бориса Ивановича Куракина.

Никита Семенович, пожалован в стольники 15 августа 1654 г., боярин с 1679 г. Умер в 1692 г.⁸⁶ Женат на Евфимье Григорьевне Щербатовой⁸⁷. Дети: Иван, Яков, Семен, Алексей, Федор, Мария.

Петр Семенович (1636—1686), пожалован в стольники 15 августа 1654 г., кравчий с 27 ноября 1658 г., боярин с 1676 г.⁸⁸ С 1651 году женат на Евдокии Прокофьевне Соковниной, вторично (после развода) с 1673 года на Стефаниде Даниловне Строгановой⁸⁹. Дети от первого брака: Василий, Анастасия (1662—1715), жена боярина Михаила Львовича Плещеева и с 1685 г. боярина Федора Петровича Шереметева, Евдокия (1665—1697), жена князя Якова Ивановича Лобанова-Ростовского. Сын от второго брака — Григорий.

Юрий Семенович, стольник с 1661 г., с 1676 г. боярин. Умер не ранее 1713 г.⁹⁰ Первым браком (1684) женат на вдове Наталье Петровне Северовой (в первом браке за Иваном Петровичем Шереметевым),

⁸² *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV—XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 109.

⁸³ Боярская книга 1639 г. С. 25—26, 31.

⁸⁴ *Белоусов М.Р.* Боярские списки 1645—1667 гг. как исторический источник. Т. I. Казань, 2008. С. 309; Боярская книга 1658 г. М., 2004. С. 15.

⁸⁵ *Белоусов М.Р.* Боярские списки 1645—1667 гг. Т. I. С. 309; Алфавитный указатель фамилий и лиц... С. 427.

⁸⁶ *Белоусов М.Р.* Боярские списки 1645—1667 гг. Т. I. С. 309; Алфавитный указатель фамилий и лиц... С. 427; Боярская книга 1658 г. С. 54.

⁸⁷ *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. Т. II. С. 28.

⁸⁸ *Белоусов М.Р.* Боярские списки 1645—1667 гг. Т. I. С. 309; Алфавитный указатель фамилий и лиц... С. 427; Боярская книга 1658 г. С. 54.

⁸⁹ *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. Т. II. С. 28.

⁹⁰ *Белоусов М.Р.* Боярские списки 1645—1667 гг. Т. I. С. 309; Алфавитный указатель фамилий и лиц... С. 427; Боярские списки XVIII в. (URL: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=72).

дочерью дворянина московского Петра Ивановича Северова, детей не было. Вторым браком — на Ульяне Васильевне Стрешневой, дочери окольного Василия Федоровича Стрешнева. От этого брака имел трех дочерей: Марию, Евдокию и Федулю (замужем за графом Епафродитом Ивановичем Мусиным-Пушкиным).

Подведем итоги. Вывоз значительной части мирз Урусовых в Россию вскоре после провозглашения царем Михаила Федоровича следует связать с их ролью в событиях Смутного времени. При этом их лояльность в очередной раз пытались купить, устраивая им браки на дочерях первостатейной московской знати и назначая большое материальное содержание. В 1616 г. у Бориса, Петра и Андрея поместный оклад составлял 1 500 четей, годовое денежное жалованье — 200 руб., у Ивана — 1 200 четей и 150 руб.⁹¹ Это указывало в том числе на то, что он был значительно младше остальных своих братьев. При этом первоначально все они получали поденный корм. В сентябре 1615 г. им полагалось по 5 алтын на человека, их людям (6 человек) — по 6 денег. В мае 1616 г. размер поденного корма увеличился. Князья стали получать по 20 алтын в день, 4 чарки вина, по ведру меда и пива. Кроме того, каждому из них полагался корм на 3 лошади (овес и сено), а также дачи на дрова. Без питья получалось по 25 руб. 20 алтын 4 денги в месяц на человека. Содержание «людей» осталось прежним, но их число сократилось до 4 человек: на всех им выдавали по 2 ведра пива на день. В июне мирзам добавили по 5 руб. в месяц. В августе месячный корм еще раз увеличили на 5 руб. Таким образом, в год на человека получалось 427,44 руб.⁹² — немалые деньги, в особенности в условиях разоренной Смутой страны.

Вскоре поденный корм стали заменять поместными дачами. Андрее в Шацком уезде достались 64 крестьянина, 20 бобылей, «пашни паханые, средние земли, 500 четей без полуосмины, а доброю землею с наддачею 7 чети, да перелогом и лесом поросло 1719 четей с полуосминою, а доброю землею с наддачею 1375 чети с осминою»⁹³. Кроме этого в приданное за своей женой он получил обширные вотчины в Рузском (125 четей) и Юрьевец-Повольском (160 четей) уездах. Одно время ему также принадлежала вотчина в Московском уезде (60 четей). Борис и Петр Кан (Хан)-мурзины были испомещены в Галичском уезде. За московское осадное сидение 1618 г. часть их поместий

⁹¹ Акты Московского государства. Т. I. СПб., 1890. С. 139.

⁹² РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1617 г. Д. 2. Л. 3—4.

⁹³ Шацкий уезд XVII века... С. 261.

перевели в вотчину (300 и 400 четей соответственно). Если принять во внимание тот факт, что в вотчину переводилась 1/5 часть поместья, то размер изначальных поместных дач братьев должен был составлять около 1,5 тыс. и 20 тыс. четей соответственно. Круглыми эти цифры на практике бывали редко. Тот же Андрей Сатыевич из своего шацко-го поместья за осадное сидение в вотчину получил 300 четей. Помимо этого Петру в Московском уезде принадлежало 100 четей⁹⁴.

Столь щедрые пожалования по отношению к князьям Урусовым трудно объяснить исключительно попыткой «купить» их лояльность. Похоже, здесь учитывались два фактора. С одной стороны, в приказном делопроизводстве большую роль играли прецеденты. Изначально высокий поместный оклад и поденный корм Петра Урусова⁹⁵ в самом начале XVII в. способствовали назначению значительных дач его младшему и двоюродным братьям. При этом нельзя оставлять без внимания настойчивые попытки добиться выезда беглого князя из Крыма в Россию⁹⁶. Большие пожалования его родственникам должны были, по мнению московских властей, заставить Петра/Урака сделать правильный «выбор». Похоже, в это время подобный прием в отношениях с отдельными представителями Крымского ханства стал в какой-то степени типичным. В этом ряду событий следует рассматривать и пожалование боярства в 1615 г. князю Юрию Яншеевичу Сулешову, происходившему из видного крымского рода мирз Яшлавских⁹⁷. Дяди и двоюродные братья князя занимали ключевые места в русско-крымских дипломатических переговорах. Хотя здесь, конечно же, определенную роль сыграла женитьба Юрия Яншеевича на Марфе Михайловне Салтыковой, племяннице Марфы Ивановны Романовой.

Последующий карьерный взлет князей Урусовых объясняется исключительно удачной женитьбой Семена Андреевича на двоюродной сестре московского царя Михаила Федоровича. Но следует помнить, что подобные браки знатных крещеных иноземцев строго контролировались в Кремле и зачастую там же подбирались. В таком случае последовавший за этим служебный рост Семена Андреевича был заранее спланирован. Видимо, князь Семен имел высоких покровите-

⁹⁴ Павлов А.П. Думные и комнатные люди... Т. II. С. 228–230.

⁹⁵ Они однозначно были большими, но точной информации об их размерах обнаружить пока не удалось.

⁹⁶ Следует отметить, что в Москве стремились вернуть всех ногайских мирз и князей, изменивших русскому царю в эпоху Смуты.

⁹⁷ *Виноградов А.В.* Род Сулеша во внешней политике Крымского ханства второй половины XVI в. // Тюркологический сборник: 2006. М., 2007. С. 25–73.

лей в самом ближайшем окружении царя. Возможно, ему изначально благоволил сам Михаил Федорович. Нельзя исключать, что здесь сыграли роль и личные качества князя Семена.

Следует несколько слов сказать о брачной политике по отношению к выезжим ногайским новокрещенам в первом и втором поколениях. В послесмутный период появилась определенная тенденция в подборе для них брачных партнеров: князья получали в жены дочерей знатных восточных выходцев более раннего периода (князья Черкасские и Тюменские). В тех случаях, когда жены происходили из старинных русских родов, отмеченная тенденция тоже имела место. При обращении к генеалогии этих родов оказывается, что восточные корни имели матери жен князей ногайского происхождения.

Таким образом, судьба князей Урусовых в России XVII в., отличавшаяся от иных крещеных знатных ногайских выходцев, была обусловлена стечением сразу нескольких факторов: влияния более ранней традиции, внешнеполитической целесообразности, а также личностных особенностей князя Семена Андреевича. Последнее обстоятельство еще ждет своего исследования.

№ 1

**1614 г., мая – Опасная грамота Михаила Федоровича
князю Петру Араслановичу Урусову**

Божию милостию от государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси самодержца и многих государств государя и обладателя князю Петру Араслановичю Урусову. Ведомо нам, великому государю, учинилося, что хочешь⁹⁸ к нам, великому государю, да опасаясь нашей⁹⁹, что ты из нашего государства отъехал. И тебе того опасатися нечего, отъехал ты не от нас, великого государя¹⁰⁰. К Московскому государству ты¹⁰¹ доброхотенье и раденье свое многое¹⁰² показал, ^{103а} приехав в Колугу¹⁰³, Вора, которой назывался государьским сыном и многую кровь в нашем государстве проливал и смуту чинил, убил. И тем многую смуту¹⁰⁴ в государстве унял. И ты б, князь Петр Ян-Арасланов¹⁰⁵, к нам, великому государю, ехал¹⁰⁶, а сумненья // себе никакова ни в чем не держал. Мы, великий государь, тебя пожалуем по твоему отечеству и по свойству свыше прежнего. А ся тебе наша грамота за нашу царьскою печатью и опасная. Однолично б еси сей нашей царьской грамоте верил и на¹⁰⁷ наше царьское жалованье был надежен. И наше царьское слово не будет.

Писано в государствия нашего дворе в царствующем граде Москве лета 7122-го мая месяца.

РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1614 г. Д. 2. Л. 24–25.

№ 2

**1615 г. – Статейный список послов в Крым
князя Григория Константиновича Волконского
и дьяка Петра Авдокимова**

Да в ту пору, как послы князь Григорей и дьяк Петр были у царевых везирей, говорили послом, князю Григорью и дьяку Петру, царевы везири, Амес Паша князь с товарищи царевым послом: Били-де¹⁰⁸ челом царю

⁹⁸ Далее в рукописи зачеркнуто: ехати.

⁹⁹ Далее в рукописи зачеркнуто: опалы.

¹⁰⁰ Далее в рукописи зачеркнуто: ешо тл.

¹⁰¹ В рукописи написано над строкой.

¹⁰² В рукописи написано над строкой.

¹⁰³⁻¹⁰³ В рукописи написано над строкой.

¹⁰⁴ В рукописи далее зачеркнуто: унял.

¹⁰⁵ В рукописи в слове зачеркнута неизвестная буква.

¹⁰⁶ В рукописи далее зачеркнуто: не сум.

¹⁰⁷ В рукописи далее зачеркнуто: наше.

¹⁰⁸ В рукописи приставка «де» написана над строкой.

Урак да Зурбек мурзы, Ян-Араслановы дети Урусова, что были у вас князь Петр да князь Александр.

А князь Александр сидит туто ж с ними, и нам, князя Александра по-слом, указали. И говорили: Сказывает-де князь Петр и князь Александр, что отец их, Ян-Араслан, при прежних московских государех был в Астрахани. А как-де Астарахань была за воры, за Маринкою да за Заруцким, и отца-де с воры застали в Астрахани. И был-де по неволе с ними в Астрахани. А ныне-де Астарахань государю вашему, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, добила челом, и Маринку с сыном и Заруцкого из Астрахани бояре и воеводы послали ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю к Москве. А отца-де их послали с ними ж вместе. И ныне-де отец их у государя вашего на Москве. А государю-де вашему, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, нагайской Иштерек князь грубен, и Московскому-де государству от него война и разоренье великое. И царь бы-де¹⁰⁹ их для их службы к себе пожаловал, к брату своему, к государю вашему, велел об отце их отписать, чтоб-де государь ваш отца их для его царства прошенья пожаловал, велел его от себя отпустить опять в Астарахань, и велел ему быть на Иштереково место в Ногаех. А отец-де¹¹⁰ их государю вашему служить рад, и нагайцы-де¹¹¹ Иштерекова улусу отцу их рады ж, и на Иштереково место его примут. И царь-де по их, Уракову и Зор // бекову, челобитью к брату своему, к царю вашему, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, отписали, чтоб-де государь отца их на Иштереково место в Нагаи пожаловал.

РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1614 г. Д. 4. Л. 84–85.

№ 3

1615 г., до апреля 28 – Перевод письма (завещания) мирзы Джан-Арслана бин Уруса братьям, детям и улусным людям

От Ян-Арслана мурзы Урусова сына братьям моим Тинбаю мурзе, да Курмашу мурзе, да Алею мурзе, да детям моим, сыну Янсоху да сыну Борису, да сыну Сулешу, и всем моим улусным и служилым людям едисаном. Приказываю я вам, отходя света сего, как служил прежним государем царем и великим князем Московского государства прадеды наши и дед наш, Смаил, безотступно, да и яз по своей вере, и так бы вам, братьям моим и детям, и всем улусным людям после меня служить и прямити мо-

¹⁰⁹ То же.

¹¹⁰ То же.

¹¹¹ То же.

сковскому государю и быти под его высокою царьскою рукою, царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси. Да о том я, Ян-Араслан, бью челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, чтобы недругу моему, Иштереку князю, братью и детей моих, и моих улусных людей, и служилых людей недругу моему не выдал.

РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1615 г. Д. 1. Л. 3.

Литература

- Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) [Текст]. М.: Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1918. 421 с.
- Алексеев, А.И.* Вкладная и кормовая книга московского Симонова монастыря [Текст] // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 5–184.
- Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах* [Текст]. М.: Тип. С. Селивановского, 1853. 498 с.
- Белокуров, С.А.* Разрядные записи за Смутное время [Текст]. М.: Тип. Штаба Московского военного округа, 1907. 343 с.
- Белосов, М.Р.* Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник [Текст]. Т. 1. Казань: Институт истории АН РТ, 2008. 316 с.
- Беляков, А.В.* Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование [Текст]. Рязань: Рязань. Мир, 2011. 512 с.
- Боярская книга 1627 г. [Текст]. М.: Институт истории СССР, 1986. 207 с.
- Боярская книга 1639 г. [Текст]. М.: ИРИ РАН, 1999. 266 с.
- Боярская книга 1658 г. [Текст]. М.: ИРИ РАН, 2004. 335 с.
- Боярские списки XVIII в. (URL: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=72).
- Бусов, К.* Московская хроника [Текст] // Хроники смутного времени. М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 3–162.
- Видекин, Ю.* История десятилетней шведско-московской войны [Текст]. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 656 с.
- Виноградов, А.В.* Посольство князя Григория Константиновича Волконского в Крым 1614–1615 годов [Текст] // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Религиоведение. Международные отношения. Т. 24. 2019. № 2. С. 158–174.
- Виноградов, А.В.* Род Сулеша во внешней политике Крымского ханства второй половины XVI в. [Текст] // Тюркологический сборник: 2006. М.: Восточная литература, 2007. С. 25–73.
- Долгоруков, П.В.* Российская родословная книга [Текст]. Т. II. СПб.: Тип. Карла Вингебера, 1855. 328 с.
- Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. [Текст]. М.: Древлехранилище, 2010. 1660 с.
- Книги окладные монастырям, церквям и часовням Рязанской епархии, учиненные при преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском. [Текст]. Кн. 2. Рязань: Александрия, 2004. 485 с.
- Нарбут, А.Н.* Родословные росписи [Текст]. Вып. 2. Князя Урусовы. М.: [Б. и.], 1994. 56 с.
- Опись архива Посольского приказа 1626 г. [Текст]. М.: [Б. и.], 1977. 416 с.
- Осадный список 1618 г. [Текст] // Памятники истории Восточной Европы. Вып. VIII. М.; Варшава: Древлехранилище, 2009. 684 с.
- Павлов, А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование [Текст]. Т. I–II. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 624 с.

- Петрей, П.* История о великом княжестве Московском [Текст] // О начале войн и смут в Московии. СПб.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 151–464.
- «Подлинные» Боярские списки 1626–1633 годов [Текст]. М.: Древлехранилище, 2015. 736 с
- Полное собрание русских летописей [Текст]. Т. XIV. М.: Языки русской культуры, 2000. 600 с.
- Разрядная книга 1475–1605 [Текст]. Т. IV. Ч. 2. М.: ИРИ РАН, 2003. 144 с.
- Русская историческая библиотека. Т. II. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1875. 656 с.
- Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов [Текст]. Волгоград: Издательство Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2012. 688 с.
- Садовский, А.Я.* Нижнего Новгорода сметный список окладным и неокладным и оброчным местам и разным денежным доходам 7128–1621 г. [Текст] // Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. Т. VII. Отд. III. Н. Новгород: Типография И.К. Владимирского, 1908. С. 471–517.
- Станиславский, А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков [Текст]. М.: РГГУ, 2004.
- Трепавлов, В.В.* История Ногайской Орды [Текст]. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.
- Трепавлов, В.В.* Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) [Текст] // Тюркологический сборник: 2002. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2003. С. 320–353.
- Трепавлов, В.В.* Сарайчук: переправа, некрополь, столица, развалины [Текст] // Тюркологический сборник: 2001: Золотая Орда и ее наследие. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. С. 225–244.
- Тюменцев, И.О.* Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II [Текст]. Волгоград: Издательство ВолГУ, 1999. 600 с.
- Урусов, К.С.-Б.* К истории рода Урусовых: Семейная хроника [Текст]. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 53 с.
- Шацкий уезд XVII века. Государевы служилые люди [Текст]. Ульяновск: УлГУ, 2014. 472 с.
- Шепелев, И.С.* Труды по истории Смуты в России в начале XVII столетия [Текст]. Т. II: Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608–1610 гг. Волгоград: Издательство ВГСПУ «Перемена», 2012. 508 с.
- Шишкин, Н.И.* История города Касимова с древнейших времен [Текст]. Рязань: Благовест, 1999. 217 с.
- Эйльбарт, Н.Э.* Смутное время в польских документах Государственного архива Швеции: Комментированный перевод и исторический анализ [Текст]. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2013. 401 с.

**А.В. Беляков, Д.Н. Маслюженко,
Е.А. Рябина**

Внешнеполитический контекст русского похода на Обь против Кучума в августе 1598 г.

Статья посвящена предпосылкам русского похода на Обь против сибирского хана Кучума в августе 1598 г., который привел к его поражению и пленению части семьи. Авторы на основании документов из фонда 131 «Татарские дела» и фонда 214 «Сибирский приказ» Российского государственного архива древних актов выявляют внешнеполитические причины этого похода, среди которых важнейшей была возможность формирования тройственного союза (Бухарское ханство, Алтыулы, Сибирское ханство), который мог угрожать Таре как самой южной русской крепости в Сибири.

Ключевые слова: Кучум, Сибирское ханство, Бухарское ханство, Ногайская Орда, Федор Иванович

**A.V. Belyakov, D.N. Maslyuzhenko,
E.A. Ryabinina**

THE FOREIGN POLICY CONTEXT OF THE RUSSIAN CAMPAIGN ON THE OB' AGAINST KUCHUM IN AUGUST 1598

The article is devoted to the prerequisites of the Russian campaign on the Ob' against the Siberian Khan Kuchum in August 1598, which led to his defeat and the capture of part of the family. The authors on the basis of documents from F. 131 Tatar Affairs and F. 214 Siberian order of the Russian state archive of ancient acts reveal the foreign policy reasons for this campaign, among which the most important was the possibility of forming a triple union (Bukhara khanate, Altuly, Siberian khanate), which could threaten to Tara as the southernmost Russian fortress in Siberia.

Key words: Kuchum, Siberian khanate, Bukhara khanate, Nogai Horde, Fyodor Ivanovich

20 августа 1598 г. хан Кучум потерпел сокрушительное поражение в битве на Оби от тарского воеводы Андрея Воейкова, в результате которого многие ханские родственники попали в плен, часть представителей двора были убиты и казнены, а сам он отступил в степи к ногаям и больше уже не угрожал русским владениям в Сибири. Историки неоднократно обращались к последствиям этого события, в том числе для семьи хана¹, однако, как это ни странно, никто не пытался

¹ *Трепавлов В.В., Беляков А.В.* Сибирские царевича в истории России. СПб., 2018. С. 67 и далее; С. 165 и далее; *Маслюженко Д.Н., Рябина Е.А.* Особенности повседневной жизни пленных Кучумовичей в Московском государстве осенью 1598 – зимой 1599 г. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 3. Казань, 2011. С. 75–93.

объяснить то, почему поход А. Воейкова был организован именно в это время.

Г.Ф. Миллер отметил, что непосредственно перед началом похода тарский воевода С. Козьмин «указывал Москве на опасность, которой подвергался из-за нападений хана Тарский уезд и беззащитные татары, жившие в деревнях». Этот воевода постоянно «проведывал» места, где находился Кучум, и то, как лучше на него напасть. В результате в Таре и был получен царский указ о сборе военного отряда и организации нападения. Рассказ о разгроме Кучума у историка вписан в борьбу за ясачные волости по Иртышу, которая началась после строительства самой южной русской крепости в Сибири Тары в 1594 г. и привела к нескольким русским походам в степь в 1596–1597 гг.²

Только в 1961 г. подробнее на этом вопросе остановился В.С. Синяев. Автор обратил внимание, что Миллер ошибочно приписал организацию похода князю Ивану Мосальскому, хотя на самом деле тарским воеводой в то время был А. Воейков, который 1 августа 1598 г. получил царский указ, непосредственно подготовил и руководил самим военным походом, целью которого было возвращение в русское подданство уведенных Кучумом ясачных людей. По сути, Синяев предпринял попытку на основании опубликованных во втором томе «Актв исторических» документов, воссоздать состав участников отряда, обратив внимание на значительную составляющую юртовских и волостных татар, хронологию и маршрут самого похода, а также ход сражения и его последствия³. К сожалению, данная статья во многом оказалась забыта последующими исследователями.

В 2011 г. Е.А. Рябинина также обратила внимание на то, что походы тарских воевод были связаны с сообщениями из Сибири о том, что хан Кучум списывался с бухарцами и ногайцами, которые вместе хотели идти на сибирские города. Также обращалось внимание на состоявшийся незадолго до этого разгром еще одного союзника Кучума – князя Пегой Орды Вони. В 1597 г. сибирский хан Кучум и русский царь Федор Иванович пытались найти пути примирения, по которому хана следовало пожаловать Сибирской землей от руки русского царя. Именно эти переговоры и приостановили успешные русские походы в 1597 г., хотя в результате Кучум отказался от подданства. Произшедший поход на барабинских татар в том же году и ожидание набега на Тару год спустя и могли стать стимулом для организации отряда А. Воейкова⁴.

² Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М., 2005. С. 292.

³ Синяев В.С. Окончательный разгром Кучума на Оби в 1598 году // Вопросы географии Сибири. 1951. № 2. С. 141–156.

⁴ Рябинина Е.А. Внешняя политика Кучум-хана в 1582–1598 гг. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сиби-

В 2012 г. усилия тарских воевод по разгрому Кучума были рассмотрены омскими археологами А.В. Матвеевым и С.Ф. Татауровым. Они отметили последовательность уничтожения опорных пунктов хана — Черного городка в 1595 г. и Тунуса в 1596 г., а также разгрома союзников хана — барабинских татар. В результате этого Кучум ушел из Прииртышья на восток, в Приобье, где и был разгромлен Воейковым в 1598 г.⁵

Таким образом, авторы обратили внимание на то, что в 1595–1598 гг. Кучум оказался опасен для русской власти, скорее, как возможный центр сепаратизма для тех сибирских народов, которые были недовольны русской властью. В.В. Трепавлов также указал на этот фактор: в 1596 г. Кучум вел переговоры с князем Воней о совместном нападении на Сургут год спустя, а после поражения селькупов пытался привлечь к борьбе чатов. Кроме того, он обратил внимание на то, что хан угрожал русским совместными сибирско-ногайскими походами. В этих условиях «опасность нападения «кучумлян» на русские и татарские селения, угроза пленения ими тех, кто покидал пределы крепостных заслонов, все более подводила к военному и окончательному решению застарелой проблемы хана-«казака». При этом, по мнению историка, поход 1598 г. состоялся в условиях хаоса и кризиса в Ногайской Орде после гибели во внутренней усобице бия Ураз-Мухаммада, зятя Кучума и когда-то первого ногайского тайбуги⁶.

В целом, авторы достаточно подробно рассмотрели контекст похода в августе 1598 г., но, как нам представляется, не обратили должного внимания на внешнеполитический контекст этого события. Ранее мы обращали внимание на то, что в 1595–1596 гг. сибирский хан Кучум и бухарский хан Абдаллах II вели переписку, в которой шла речь о возможном трехстороннем союзе против русских «кафиров» между Бухарой, Ногаями и Сибирью. В этом контексте мы подчеркнули, что важнейшей стороной переговоров был Аулия бин Ак бин Шейх-Мамай, лидер клана Шихмамаевичей. Кроме того, было высказано предположение, что именно он, а не сын Ураз-Мухаммада Али некоторое время до русского похода 1594 г. владел от руки Кучума волостями по Иртышу⁷.

Более сложен вопрос о том, знали ли об этой переписке в сибирских городах и Москве. Рассмотренная нами переписка отложилась в

ри: Материалы международной конференции (Курган, 21–22 апреля 2011 г.). Курган, 2011. С. 94.

⁵ Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань, 2012. С. 52–53.

⁶ Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 52–57.

⁷ Беляков А.В., Маслюженко Д.Н. Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом // Stratumplus. 2016. № 6. С. 230–239.

РГАДА (ф. 131 и ф. 214), где самый ранний документ датирован 1595 г. Известно, что бухарские посольства попадали в русский плен. Так, в 1597 г. Кучум обращался к тарским воеводам о возвращении ему захваченных у бухарского каравана лекарств и других вещах⁸. Кроме того, к русским периодически переходили разные «кучумляне». Например, летом 1595 г. к Таре прикочевал от сибирского хана ногайский мирза Чин бин Эль, племянник хана Кучума, со своими улусными людьми и в сопровождении матери находившегося в русском плену ханского племянника Мухаммад-Кула⁹. В сумме с проводившимися разведками это должно было предоставлять русским воеводам постоянную информацию, которая могла фиксироваться в указных грамотах на Тару Федора Ивановича и в обратных ответах, т.е. отложиться в русских архивах.

Наиболее очевидными для русских наблюдателей союзниками Кучума были именно ногаи, с различными кланами которых сибирский хан был связан многочисленными браками как личными, так и сыновей. Так, например, 16 августа 1595 г. в указной грамоте Федора Ивановича (Посольского приказа) на Тару воеводе князю Федору Борисовичу Елецкому с товарищами в названии оговаривается «о вестях о Кучуме и нагайцах». Именно в этом документе сообщается о ранее состоявшемся переходе под русскую власть прииртышских волостей, которые находились под ногайским мирзой Али: «волость Чангулу, волость Лугу и волость Любу, волость Келему, волость Тураш, волость Барабу, волость Китипики», а также о сожжении городка Тунус¹⁰. Потеря Тунуса и прииртышских волостей и возможный уход Али поставили Кучума перед необходимостью поиска новых союзников в борьбе против русских. Кстати, обратим внимание на то, что данный документ позволяет датировать захват Тунуса не 1596 г.¹¹, а годом ранее.

На фоне поражений Кучума наблюдается уход от него ханских родственников, людей и ногайских союзников, который начался еще в 1595 г.¹² В 1596 г. от него отходили сын Канай и брат Илитень с тремя сотнями людей¹³. В том же 1596 г. имели место и более локальные случаи: «Как-де они шли из Бухар, ис тех своих городов, и встретили-де их Кучюмовы люди и с женами, и з детьми. А в роспросе-де им сказали, что идут они от Кучюма царя в Бухары к Облахану царю слу-

⁸ Рябинина Е.А. Внешняя политика Кучум-хана в 1582–1598 гг. С. 94.

⁹ Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака... С. 42.

¹⁰ РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Оп. 1. Кн. 11. Л. 14–16 об.

¹¹ Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории... С. 53.

¹² Рябинина Е.А. Внешняя политика Кучум-хана в 1582–1598 гг. С. 93.

¹³ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2. М., 1819. С. 131; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 11. Л. 22 об.

жить, а с ними-де бухарских людей тридцать человек, которые у Кучюма царя зимовали»¹⁴.

Именно в этом контексте в конце 1595–1596 гг. и могла начаться рассмотренная нами ранее сибирско-бухарская переписка, поскольку у Кучума возникла реальная необходимость в поиске новых союзников для отстаивания своих северных интересов. Как известно, Абдаллах II еще в 1595 г. на просьбу о военной помощи ответил отказом: «А что еси просил у нас рати, и мы в те поры были в войне, для того и не послали есмя»¹⁵. В.В. Трепавлов предположил, что у бухарского хана на тот момент имелись иные интересы, поскольку в 1594 г. он сумел изгнать из Ургенча своего противника хана Хаджима (Азима) и теперь с опорой на ногайские силы строил планы по расширению контроля над степными территориями¹⁶.

Однако год спустя ситуация, видимо, стала меняться. Об этом вскоре узнали в Москве, что отразилось в указной грамоте Федора Ивановича тарскому воеводе Ф.Б. Елецкому от 31 августа 1596 г.: «Кучюм царь з бухарцы и с нагайцы ссылаетца и умышляет вместе, и хотят на наши сибирские города приходити»¹⁷. Обратим внимание, что в отличие от ранее процитированного письма, речь шла уже не только о ногаях, но и о бухарцах, т.е. к лету 1596 г. появилась возможность объединения сибирских, бухарских и ногайских сил. В ответ на это «с Тары в проезжие станицы, и по сторожи, и по перевозом проводывати про Кучюма царя и по нагаи, и по бухар для вестей»¹⁸, т.е. был ужесточен контроль над степными границами.

Одновременно с этим бухарский лидер попытался примирить Кучума со своим союзником мирзой Аулией, который, видимо, к этому времени стал лидером крупного ногайского клана Алтыулов, кочевавшего непосредственно в Приаралье. Необходимость примирения Абдаллах II объяснял именно борьбой с неверными (русскими): «И вы тако промеж себя друг другу учнете кривду чинити, и ваша земля будет у кафирей в руках»¹⁹. Рискнем предположить, что этот и ряд других документов являлись частью ханского архива, который был взят при разгроме ставки Кучума А. Воейковым.

Ссора Кучума и Аулии началась из-за того, что Кучум «взяли землю Авлия мурзину, а он ваши в присвоенье»²⁰, т.е. вопрос заключался во взаимных территориальных претензиях. Причем в грамоте Абдаллаха II указывалось, что у Кучума «в той ж земле [цари]цы ваши и бра-

¹⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 11. Л. 24 об.

¹⁵ Там же. Ф. 109. Сношения России с Бухарой. Оп. 2. 1595 г. Д. 2. Л. 1.

¹⁶ *Трепавлов В.В.* Сибирский юрт после Ермака... С. 46.

¹⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 11. Л. 22.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Ф. 131. Татарские дела. Оп. 1. 1598. Л. 5.

²⁰ Там же. Л. 3.

тья были, и они все вкупе жили. А нынеча земля вам досталася. И вам было Авлею мурзу имея себе за меньшова брата место, и землю его ему отдати»²¹. Речь явно шла о родовых землях сибирской ветви династии Шибанидов в Приаралье или присырдарьинском регионе, которые могли сформироваться еще во времена деда Кучума тюменского хана Ибрахима и использовались в том числе в качестве ханских зимовок²². С конца 1540-х гг. на Сырдарье и Арале стали появляться постоянные ногайские кочевья Шихмамаевичей (Алтыулов), чей основатель Шейх-Мамай также был внуком хана Ибрахима по женской линии²³. Для замирения с Аулией Кучуму предлагали отдать родовые кочевья на юге степной зоны. Как верно отметил В.В. Трепавлов, «призыв возымел действие, так как позднее неизвестно о каких-либо территориальных претензиях ногаев к Кучуму»²⁴. Представляется, что произошедшее замирение пошло несколько далее простого решения территориального спора. При этом возникает вопрос о том, насколько все же этот формирующийся союз был дееспособен, по крайней мере с русской точки зрения.

1 января 1597 г. в указной грамоте Федора Ивановича (приказа Новой чети) на Тару воеводе князю Ф.Б. Елецкому с товарищами говорится, что в предшествующем году «по нашему указу велено вам посылати из нова города с Тары в проезжие станицы, и со сторожи, и по перевозом проведывати про Кучюма царя, и по нагаи, и по бухар для вестей, чтоб Кучюм царь, собрався с людьми своими, безвестно под город и на волости не пришел и не извоевал, с нагаи и з бухары нет ли у Кучюма царя ссылки»²⁵. По имеющейся информации в июле 1596 г. в Таре стало известно о том, что Кучум пытался найти поддержку еще и калмыков, что закончилось на тот момент не совсем удачно. В документе указано, что «был-де у Кучюмовых детей с колмыцкиими людьми бой на Ескеневе озере за то, что колматцкие люди хотели от Кучюма царя отъехать прочь. А было-де колматцких людей у Кучюма царя человек с тридцеть. И на том-де их бою убили у Кучюма трех человек, а кого именем убили, и того сказать не ведает. А после-де того погрому вскоре от Кучюма царя отъехали прочь два царевича, Канай да Иледен, а с ними-де отъехала человек с триста з женами и з детьми. А отъехав-де от Кучюма царя, царевичи Канай да Иледен с теми людьми стали на Челе озере»²⁶. Илитень позже при неиз-

²¹ Там же.

²² Беляков А.В., Маслюженко Д.Н. Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете... С. 231, 237.

²³ Трепавлов В.В. «Шесть сыновей». Остатки Ногайской Орды в казахских степях // Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды. Казань, 2011. С. 81.

²⁴ Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака... С. 45.

²⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 11. Л. 22.

²⁶ Там же. Л. 22–22 об.

вестных обстоятельствах вернулся к Кучуму, так как он упоминается в числе убитых при разгроме хана вместе с Канаем, хотя в отношении последнего информация не подтвердилась. Об убийстве брата Кучума царевича Илитеня упоминается и в наказе послам в Англию в 1600 г.²⁷

В указанной грамоте предписывалось Илье Беклемишеву перекрыть все переправы через Иртыш, «чтоб с нагайские стороны за Иртыш никаких людей не пропустили, ни нагайских, ни бухар, чтоб Кучюм царь, собрався людьми, под город и на волости безвестно не пришел. А на нагайскую сторону из-за Иртыша Кучюмовых людей не пропускали ж, чтоб Кучюмовы люди не перелазились. А будет поедут х Кучюму царю нагаи, или Кучюмовы люди пойдут за Иртыш, и вы-де велели Илье на тех перевозех над кучюмовы люди и над нагаи промыслиати. А бухарских людей велели с тех перевозов ворочати в сибирские города»²⁸.

Данный документ наиболее подробно описывает возможных союзников Кучума на 1596 г., а также в некоторых случаях констатирует их военные силы. Так, указывается на то, что «Кучюм царь стоит в Чатах, на Оби реке, на острове. А с ним-де людей его, Кучюмова двора, человек с пятьдесят. А надеетца-де Кучюм царь на чатцких людей. А в Чатах-де людей, которые на конь садыца, человек с тысячу»²⁹. Таким образом, после ухода брата хана Илитеня и сына Каная у самого Кучума военных сил осталось немного, однако, поддержка конницы чатов реально могла изменять этот расклад.

Уже 30 января 1597 г. в «Наказной памяти Федора Ивановича (приказа Новой четверти) воеводе Степану Васильевичу Кузьмину и головам Андрею Матвеевичю Воейкову и Петру Девичу Пивову, посланным с Сибирь на Тару», еще раз уточняется необходимость «вестей проведывати, нет ли у Кучюма царя з бухарским и нагайским ссылки, и какова умышления по ним евят, в сибирские города торговати собою или их бухарской и нагайской мурза посылают нароком с товары, и будет нароком посылают, и что им приказывают, чего велет им розведывати в Сибири»³⁰.

В указной грамоте от 8 июня 1598 г. Федора Ивановича (приказа Новой чети) на Тару князю Ф.Б. Елецкому с товарищами о подготовке города к возможному приходу хана Кучума говорится, что «Кучюм стоит в собранье со всеми людьми, и с колмаки, и с нагайскими людьми, которые к нему пришли в осень с лошадьми, сто человек, а хочет-де идти под город под Тару и на волости войною вскорее. Да послал-де Кучюм в Бухары и в Нагаи послов своих. А с ними-де

²⁷ История Казахстана в русских источниках. Т. 1. Посольские материалы Русского государства (XV–XVII вв.) / Сост. А.И. Исин. Алматы, 2005. С. 212.

²⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 11. Л. 22 об.

²⁹ Там же. Л. 24 об. – 25.

³⁰ Там же. Л. 38.

и послал великие поминки к бухарскому царю и в Нагаи. А велел у них просити себе людей на помощь»³¹. Таким образом, к июню 1598 г. под рукой Кучума оказались не только собственные силы, но и небольшие отряды калмыков и ногаев. Вероятно, определенная надежда у Кучума была также на значительные военные силы калмыков, которые, по свидетельству А. Воейкова, находились на момент разгрома в августе 1598 г. от кочевьев Кучума «в дву днищах, а собирается... колмаков воинских людей пять тысяч»³². В результате этого Воейкову пришлось через пять дней после разгрома Кучума уходить в Тару, не закончив объяснение населения. Возможно, с этим же может быть связана и версия того, что Кучум после поражения бежал именно к калмыкам.

Далее следует более любопытный фрагмент: «Кучюм и Авлей мурза с воинскими людьми к вам, к Таре ко городу, безвесно и тайно не пришли, и городу порухи ни которой не учинили... Как Кучюм придет, или Авлей мурза, и вы б над Кучюмом и над Овлеем мурзою, как почаят их к Таре приходе, промышляли по тамочному делу. Да юртовским бы есте тотаром и волосным князьком и ясаулом, и ясачным людем сказали наше царское жалованное слово, чтоб они с вами над Кучюмом и над Овлеем мурзою промышляли за один, а мы их за то пожалуем великим своим жалованьем. А будет Кучюм и Авлей мурзы на волости на Тарские не придет, и вы б над Кучюмом и над Овлеем промышляли, смотря по тамочному делу, чтоб их онднолично повоевал, а себя от них уберег»³³. Таким образом, мирза Аулия, по русским данным, оказал вполне реальную помощь сибирскому хану. По всей видимости, представления о реальности такого военного союза и подтолкнули Москву к приказу о походе тарского воеводы А.М. Воейкова в августе 1598 г. Не исключено, что и в Сибири серьезно опасались такой возможности, так как кампанию против Кучума удалось организовать и провести основательно и в достаточно быстрые сроки. Указ об организации похода был получен 1 августа, а уже 4 августа войско выдвинулось в поход. За 15 дней были разгромлены или заново объясачены союзники Кучума, кочевавшие вокруг его ставки, и самого его разбили 20 августа³⁴.

Более сложным представляется вопрос о том, почему союз не состоялся, несмотря на столь длительную подготовку. Одним из факторов этого была внутренняя ситуация в Казахском ханстве. Еще в 1594 г. казахский хан Таваккул сообщал в Москву, что он «з бухарским царем теперя в миру на время, а и с ногаи со шти браты в миру, и

³¹ Там же. Л. 40.

³² Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. II: 1598–1613. СПб., 1841. С. 4.

³³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 11. Л. 40 об.

³⁴ Акты исторические... С. 1–3.

с Тенехматовыми детьми да с Урусовыми — ни так ни сяк»³⁵, т.е. находился в мире с Бухарой и Алтыулами. Однако в рамках ответного посольства весной 1595 г. Вельямин Степанов должен был убедить казахского хана в том, чтобы они «стояли... на бухарского и на Кучума-царя»³⁶, что в общем соответствовало ранее озвученным в Москве казахским пожеланиями³⁷. Данная фраза прослеживается практически в каждом послании Москвы к казахскому хану Таваккулу и царевичам Шихмамету и Кучуку во время переговоров 1595 г.³⁸ Предлагалось даже предоставить Таваккулу воинские силы для совместного русско-казахского похода против Кучума³⁹. Учитывая, что переговоры проходили в тайне от бухарского хана и от Кучума, Москва, вероятно, хотела предотвратить возможное усиление бухарско-сибирско-нагайского альянса казахским фактором. К тому же, в грамотах Таваккул и царевичи упоминаются как повелители не только «Казатцкой», но и «Колматцкой Орды»⁴⁰.

В результате этого, а также конфликтов в Бухаре между Абдаллахом и его сыном Абд ал-Мумином, к 1598 г. ситуация коренным образом изменилась. В первой половине 1598 г. состоялось большое вторжение казахских войск во главе с Таваккулом, которое привело к поражению бухарского правителя⁴¹. Пик этого нападения на Бухарское ханство пришелся на август 1598 г., уже после убийства нового хана Абд ал-Мумина. Таким образом, бухарская помощь летом 1598 г. оказалась для Кучума недоступна.

Известно, что Алтыулы приняли участие в смуте в Большой Ногайской Орде в конце 1590-х гг.⁴², однако не ясно, являлся ли ее участником сам Аулия. В какой-то момент информация о нем исчезла из источников, причем в его поиске были крайне заинтересованы русские администраторы. Еще в феврале 1599 г. в наказной памяти Б.Ф. Елецкого (Казанского и Мещерского Дворца) воеводам окольничему Семену Федоровичу Сабурову, Алексею Фомичу Третьякову и дьяку Тимофею Витовтову, посланным в Тобольск, указывалось, что «про нагайских людей, про Авлея мурзу, велети проведывати, где ны-

³⁵ История Казахстана в русских источниках... С. 191.

³⁶ *Трепавлов В.В.* Сибирский юрт после Ермака... С. 49; История Казахстана в русских источниках... С. 200.

³⁷ История Казахстана в русских источниках... С. 192.

³⁸ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII в. Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1961. С. 7, 9, 11.

³⁹ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII в... С. 9.

⁴⁰ *Абусеитова М.Х.* Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата, 1985. С. 81; История Казахстана в русских источниках... С. 202.

⁴¹ Материалы по истории Казахских ханств XV—XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С.К. Ибрагимов и др. Алма-Ата, 1969. С. 394—395.

⁴² История Казахстана в русских источниках... С. 214—215; *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2001. С. 386—389.

не Авлей мурза с нагаи кочуют, и в котором месте, и сколько с ним нагайских людей, и что его умышление, и нет ли у него з бухарским ссылкой, и не чает ли от нево к сибирским х которым городом и на волости приходу, чтоб Авлей, собрався с нагаи и з бухарскими людми, х которому городу и на волости безвестно не пришел и порухи которому городу и волостям не учинили»⁴³. Этот вопрос продолжал интересовать Москву и в дальнейшем. Даже в наказной памяти Бориса Годунова (приказа Новой чети) воеводе Якову Ивановичу Старкову и головам Петру Васильевичу Пивову и Федору Петровичу Рябинину, посланным в Сибирь на Тару, от 7 августа 1599 г. вновь указывается: «И про нагайских людей, про Авлея мурзу велели проведывати, где ныне Авлей мурза с нагаи кочует, и в котором месте, и сколько с ним нагайских людей, и что его умышление, и нет ли у него з бухарским ссылкой, и не чает ли он ныне к сибирским с которым городом и на волости приходу, чтоб Явлей, собрався с нагаи и з бухарскими людми х которому городу и на волости, безвестно не пришел и порухи которому городу и волостям не учинил»⁴⁴. Таким образом, поражение Кучума на Оби, видимо, не снимало с повестки дня вопрос о ногайской угрозе именно со стороны Алтыулов, хотя при этом в Тобольске и Таре не могли прояснить местонахождение Аулии. Остаются неясными и причины отсутствия помощи со стороны этой части ногаев Кучуму в 1598 г.

По сути, о присутствии Алтыулов в Сибири на протяжении следующих пяти лет источники не сообщают. Только в 1603 г. на Обуге (Убагане) недалеко от хана Али бин Кучума зимовали 300 ногаев во главе с мурзой Урусом Алтыулова улуса, чье родство с Аулией на данный момент установить не удалось. Весной была предпринята попытка организации совместного похода Али и Уруса с 1 100 татарами на Тюмень, оставшаяся безуспешной в связи с ожиданием возвращения из Московии царевича Кансувара и цариц⁴⁵. После этого Алтыулы, видимо, уже более не принимали участия в сибирских событиях.

Таким образом, поход 1598 г. на реку Обь был обусловлен комплексом не только описанных в историографии внутренних, но и внешних причин, среди которых важнейшей оказалась возможность формирования тройственного (Бухара, Алтыулы, Сибирское ханство) союза, который мог угрожать в том числе Таре как самой южной русской крепости в Сибири.

⁴³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 2. Л. 99–100.

⁴⁴ Там же. Д. 11. Л. 57 об.

⁴⁵ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. II. М., 2000. С. 211–212.

Литература

Абусеитова, М.Х. Казахское ханство во второй половине XVI века [Текст]. Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1985. 104 с.

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией [Текст]. Т. II: 1598–1613. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной е.и.в. канцелярии, 1841. 472 с.

Беляков, А.В., Маслюженко, Д.Н. Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом [Текст] // *Stratumplus*. 2016. № 6. С. 229–243.

История Казахстана в русских источниках. Т. 1. Посольские материалы Русского государства (XV–XVII вв.) [Текст] / Сост. А.И. Исин. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 704 с.

Казахско-русские отношения в XVI–XVIII в. Сборник документов и материалов [Текст]. Алма-Ата: Наука, КазССР, 1961. 746 с.

Маслюженко, Д.Н., Рябинина, Е.А. Особенности повседневной жизни пленных Кучумовичей в Московском государстве осень 1598 – зимой 1599 гг. [Текст] // *Средневековые тюрко-татарские государства*. Вып. 3. Казань: ИХЛАС, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 75–93.

Матвеев, А.В., Тамауров, С.Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории [Текст]. Казань: Фэн АН РТ, 2012. 260 с.

Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) [Текст] / Сост. С.К. Ибрагимов и др. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1969. 652 с.

Миллер, Г.Ф. История Сибири [Текст]. Т. I, II. М.: Восточная литература РАН, 2005. 630 с.; 796 с.

Рябинина, Е.А. Внешняя политика Кучум-хана в 1582–1598 гг. [Текст] // *История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы международной конференции (Курган, 21–22 апреля 2011 г.)*. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. С. 90–95.

Синяев, В.С. Окончательный разгром Кучума на Оби в 1598 году [Текст] // *Вопросы географии Сибири*. 1951. № 2. С. 141–156.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел [Текст]. Ч. 2. М.: Тип. Н.С. Всеволожского, 1819. 643 с.

Трепавлов, В.В. История Ногайской Орды [Текст]. М.: Восточная литература, 2001. 752 с.

Трепавлов, В.В. «Шесть сыновей». Остатки Ногайской Орды в казахских степях [Текст] // *Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды*. Казань: ООО «Фолиант», 2011. 252 с.

Трепавлов, В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш [Текст]. М.: Восточная литература, 2012. 231 с.

Трепавлов, В.В., Беляков, А.В. Сибирские царевича в истории России [Текст]. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2018. 496 с.

Коми-зыряне и ранняя русская колонизация Северо-Западной Сибири

Статья посвящена участию коми-зырян в ранней русской колонизации Северо-Западной Сибири. К концу XVI в. христианизация на коренной территории коми-зырян достигла таких успехов, что антропонимика этого народа не отличалась от русской. Поэтому в письменных источниках коми-зырян можно «узнать» только при наличии их «географических» прозвищ. Анализ письменных источников показывает, что коми-зыряне были проводниками через Уральские горы правительственных отрядов; переводчиками с самодийских и угорских языков; строителями речных судов; служилыми людьми в составе гарнизонов первых русских городов; торговцами с автохтонными народами и промысловиками пушного зверя. Эта многоликость, обусловленная отчасти многовековым соседством со славяно-русским населением, позволила коми-зырянам сыграть значительную роль в ранней колонизации Сибири.

Ключевые слова: коми-зыряне, колонизация, мобильность, торговля, землепроходческое движение

E.V. Vershinin, G.P. Vizgalov

THE KOMI-ZYRIANS AND EARLY RUSSIAN COLONIZATION OF NORTH-WEST SIBERIA

The article presents the materials devoted to the participation of the Komi-Zyrians in the early Russian colonization of North-West Siberia. By the end of the 16th century the Christianization on the indigenous territory of the Komi-Zyrian achieved such success that the anthroponymics of this people did not differ from the Russian population. Therefore, in written sources, the Komi-Zyrians can be "recognized" only if they have their "geographical" monikers. An analysis of written sources shows that the Komi-Zyrians were guides of the government units through the Ural Mountains; translators from Samoyed and Ugric languages; builders of riverboats; servicemen in the garrisons of the first Russian settlements; merchants with autochthonous peoples and hunters for fur animals. This diversity, partly due to the long neighborhood with the Slavic-Russian population, allowed the Komi-Zyrians to play a significant role in the early colonization of Siberia.

Key words: The Komi-Zyrians, Colonization, Mobility, Trade, Land exploration

Активное участие коми-зырянского населения в ранней колонизации Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XVII в.) не вызывает у исследователей сомнений, неважно, породилось ли это движение в конкретных случаях инициативой самих коми-зырян или правительственными мобилизациями¹. В массиве сохранившихся для

¹ Тема «Коми-зыряне и колонизация Сибири в XVI–XVII вв.» в научной литературе не является новой. См.: Красильникова Э.Д. Участие населения Коми края в

данной эпохи источников (часто весьма недостаточных и фрагментарных) коми-зырянский «кусок» составляет заметную часть. Благодаря географической близости Перми Вычегодской к Приуралью и Зауралью, приученности ее обитателей к охоте и рыболовству, нескольким векам соседства со славяно-русским населением, коми-зыряне, сами будучи умелыми звероловами и торговцами с автохтонными народами, естественным образом оказались дружелюбными (к русским колонистам) разведчиками сухопутных и водных путей в Зауралье, проводниками русских отрядов промысловиков и служилых людей. Колонизуемые в первую очередь северные территории Западной Сибири обязаны своим приоритетом неземледельческому составу колонистов – поморов Русского Севера и коми-зырян. Обратившись к данной теме, авторы стремились изучить малейшие детали участия коми-зырян в ранней русской колонизации, может, именно потому, что это участие раннее, первоначальное, которое, вследствие фрагментарности источников, невозможно выразить в каких-либо количественных параметрах².

Какими сведениями обладали жители Перми Вычегодской о своих зауральских соседях к концу XV в.? В 1465 г. князь Василий Вымский присоединил свой отряд вымичей и вычегжан к рати устюжан воеводы Василя Скрыбы, которые все вместе «землю Югорскую воевали», захватили в плен и доставили в Москву югорских князей Калбу и Те-

освоении Сибири во второй половине XVI–XVII в. // Вопросы истории Коми АССР (XVII – начало XX в.). Сыктывкар, 1975. С. 17–36; *Жеребцов Л.Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982. С. 97–116; *Жеребцов И.Л., Жеребцов Н.Л.* На восток, в просторы «Сибирской уральны» // Родники пармы. Сыктывкар, 1989. С. 36–51; *Головнев А.В.* Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993; С. 137–142; *Жеребцов И.Л.* Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII в. Екатеринбург, 1996. С. 207–231.

² В ранней русской колонизации Сибири (особенно ее северных районов), как доказано многими исследованиями, огромная часть переселенцев-колонистов принадлежала к выходцам из Поморья. Л.Н. Жеребцов совершенно верно отметил, что «почти во всех исследованиях жители Поморья выступают как этнически однородная масса, как представители единого русского народа». (*Жеребцов Л.Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми... С. 100). Выделение коми-зырянского «следа» в общем потоке русской колонизации Сибири XVII в. существенно затруднено тем обстоятельством, что к концу XVII в. христианская антропонимика уже тотально господствовала среди народов коми. Например, какой исследователь Сибири мог бы догадаться, что попавшие в поле его зрения Ларион и Григорий Ивановы, которые «сошли» в Сибирь в 1638 г., были родом из погоста Визенга Яренского уезда? (Документы по истории народа Коми. Писцовая и переписные книги Яренского уезда XVII в. Сыктывкар, 1985. С. 170). Только зафиксированное в источнике прозвище этнического (Зырян, Пермитин) или географического (вымич, сысолетин и т.д.) характера может указать на этническую принадлежность переселенца в Сибирь.

чика, впоследствии отпущенных великими князем Иваном Васильевичем обратно. Сведения географического характера и данные о маршруте похода в Югру в летописи отсутствуют. В 1472 г. вычегжане вошли в состав сборной северной рати (устюжане, белозерцы, вологжане), которая нанесла решительный удар по Перми Великой, чей правитель князь Михаил Великопермский проводил по отношению к Москве двойственную политику³. В 1483 г. пермяне обеих Пермских земель (Вычегодской и Великой) вместе с обычной уже русской ратью северных территорий совершили большой поход на пельымских вогулов, «Сибирскую землю воевали идучи» (сибирских татар) и, спустившись по Иртышу и Оби, «землю Югорскую воевали», захватив югорского большого князя Молдана. О маршруте возвращения обратно русско-пермского войска летопись опять же умалчивает. В конце декабря 1484 г. под Усть-Вымом, резиденцией епископа Пермского Филофея, состоялось заключение мира с участием представителя владыки Филофея, князей Вымских (являвшихся великокняжескими наместниками) и вычегодских зырянских сотников, с одной стороны, и вогульских и остяцких (включая кодских князей) предводителей – с другой. Из текста договора можно заключить, что коми-зыряне к этому времени должны были быть знакомы с такими географическо-этнополитическими территориями Зауралья, как пельымское вогульское княжество, княжество Кода, Обдора и «Сибирская земля» по Иртышу⁴.

Последний масштабный поход московских войск в зауральскую Югру, организованный Иваном III, состоялся зимой 1499/1500 г. Русская часть рати состояла, кроме ярославцев, из жителей северных областей (устюжан, двинян, важан, пинежан) и вятчан. Кроме того, из 4 тыс. ратников 700 человек (как говорит ВВЛ) принадлежали к коми-зырянам, которых возглавляли князья Петр и Федор Вымские. Войско под предводительством трех русских воевод в конце ноября 1499 г. двинулось в зимний поход на лыжах. Целью похода была Югорская земля, а точнее – «Куда и вогуличи». В итоге Иван III продолжал присоединять к Москве бывшие волости еще недавно независимого Великого Новгорода: воеводы шли в «Ноугородскую землю, в Коду и на вогуличи»⁵.

³ Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихийская) летопись (далее – ВВЛ) // Родники пармы. Сыктывкыр, 1989. С. 26.

⁴ Там же. С. 26, 27; Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. III. Ч. 2. М., 1955. С. 152.

⁵ ВВЛ. С. 27–28; История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до конца XX в. Хрестоматия. Екатеринбург, 1999. С. 40; Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959. С. 291.

Почему поход в земли Югры состоялся зимой (в качестве средств передвижения использовались лыжи, олени и собаки)? Вспомним, что через 100 лет, при начале активной русской колонизации (зимой 1595/96 г.), через перевалы Северного Урала был направлен отряд князя Петра Горчакова на помощь осажденному самоедами и остяками Березову. Русский Березовский уезд — это и есть земли Югры, городки Ляпинского княжества (р. Ляпин, приток Северной Сосьвы) и далее на Оби городки Кодского княжества. Петр Горчаков указал, что и в его время (когда уже существовал Тобольск) путь через Северный Урал использовался «для поспешенья»⁶. Возможно, сборное русское войско в 1499 г. двигалось по льду р. Шугора (правого притока Печоры) и затем от собственно Уральских гор за неделю дошло до городка Ляпин, где его встретили югорские князья на оленях с «Обдора».

Нам представляется, что привлечение коми-зырян к походам московских войск в Югру способствовало более близкому знакомству жителей Перми Вычегодской с зауральскими территориями. Рассуждения о коми-зырянской промысловой и торговой деятельности в Западной Сибири в «доермаковский» период не лишены логики, но не имеют твердых доказательств. Косвенным доказательством может явиться уникальное известие Вычегодско-Вымской летописи, которое само требует комментариев: «Лета 7088 за службы великие государевы пожаловал князь великий Иван Васильевич пермичем торговым и промышленным человеком торговати в Югре и Мангазее и в сибирских городах безошлинно 10 лет, и таможенные им не платити николико»⁷. В целом ВВЛ отражала события, относившиеся как к Перми Вымско-Вычегодской, так и Перми Великой; жителей обеих земель летопись могла называть «пермяками», «пермичами».

Следует обратить внимание на то, что статья относится ко времени (1580 г.) до похода Ермака и никак не связана с событиями «сибирского взятия» 1582 г. Составитель ВВЛ усть-вымский черный поп Мисаил, приступивший к работе в 1580-е гг., явно использовал жалованную грамоту Ивана Грозного с соответствующим текстом⁸. Само место составления летописи горит о том, что грамота была адресована жителям Перми Вычегодской, промышленным и торговым людям, которые, скорее всего, сами и «выпросили» ее у царя. На данный момент мы не можем предложить ни одной достоверной догадки, какие «службы великие государевы» коми-зырян имела в виду эта жалован-

⁶ Обдорский край и Мангазее в XVII веке. Сборник документов / Сост. Е.В. Вершинин, Г.П. Визгалов. Екатеринбург, 2004. С. 85–86.

⁷ ВВЛ. С. 29.

⁸ Когда-то исследователь ВВЛ Б.Н. Флоря отмечал: «Местные записи Коми-Вымской летописи XVI — начала XVII в. нуждаются в специальном изучении» (Флоря Б.Н. Коми-Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 231).

ная грамота. Она разрешала коми-зырянам проводить торговые операции на территориях Югры, Мангазеи и в «сибирских городах». Под последними понимались земли Сибирского юрта хана Кучума. Очевидно, что здесь зафиксированы те географические области, с которыми коми-зырянские промысловики и торговцы уже были знакомы. Напомню, что под «Мангазейей» в данное время подразумевалась географическая область, а не возникший лишь в 1601 г. русский город. Грамота разрешала лишь поездки за Урал с торговыми целями; разрешения заниматься охотой просто не могло быть, потому что эти территории были еще независимы от Русского государства. От уплаты пошлин с торговых операций промышленники (значит, промысловая деятельность все-таки подразумевалась) и торговцы, уже на территории Русского государства, освобождались на 10 лет.

Гипотетическая жалованная грамота, послужившая источником известия ВВЛ, весьма напоминает более позднюю (январь 1600 г.) жалованную грамоту царя Бориса Годунова пинежанам и мезенцам Двинского уезда. Грамота была адресована Угриму Иванову, Федулу Наумову и «всем промышленным людям» с Пинеги и Мезени, которые сами «били челом... чтоб нам их пожаловати: велети им ездити промышляти и торговати в Мунгазею морем и Обью рекою на Таз и на Пур, и на Енисею, и с самоедами, которые живут на тех реках, торговати повольно». Грамота, в отличие от коми-зырянской 1580 г., содержала фразу: «и лешим промыслом велели есмя им промышляти»⁹. Обе грамоты объединяет то обстоятельство, что они выданы буквально накануне важных для истории Сибири событий — похода Ермака за Урал в 1582 г. и основания русского города Мангазея в 1601 г. Московские приказные дельцы, составители грамот, явно не предполагали, как будут развиваться события в ближайшее время.

На значимость казачьего похода Ермака усть-вымский летописец не обратил особого внимания, что, кстати, говорит о близости летописной записи ко времени знаменательного события, которое таким еще не считалось. Инициаторами похода летописец называет Максима и Григория Строгановых, которые «снарядили» казачьих безымянных «ватаманов» с «охочими людьми»; они «за единолет всю Сибирскую [землю] повоевали, за князя великого привели»¹⁰. Составитель летописи относит поход к 1581 г., что является ошибкой. Зато память современника «взятия Сибири» сохранила факт стремительности похода — «за единолет» (т.е. начало похода Ермака и взятие Искера относятся к лету-осени 1582 г.).

ВВЛ содержит ряд уникальных статей, относящихся к Сибири, общую тему которых можно определить как «участие жителей Перми

⁹ Обдорский край и Мангазея в XVII веке. С. 74–75.

¹⁰ ВВЛ. С. 29.

Вычегодской в раннем заселении Западной Сибири». Следующей после известия о походе казацких атаманов является запись под 1587 г.: «Лета 7095 года князь великий Феодор повелел взяти в новой городок Тоболск из вычегодские и вымские пермяки в служилые казаки пятьдесят и с жоны и с детми, а подможные им от земских по 20 рублей ежелет». Так что в составе первого гарнизона Тобольска присутствовали в качестве служилых казаков 50 коми-зырян, причем «прибранные» в Сибирь вместе с семьями. Это ли не начало долгосрочной «оседлой» колонизации, в отличие от временной промысловой и «холостой»? Вычегодско-вымские земли являются здесь не только поставщиками проводников и первопроходцев русской колонизации, но и самих колонистов-переселенцев, постоянных жителей возникающих русских городов в Сибири.

Около 1588 г. возник Лозьвинский городок, через который стали направляться в Сибирь люди и различного рода грузы, что нашло отражение в особой статье ВВЛ. В 1588 г. царь Федор Иванович указал «возити на Лозву городок хлебные запасы от поморских городов на жалование сибирским ратным людям». Рука именно местного составителя летописи чувствуется в сообщении конкретных фактов. С Вымского уезда сибирская поставка выразилась в 400 четвертях муки, крупы и толокна, а кроме того (на что исследователи почти не обращают внимания) — в 6 «судоделавцах». Достоверно известно, что Лозьвинский городок имел судоверфь (плотбище), на которой строились суда для перевозки хлебных запасов далее в Сибирь. Здесь, видимо, имелась в виду судовые мастера — «уставщики», т.е. корабельщики, а не просто рядовые плотники на верфи. В первые десятилетия освоения Сибири судовые мастера присылались обычно из районов Поморья. Значит, и среди коми-зырян были мастера речного (возможно, не только) судостроения.

В ноябре 1597 г. в приуральский город Чердынь прибыли В.П. Головин и И.В. Воейков — первые воеводы еще не построенного города Верхотурья, который им и предстояло основать. В царской грамоте от 12 декабря 1597 г. им предписывалось, наряду с постройкой городских укреплений Верхотурья, сделать весной 20–25 речных судов для переброски далее в Сибирь хлебных запасов и людей. Помимо этого, из Москвы указывали: «Да для Мунгазейского ходу велели б есте зделати судна с 4 или 5, роспроса тамошних людей, в каких судах можно в Мунгазею и в Енисею ходить». Видимо, данный указ составлялся в Москве не за один день. В его конце приказные дельцы снова вернулись к вопросу о посылке судов в Мангазею, причем значительно его конкретизировали: «А которым нашим ратным людям идти в Мунгазею, и под тех есте наших ратных людей велели зделать три кочи, распрося вымич ратных людей Васки Тарабукина с товари-

щи, которым идти в Мунгазею, каковы кочи будет им надобе для морсково ходу»¹¹.

Напомним, что государева города Мангазеи еще не существовало. Тем не менее в Москве, в чети дьяка Ивана Вахромеева, в конце 1597 г. уже планировался поход на трех кочах «ратных людей вымич» в районы «Мунгазеи». Командовал вымичами некто Васька Тарабукин; эта фамилия, как свидетельствуют специальные исследования, была распространенной в XVII в. среди коми-зырянского населения¹². С безусловно достоверным сообщением архивного документа можно соотнести известие Сибирского летописного свода о походе в земли Мангазеи отряда служилых людей во главе с неким Федором Дьяковым¹³. Посылка Дьякова состоялась в 7106 г. (1597–1598 гг.) по указу царя Федора Ивановича (умершего 6 января 1598 г.). Морские суда (кочи) для Васьки Тарабукина «с товарищи» верхотурские воеводы должны были сделать весной 1598 г. Значит, и вымичей с Тарабукиным, и Дьякова отправили в земли Мангазеи в самом конце правления царя Федора. Подготовку одновременно двух походов в одно место предполагать нереально. Кто же такой Федор Дьяков?

В Сибирском летописном своде он назван воеводой. М.И. Белов, неизвестно по какой причине, считал Ф. Дьякова думным дьяком (высший приказной чин в Московском государстве)¹⁴. Согласно Сибирскому своду, Дьяков был прислан по указу из Москвы «Мангазейские земли проведать», включить местные аборигенные племена в состав Русского государства и собрать с них ясак. В Тобольске Дьякову в качестве приемщиков ясачных мехов были приданы торговые люди Захар Яковлев Устюжанин и Докучай Иванов.

Мы предполагаем, что Васька Тарабукин возглавлял военный отряд вымичей, а Федор Дьяков был руководителем экспедиции в целом. Воеводой он назван в прямом, «стратилатском» смысле (а не в смысле городского воеводы). Скорее всего, он являлся рядовым мелким дворянином, что находит косвенное подтверждение в источниках. В одном из церковных синодиков («по убиенным во брани») XVI в. помянут сын боярский Федыка Дьяков, погибший летом 1578 г. в Ливонии под Венденом¹⁵. Боярская книга 1627 г. зафиксировала среди выборных дворян по Туле Прокофия Федорова сына Дьякова (с поместным окладом в 300 четей), возможно, сына кого-то из двух на-

¹¹ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 2. Л. 15, 17.

¹² См.: *Жеребцов И.Л.* Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII в.

¹³ ПСРЛ. Т. XXXVI. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. М., 1987. С. 140.

¹⁴ *Белов М.И.* Мангазея. Л., 1969. С. 15.

¹⁵ Памятники истории русского служилого сословия / Сост. А.В. Антонов. М., 2011. С. 207.

званных Дьяковых¹⁶. В 1642 г. известен дворянин «туленин» Гаврило Дьяков¹⁷.

Организованная государством экспедиция выполнила поставленные задачи: «И они в Мангазее были и тамошних людей на государственное имя призвали, и первой ясак на государя взяли, и к государю к Москве привезли во 108-м году». Возможно, успех экспедиции Федора Дьякова и его предполагаемый доклад в Казанском дворце (избе) повлияли на правительственное решение об основании государева острога Мангазея. Наказ основателям Мангазеи кн. М.М. Шаховскому и Д. Хрипунову, посланным в 1600 г. на р. Таз с отрядом в 100 тобольских и березовских казаков, не сохранился. До сих пор детали основания города остаются неизвестными. Сохранившиеся источники позволяют реконструировать события следующим образом. До сентября 1600 г. отряд Шаховского так и не вышел в Обскую губу; где-то возле остяцкого Пантуева городка 3 коча (из 4 или 5) потерпели крушение, грузовые коломенки прибило к берегу и залило водой. Далее отряд двинулся, когда с Обдора пришли ненцы с оленьими упряжками, казаки шли на лыжах. Уже где-то за р. Пур отряд подвергся нападению тундровых ненцев и потерял около трети своего состава. К февралю 1601 г. в Москве не было точной информации о судьбе экспедиции Шаховского: знали только о крушении судов и о том, что отряд дождался в Пантуевом городке оленьих упряжек. Но уже было принято решение о посылке нового отряда во главе с кн. В.М. Мосальским и Савлуком Пушкиным. Об этом говорилось в наказе новым тобольским воеводам от 11 февраля 1601 г. Главным воеводой в новой тобольской администрации был Ф.И. Шереметев, В.М. Мосальский — одним из трех письменных голов, а Савлук Евстафьевич Пушкин являлся сыном второго тобольского воеводы Е.М. Пушкина. Мосальский и Пушкин должны были в Тобольске получить наказ от Шереметева и пойти до районов Мангазеи на судах «до заморозов» летом-осенью 1601 г.

Есть все основания предполагать, что понесший в сражении с ненцами потери отряд Шаховского дошел зимой 1600/01 г. до р. Таз и основал государев острог Мангазея¹⁸. Понятно, что строительство вряд ли началось бы зимой; отряд мог дожидаться весны в уже существовавшем на Тазе Зырянском городке. Прибывший на смену отряд кн. В.М. Мосальского имел возможность расположиться в новом «Мангазейском и Енисейском» остроге и продолжить строительство.

¹⁶ Боярская книга 1627 г. М., 1986. С. 130.

¹⁷ Эскин Ю.М. Описание подлинных местнических дел. М., 2017. С. 88.

¹⁸ ПСРЛ. Т. XXXVI. Ч. 1. С. 140; Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI—XVII вв. Екатеринбург, 2018. С. 93–94.

Все эти события относятся (без точной хронологической привязки) к весне-осени 1601 г.

Наказ Шереметева, выданный в Тобольске Мосальскому и Пушкину, рисует нам картину широкого присутствия коми-зырян в землях «Мунгазеи» еще до основания самого города. Согласно наказу, Мосальскому и Пушкину следовало по пути взять у березовских воевод «в вожи зырян торговых людей и вымич на все суды, сколько человек пригоже». Новые мангазейские воеводы должны были поручить торговым людям зырянам и вымичам «проводывать накрепко» о настроениях среди самоедов и остяков. Тобольские воеводы, составившие наказ, имели сведения, что ранее вымичи, пустозерцы и торговые люди других городов самовольно собирали дань с мангазейских и енисейских самоедов, будто бы в пользу государя. Тобольская администрация подозревала торговых людей, имевших дело с местными самоедскими племенами, в настраивании последних против существования «государева острога», который мешал их торговым операциям. К таким торговым людям относились в первую очередь «пустозерцы и вымичи и зыряне и пермичи». Был известен и факт существования городков, «что поставили торговые люди», опять же в первую очередь коми-зыряне. Указания на недопущение торговли с самоедами «запретными товарами» и о взятии с торговцев десятинной пошлины начинаются тоже с вымичей и пустозерцев¹⁹. Создается впечатление, что в лесотундре между Тазом и Енисеем коми-зырянские торговцы и промысловики к 1601 г. чувствовали себя как дома. Где-то выше основанной Мангазеи по р. Таз в этом году уже существовал Зырянский городок, куда Мосальский отправил двух ясачных сборщиков из казаков²⁰.

За коми-зырянами закрепились слава проводников правительственных отрядов из Приуралья в Сибирь, отчего образ жителя Коми края поневоле предстает в виде лесного следопыта-зверолова. Следует уточнить это мнение. Вымичи и зыряне (т.е. коми с берегов р. Сысолы) в не меньшей мере были знакомы с речными и морским (на кочах по Обской губе) путями в Сибирь. Вспомним, что кн. Мосальский должен был в Березове взять на свои суда «вожей» из зырян и вымичей, требование прислать 6 «судоделавцев» с Вымского уезда на судовой верфь Лозьвинского городка (1588 г.) и консультацию с вымичами Васьки Тарабукина, какие им кочи «надобны» для плавания по р. Таз (1598 г.). Пока совершенно неясно, где и когда коми-зыряне, представители «речной цивилизации», могли приобрести навыки морских (пусть и каботажных) плаваний.

Коми принимали активное участие в основании северного города Березова. В 1636 г. местный старожил казак Трофим Семенов вспо-

¹⁹ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М., 1999. С. 93–94.

²⁰ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 113–115.

минал, что в отряде Н. Траханиотова, который заложил Березов в 1593 г., присутствовали 150 «даточных людей» (в том числе «с Перми, с Выми») строивших оборонительные сооружения города²¹. Вычегодско-Вымская летопись сохранила известие об этом: «Лета 7101 повеле князь великий Феодор послати пермяки вычегжаны и вымичи на Пельнь и на Березов городки строити». В следующем году все даточные люди были отпущены по домам, а Вымско-Вычегодские земли были обязаны поставить 10 ратных людей с семьями, переводившихся на постоянное жительство в Березов. В год основания города имела место правительственная мобилизация 60 ратных людей от Вымского уезда в Сибирь, где они были поверстаны в казаки местных гарнизонов²².

Исследователь вопроса И.Л. Жеребцов считает, что «на первых порах, в конце XVI в., большую часть выходцев из Коми края, колонизировавших Сибирь, составляли не те, кто уходил по своей воле, а мобилизованные на военную службу в сибирские города»²³. Торгово-промысловая струя в коми-зырянской колонизации Сибири не поддается никакому статистическому учету, но представляется, что в районах «Мунгазеи и Енисеи» среди поморских торговцев и промысловиков (ошибочно относимых только к русскому населению) коми-зыряне составляли значительную часть. Другой вопрос, можно ли промысловую колонизацию считать «полнокровной» переселенческой колонизацией?

О степени участия коми-зырян (причем только вымских волостей) в колонизации Западной Сибири в самом начале XVII в. свидетельствует любопытный документ, исходящий из их же среды. Это челобитная «Вымской землицы» целовальника Бориса Иванова и «во всех крестьян место», поданная, судя по всему, в конце 1603 г. березовским воеводам кн. Ф.А. Татеву и Ю.И. Кобякову. Челобитная отразила широкий фронт русской колонизации Сибири на данное время. Коми-зыряне сообщали в ней, что ходят торговать на Березов и в Сургут, откуда посылают их (видимо, воеводы) вместе с отрядами служилых людей «вверх по Оби реки в Нерым в Пегу орду и в Кетской, и в Чулым, и в Чересы, и в Мелесцы, и в Порабилцы, и в Сым; и вниз по Оби в Мангазею, а оттуда посылают их вверх по Тазу реке в Ючеи в Енисею, и в Велиткею, и в Тунгусы — для нашего ясаку и острогов ставить»²⁴. Большинство географических названий в этой челобитной легко идентифицируются. Уже существовали русские остроги Нарымский (1598) и Кетский (1602). Более поздняя ясачная книга Томского

²¹ Первое столетие сибирских городов. XVII век. Новосибирск, 1996. С. 74.

²² ВВЛ. С. 30.

²³ Жеребцов И.Л. Население Коми края во второй половине XVI — начале XVIII в. С. 208.

²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 135–136.

уезда (1629) знает две Мелесские волости по р. Чулым²⁵. Река Парабель — левый приток Оби, р. Сым — левый приток Енисея. Ючи — известный среди самодийцев род (лесные ненцы, энцы), Енисея — районы нижнего течения одноименной реки, под Тунгусами имелись в виду территории правобережья нижнего Енисея, населенные эвенками (тунгусами). Географически и этнически неясными остаются только названия «Чересы» и «Велиткея». Из этого перечисления очевидно, что подвижная граница русской колонизации вплотную подошла к 1604 г. к Нижнему и Среднему Енисею.

Вымичи жаловались на денежные издержки от этой обязательной службы: четь муки (обычно 4-пудовая) стоила в Березове и Сургуте по 4—5 руб., а в «Енисее» (хотелось бы знать названия острожков или зимовий в этом краю) — 10—13 руб. Коми-зыряне с Выми указывали, что «ходят они в подводах», хотя ранее подводная гоньба возлагалась на остяков и самоедов. Вымичи добивались справедливости: они хотели, чтобы к военной службе и подводной гоньбе привлекались торговые и промышленные люди других областей Поморья (вычегжане, пермичи, важане и колмогорцы). На эту челобитную 31 марта 1604 г. последовал положительный ответ Москвы, адресованный березовским воеводам.

Об активном пушном промысле коми-зырян в ясачных волостях Сургутского уезда (начало XVII в.) свидетельствуют челобитные, поданные в 1610 г. в Москве двумя хантыйскими князьками (Нырпохтой Елуковым и Пырчеем Лайкиным), представлявшими 10 ясачных волостей Сургутского уезда. В челобитной Нырпохты Елукова, представлявшего «подгородные» (т.е. более близкие к самому Сургуту) волости, ханты жаловались: «Да к ним же де приежжают из Сургута из русских городов зыряня и вымичи и по их вотчинам по угожим местам, по лесом и по речкам, зверуют, бьют соболи, и бобры, и лисицы, и зверь выбили, и им в том нужда великая: в ясак соболей добыти негде»²⁶. Пырчей Лайкин, выступавший от имени населения разноэтничных отдаленных волостей, повторил в отношении зырян и вымичей те же слова²⁷. Из Казанского дворца, где рассматривались челобитные, сургутским воеводам были посланы две грамоты, удовлетворившие жалобы челобитчиков. Воеводам указывалось проследить за соблюдением запрета на зверодобычу в ясачных волостях. Обращает внимание фраза: «И русским людям, зыряном и вымичам, в их вотчинах лесовати не велели, и велели их от руских от всяких людей беречи». В челобитной Нырпохты Елукова зыряне и вымичи приезжают

²⁵ Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Труды Томского государственного университета. Т. 112. Томск, 1950. С. 40.

²⁶ Акты времени правления царя Василия Шуйского / Сост. А.В. Гневушев. М., 1914. С. 371.

²⁷ Там же. С. 373.

«из русских городов». Можно предположить, что автохтонное население Средней Оби, отличая коми-зырян от русских, считало их выходцами с «Руси». В ранней колонизации Сибири русские и коми-зыряне сливались в общем потоке переселенческого движения, этническая окраска которого порой трудно различима.

Коми-зырянам, видимо, полюбились охотничьи угодья обширного Сургутского уезда. Несмотря на запрет царской грамоты, через 12 лет от ясачных людей Юганской волости снова поступила жалоба: «На зырян, на мезенцов да на вымич да на вычегжен да на сысолян», которые «своим насильством ловят в их ухоее соболи и лисицы и бобры и во всяких угодьях у них вылавливают всякого зверя»²⁸. Сургутские воеводы снова получили указ о запрете тем, кто назван в челобитной, ездить на охоту в Юганскую волость. Политика центральной власти в отношении права «промышлять зверя» в ясачных волостях не была до конца последовательной. В ясачной книге 1624/25 г. отмечено: «Да в нынешнем 133 году с промышленных людей с вымич и с сысолич, которые оброчились в Сургутском уезде лесовать, с 78 человек собрано мяжкие рухляди 5 сороков соболей с хвостами, 16 сороков соболей осмнадцать соболей без хвостов, 750 пупков, 2 бобра»²⁹. Надо заметить, что эти сведения об охотниках-зырянах были помещены между данными ясачного сбора с остяков Сымской волости (16 ясачных людей) и Бардаковой волости (89 ясачных); всего в волостях Сургутского уезда в 1632 г. насчитывалось 699 ясачных людей³⁰. На каких условиях и на какой срок оброчились коми-зыряне «лесовать» в Сургутском уезде, нам неизвестно.

К 1633 г. относится известие о поступке остяцкого обдорского князя Мамрука, который «государю изменил и учинился непослушен, а побегал в самоедь в яраны»³¹. Эти вести сообщил в Тобольске приезжавший туда с отписками из Березова казак Рогозинко Макарьев. «Яранами» в пермских языках называли самодийцев. Любопытно, кто именно их так назвал в данном случае. Русский казак Рогозинко Макарьев? Или он принадлежал к коми-зырянам (пермякам)? В любом случае слово «яраны», не являясь ни хантыйским, ни ненецким, ни русским, было хорошо известно на севере Березовского уезда.

В 1635 г. очередной мангазейский воевода Б.И. Пушкин решил на некоторое новшество. Осмотревшись в заполярной Мангазее, он обнаружил, что гонцы из этого города ездят в Тобольск и Москву

²⁸ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 195. Авторы данной статьи (расставившие знаки препинания в тексте документа) предполагают, что этноним «зыряне» в это время уже стал общим обозначением коми-зырян как народа; далее в документе идет конкретизация в виде перечисления его этно-территориальных групп.

²⁹ Там же. Л. 282 об.

³⁰ Там же. Л. 279 об., 283, 190 об.

³¹ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 21. Л. 175–175.

весьма длинным и кружным путем. Дорога шла сначала на восток, в Енисейск, куда отправлялись «зимним путем на нарте» (через Туруханск и цепочку зимовий на Енисее), а уж затем через Маковский волок «весною до Тобольска водяным путем» (т.е. по Оби и Иртышу). Воевода обратился за справкой к местным жителям и промышленникам и выяснил, что «есть из Мангазеи дорога в Русь недалеко и прямо на Обдор и на Пустоозеро». Знатком этого пути оказался стрелец Ледешка Кирилов, который вызвался ехать в Москву гонцом, «потому что он самоедскому и зырянскому языку умеет, и самоедь ему многая знакома, и та ему дорога заобычай». Кирилов вместе с гонцом в Тобольск отправились в зимний путь на нартах, но по дороге, в Надымской губе, были убиты тундровыми самоедами. В Л. Кирилове можно все-таки предполагать русского человека; его племянник Михаил Кондаков был торговым человеком Устога Великого и вел торговые операции в Сибири³². Коми-зырянский язык, возможно, имел в данное время в низовьях Оби значение «лингва франка».

Разрозненные и недостаточно полные документальные источники (в гибели которых виновны пожары — московский 1626 г. и тобольский 1629 г.) дают тем не менее основания говорить о «многоликости» выходца из Коми края при первоначальном освоении Северо-Западной Сибири. Коми-зырянин предстает как проводник через Уральские горы правительственных военных отрядов; как переводчик с самодийских и угорских языков; как строитель речных (и, возможно, полуморских) судов; как ратник, которого можно зачислить в служилые казаки сибирского гарнизона; как лукавый торговец с автохтонными народами, закладывающий городки и фактории; как активный промысловик пушного зверя; как пионер речных и сухопутных путей в Сибири. Эта многоликость, обусловленная отчасти многовековым соседством со славяно-русским населением, позволила коми-зырянам сыграть уникальную роль в ранней русской колонизации Сибири.

Литература

- Акты времени правления царя Василия Шуйского [Текст] / Сост. А.В. Гневушев. М.: Издание Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете, 1914. XVIII, 421 с.
- Бахрушин, С.В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. [Текст] // *Бахрушин, С.В.* Научные труды. Т. III. Ч. 2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. 297 с.
- Белов, М.И.* Мангазея. [Текст] Л.: Гидрометеониздат, 1969. 128 с.
- Боярская книга 1627 г. [Текст] М.: Институт истории СССР, 1986. 207 с.
- Вершинин, Е.В.* Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI—XVII вв. [Текст] Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. 503 с.

³² РГАДА. Ф. 214. Стб. 178. Л. 135–145; Стб. 88. Л. 369–370.

- Полное собрание русских летописей. Т. XXVI / Вологодско-Пермская летопись. [Текст] М.; Л., 1959.
- Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись [Текст] // Родники пармы. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1989. 173 с.
- Головнев, А.В.* Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. [Текст] Новосибирск: Издательство Новоисбирского университета, 1993. 204 с.
- Документы по истории народа Коми. Писцовая и переписные книги Яренского уезда XVII в. [Текст] Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1985. 387 с.
- Жеребцов, И.Л., Жеребцов, Н.Л.* На восток, в просторы «Сибирской крайины» [Текст] // Родники пармы. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1989. 173 с.
- Жеребцов, И.Л.* Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII в. [Текст] Екатеринбург: УрО РАН; Сыктывкар: ИЯЛИ, 1996. 256 с.
- Жеребцов, Л.Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами, X – нач. XX в. [Текст] М.: Наука, 1982. 224 с.
- История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до конца XX в. Хрестоматия. [Текст] Екатеринбург: Волот, 1999. 299 с.
- Красильникова, Э.Д.* Участие населения Коми края в освоении Сибири во второй половине XVI–XVII в. [Текст] // Вопросы истории Коми АССР (XVII – начало XX в.). Сыктывкар: [б.и.], 1975. 155 с.
- Миллер, Г.Ф.* История Сибири. [Текст] Т. I. М.: Восточная литература, 1999. 630 с.
- Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сборник документов [Текст] / Сост. Е.В. Вершинин, Г.П. Визгалов. Екатеринбург: Тезис, 2004. 200 с.
- Памятники истории русского служилого сословия [Текст] / Сост. А.В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2011. 554 с.
- Первое столетие сибирских городов. XVII век. [Текст] Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 190 с.
- Флоря, Б.Н.* Коми-Вымская летопись [Текст] // Новое о прошлом нашей страны. М.: Наука, 1967. 392 с.
- Эскин, Ю.М.* Описание подлинных местнических дел. [Текст] М.: Квадрига, 2017. 220 с.

Судьба депортированных народов после Сталина: новые ожидания (1955–1958 гг.)

В данной документальной публикации на основе материалов, выявленных в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ), раскрываются особенности процесса реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа.

Ключевые слова: депортация, И.В. Сталин, Северный Кавказ, чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, калмыки, реабилитация, Н.С. Хрущев

L.S. Gatagova

THE DESTINY OF DEPORTED PEOPLES AFTER STALIN: NEW EXPECTATIONS (1955–1958)

This documentary publication, based on materials identified in the Russian State Archive of Recent History (RGANI), reveals the features of the rehabilitation process of repressed peoples of the North Caucasus.

Key words: Deportation, I.V. Stalin, The North Caucasus, Chechens, Ingush, Balkars, Karachais, Kalmyks, Rehabilitation, N.S. Khrushchev

В феврале 1956 г. XX съезд КПСС устами первого секретаря ЦК Н.С. Хрущева возвестил о восстановлении справедливости в отношении депортированных с Северного Кавказа народов: чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, калмыков и других... Депортация, как метод репрессий, издавна практиковалась большевистским режимом. В этом отношении депортации 1940-х гг. не стали прецедентом, но они оказались своего рода кульминацией в практике метода, «технике насилия», творимого по этническому принципу. Режиму, поколебленному войной, по-видимому, требовались сильнодействующие «инъекции» для устрашения подданных. Депортации были теми мощными «прививками» страха, которые в полной мере могли запугать и деморализовать весь народ. Обывателю, который оказывался невольным свидетелем массового выселения тысяч соседей под дулами автоматов, апокалипсическая картина этого насильственного исхода надолго импринтировалась в сознание, парализуя его страхом. Поднаторев в практике массовых переселений, сталинский режим решился в разгар войны на неслыханную по масштабам акцию депортации целых народов.

В 1944 г. одномоментному насильственному выселению подверглись не отдельные группы или слои населения, но народы целиком, включая детей, стариков, женщин. Таких наказанных народов оказалось около 15: помимо чеченцев, это были ингуши, калмыки, крым-

ские татары, месхетинские турки, карачаевцы, балкарцы, немцы и другие. Поразительно, что столь трудоемкая и дорогостоящая карательная операция, проводившаяся вдобавок в разгар войны, вообще могла состояться! Это возможно объяснить лишь мощью и слаженностью сталинской репрессивной машины, а также абсолютной уверенностью вождя в безнаказанности. Сценарий превращения целых народов в так называемых спецпереселенцев разрабатывался заблаговременно и очень тщательно. 31 января 1944 г. ГКО издал секретное постановление «О мероприятиях по размещению спецпереселенцев в пределах Казахской и Киргизской ССР». В документе речь шла о полумиллионе человек. Партийным органам двух союзных республик вменялось организовать предстоящую встречу эшелонов и размещение всех депортируемых. Первоочередные меры планировались по организации спецкомандатур и так называемых троек (председатель райисполкома, секретарь райкома и начальник РО НКВД). Сотрудники чекистского ведомства в кратчайшие сроки взяли на учет людей, подлежащих переселению. Чтобы понять масштабы проделанной работы, достаточно сказать, что на Северном Кавказе число «учтенных» достигало 459 486 человек. Накануне назначенного на 23 февраля 1944 г. дня депортации чеченцев и ингушей Л.П. Берия (лично руководивший операцией) доложил И.В. Сталину о завершении подготовки...

С 23 по 29 февраля в железнодорожные вагоны было погружено 478 479 человек (они заполнили 180 эшелонов и более 15 тыс. вагонов). Одновременно отрядами войск НКВД прочесывались лесные районы и производились аресты беглецов. В операции принимали участие 19 тыс. оперативных работников НКВД и СМЕРШ и до 100 тыс. офицеров и бойцов войск НКВД. По завершении операции Берия сообщил Сталину окончательную цифру перемещенных из Северного Кавказа – 650 тыс. человек. Летом 1944 г. цифры были скорректированы: по уточненным данным в Казахстан и Киргизию переправили 602 193 человека (из них 496 460 чеченцев и ингушей).

Спецпереселенцы под конвоем доставлялись в Актюбинскую, Акмолинскую, Алма-Атинскую, Восточно-Казахстанскую, Кустанайскую, Карагандинскую, Павлодарскую и Кокчетавскую области Казахстана и Желалабадскую, Фрунзенскую и Ошскую области Киргизии, в Сибирь, на Дальний Восток и другие внутренние регионы. Жизнь новоприбывших в этих краях складывалась весьма драматично. Тяжелый климат, дефицит жилья, самые вредные и тяжелые производства, острая нехватка продовольствия (порождаемая и недобросовестностью местных руководителей, ответственных за распределение продуктов питания и предметов первой необходимости среди стоявших на особом учете спецпоселенцев) – вот далеко не полный перечень проблем, с которыми приходилось сталкиваться депортированным. Не говоря уже об унижительном предписании ежемесячно

отмечаться в спекомендатуре. Многие не выдерживали таких условий, пополняя статистику смертности. В 1944 г. резко обострилась продовольственная проблема — из-за неурожая предыдущего года. Когда районные аппараты НКВД обследовали свыше 100 населенных пунктов, в 50 районах Казахской ССР было выявлено, что подавляющее число случаев голодных смертей приходится на спецпоселенцев.

После депортации Чечено-Ингушская АССР была упразднена, а ее территорию поделили между сопредельными республиками и административными образованиями.

Более десятилетия советское общество ничего не знало о судьбе депортированных народов. Информация о них была строго табуирована. И лишь после смерти Сталина ситуация стала постепенно меняться. 29 июля 1955 г. увидело свет постановление ЦК КПСС об усилении массово-политической работы среди чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев. Следом вышло постановление ЦК КП Казахстана (от 1 октября 1955 г.), которым предусматривалась широкая программа мер по нормализации жизни бывших спецпоселенцев. Прежде всего, повышался статус республиканской газеты «Знамя труда», выходившей на чеченском языке: из органа Министерства культуры Казахской ССР она была обращена в орган ЦК КП Казахстана. Одновременно увеличивалась периодичность газеты (до 3 раз в неделю) и к ней добавлялась страничка на ингушском языке. При литературном издательстве республики создавалась редакция для издания художественной и политической литературы на чеченском, ингушском, карачаевском и балкарском языках. Вводилась вторая программа радиовещания продолжительностью 6 часов на чеченском, ингушском, карачаевском, балкарском и немецком языках. При правлении Союза писателей Казахстана учреждалась штатная единица литературного консультанта для секции чечено-ингушских писателей. Готовилось предложение о введении в начальных школах изучения родного языка для детей чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев. Молодежи предоставлялась возможность обучаться в вечерних школах рабочей и сельской молодежи. Разворачивалась работа по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. В состав областных концертных организаций включались чеченские, ингушские, карачаевские, балкарские исполнители со своим репертуаром. Предусматривался выпуск грампластинок, разрабатывалась тематика лекционной работы среди чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев. В постановлении содержался призыв вовлекать ссыльных в социалистическое соревнование, поощрять передовиков производства. Власти Казахстана также брали на себя обязательства принять меры к благоустройству поселков, организации в них торговли товарами первой необходимости, обеспечению населения водоснабжением, радиоточками и электричеством. В постановлении ЦК КП Казахстана прозвучала и весьма при-

мечательная фраза, проливающая свет на позицию высших партийных руководителей относительно будущности депортированных народов: «Считать одной из главных задач политической работы среди чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев закрепление их на местах настоящего жительства в Казахстане».

Спустя пять месяцев после XX съезда, очередным указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 июня 1956 г. с чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и калмыков был снят статус спецпоселенцев: они освобождались из-под административного надзора органов МВД СССР. Содержавшийся в тексте указа запрет на их проживание на Кавказе утратил свою юридическую силу не сразу: власти не спешили открывать шлюзы, опасаясь несанкционированных массовых выездов. Для осуществления контроля над организацией возвращения чеченцев на родину был создан так называемый Организационный комитет Чечено-Ингушской АССР во главе с М. Гайрбековым.

9 января 1957 г., согласно указу Президиума Верховного Совета СССР, последовал акт восстановления Чечено-Ингушской АССР в рамках РСФСР – в несколько изменившихся границах (с выведением Пригородного и части Малгобекского районов и приращением взамен отрезанных территорий трех районов Ставропольского края). Готовились условия для поэтапного возвращения на родину ссыльных. Между тем, еще до принятия решения о реабилитации в среде партийной и государственной верхушки возникли разногласия относительно будущности депортированных народов. Выявились диаметрально противоположные точки зрения на вопрос относительно целесообразности восстановления Чечено-Ингушской республики. Одним из противников восстановления республики на Северном Кавказе был министр внутренних дел СССР Н.П. Дудоров. Он предлагал создать автономию на территории Казахстана. Предложение Дудорова в итоге было отклонено Н.С. Хрущевым. После восстановления республики союзный министр внутренних дел неоднократно направлял в ЦК КПСС докладные записки с изложением конфликтных ситуаций. Вот, к примеру, выдержка из рапорта от 15 февраля 1957 г.: «Министерство внутренних дел СССР докладывает, что многие из чеченцев, прибывших в Чечено-Ингушскую АССР, настойчиво добиваются размещения их в тех селениях и даже домах, в которых они проживали до выселения. На этой почве между ними и местными жителями – аварцами и даргинцами возникают ненормальные взаимоотношения». Подобных случаев было много.

Отдельного рассказа заслуживает судьба ликвидированных автономий. Это тоже полная драматизма история человеческих судеб. Как известно, в опустевшие районы в административном порядке спешно свозили тысячи и десятки тысяч семей, вынужденных подчиниться «приказу партии» (особенно большой приток населения имел место в

1945–1947 гг.). Известный российский писатель, автор повести «Ночевала тучка золотая...», А. Приставкин вспоминал, что им, ребенком-детдомовцем, в послевоенные годы колонизовали Чечню. Дети, сетовал писатель, гораздо проще засевают почву, только что освобожденную от «народа-предателя»; сироты, так же, как и заключенные, никому не принадлежали. Были собственностью государства... Он пишет: «Мы знали, конечно, что есть какие-то чечены в горах, но нам говорили, что все они бандиты и абреки».

В Москву хлынул поток писем граждан, недовольных претензиями со стороны вернувшихся на родину чеченцев. Постоянно вспыхивавшие инциденты создавали угрозу разжигания межнациональной розни. Жители республики жаловались на беспомощность Оргкомитета и местных партийных органов, утверждая, что они не в состоянии заниматься урегулированием спорных ситуаций. Членов Оргкомитета обвиняли и в злоупотреблениях при выдаче разрешений на выезд в Чечено-Ингушетию. Участились случаи обращений граждан республики в государственные органы с просьбой организовать их переселение в другие регионы. Начался стихийный отток населения: многие семьи спешно распродавали имущество и покидали Чечено-Ингушетию.

В начале 1957 г. Министерству внутренних дел было поручено ужесточить контроль над процессом возвращения чеченцев на родину и строго пресекать любые попытки самовольного проезда на Кавказ. За несколько первых дней апреля органами правопорядка было задержано более двух тысяч человек, нарушивших установленные правила. Всех задержанных под милицейским конвоем отправляли в места их бывшего поселения. Поезда, идущие из Казахстана и Киргизии, подлежали проверке специально созданными оперативными звенами транспортной милиции. Строгие меры принимались в Казахстане и Киргизии. Министерства внутренних дел двух союзных республик резко ужесточили контроль над бывшими спецпоселенцами, препятствуя их выписке и снятию с воинского учета. Местным партийным органам вменялось в обязанность расселять возвращенных граждан и трудоустраивать их. По мнению министра внутренних дел СССР, стихийный выезд чеченцев и ингушей из Средней Азии во многом был спровоцирован безответственным отношением руководителей предприятий и колхозов, сквозь пальцы смотревших на случаи массовых увольнений и не пытавшихся препятствовать этому. Министр считал необходимым провести разяснительную работу среди бывших спецпоселенцев и внушить им, что самовольный выезд без разрешения Оргкомитета означает нарушение установленного порядка переселения и неминуемо влечет за собой принудительный возврат к местам бывшего поселения.

В российских архивах хранится немало документов, иллюстрирующих подробности жизни переселенных народов в местах их выну-

жденного проживания и перипетии, связанные с драматическим процессом их возвращения в родные места. В выносимой на суд читателя подборке представлены документы, проливающие свет на трудности быта и текущие заботы спецпоселенцев. После снятия ограничений в высшие инстанции посыпались многочисленные просьбы об оказании помощи в разрешении насущных проблем депортированных. Особенно заметную активность проявляли чеченцы, заинтересованные в налаживании быта, учреждении новых учебных заведений и в общем повышении культурного уровня своего народа. Документы повествуют о мерах, предпринимавшихся партийными органами по облегчению условий жизни бывших спецпоселенцев. В них освещаются обстоятельства подготовительной работы, которая велась в недрах центральных и местных партийных органов накануне исторического объявления об «искажении ленинской национальной политики» и грядущей массовой реабилитации. Полна скрытого драматизма статистика Министерства внутренних дел, повествующая об истории возвращения чеченцев и ингушей на родину. Эта акция, задуманная Политбюро ЦК КПСС, как организованный, планомерный процесс перемещения отдельных компактных групп бывших спецпоселенцев — при участии органов внутренних дел — была фактически сорвана: с какого-то момента процесс исхода из республик Средней Азии вышел из-под контроля и приобрел стихийный и массовый характер, грозя непредсказуемыми последствиями. С материалами, в которых зафиксированы многочисленные нарушения установленного властями порядка возвращения на Северный Кавказ, напрямую связан еще один важный документ. Это материалы Центрального комитета КПСС, повествующие о ходе беспорядков в Грозном 26–27 августа 1958 г. Докладная записка, составленная для членов Политбюро высокопоставленными партийными работниками РСФСР (командированными Москвой на место событий), проясняет картину взрыва недовольства жителей Грозного. Проблема заключалась в абсолютной неготовности города к массовому наплыву людей. То же самое можно сказать и о других населенных пунктах Северного Кавказа. Их устаревшие инфраструктуры не были рассчитаны на большой и, к тому же, одномоментный приток населения. Вспыхивавшие повсюду конфликты в итоге вылились в августовские беспорядки, которые властям пришлось подавлять с помощью воинских подразделений Северо-Кавказского военного округа¹. В ходе следствия были выявлены многочисленные недоработки со стороны местных партийных руко-

¹ События в Грозном подробно описаны в интернет-публикации В.А. Козлова «Все началось с убийства русского парня. Массовые беспорядки в Грозном в августе 1958 г.: хроника события». (URL: www.trud.ru/article/24-08-2000/10817_vse_nachalos_s_ubijstva_russkogo_parnya.html).

водителей. Их действия подверглись критике на состоявшемся 12 августа 1958 г. пленуме чечено-ингушского обкома КПСС. В его работе принимал участие секретарь ЦК КПСС П.Н. Поспелов. Участники пленума разработали план поэтапного возвращения депортированных чеченцев и ингушей в республику. Распоряжением Совета Министров СССР от 1 ноября 1958 г. на Грозный и Грозненский район Чечено-Ингушской АССР были распространены ограничения, предусмотренные статьей 40-й положения о паспортах. Но даже введение жесткого паспортного режима оказалось полумерой. Да и что вообще могло остановить натиск сотен тысяч людей, рвущихся домой...

№ 1

Декабрь 1954 – 25 мая 1955 г.

**Письмо чеченской и ингушской молодежи
Министру культуры СССР Н.А. Михайлову с просьбой
о содействии в организации культурного досуга**

Копия
Министру культуры СССР

От молодежи колхоза им. «Ярославского» Энбекши-Казахского района, ст. Иссык, Алма-Атинской области.

Прежде всего, разрешите нам поздравить Вас с новым, счастливым годом и примите от нас чистосердечный братский привет. Вместе с тем, обращаемся к Вам с великой просьбой ответа на нижеследующие вопросы:

До 1944 г. действовала наша Чечено-Ингушская АССР, где у нас была всякая современная (национальная) культуры: кинотеатры, книги, концерты, грампластинки и прочие национальные ансамбли, а также были редакторы, авторы, актеры, но с 1944 г., как Вам известно, наша республика ликвидировалась в связи с высылкой нас из Чечено-Ингушской АССР.

Теперь же наша Великая Коммунистическая партия и Правительство привело нас к счастливому пути, дала нам большую радость для нашей молодежи. В настоящее время мы перешли к возможному положению, приобрести всякие нужные предметы для культурной жизни как радиоприемники, патефоны и другие музыкальные инструменты, кроме того многие из нас колхозники провели себе радио, где можно слушать новости по Советскому Союзу, а также всевозможные концерты, песни и пляски, что мы охотно слушаем и радуемся, но все же каждый из нас заинтересован услышать родной язык, о котором мы не слышим продолжительное время.

Поэтому мы, молодежь колхоза им. «Ярославского», обращаемся к Вам с просьбой, ответить нам на вопросы.

1. Будет ли восстановлено право на современный чечено-ингушский ансамбль, театр, концерт и т.д.?

2. Будет ли восстановлено право на выпуск газет, журналов и других разных брошюр на чечено-ингушском языке?

3. Будет ли восстановлено право на выпуск грампластинок на чечено-ингушском языке?

Мы, молодежь колхоза, верим и надеемся на нашу Великую партию и Правительство, потому что наша Советская партия неустанно заботится о всех советских людях, а также миролюбивых народах всех стран.

Поэтому мы, молодежь нашего колхоза, в ответна заботу нашей Великой Советской партии и Правительства обязуемся честно, добросовестно и неустанно трудиться на благо родины и Советского народа. В начале декабря месяца 1954 г. мы написали в Министерство культуры Казахской ССР, откуда мы не могли дождаться ответа и после чего решили мы написать к Вам.

С чистосердечным приветом к Вам молодежь колхоза им. Ярославско-Энбекши-Казахского района, села Иссык.

По этому адресу просим прислать ответ².

РГАНИ. Ф. 5. Оп 16. Д. 729. Л. 29–30. Копия. Машинопись.

№ 2

25 мая 1955 г.

**Справка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС
о письме чеченской и ингушской молодежи министру культуры СССР
Н.А. Михайлову**

ЦК КПСС

Министр культуры СССР т. Михайлов направил в ЦК КПСС коллективное письмо от молодежи спецпоселенцев – чеченцев и ингушей, проживающих в колхозе им. Ярославского Алма-Атинской области, Казахской ССР. В этом письме излагается просьба об оказании помощи в издании на чеченском языке газет, брошюр и журналов, о восстановлении чечено-ингушского ансамбля песни и пляски и театра.

В настоящее время решением ЦК КПСС разрешено ЦК КП Казахстана издание на чеченском языке республиканской газеты «Знамя труда».

² Письмо не датировано. Из контекста и датировки связанного с ним последующего документа, можно утверждать, что оно было составлено между декабрем 1954 г. и 25 мая 1955 г.

Кроме того, Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС совместно с ЦК КП Казахстана приняты меры к изданию на чеченском языке массово-политической литературы и «Блокнота агитатора», а также по усилению культурно-просветительной работы среди спецпоселенцев.

С авторами письма по затронутым вопросам проведена беседа секретарем Алма-Атинского обкома партии т. Ефремкиным.

Зам. зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК КПССС (А. Порываев)

Зав. сектором Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС (С. Брыкин)

25.V.1955 г.

26. V.[19]55 [г].

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 729. Л. 31. Подлинник. Машинопись. Автографы.

№ 3

29 февраля 1956 г.

Телеграмма чеченских граждан в ЦК КПСС

Министерство связи СССР

Высшая правительственная телеграмма

Правительственная Москва Президиуму ЦК КПСС Беляеву-

Пр. Фрунзе.

Правительственная Москва Президиуму ЦК КПСС. Хрущеву, Булганину, Микояну, Беляеву, Брежневу, Ворошилову, Маленкову, Сулову, Фурцевой – Глубоко взволнованы, безгранично рады долгожданной вести о восстановлении Чечено-Ингушской республики тчк Благодарим родную партию за мудрую ленинскую национальную политику. По поручению товарищей Зязиков, Базоркин, Хантыгов, Зязиков, Мальсагов, Льянов, Бакиев³.

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 156. Л. 101. Подлинник. Машинопись.

³ Текст телеграммы помещен на бланке Министерства связи СССР. Она поступила в ЦК КПСС 29 февраля 1956 г. Под текстом чернильной ручкой написано: «тов. Сулов ознакомился, тов. Брежнев Л.И. ознакомился 15. XII. [19]56.».

№ 4

17 августа 1956 г.

**Постановление Бюро ЦК КП Казахской ССР о мерах по усилению
партийно-политической и культурно-просветительной работы
среди чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев**

Строго секретно

22 августа 1956 г.

Постановление

Бюро ЦК КП Казахстана, прот[окол] № 17, п. 14 от 17.VIII—1956 г.

14. О мерах по усилению партийно-политической и культурно-просветительной работы среди чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев.

(т. Колесников, Кабылбаев, Рахманов, Алейников, Чумак, Губин, Карибжанов, Кузьменко, Успанов, Шашаев, Яковлев).

ЦК КП Казахстана отмечает, что обкомы, горкомы, райкомы партии, первичные парторганизации республики неудовлетворительно выполняют постановление ЦК КПСС от 29 июля 1955 г. по усилению массово-политической работы среди чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев, и постановление ЦК КП Казахстана от 1 октября 1955 г. по этому вопросу.

Массово-политическая работа среди чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев не отвечает задачам, поставленным ЦК КПСС. По-прежнему имеют место факты неправильного отношения к населению указанных национальностей. ЦК КП Казахстана считает особо вредным и опасным выражение огульного и ничем не обоснованного недоверия к этому населению со стороны отдельных партийных, советских, хозяйственных руководителей, в частности, Кокчетавской, Карагандинской и некоторых других областей.

Обкомы, горкомы, райкомы партии, советские, профсоюзные и хозяйственные органы республики не изучают кадры и очень робко и нерешительно выдвигают на руководящую работу в промышленности и сельском хозяйстве, на выборные должности достойных товарищей из чеченского, ингушского, карачаевского и балкарского населения.

Партийные организации слабо привлекают коммунистов указанных национальностей к активному участию во внутрипартийной жизни, в массово-политической работе, к учебе в сети партийного просвещения. При проведении политической работы не учитываются национальные особенности этого населения, очень редко организуются лекции, доклады, беседы на родном языке, совершенно недостаточно привлекаются к этому интеллигенция, передовики производства.

Слабо ведется борьба с феодально-родовыми и религиозными пережитками. Запущена культурно-просветительная работа среди женщин. Партийные организации не создают общественного мнения вокруг фак-

тов деспотического отношения к женщинам и детям. Большое количество детей школьного возраста, особенно девочек, не охвачено обучением.

Не изжиты факты перестраховки при приеме в партию лучших рабочих, колхозников, передовой интеллигенции этих национальностей. Неудовлетворительно ведут работу комсомольские организации республики по приему в комсомол передовой молодежи.

Республиканские, областные, городские и районные газеты, в том числе республиканская газета на чеченском языке «Знамя Труда», неудовлетворительно освещают жизнь и трудовую деятельность чеченского, карачаевского и балкарского населения, не ведут настойчивой борьбы с пережитками прошлого и антиобщественными проявлениями. Мало издается книг и брошюр на чеченском языке, совершенно не организовано издание литературы для ингушей, карачаевцев и балкарцев. Крайне недостаточно ведется вещание на чеченском языке по республиканскому радио. Не организованы радиопередачи на родном языке ингушей, карачаевцев, балкарцев. Не проявляется заботы о развитии художественной самодельности этого населения.

Министерство просвещения республики не обеспечило выполнение постановления ЦК КП Казахстана от 1 октября 1955 г., обязывающего разработать и провести в жизнь мероприятия по обучению детей чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев родному языку в начальных школах и организации подготовительных классов по изучению русского языка.

Партийные, советские органы мирятся с тем, что некоторая часть этого населения, особенно в городах, ведет нетрудовой образ жизни, занимается спекуляцией, а органы МВД, суда и прокуратуры республики не ведут решительной борьбы с хулиганствующими и спекулятивными элементами.

ЦК КП Казахстана считает неправильным, когда, многие обкомы, горкомы, райкомы партии не проводят разъяснительной работы в связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1956 г. о снятии ограничений с чечено-ингушского населения, передоверив это важное мероприятие только органам МВД, которые формально отнеслись к проведению этой работы.

ЦК КП Казахстана постановляет:

1. Обязать обкомы, горкомы, райкомы партии устранить отмеченные настоящим постановлением недостатки и принять меры к безусловному выполнению постановления ЦК КПСС от 29 июня 1955 г. по усилению массово-политической работы среди чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев, обратив особо внимание на широкое разъяснение Указа Президиума Верховного Совета СР от 16 июня 1956 г. о снятии ограничений с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей.

Считать одной из главных задач политической работы среди чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев закрепление их на местах настоящего жительства в Казахстане, для чего:

а) решительно покончить с неправильным отношением к этому населению. Разъяснить всем коммунистам, комсомольцам, рабочим, колхозникам, интеллигенции, что чеченцы, ингуши, карачаевцы и балкарцы

пользуются всеми правами советских граждан и что неправильное отношение к ним, выражение огульного и необоснованного недоверия наносит вред делу укрепления дружбы народов, коммунистическому строительству;

б) смелее выдвигать достойных людей из этих национальностей, положительно зарекомендовавших себя на общественной и производственной работе, в аппараты партийных комитетов, в советские, комсомольские, профсоюзные органы и хозяйственные организации;

в) улучшить массово-политическую работу среди чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев, шире привлекая коммунистов, комсомольцев, интеллигенцию и беспартийный актив к выступлению с лекциями, докладами, к проведению бесед на родном языке. Усилить борьбу с феодально-родовыми пережитками и религиозными предрассудками, обратить особое внимание на проведение политической и культурно-просветительной работы среди женщин, ведя ее, главным образом, по месту жительства;

г) покончить с перестраховкой при приеме в партию достойных товарищей из числа чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев, принимая их в партию на общих основаниях в соответствии с уставом КПСС.

2. Обязать ЦК ЛКСМ Казахстана коренным образом улучшить массово-политическую и культурно-просветительную работу среди чеченской, ингушской, карачаевской, балкарской молодежи, шире привлекать ее активному участию в общественных и спортивных организациях, в кружках художественной самодеятельности. Усилить деятельность комсомольских организаций по приему в ряды комсомола лучшей части молодежи этих национальностей, особенно девушек.

3. Преобразовать республиканскую газету «Знамя труда» на чеченском языке из органа Министерства культуры Казахской ССР в орган ЦК КП Казахстана. Увеличить с 1 января 1957 года периодичность газеты до 3 раз в неделю, отводя в каждом номере одну страницу для материалов на ингушском языке.

Просить ЦК КПСС об увеличении штата редакции газеты «Знамя труда».

1. Поручить Совету Министров Казахской ССР создать при литературном издательстве республики редакцию, в которой сосредоточить издание художественной и политической литературы на чеченском, ингушском, карачаевском и балкарском языках.

2. Просить ЦК КПСС разрешить Главному управлению радиоинформации Министерства культуры Казахской ССР ввести вторую программу радиовещания республики, продолжительностью 6 часов, для передачи материалов на чеченском, ингушском, карачаевском, балкарском и немецком языках.

3. Принять к сведению заявление Правления Союза советских писателей Казахстана (т. Мустафина), что при Союзе создана секция чечено-ингушских писателей. Поручить Совету Министров Казахской ССР решить вопрос об установлении при правлении Союза писателей Казахстана на одной штатной единицы литературного консультанта секции чечено-

ингушских писателей. Обязать правление Союза писателей рассмотреть вопрос о восстановлении в членах Союза и привлечении к творческой работе писателей карачаевцев, балкарцев.

1. Обязать Министерство просвещения Казахской ССР (т. Закарина):

а) принять необходимые меры к полному охвату обучением детей школьного возраста чеченской, ингушской, карачаевской, балкарской национальностей, не допуская их отсева из школ;

б) к 1 декабря 1956 г. разработать и внести на рассмотрение Совета Министров Казахской ССР предложение о введении в начальных школах для детей чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев изучения родного языка и о возможностях создания в местах наибольшей концентрации этого населения школ с преподаванием на родном языке;

в) организовать обучение чеченской, ингушской, карачаевской и балкарской молодежи в вечерних школах рабочей и сельской молодежи, создавая при необходимости специальные классы по изучению родного языка, а также развернуть работу по ликвидации неграмотности среди взрослого населения этих национальностей.

8. Обязать Министерство культуры Казахской ССР (т. Канапина):

а) иметь в составе областных концертных организаций отдельных исполнителей чечено-ингушского, карачаевского, балкарского репертуара;

б) практиковать дублирование на чеченский язык киножурнала «Советский Казахстан». Регулярно отражать в выпусках кинохроники жизнь и трудовую деятельность чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев;

в) принять меры к дальнейшему развитию и улучшению руководства художественной самодеятельностью чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев. Ввести в штат Республиканского Дома народного творчества должности методистов по художественной самодеятельности этого населения. Организовать издание методической и репертуарной литературы для кружков художественной самодеятельности;

г) решить вопрос о размещении заказов по производству грампластинок на чеченском, ингушском, карачаевском и балкарском языках;

д) представить к 1 октября с.г. в ЦК КП Казахстана тематический план издания политической и художественной литературы на чеченском, ингушском, карачаевском и балкарском языках на 1957 г.

9. Обязать Министерство культуры Казахской ССР организовать в республике до 1 января 1957 г. чечено-ингушский ансамбль песни и пляски. Поручить Министерству культуры (т. Канапину) и Министерству финансов Казахской ССР (т. Атамбаеву) внести в Совет Министров Казахской ССР предложения по штатам и финансированию ансамбля.

10. Обязать Общество по распространению политических и научных знаний (т. Бурамбаева) и Республиканское лекционное бюро (т. Калишева) к 1 сентября с.г. разработать и представить в ЦК КП Казахстана мероприятия по усилению лекционной работы среди чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев.

11. Обязать обкомы, горкомы и райкомы партии, комсомольские и профсоюзные организации шире вовлекать рабочих и колхозников че-

ченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев в социалистическое соревнование, всячески поощряя передовиков производства, а лучших из них представлять к награждению.

Принять меры к трудоустройству неработающих из числа этих национальностей, создавая общественное мнение вокруг лиц, уклоняющихся от общественно-полезного труда.

12. Обязать партийные и советские органы принять необходимые меры к благоустройству поселков, где сосредоточено чечено-ингушское, карачаевское и балкарское население, организовать в поселках торговлю товарами первой необходимости, обеспечить водоснабжение, радиофицировать их и, где возможно, электрифицировать. Выделить необходимые средства для индивидуального строительства.

13. Обязать Министерство внутренних дел, органы суда и прокуратуры республики усилить борьбу с лицами, ведущими паразитический образ жизни, борьбу с преступностью и хулиганством, привлекая к участию в бригадах содействия милиции чеченскую, ингушскую, карачаевскую и балкарскую молодежь; обеспечить строгий надзор за соблюдением законов о семье и браке.

14. Обязать обкомы, горкомы, райкомы партии организовать обсуждение настоящего постановления во всех первичных партийных организациях республики.

Секретарь ЦК КП Казахстана И. Яковлев⁴

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 9. Л. 72–80. Подлинник. Машинопись. Автограф.

№ 5

18 января 1957 г.

**Письмо чеченской и ингушской молодежи К.Е. Ворошилову
с просьбой о содействии в открытии университета**

Дорогой Климент Ефремович!

Пользуясь случаем Вашего приезда в Казахстан, чечено-ингушская студенческая молодежь выражает Вам и в Вашем лице ленинскому ЦК КПСС, Советскому правительству и Президиуму Верховного Совета СССР свою безграничную благодарность и глубокую признательность за

⁴ Документ составлен на бланке ЦК КП Казахстана. В верхней части чернилами вписано: «ЦК КПСС». Внизу документа ремарка с указанием адресов рассылки: «Послано: ЦК КПСС, обкомам, горкомам, райкомам Каз., ЦК ЛКСМК, Министерству культуры КазССР, Совету Министров КазССР, Правлению Союза советских писателей КазССР, Министерству просвещения КазССР, Министерству финансов КазССР, Обществу по распространению политических и научных знаний, Министерству внутренних дел КазССР, прокурору КазССР, Верховному суду КазССР».

восстановление Чечено-Ингушской Автономной республики на бывшей ее территории. Зная чаяние и стремление нашего народа, мы глубоко уверены, что выражаем этим его настроение.

Наше выселение и 13-летнее вынужденное пребывание в Казахстане исключительно сильно затормозило культурное развитие и без того отсталого нашего народа.

Одной из основных причин отсталости нашей молодежи является нежелание родителей отпустить своих детей на учебу в отдаленные места, в силу традиционных привычек. Особенно касается это наших девушек.

За последние годы в Казахстане и в Киргизии наша молодежь поступила в различные вузы.

Возвращаясь на родину, наши родители естественно захотят, чтобы их дети были с ними. Но отсутствие соответствующих вузов в городе Грозном ставят под угрозу дальнейшую учебу нашей молодежи.

В силу указанных причин мы обращаемся к Вам с убедительной просьбой об открытии Северо-Кавказского университета в г. Грозном, с наличием в нем различных факультетов (филологического, востоковедения, исторического, журналистики, индустриального, строительного, сельского хозяйства, медицинского и факультета искусства и других, наиболее важных в народнохозяйственном отношении).

Создание такого университета в настоящее время сыграло бы решающую роль для развития нашего отсталого народа и будет иметь большое значение для соседних братских автономных республик.

Проникнутые глубокой любовью к своей социалистической родине, искренне желая видеть расцвет нашего народа и своим самоотверженным трудом помочь ему, с глубоким знанием дела, мы еще раз обращаемся к родному Советскому правительству и ленинскому ЦК КПСС об открытии в г. Грозном университета.

Индербиев М.Т.

Хасбулатов Я.И.

Мякиев А.А. — всего 24 подписи⁵.

18.1.[19]57 г.

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 242. Л. 1–2. Копия. Машинопись.

⁵ В верхней части страницы запись чернилами: «Разослать членам комиссии». 18.1.[19]57 г.

№ 6

3 марта 1958 г.

**Докладная записка министерства внутренних дел секретарю
ЦК КПСС Л.И. Брежневу о мероприятиях по пресечению
самовольных выездов чеченцев и ингушей на Северный Кавказ**

Совершенно секретно

Секретарю ЦК КПСС товарищу Брежневу Л.И.

Докладываю, что в целях предупреждения самовольного выезда чеченцев и ингушей на Кавказ МВД СССР осуществляет мероприятия, перечисленные в прилагаемых при этом плане и копии шифротелеграммы, направленной министрам внутренних дел Казахской и Киргизской ССР.

Прилагается также справка о количестве задержанных и возвращенных обратно чеченцев и ингушей и схема оперативных заслонов, организованных на железных дорогах

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 277. Л. 32. Подлинник. Машинопись.

№ 7

4 сентября 1958 г.

**Докладная записка ЦК КПСС о беспорядках
в Грозном 26–27 августа 1958 г.**

Сов[е]ршенно] секретно

О событиях, имевших место в городе Грозном

Товарищи! Всем нам хорошо известно, какое значение правильному решению национального вопроса придавал Владимир Ильич Ленин. Величайшая его заслуга состоит в том, что он, развивая марксизм в новых исторических условиях — в эпоху империализма и пролетарских революций, создал цельное и стройное учение по национальному вопросу.

Владимир Ильич с особой силой подчеркивал значение принципа пролетарского интернационализма, дружбы народов, необходимость теснейшего союза рабочих и всех трудящихся разных национальностей.

Он указывал, что успешное решение вопроса объединения всех наций нашей страны будет иметь важное значение для судеб социалистического строительства, для экономического и политического расцвета всех народов. Владимир Ильич Ленин повседневно руководил работой по объединению советских республик и решительно боролся как против великодержавного шовинизма, так и против местного национализма, представлявших серьезную угрозу для пролетарского интернационализма.

Руководствуясь учением великого Ленина, наша Коммунистическая партия сумела сплотить все нации страны в дружную братскую семью

народов и, опираясь на эту сплоченность, одержать победу в Октябрьской революции, разгромить как внутреннюю контрреволюцию, так и иностранных интервентов, успешно преодолеть разруху, построить первое в мире социалистическое государство, обеспечить экономический и культурный расцвет всех народов нашей страны.

Однако, как вы знаете, эти ленинские принципы в национальной политике нашего государства в известной мере были нарушены в результате проявления культа личности Сталина. В конце 1943 и начале 1944 годов с территории Северного Кавказа и Нижнего Поволжья в районы Сибири, Казахстана и Средней Азии были переселены калмыки, карачаевцы, балкарцы, чеченцы и ингуши, а их национальные автономные объединения упразднены.

Эти действия против указанных национальностей были справедливо осуждены тов. Хрущевым в докладе XX съезду КПСС. Никита Сергеевич говорил, что «в сознании не только марксиста-ленинца, но и всякого здравомыслящего человека не укладывается такое положение — как можно возлагать ответственность за враждебные действия отдельных лиц или групп на целые народы, включая женщин, детей, стариков, коммунистов и комсомольцев и подвергать их массовым репрессиям, лишениям и страданиям».

Решениями XX съезда эти репрессии против отдельных национальностей были осуждены, как неправильные. Съезд признал, что массовое выселение целых народов не вызывалось необходимостью и не диктовалось военными соображениями, а были одним из проявлений чуждого марксизму-ленинизму культа личности, грубым нарушением основных принципов национальной политики нашей партии.

XX съезд подчеркнул необходимость дальнейшего последовательного осуществления ленинской национальной политики нашей партии, принципов равноправия и дружбы всех народов СССР, являющихся неизбежной основой могущества советского государственного строя.

Исходя из ленинского положения и указаний XX съезда партии о том, что социализм не только не устраняет национальных различий и особенностей, а, наоборот, обеспечивает всестороннее развитие и расцвет экономики и культуры всех национальностей и народностей, Центральный Комитет КПСС признал необходимым исправить допущенную в отношении к калмыцкому, карачаевскому, балкарскому, чеченскому и ингушскому народам несправедливость и восстановить их национальную автономию.

В результате этого была восстановлена Чечено-Ингушская АССР в составе РСФСР. В республику возвратилось более 60 тысяч семей чеченцев и ингушей. Им была оказана со стороны государства необходимая помощь в строительстве жилья и трудовом устройстве. Подавляющее большинство трудоспособного населения сейчас работает в промышленности, транспорте, строительстве и сельском хозяйстве.

Однако со стороны партийных и советских органов Чечено-Ингушской республики политическая и воспитательная работа среди населения была поставлена плохо, не учитывались национальные особенно-

сти республики. Среди населения республики плохо проводилась работа по разъяснению решений XX съезда по исправлению несправедливости к этим народам, допущенной при жизни Сталина. Обком, Грозненский горком КПСС и многие партийные организации не вели настойчивой работы по предотвращению возникновения случаев национальной розни на почве трудоустройства, обеспечения жильем и при решении других вопросов восстановления Чечено-Ингушской республики. К нарушителям общественного порядка и хулиганствующим элементам не принимались решительные меры со стороны советских и административных органов с целью пресечения беззакония независимо от национальной принадлежности. Хулиганские и бандитские выходки отдельных лиц, за которые виновные должны были нести тяжелые наказания, нередко рассматривались как враждебные действия чеченцев и ингушей против русских и наоборот. Такие проявления не получали должной политической оценки. Бюро обкома и горкома партии проявляли явную близорукость, политическую слепоту. В результате притупления бдительности у руководителей обкома и горкома партии антиобщественные проявления не вызвали у них тревоги.

Такая беспечность, а также плохая работа административных органов республики по борьбе с нарушителями общественного порядка создавали благоприятную почву для действий враждебных элементов. В конечном итоге все это привело к беспорядкам в городе Грозном, которые имели место 26 и 27 августа. Поводом к этому явились похороны рабочего химзавода русской национальности, который был убит 23 августа бандитом чеченцем.

В связи с сообщением из г. Грозного о возникших там беспорядках Президиум ЦК КПСС 27 августа с.г. поручил мне с товарищами Чураевым и Яновым вылететь на место для оказания помощи партийным и советским органам Чечено-Ингушской АССР в наведении порядка.

Прибыв на место в 21 час 27 августа, мы из беседы с первым секретарем горкома партии тов. Шепелевым, командованием Северо-Кавказского военного округа – т.т. Плиевым и Вашура установили, что в этот момент в городе сложилась напряженная обстановка. Толпы народа численностью около 10 тысяч человек, скопились в центре города. Подстреканная антисоветскими элементами и хулиганами часть толпы ворвалась в здание обкома КПСС и учинила бесчинства, ломала мебель, била стекла, портила и растаскивала имущество, избивала ряд руководящих работников обкома и Совета Министров республики.

С балконов здания обкома произносились речи, разбрасывались листовки антисоветского содержания.

Толпа призывалась учинить самосуд над убийцей, к избиению и выселению чеченцев и ингушей, устранению руководства обкома и Совета Министров и ликвидации Чечено-Ингушской АССР.

Бесчинствующие пытались захватить почту, телеграф, здание МВД и КГБ республики, проникли на вокзал, задержали отправление поезда № 72 Баку–Москва, отцепили паровоз, насильно высадили машиниста, призывали пассажиров присоединиться к ним.

В связи с создавшейся обстановкой в город были введены войска, которым было поручено, не применяя оружия, навести порядок. В течение нескольких часов толпы были полностью рассеяны, здания освобождены, взяты под охрану важнейшие объекты города. Одновременно были приняты меры к мобилизации всей партийной организации города на борьбу с бесчинством.

В час ночи 28 августа нами было созвано собрание партийного актива города для обсуждения создавшегося положения и определения мер по водворению порядка, на активе присутствовало более 500 человек. К утру уже было мобилизовано около 3 тысяч коммунистов, которые приняли активное участие в наведении порядка.

В результате принятых мер с утра 28 августа в городе была восстановлена нормальная жизнь. Попытки отдельных злобствующих элементов собрать группы населения в целях продолжения бесчинств и провокаций немедленно пресекались коммунистами и рабочими.

В ночь на 30 августа войска были выведены из города.

Товарищи! Весьма отраднo доложить вам, что трудящиеся города Грозного и республики не поддались на эту провокацию. Все промышленные предприятия, магазины, столовые, театры, кино, городской транспорт, связь и службы городского хозяйства работали нормально. В снабжении населения продовольствием, в коммунальном обслуживании никаких перебоев не было.

В то же время необходимо отметить, что большинство руководящих работников обкома, горкома КПСС и Совета Министров республики расстреляли и вместо того, чтобы принимать решительные меры по пресечению антисоветской вылазки, часть из них укрылась в подвале здания обкома, а другие разбежались. Беспомощным оказалось руководство органов МВД и КГБ республики, которые не только не помогли обкому предотвратить организованные выступления антисоветских элементов, но и бездействовали во время беспорядков в городе.

В целях проведения широкой массово-политической и разъяснительной работы среди трудящихся в связи с происшедшими событиями, начиная с 28 августа, проводились партийные и комсомольские собрания рабочих. 29 и 30 августа мы выступили перед рабочими с докладами о положении дел в республике и задачах по дальнейшему развитию хозяйства и культуры Чечено-Ингушской АССР. На рабочих собраниях выступили секретари и члены бюро обкома и горкома КПСС, руководители Совета Министров республики, работники аппарата ЦК КПСС.

Всего за 2 дня было проведено 43 рабочих собрания.

Рабочие и интеллигенция предприятий единодушно осуждали вылазку враждебных и хулиганствующих элементов⁶.

РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 398. Л. 30–35. Подлинник. Машинопись.

⁶ Документ предворяет записка, гласящая: «Разослать членам Президиума ЦК КПСС и кандидатам в члены Президиума КПСС». Сверху надпись чернилами: «П. 2020». Внизу документа стоит дата: «4 IX 58 и подпись: «В. Чернуха» (РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 398. Л. 29).

№ 8

29 декабря 1958 г.

**Письмо министра внутренних дел СССР Н.П. Дудорова
в ЦК КПСС о мероприятиях по организованному переселению чеченцев и
ингушей из Казахской и Киргизской ССР на Северный Кавказ**

ЦК КПСС

Согласно плану Правительства Чечено-Ингушской АССР, в декабре 1958 г. должно быть переселено из Казахстана и Киргизии в Чечено-Ингушскую АССР 10 102 чеченских и ингушских семьи.

По состоянию на 19 декабря 1958 г. из Казахстана и Киргизии отправлено в Чечено-Ингушскую АССР 5 918 семей общей численностью 37 957 человек. Часть семей, переселение которых было намечено на декабрь 1958 г., отложила свой выезд до марта 1959 года.

В целях обеспечения организованного переселения чеченцев и ингушей на Северный Кавказ Министерством внутренних дел СССР совместно и Министерством путей сообщения, представителями Правительства Чечено-Ингушской АССР, партийными и советскими органами Казахской и Киргизской ССР проведены необходимые мероприятия.

Для оказания в этом деле помощи местным органам милиции министерствами внутренних дел СССР, РСФСР, Казахской и Киргизской ССР были направлены ответственные работники. На железнодорожных станциях и аэропортах создано 57 оперативных заслонов, организовано 178 оперативных групп по сопровождению. Эшелонов и пассажирских поездов.

Всеми видами нарядов только в период с 20 ноября по 19 декабря 1958 г. снято с поездов и возвращено к прежнему месту жительства 425 чеченцев и ингушей, пытавшихся выехать без разрешений в Чечено-Ингушскую АССР.

Министр внутренних дел СССР Дудоров (подпись)⁷

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 277. Л. 113. Подлинник. Машинопись. Автограф.

⁷ Документ составлен на бланке Министерства внутренних дел и датирован 29 декабря 1958 г., № 1350/д. г. Москва.

Мусульмане Кавказа в системе государственного регулирования ислама в Российской империи в XIX – начале XX в.

Данная статья посвящена системе государственного регулирования ислама в Российской империи в XIX – начале XX в. на примере Кавказского региона. Статья сконцентрирована на анализе предложений ряда чинов МВД и Кавказского наместничества.

Ключевые слова: сунниты, шииты, Духовное управление мусульман Закавказья, Северокавказское духовное управление, Кавказское наместничество

А.А. Ganich

MUSLIMS OF THE CAUCASUS IN THE SYSTEM OF STATE REGULATION OF ISLAM IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 19th AND EARLY 20th CENTURIES

This article is devoted to the system of state regulation of Islam in the Russian Empire in the XIX – early XX centuries using the example of the Caucasus region. The article is focused on the analysis of the proposals of a number of officials of the Ministry of Internal Affairs and Caucasus Viceroyalty.

Key words: Sunnis, Shiites, Spiritual Administration of Muslims of Transcaucasia, North Caucasus Spiritual Administration, Caucasus Viceroyalty

С конца XVIII в. по итогам русско-персидских и русско-турецких войн в состав Российской империи поэтапно входили территории с преобладавшим мусульманским населением. Это повлекло за собой разработку целого ряда правительственных мер, направленных на организацию государственного управления новыми провинциями и регулирование религиозной жизни иноверческих подданных.

Одним из первых стратегию действий правительства в этой сфере определил главноуправляющий в Грузии генерал от инфантерии А.П. Ермолов. В 1824 г. в предписании кубинскому коменданту К.К. фон Краббе он рекомендовал установить точное число духовных лиц и круг их обязанностей, чтобы впоследствии ограничить их численность теми, кто лоялен к российской власти, и исключить из разряда духовенства¹ сеййидов², шейхов и дервишей³. На Северном Кав-

¹ Определение «иерархической постепенности духовных званий» в исламе вызвало трудности у чиновников царской администрации. Отсутствие понятия «церкви» и «духовенства» поставило разработчиков проектов управления мусульманским клиром перед необходимостью соотносить исламские реалии с опытом устройства православной Церкви.

² Сеййиды (араб. *саййид*) – роды, возводившие свое происхождение к семье пророка Мухаммада.

казе, охваченном сопротивлением горцев, наиболее ранней попыткой подобного рода, по мнению российского историка Д.Ю. Арапова, являлись «Правила по управлению покорными горцами северных покатоств Кавказа», подготовленные в 1830-х гг. начальником Кавказской области (с центром в г. Ставрополе) генерал-лейтенантом А.А. Вельяминовым⁴. Согласно «Правилам», покорным горцам предоставлялась свобода вероисповедания и отправления религиозного культа при сохранении ими полной лояльности российским властям; для управления духовенством предполагалось учредить должность муфтия с местом его постоянного пребывания в Ставрополе.

Главным правительственным учреждением, регулировавшим жизнь и деятельность мусульманских сообществ в России, являлось Министерство внутренних дел, а именно одно из его отделений – Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ)⁵, созданный при Александре I. Круг вопросов, входивших в его компетенцию, включал в себя организацию управления духовными делами мусульман, образование мусульманских приходов, постройку и открытие мечетей, имущество мусульманского духовенства, мусульманские учебные заведения, мусульманскую печать, воинскую повинность мусульман и много другое⁶. Для сбора необходимой информации департамент соотносился с другими центральными и местными ведомствами и учреждениями. В 1857 г. был принят подготовленный еще при Николае I «Устав духовных дел иностранных исповеданий», в одном из разделов которого рассматривались дела мусульман⁷. В конце XIX – начале XX в. заметное влияние на них оказывало и Военное министерство, курировавшее Туркестанский край и в значительной мере Северный Кавказ. Внимание чиновников Азиатской части Главного штаба было направлено на контроль над связями и контактами российских мусульман с зарубежными религиозными центрами (Турция, Персия), которые территориально и культурно соприкасались с

³ Колониальная политика Российского царизма в Азербайджане в 20–60-х гг. XIX в. / Под ред. И.П. Петрушевского. Ч. II. М.; Л., 1936. С. 309–310. Под державными знаменами здесь подразумевались последователи суфийских братств (араб. *тарика*) накшбандийа-халидийа и кадирийа, и шиитского халватийа, распространившихся на Северо-Восточном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в.

⁴ «Предоставляется совершенная свобода следовать магометанской или другой какой-либо вере». Генерал А.А. Вельяминов об управлении духовной жизнью горцев Кавказа, 1837 // Императорская Россия и мусульманский мир / Сост. Д.Ю. Арапов. М., 2006. С. 63–66.

⁵ Департамент духовных дел иностранных исповеданий существовал в составе МВД с 1832 по 1917 г. В 1810–1817 и 1880–1881 он был самостоятельным центральным ведомством и назывался Главным управлением духовных дел разных (иностраных) исповеданий, с 1817 по 1832 г. под разными наименованиями входил в состав Министерства народного просвещения.

⁶ Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост. Д.Ю. Арапов. М., 2001. С. 24.

⁷ Там же. С. 22.

Кавказом. Третьим государственным органом, вплотную занимавшимся мусульманским вопросом, был Азиатский (с 1897 г. первый) департамент Министерства иностранных дел⁸. Каждый из этих институтов имел собственное видение и понимание «мусульманского вопроса», их цели и тактические задачи различались и временами входили в противоречие друг с другом. Это в значительной степени затрудняло реализацию инициатив, рожденных на местах и отвечавших действительным нуждам кавказских мусульманских сообществ.

Полиэтническое мусульманское население края исповедовало суннитский (ханафитского и шафиитского мазхабов) и шиитский (джафаритского толка) ислам в различных его формах и через служителей исламского культа поддерживало духовные и образовательные связи с религиозными центрами в Персии и Турции. Власти империи пытались ограничить контакты новых российских подданных с мусульманскими авторитетами за рубежом — шиитскими муджтахидами, суннитскими улама и муфтиями, — создав аналогичные шариатские инстанции в Кавказском крае. В 1823 г. была введена должность шиитского шейх ал-ислама, а в 1832 г. — суннитского муфтия Кавказа. Сунниты Северного Кавказа, жившие в Дагестанской, Кубанской и Терской областях, Черноморской и Ставропольской губерниях⁹, формально находились под контролем Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС), образованного еще в 1789 г.¹⁰ Однако это подчинение не приносило желаемых результатов. Сказывались обширность подведомственной территории (по мнению Военного министерства), незавершенность процесса передачи региона в ведение ОМДС (по заявлению его главы), а также позиция МВД, которое предпочитало держать под контролем и лимитировать контакты северокавказских мусульман с ОМДС¹¹. За исключением случаев, когда по требованиям правительственных структур нужно было давать шариатские разъяснения по тем или иным вопросам, оренбургский муфтий не вмешивался в дела мусульман Северного Кавказа.

С назначением главноуправляющим в Грузии гр. И.Ф. Паскевича-Эриванского началась серьезная разработка теоретических основ государственной политики в отношении закавказских мусульман.

⁸ *Арапов Д.Ю.* Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX вв.). М., 2004. С. 148.

⁹ Административно к Северному Кавказу относились лишь Терская (с центром во Владикавказе) и Кубанская (с центром в Екатеринодаре) области, образованные в 1860 г. Дагестанская область с Закатальским округом принадлежали к Закавказскому краю. Ставропольская же губерния 10 мая 1899 г. вообще была изъята из управления Кавказского края.

¹⁰ *Арапов Д.Ю.* Система государственного регулирования ислама... С. 162; Ислам в Российской империи... С. 206.

¹¹ *Рыбаков С.Г.* Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России // Ислам в Российской империи... С. 269—270.

В июне 1828 г. по его распоряжению в Тифлисе был учрежден специальный Комитет об управлении мусульманскими провинциями для того, чтобы они, «доселе оставшиеся почти в том же положении, в каком находились при поступлении их в состав Империи, получили устройство во всех частях, необходимое для прочного спокойствия и благосостояния жителей»¹². Перед Комитетом была поставлена задача по сбору сведений о действовавших здесь законах шариата и адата, определению порядка судопроизводства до присоединения этих земель к России, выявлению последующих распоряжений «по разным частям управления», описанию прав высшего сословия. Отдельным блоком шли вопросы, связанные с определением обязанностей и иерархической подчиненности мусульманских духовных лиц, их доходов и расходов. В Комитет стекались также сведения статического характера о народонаселении, казенных землях и другом государственном имуществе¹³. Обширность поставленных вопросов и отрывочность получаемых сведений делали невозможным их серьезное освещение¹⁴. Видя неуспешность действий Комитета, в 1829 г. гр. Паскевич-Эриванский предложил сузить задачу, начав с разработки проекта об учреждении мусульманского духовного правления¹⁵. Образцами послужили «Положения» об Оренбургском магометанском духовном собрании и Таврическом магометанском духовном правлении¹⁶.

Первый вариант проекта был представлен уже новому главному управляющему в Грузии генералу Г.В. Розену 1 июня 1833 г.¹⁷ Все дела, касавшиеся мусульманского духовенства, предполагалось подчинить одному главному правлению (не разделяя суннитов и шиитов); содержание духовных лиц планировалось производить из вакфных средств, об объеме которых царским чиновникам мало что было известно; шариатские суды намечали объединить с третейскими судами¹⁸ и т.п. Проект был сразу отклонен и отправлен на доработку. Переработкой прежнего текста и составлением нового занимались несколько лет. Впрочем, и в 1842 г., по мнению членов Совета главного управления Закавказского края С.В. Каханова и Е.С. Журавлева, решение вопроса о контроле над мусульманским духовенством необхо-

¹² Центральный исторический архив Грузии (далее – ЦИАГ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 2232. Ч. 2. Л. 2.

¹³ ЦИАГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2232. Ч. 2. Л. 3.

¹⁴ *Иваненко В.Н.* Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества Великого Князя Михаила Николаевича. Тифлис, 1901. С. 211.

¹⁵ ЦИАГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2232. Ч. 2. Л. 55.

¹⁶ Там же. Л. 62 об. – 73.

¹⁷ Там же. Л. 101.

¹⁸ Подробнее о деятельности третейских судов см.: *Скворцов О.Ю.* Третейское разбирательство предпринимательских споров в России: проблемы, тенденции, перспективы. М., 2005 (URL: http://www.for-expert.ru/treteiskoe_razbiratelstvo/).

димо было отложить до прочного утверждения в Закавказье гражданского управления, введенного в 1840 г., и «благоприятных военных действий» против Шамиля¹⁹.

Вернулись к разработке проектов управления мусульманами Кавказа лишь при кавказском наместнике кн. М.С. Воронцове. Нахождение приемлемого решения было возложено на чиновника МИД Н.В. Ханыкова, который в 1848 г. приступил к сбору данных о численности мусульманского духовенства, сведений об управлении этим духовенством в сопредельных мусульманских государствах, о средствах к материальному обеспечению служителей культа и о способах узаконить существование шариатских судов²⁰. В апреле 1849 г. Ханыков представил «Проект положения о мусульманском духовенстве Алиева учения»²¹. Ключевым отличием данного варианта от предшествовавших является профессиональная востоковедческая подготовка его составителя. Как справедливо отмечал Арапов²², предложенная Ханыковым организация духовной жизни закавказских мусульман-шиитов при сохранении известной зависимости от царской администрации предполагала ощутимую степень внутренней автономии и официальное признание свободы отправления мусульманского культа в пределах империи. Проекта гласил: «Свобода исповедания магометанской религии по правилам алиева учения во всех закавказских губерниях состоит под защитою и покровительством законов империи наравне со всеми допускаемыми в пределах ее вероисповеданиями, и на сем основании коран и религиозные догматы исламизма остаются неприкосновенными, и допускаются совершенно свободное отправление обрядов и чествование праздников мусульманских с тем, однако, чтобы действия сии не были сопряжены с нарушением общественной безопасности и благочиния» (§ 1)²³. Сразу отмечу, что ни тогда, ни позже это утверждение так и не вошло в текст разрабатывавшихся и принятых «Положений» об управлении мусульманским духовенством Закавказского края. Проект был рассмотрен Советом кавказского наместника во главе с генералом В.О. Бебутовым и отправлен на согласование в Кавказский комитет²⁴, а оттуда главноуправ-

¹⁹ Колониальная политика российского царизма в Азербайджане... Ч. II. С. 366.

²⁰ ЦИАГ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 366. Л. 2 об.

²¹ Текст «Положения» см.: Колониальная политика российского царизма в Азербайджане... Ч. II. С. 346–363.

²² Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама... С. 95.

²³ Колониальная политика российского царизма в Азербайджане... Ч. II. С. 346.

²⁴ Кавказский комитет – особый межведомственный орган, учрежденный в 1833 г. под председательством исправлявшего должность военного министра кн. А.И. Чернышева для разработки и введения на Кавказе гражданского управления. Он осуществлял руководство гражданской деятельностью царской администрации в регионе. В 1882 г., после упразднения кавказского наместничества и введения нового административного устройства на Кавказе, Кавказский комитет был ликвидирован.

ляющему II отделением Собственной е.и.в. канцелярии и министрам внутренних дел и юстиции. В целом одоббив предложенную Ханьковым форму управления, сановники высказали замечания по ключевым вопросам, касавшимся шариатского судопроизводства, соотносительности и подконтрольности действий мусульманских духовных лиц центральным гражданским властям. Предполагалось изменить проект согласно замечаниям и подготовить его перевод для ознакомления с ним закавказского шиитского духовенства²⁵.

Не затухавшие военные действия на Северном Кавказе отложили решение о создании Закавказских мусульманских духовных управлений. Местные гражданские и военные чиновники ограничивались общими законами, применявшимися к мусульманским подданным империи, служебными инструкциями и руководствами по отдельным вопросам, подготовленными для представителей высшего мусульманского духовенства Закавказского края²⁶.

Существенную поддержку осуществлению проекта организации муфтиятов Закавказья оказал кавказский наместник вел. кн. Михаил Николаевич. Именно при нем кавказской администрацией и представителями высшего мусульманского духовенства были подготовлены «Временные правила для регулирования религиозной жизни последователей ислама». Так, в конце 1862 – начале 1863 г. по поручению наместника статский советник Граф разработал инструкцию для управления мусульман шиитов, которая была утверждена в 1863 г.²⁷ Подобная инструкция с заменой некоторых названий духовных должностей была дана в руководство и закавказскому муфтию Мамеду-эфенди Муфти-заде²⁸. До организации Закавказских мусульманских духовных управлений именно эти инструкции стали основой для регулирования деятельности служителей культа и мерой их ответственности. Впоследствии они влились в принятые «Положения» об управлении мусульманским духовенством 1872 г. Кроме того, в течение 1863–1865 гг. закавказский шейх ал-ислам Ахмед Гусейн-заде составил несколько правил и инструкций: уездным кади, по управлению мечетским имуществом, о порядке выборов духовных лиц, о шариатских присутствиях и положение о шиитскому духовному управлению²⁹.

Для пересмотра прежних и составления новых предложений об устройстве закавказского мусульманского духовенства в 1864 г. при

²⁵ ЦИАГ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 366. Л. 13 об. – 14.

²⁶ Среди них, например, можно выделить инструкцию главному тифлисскому мужтехиду Шейху Али, данную наместником кавказским М.С. Воронцовым в 1845 г. (Государственный исторический архив Азербайджанской республики (далее – ГИААР). Ф. 288. Оп. 1. Д. 112. Л. 4–5 об.).

²⁷ ЦИАГ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2231. Л. 31.

²⁸ Там же. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1246. Л. 1–6 об.

²⁹ Там же. Д. 1245. Л. 6–18; Ф. 7. Оп. 1. Д. 2231. Л. 59–65, 73–93 об., 135–140 об.

Совете Главного управления наместника в Тифлисе была сформирована специальная комиссия, в состав которой вошли чиновники царской администрации и представители мусульманской духовной элиты³⁰. Комиссия должна была в течение года составить и представить на рассмотрение высшему начальству «Положение» об управлении мусульманским духовенством Закавказского края. Исходными материалами послужили: «Проект положения о мусульманском духовенстве Алиева учения», подготовленный Ханыковым, и замечания на него; инструкции муфтию и шейх ал-исламу 1863 г. и законоположения об управлении мусульманским духовенством, действовавшие в различных частях Российской империи³¹. В ходе работы над проектом чиновникам надлежало сформировать иерархию духовных лиц, очертить круг их обязанностей и прав; согласовать отношения служителей культа между собой, к губернским властям и высшему кавказскому начальству; определить состав и круг полномочий духовных правлений; установить порядок определения на духовные должности, ликвидировав традицию наследования некоторых из них; описать условия для получения различных духовных степеней, в том числе объем необходимых для этого знаний; оградить верующих от злоупотреблений служителей культа, влияния иноземных религиозных авторитетов и распространения «непризнанных духовных учений»; утвердить должности, которые могли получать содержание от государства или из других доходов; найти способы к улучшению работы и расширению сети местных духовных школ и надзору за ними³².

Несмотря на предпринимавшиеся усилия и сбор необходимого статистического материала, комиссия не смогла завершить работу над проектом в указанный срок. Повторилась история 1828 г., когда разработкой такого важного для государства законоположения чиновники занимались урывками, в свободное от основной работы время. Проект завершили в 1868 г. и представили начальнику Главного управления кавказского наместника А.П. Николаи. Комиссия попыталась согласовать свои теоретические выкладки с существовавшими российскими законами, положениями шариата и действительными потребностями населения в изменившихся условиях. После завершения Кавказской войны власть уже не нуждалась в том, чтобы идти на уступки мусульманским духовным лидерам, лояльность которых была важна в обстановке боевых действий. Предполагалось, что в дальнейшем «Положение» не потребует коренной переработки, а лишь пересмотра отдельных деталей³³. В январе 1869 г. представленный проект

³⁰ Записка о пересмотре Положения 5-го апреля 1872 г. об управлении Закавказского мусульманского духовенства. Тифлис, 1896. С. 3–4.

³¹ ЦИАГ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2231. Л. 5–5 об.

³² Там же. Л. 4 об. — 5.

³³ Там же. Л. 146 об.

проходил обсуждение на совещаниях Совета Главного управления с участием находившихся в Тифлисе губернаторов, начальников областей и чиновников других управлений³⁴. Были высказаны рекомендации, согласно которым «управление магометанского духовенства должно быть установлено так, чтобы, удовлетворяя необходимости устройства этого сословия, оно избегало, вместе с тем, по возможности, излишнего увеличения количества лиц, принадлежащих к духовному званию, усиления влияния духовенства на население и сплочения его более чем дотоле в одну корпорацию, связанную в одном центральном узле»³⁵. После окончательной редактуры, осуществленной членом Совета Главного управления д.с.с. Ломизе, кавказский наместник вел. кн. Михаил Николаевич 15 января 1869 г. направил одобренные тексты Положений председателю Кавказского комитета кн. П.П. Гагарину³⁶. Оттуда они были посланы на заключение министерств юстиции, финансов и внутренних дел, а также во II отделение Собственной е.и.в. канцелярии. И лишь после рассмотрения проектов «Положений» в Соединенных департаментах законов и государственной экономии и общем собрании Государственного совета они были представлены на утверждение императору³⁷.

«Положение об управлении закавказского мусульманского духовенства суннитского учения» и «Положение об управлении закавказского мусульманского духовенства шиитского учения» были официально утверждены 5 апреля 1872 г.³⁸, а 2 января 1873 г. в Тифлисе начали свою деятельность Закавказское мусульманское духовное правление шиитского учения и Закавказское мусульманское духовное правление суннитского учения³⁹. Их юрисдикция распространялась на мусульман Бакинской, Елисаветпольской, Тифлисской и Эриванской губерний. Все прочие территории Закавказья и Северного Кавказа, не имевшие общероссийского гражданского управления, не были им подведомственны⁴⁰. Тем не менее архивные документы свидетельствуют, что в Закавказское суннитское духовное правление направлялись официальные запросы и жалобы на решения кади Северного Кавказа. Начальники северокавказских областей признавали, что ме-

³⁴ Записка о пересмотре положения 5-го апреля... С. 4.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 12.

³⁸ Опубликованные тексты «Положений» см.: Ислам в Российской империи... С. 210–247.

³⁹ Кавказский календарь на 1886 год. Тифлис, 1885. С. 178. Открытие двух закавказских магометанских правлений дополнило существовавшую общеимперскую систему мусульманских учреждений.

⁴⁰ Программа государственных экзаменов для «мусульманского духовенства» Закавказья (1873 г.) / Публ. Д.Ю. Арапова и В.О. Бобровникова // Кавказский сборник. Т. 3(35). М., 2006. С. 188.

стные власти «оказываются совершенно не осведомленными относительно личного состава мусульманского духовенства, его происхождения, подданства и места получения образования... совершенно не осведомлены и относительно мусульманских вероучительных школ и вообще не отдают себе самого приблизительного отчета в том, что подходит под это понятие»⁴¹.

Вопрос о целесообразности составления проектов, связанных с государственным регулированием духовной жизни мусульман Северного Кавказа, возникал всякий раз, когда кавказская администрация занималась разработкой или пересмотром законоположений об управлении мусульманским духовенством Закавказского края. Так, в 1871 г. кавказский наместник вел. кн. Михаил Николаевич при обсуждении проектов «Положений» об управлении закавказским мусульманским духовенством признавал необходимым, но несвоевременным устройство религиозного быта мусульман Северного Кавказа⁴². В конце 1880-х – начале 1890-х гг., когда был поднят вопрос о пересмотре «Положений» 1872 г., специальная комиссия под председательством члена Совета главноначальствующего гражданской частью на Кавказе Н. Прибиля обратилась к губернаторам и начальникам областей Кавказского края с просьбой рассмотреть возможность применения новых «Положений» к тем областям, которые ранее не входили в юрисдикцию закавказских мусульманских духовных правлений⁴³. Начальники Карской области, округов Закатальского, Батумского, Артвинского и Ставропольской губернии признали возможным применение выработанных комиссией проектов положений, правил и инструкций по управлению мусульманским духовенством. Военный же губернатор Дагестанской области кн. Н.З. Чавчавадзе полагал нецелесообразным использование упомянутых «Положений» в Дагестане. По его мнению, действовавшие там правила удовлетворяли религиозным потребностям населения, и создание духовной мусульманской иерархии стало бы непривычным явлением, потребовавшим к тому же дополнительных расходов из государственного бюджета⁴⁴.

Рассмотрев предложения и мнения начальников округов и областей, канцелярия главноначальствующего гражданской частью на Кавказе посчитала неудобным распространить действие этих законоположений на указанные административные единицы⁴⁵ и подняла вопрос о рациональности «той широкой организации управления духовными делами Кавказских магометан, которая определяется дей-

⁴¹ ЦИАГ. Ф. 13. Оп. 6. Д. 932. Л. 9 об.

⁴² Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 3285. Л. 98 об. – 99.

⁴³ Речь шла о Дагестанской и Карской областях, Закатальском, Батумском и Артвинском округах и Ставропольской губернии.

⁴⁴ ЦИАГ. Ф. 13. Оп. 11. Д. 338. Л. 28.

⁴⁵ Записка о пересмотре положения 5-го апреля... С. 32, 40, 52.

ствующими и проектированными в 1885 г. положениями, и особенно — в тех значительных казенных расходах, которые сопряжены с этой организацией»⁴⁶. Неоднократно в отчетах и мнениях российских чиновников на Кавказе выражались сомнения в лояльности местного мусульманского духовенства и успешности его деятельности в пользу правительства, а также недовольство исполнением возложенных на него по «Положению» обязанностей.

Не прекращалось и обсуждение вопроса об организации отдельно муфтията для мусульман Северного Кавказа. Примечательным является проект «Положения об управлении мусульманского духовенства суннитского учения в Кубанской и Терской областях»⁴⁷, подготовленный по инициативе главноначальствующего гражданской частью на Кавказе и командующего войсками Кавказского военного округа кн. А.М. Дондукова-Корсакова. Представленное на рассмотрение Военного министерства⁴⁸ в 1889 г. «Положение» имело целью обеспечить контроль за действиями духовных лиц со стороны царской администрации, сократить численность служителей культа и ослабить их влияние на население. Кроме того, по замыслу составителя, все вопросы, касавшиеся мусульман края, должны были решаться главным кавказским начальством, практически без вмешательства петербургских высших инстанций⁴⁹. По меткому замечанию Д.Ю. Арапова, последнее обстоятельство вызывало у чиновников Петербурга особое недовольство⁵⁰. После длительного обсуждения проекта в ДДИИ и Военном министерстве данный документ принят не был.

На рубеже XIX–XX вв., в условиях нараставшего революционного движения, обострение религиозного и национального вопросов стало мощным толчком к изменению национальной и конфессиональной политики Российского государства. Высочайший указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» (12 декабря 1904 г.) и подготовленные Комитетом министров положения «Об укреплении начал веротерпимости» (утвержденные императором 17 апреля 1905 г.) обозначили новый этап в регулировании религиозной жизни старообрядцев, инославных и иноверцев. В принятых документах, среди прочего, объявлялось о необходимости пересмотра законоположений, координирующих религиозный быт последователей ислама, и об учреждении особых духовных управлений для му-

⁴⁶ ЦИАГ. Ф. 13. Оп. 11. Д. 338. Л. 89.

⁴⁷ Там же. Ф. 12. Оп. 7. Д. 3539. Л. 29–38 об.

⁴⁸ В 1881–1898 гг. должность военного министра занимал генерал от инфантерии (с 1883 г.) П.С. Ванновский.

⁴⁹ «Следить за нераспространением среди мусульман вредных, нетерпимых правилством учений». Проект Положения об управлении духовной жизнью мусульман Северного Кавказа, 1889 г. // Императорская Россия и мусульманский мир. С. 121.

⁵⁰ *Арапов Д.Ю.* Система государственного регулирования ислама... С. 161.

сультманских общин Северного Кавказа, Ставропольской губернии, Степного края и Туркестана⁵¹. Провозглашенная политика формально сделала возможной работу ряда исламских общественных организаций и собраний (мусульманских съездов, мусульманской фракции в I–IV Государственных думах⁵²).

Однако на деле царское правительство не было настроено на глубокое реформирование системы духовного управления мусульманскими подданными империи. Поддержкой пользовались традиционные религиозные круги, зарекомендовавшие себя длительной и безупречной лояльностью режиму. Проекты, создававшиеся представителями прогрессивной мусульманской общественности и петербургской чиновничьей элитой, носили диаметрально противоположный характер. Мусульманские деятели, признавая необходимость сотрудничества с монархией, стремились к большей религиозной централизации, расширению полномочий духовных управлений и ослаблению надзора МВД и Военного министерства за их деятельностью. В свою очередь, политическая элита Петербурга, наоборот, была нацелена на как можно большую децентрализацию мусульманских духовных управлений, с соответственным сокращением численности служителей культа и сохранением над ними полного правительственного контроля⁵³. Третьей стороной в обсуждении «мусульманского вопроса», занимавшей промежуточную позицию, являлась кавказская администрация во главе с наместником.

В начале XX в. обстановка на Кавказе была накалена до предела. Социальный взрыв, кровавые межэтнические конфликты, всплеск абречества⁵⁴, крестьянские волнения вынудили царское правительство восстановить в 1905 г. кавказское наместничество, упраздненное в 1892 г.⁵⁵ Выбор Николая II пал на видного государственного сановника, имевшего опыт службы на Кавказе, гр. И.И. Воронцова-Дашкова⁵⁶. Наместник, и ранее наделенный особыми полномочиями как в гражданском, так и в военном управлении краем, теперь полу-

⁵¹ ПСЗ-III. Т. 25. Отд. I. СПб., 1908. № 26126. С. 262; Кавказский календарь на 1906 г. Первый отдел. Тифлис, 1906. С. 117.

⁵² Подробнее о деятельности мусульманской фракции см.: *Усманова Д.М.* Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной Думе России (1906–1917). Казань, 1999.

⁵³ Подробнее о проектах см.: *Арапов Д.Ю.* Система государственного регулирования ислама... С. 187–195.

⁵⁴ Подробнее о социальных истоках абречества и его формах в конце XIX – начале XX в. см.: *Козачковский В.* Разбои на Кавказе. Очерки. Владикавказ, 1913; *Карпов Ю.Ю.* Джигит и волк: Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996; *Бобровников В.О.* Абреки и государство. Культура насилия на Кавказе // *Вестник Евразии (Acta Eurasica)*. 2000. № 1(8). С. 19–46.

⁵⁵ ПСЗ-III. Т. 25. Отд. I. № 25891. С. 149.

⁵⁶ Подробнее см.: *Исмаил-Заде Д.И.* И.И. Воронцов-Дашков – администратор, реформатор. СПб., 2008.

чил еще бóльшую независимость по отношению к центральным властям. В гражданской сфере он подчинялся непосредственно императору и приравнивался по своему статусу к министру⁵⁷. Царь поставил перед новым наместником поистине сложную задачу — подавить беспорядки, принявшие в крае широкий размах.

Признавая применение силовых мер лишь там, где это действительно необходимо, Воронцов-Дашков был сторонником проведения в крае обширных реформ и привлечения на сторону правительства умеренных групп местного общества. В 1907 г. им была представлена на рассмотрение императора «Всеподаннейшая записка по управлению Кавказским краем», содержащая план преобразований⁵⁸. Он состоял из пяти ключевых направлений: 1. Привлечение местной общестственности к управлению краем путем создания на Кавказе земских учреждений; 2. Отмена военно-народной системы управления как изжившей себя и не отвечающей новым реалиям; 3. Освобождение крестьян от зависимости; 4. Приближение местной власти к населению посредством ликвидации уездов и их замены более мелкими участками; 5. Продолжение русской колонизации, но постепенное и только в малонаселенных районах (Черноморье и Муганская степь)⁵⁹. Главной целью намеченных изменений должно было стать введение на Кавказе ограниченных форм самоуправления, способствовавших постепенному умиротворению этого многонационального и поликонфессионального края. Однако видение дальнейшего развития кавказского региона наместником входило в противоречие с представлениями высших бюрократических кругов Петербурга, в особенности чиновников Министерства внутренних дел, которые считали подобную политику «потворством бутовщикам».

Тем не менее правительству пришлось обратить пристальное внимание на «мусульманский вопрос», учитывая его геополитическое значение. Еще в 1900 г. министр финансов С.Ю. Витте, обсуждая последствия Андиганского восстания 1898 г., обратил внимание своих коллег на то, что «наша внутренняя политика по мусульманскому вопросу является важным фактором внешней политики»⁶⁰. Развертывание революционных событий в Персии в 1907–1911 гг. и в Турции в 1908–1909 гг. вызвали серьезную тревогу в российских правительственных кругах. Идеологические брожения среди мусульман, в осо-

⁵⁷ ПСЗ-III. Т. 25. Отд. I. № 26166. С. 287–288.

⁵⁸ Полный текст записки см.: *Исмаил-Заде Д.И.* Граф И.И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. М., 2005. С. 257–376.

⁵⁹ *Городницкий Р.А.* Учреждения министерства внутренних дел на Кавказе в 1905–1917 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2004. № 3. С. 9–10.

⁶⁰ Цит. по: *Crews R.* For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, 2006. P. 347.

бенности в Поволжье, стали предметом тщательного обсуждения Особого совещания, проведенного в январе 1910 г. по инициативе председателя Совета министров П.А. Столыпина⁶¹. В 1913 г. во всеподданнейшем отчете кавказский наместник Воронцов-Дашков, в целом позитивно оценивая ситуацию в регионе, тем не менее предостерегал, что «если нам следует в будущем бояться сепаратизма отдельных народностей на Кавказе... то, разве, со стороны этого (мусульманского. — *А.Г.*) населения, по его преобладающей над всеми народностями численности и возможности вспышек религиозного фанатизма, а равно в виду соседства Кавказа с мусульманскими государствами»⁶². Осуществляя политику веротерпимости, власть стремилась закрыть внешние границы, обезопасив свою легитимность от конкурентов в лице турецкого султана или германского кайзера⁶³.

В 1913 г. Российская империя праздновала трехсотлетие дома Романовых. Американский исследователь Р. Круз в своей монографии «За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии» отметил, что официальные церемонии, символизировавшие единение царя и народа, торжественные молитвы и проповеди, читавшиеся в мечетях, стали для мусульманских подданных не только поводом выразить свою лояльность монархии и патриотизм, но прежде всего возможностью заявить о своих правах как «граждан» этого государства⁶⁴.

Интерес к исламу, всколыхнувший российское общество, не мог остаться незамеченным и для законотворцев. Трудно сказать о том, кто именно стал инициатором выступления 39 депутатов IV Государственной думы в 1913 г. с «законодательным предположением» о создании на Северном Кавказе особого духовного управления. Среди подписавших документ — члены различных фракций и групп, в том числе 18 прогрессистов, 11 кадетов и 2 представителя мусульманской фракции. Депутаты предлагали учредить во Владикавказе Северокавказское духовное управление во главе с муфтием для заведывания религиозными делами мусульманского населения Терской и Кубанской областей и Ставропольской губернии, где, по данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., проживало 489 674⁶⁵, 102 920⁶⁶ и 38 573 мусульманина соответственно⁶⁷. Подобно проекту 1889 г., структура и организация его деятельности должны были в целом по-

⁶¹ Подробнее см.: *Апанов Д.Ю.* Система государственного регулирования ислама... С. 197–206.

⁶² Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1913. С. 9.

⁶³ *Crews R.* For Prophet and Tsar... P. 2–3.

⁶⁴ *Ibid.* P. 350.

⁶⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. LXVIII. Терская область. СПб., 1905. С. 57.

⁶⁶ Первая всеобщая перепись... LXV. Кубанская область. СПб., 1905. С. 59.

⁶⁷ Первая всеобщая перепись... LXVII. Ставропольская губерния. СПб., 1905. С. 5.

вторять Закавказское суннитское духовное правление. Аргументируя необходимость создания муфтията, авторы проекта апеллировали к давности включения этих территорий в состав Российской империи и продолжавшемуся процессу инкорпорирования мусульманских элит в сословную и государственную структуру российского общества.

Озабоченность законовевов тем, что «до сих пор русское правительство не приняло никаких серьезных мер к упорядочению духовно-религиозной жизни этих народов, оставляя их в этом отношении в... хаотических условиях»⁶⁸, вполне соответствует ориенталистскому колониальному восприятию Востока (в понимании Э. Саида и его продолжателей)⁶⁹. «Естественное» распространение русской цивилизации путем внедрения образования и управления воспринималось депутатами как единственно возможный и верный способ улучшения духовно-нравственного и материального состояния мусульманских подданных. Посредством деятельности духовного управления, подчиненного общеимперским законам, предполагалось решить ряд насущных проблем региона, а именно поставить под государственный контроль деятельность мусульманской духовной элиты, перестроить систему исламского образования и по возможности изжить такие характерные для традиционных обществ явления, как кровная месть, абречество и т.п. В рамках создания муфтията депутаты предполагали открыть на Северном Кавказе мусульманскую духовную семинарию для подготовки служителей культа, в которой бы наряду с богословскими предметами шло преподавание и светских наук, в том числе русского языка⁷⁰.

Прежде чем поставить данный проект на обсуждение Государственной думы Совет министров направил его в канцелярию Воронцова-Дашкова с просьбой высказать официальное мнение об этой инициативе. Кавказский наместник выразил готовность заняться разработкой законопроекта об учреждении муфтията «в форме ли особого духовного управления для этой части края или преобразования существующего Закавказского суннитского духовного правления в Кавказское»⁷¹. Однако Совет министров и Министерство внутренних дел признали реализацию данного замысла неприемлемой. По мнению

⁶⁸ ЦИАГ. Ф. 13. Оп. 11. Д. 233. Л. 10.

⁶⁹ Саид Э. Ориентализм. СПб., 2006. Обсуждение вопроса о русском ориентализме см.: Российская империя в зарубежной историографии / Сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М., 2005.

⁷⁰ Потребность подготовки служителей культа из числа местных мусульман осознавалась чиновниками царской администрации с самого начала разработки проектов Положений об управлении закавказским мусульманским духовенством. Для этого были открыты Тифлисские мусульманские училища Омарова и Алиева учений, а в 1879 г. в г. Гори при Закавказской учительской семинарии действовало «татарское отделение»: ГИААР. Ф. 290. Оп. 2. Д. 3209; ЦИАГ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1997.

⁷¹ ЦИАГ. Ф. 13. Оп. 11. Д. 233. Л. 15.

чиновников, он не мог обсуждаться вне государственного решения «общего вопроса об упорядочении высшего управления делами магометан в тех местностях империи, где такового управления в настоящее время не имеется»⁷². В регионе к их числу в то время относились не только Кубанская и Терская области и Ставропольская губерния, но и Черноморская губерния, Дагестанская и Батумская области, а также Закатальский и Сухумский округа. В подробной записке министра внутренних дел председателю Совета министров отдельным пунктом рассматривалась финансовая сторона вопроса. Депутаты не упомянули источник, на который предполагалось отнести расходы по созданию муфтията, открытию духовной семинарии и т.п., из чего можно допустить, что авторы проекта рассчитывали на государственное финансирование. Но, как отметил Н.А. Маклаков, «по общему духу нашего законодательства лишь господствующая Церковь пользуется правом получения от государства средств для удовлетворения своих нужд... в отношении магометанских духовных установлений, стремления правительства были направлены к тому, чтобы производящиеся ныне из казны ассигнования на содержание магометанского духовенства, как представляющие собою известное исключение, отнюдь не были увеличиваемы, а постепенно относимы на специальные источники»⁷³. Кроме того, на волне джадидизма⁷⁴, всколыхнувшего мусульманское общество Российской империи, и усиления пропаганды панисламизма царские чиновники опасались возможной антиправительственной консолидации северокавказских мусульман во главе с духовенством. Решение вопроса о создании духовного управления мусульман Северного Кавказа было отложено на неопределенный срок.

В Закавказье духовные правления мусульман прекратили существование вскоре после Февральской революции 1917 г. Их имущество и часть архивов были перевезены из Тифлиса в Баку, где в 1918–1920 гг. действовало отдельное духовное правление.

⁷² Там же. Л. 19 а.

⁷³ Там же. Л. 19/2 об.

⁷⁴ Джадидизм (Усул ал-джадид) — обновленческое движение в исламе конца XIX — начала XX в., представители которого выступали за модернизацию мусульманской школы и использование последних достижений европейской цивилизации.

Литература

- Арапов, Д.Ю.* Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). [Текст] Москва: МПГУ, 2004. 287 с.
- Бобровников, В.О.* Абреки и государство. Культура насилия на Кавказе [Текст] // Вестник Евразии (Acta Eurasica). 2000. № 1(8). С. 19–46.
- Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. [Текст] СПб.: Гос. тип., 1913. 36 с.
- Городницкий, Р.А.* Учреждения министерства внутренних дел на Кавказе в 1905–1917 гг. [Текст] // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2004. № 3. С. 9–10.
- Записка о пересмотре положения 5-го апреля 1872 г. об управлении Закавказского мусульманского духовенства. [Текст] Тифлис, 1896. 302 с.
- Иваненко, В.Н.* Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества Великого Князя Михаила Николаевича. [Текст] Тифлис, 1901. 525 с.
- Императорская Россия и мусульманский мир [Текст] / Сост. Д.Ю. Арапов. М.: Наталис, 2006. 479 с.
- Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) [Текст] / Сост. Д.Ю. Арапов. М.: Академкнига, 2001. 366 с.
- Исмаил-Заде, Д.И.* Граф И.И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. [Текст] М.: Центрполиграф, 2005. 509 с.
- Исмаил-Заде, Д.И.* И.И. Воронцов-Дашков – администратор, реформатор. [Текст] СПб.: Нестор-История, 2008. 364 с.
- Кавказский календарь на 1886 год. [Текст] Тифлис: Кавказский статистический комитет, 1885. [4], 236, VI, 206 с.
- Кавказский календарь на 1906 г. Первый отдел. [Текст] Тифлис: Закавказский статистический комитет, 1906. 355 с., 453 стб. разд. паг.,
- Карпов, Ю.Ю.* Джигит и волк: Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. [Текст] СПб.: МАЭ РАН, 1996. 311 с.
- Козачковский, В.* Разбои на Кавказе. Очерки. [Текст] Владикавказ: электропечатня С. Казарова, 1913. 140 с.
- Колониальная политика Российского царизма в Азербайджане в 20–60-х гг. XIX в. [Текст] / Ред. И.П. Петрушевский. Ч. II. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1937. 478 с.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. LXV. Кубанская область. [Текст] СПб.: Центральный статистический комитет МВД, 1905. 263 с.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. LXVII. Ставропольская губерния. [Текст] СПб.: Центральный статистический комитет МВД, 1905. 148 с.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. LXVIII. Терская область. [Текст] СПб.: Центральный статистический комитет МВД, 1905. 236 с.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXV. 1905. Отд. I. СПб., 1908. № 26126. [Текст]
- Программа государственных экзаменов для «мусульманского духовенства» Закавказья (1873 г.) (Публикация по архивным материалам, введение и комментарии Д.Ю. Арапова и В.О. Бобровникова) [Текст] // Кавказский сборник. Т. 3(35). М.: Русская панорама, 2006. С. 186–202.
- Российская империя в зарубежной историографии [Текст] / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. 696 с.

- Рыбаков, С.Г.* Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России [Текст] // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост. Д.Ю. Арапов. М.: Академкнига, 2001. С. 269–270.
- Саид, Э.* Ориентализм. [Текст] СПб.: Русский мир, 2006. 637 с.
- Скворцов, О.Ю.* Третейское разбирательство предпринимательских споров в России: проблемы, тенденции, перспективы. [Текст] М.: Волтерс Клувер, 2005. 704 с. (URL: http://www.for-expert.ru/treteiskoe_razbiratelstvo/).
- Усманова, Д.М.* Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной Думе России (1906–1917). [Текст] Казань: Мастер Лайн, 1999. 163 с.
- Crews, R.* For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia. [Текст] Cambridge: Harvard University Press, 2006. 463 p.

Полтина с деревни и с двух сох рубль: к вопросу о размере дани в Орду

В статье показано, что размер годовой дани с Северо-Восточной Руси в Орду в 1380–1400-х гг. с территории, находившейся под властью великих князей московских, составлял 0,05 рубля (10 денег) со двора.

Ключевые слова: Северо-Восточная Русь, Золотая Орда, дань, великий князь Дмитрий Иванович

А.А. Gorsky

POLTINA FROM A VILLAGE AND ONE RUBLE FROM TWO SOKNA: ON THE QUESTION OF THE SIZE OF TRIBES FOR THE HORDE

This article shows that the size of the annual tribute from North-Eastern Russia to the Horde in the 1380–1400 from the territory under the rule of the Grand Princes of Moscow, it was 0.05 rubles (10 money) from the yard.

Key words: North-Eastern Russia, Golden Horde, Tribute, Grand Duke Dmitry Ivanovich

Сведения о размере ордынской дани с одного хозяйства в Северо-Восточной Руси исчерпываются двумя известиями. Первое из них содержится в Троицкой летописи и Рогожском летописце под 1384 г.: «Тое же весны бысть великая дань тяжелая по всему княженью великому, всякому безъ отдатка, со всякие деревни по полтине»¹. Другое находится в послании правителя Орды Едигея великому князю Василию I Дмитриевичу, отправленном во время похода на Москву (конец 1408 г.): «А что еси ималь в свои державъ съ всякого улуса с двою сохъ рубль, и то паки серебро где сядъвает?»². В письме Едигея речь идет о дани, которую Василий оставил себе, но поскольку правитель Орды предъявляет претензии по этому поводу великому князю, можно полагать, что собиралась она с населения в качестве ордынского «выхода».

Размер сборов в обоих известиях оказывается практически идентичен. «Деревней» в XIV в. именовалось, как правило, однодворное поселение³. «Соха» в середине XV в. соответствовала средним воз-

¹ Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 427–428 и примеч. 1; ср.: Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 149.

² ПСРЛ. Т. 42. СПб., 2002. С. 172–173. О подлинности послания Едигея см.: Горский А.А. Москва и Орда. М., 2016. С. 124–127.

³ См.: Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV–XVII веках. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980; История крестьянства СССР. Т. 3 / Сост. В.Т. Анисков,

можностям одного крестьянского двора: «А в соху два коня, а третье припряжь»⁴. Рубль с двух сох, таким образом, означает, что с одного двора взималась полтина — 0,5 руб., как и в 1384 г.

Иногда известия 1384 и 1408 гг. воспринимаются как сообщающие о размере *годовой* дани⁵. Но это явно не так. Дань, собиравшаяся в 1384 г., именуется «великой» и «тяжелой»; взималась она после длительной неуплаты — с 1374 г., когда началось «розмирье» великого князя Дмитрия Ивановича с тогдашним правителем Орды Мамаем⁶. В.А. Кучкин допустил, что в 1384 г. платился двойной «выход»⁷. С.А. Фетищев поддержал это предположение, отметив также, что хозяйства разных волостей могли уплачивать неодинаковые суммы дани. Он обратился к данным грамоты рязанского князя Олега Ивановича Ольгову монастырю (1371), где указано количество семей, проживавших в трех волостях — Заячкове (160), Песочне (300) и Холхале (150), суммы дани с которых названы в духовной грамоте Дмитрия Донского 1389 г. (соответственно 22, 47 и 10 руб.). При расчете получилось, что в Заячкове каждая семья должна была платить 0,137 руб., в Песочне — 0, 156, в Холхале — 0,066 руб.⁸

Но дело в том, что о пожаловании этих территориальных единиц и их населении в грамоте Олега говорится применительно ко времени вскоре после основания монастыря (1219), и связывается их передача монастырю с именами рязанских князей Ингваря, Олега и Юрия, действовавших одновременно в 1220-х — первой половине 1230-х гг.⁹ Во времена Олега Ивановича эти волости уже принадлежали Москве: Песочна — с 1300 г., когда была присоединена Коломна, Заячков — со времени княжения Семена Ивановича (1340–1353), Холхол — не позднее княжения Ивана Ивановича (1353–1359)¹⁰. Соответственно,

М.А. Вулцан, В.В. Кабанов и др. М., 1990. С. 482–483. Само слово «деревня» первоначально обозначало пашню, затем крестьянский двор с земельными угодьями (см.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1964. С. 501–502).

⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 21. С. 39 (грамота Новгорода великому князю Василию II о «черном боре», 1461 г.). О подати «черный бор» и о датировке грамоты см.: *Янин В.Л.* О «черном боре» в Новгороде в XIV–XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983.

⁵ *Капитанов С.М.* Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 44; *Langer L.* Muscovite taxation and the problem of Mongol rule in Rus' // *Russian history*. 2007. Vol. 34. N 1–4. P. 117, 127, p. 136.

⁶ См.: *Горский А.А.* Москва и Орда. С. 81–108.

⁷ *Кучкин В.А.* Последнее завешание Дмитрия Донского // *Средневековая Русь*. Вып. 3. М., 2001. С. 168, примеч. 194.

⁸ *Фетищев С.А.* «Дань великая тяжкая...» // *Русское средневековье: Сборник статей в честь профессора Ю.Г. Алексеева*. М., 2012. С. 275–279.

⁹ *Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV — начала XVI в.* Т. 3. М., 1964. № 322. С. 351.

¹⁰ См. о локализации этих волостей: *Дедук А.В.* Погосты рязанского Ольгова монастыря XIII–XIV в. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2015. № 1(59).

в 1380-х гг., через полтора века, количество семей в них было иным, и подсчеты здесь неправомерны.

Кроме того, из договора великого князя Дмитрия Ивановича со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем Серпуховским 1389 г. известен общий размер дани с их владений — 5 тыс. рублей¹¹. Если полтина со двора была годовой данью, то количество податных дворов составит 10 тыс., если двухгодичной — 20 тыс. Между тем под властью московских князей находилось в совокупности более половины территории и населения Северо-Восточной Руси — Московское княжество и великое Владимирское (включавшее Переяславль, Кострому, Юрьев, Галич, Белоозеро). Цифры в 10 или 20 тыс. податных дворов для столь обширных владений явно невероятны.

Имеется возможность расчета размера обложения на основе известий о «тьмах» — наиболее крупных единицах десятичного деления податного населения, установленных монгольскими переписями второй половины XIII в.¹² и включавших 10 тыс. податных единиц¹³. Одно из таких сообщений — летописное, относится оно к событиям 1360 г. Тогда хан Орды Навруз дал князю Андрею Константиновичу Нижегородскому «княжение великое 15 темь»¹⁴. На великое княжение Владимирское из 5 тыс. рублей годовой дани должно было приходиться около 3750, поскольку примерно 1250 рублей платилось с собственно Московского княжества¹⁵. Следовательно, с каждой «тьмы» платилось в среднем около 250 рублей, т. е. одна податная единица (1/10 000 тьмы)

С. 26–36. В грамоте Олега оговаривается, что люди, переселившиеся из них во владения рязанского князя, платят повинности не ему, а монастырю (см.: Горский А.А. Московские «примыслы» конца XIII–XV вв. вне Северо-Восточной Руси // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004. С. 129–130, примеч. 89).

¹¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (далее — ДДГ). М.; Л., 1950. № 11. С. 31.

¹² В Северо-Восточной Руси источниками зафиксированы две переписи — зимы 1257–1258 гг. и середины 1270-х гг. (ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 474–475; Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. СПб., 1915. С. 243).

¹³ Деление на «тумены» (в русской передаче — «тьмы») восходило к делению монгольского войска («тумен» — десятитысячный корпус). Оно было принято в разных регионах, на которые распространилась власть монголов (см.: Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб., 2002. С. 294; *Dashdondog B. The Mongols and the Armenians (1220–1335)*. Leiden; Boston, 2011. P. 102). В приложении к оседлым народам тумены-«тьмы» приобретали характер территориальных округов.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 68.

¹⁵ ДДГ. № 11. С. 31; № 12. С. 35–36 (духовная грамота Дмитрия Донского, 1389 г.). Из сложения 320 руб. дани с удела Владимира Андреевича и 960 руб. с остальной территории Московского княжества получается цифра 1 280, но дань в 111 руб. с удела сына Дмитрия Донского Петра включала выплаты с волостей бывшего Дмитровского княжества, которое в 1360 г. должно было считаться частью великого княжения.

должна была выплачивать 0,025 рубля, что в пересчете на монеты равнялось пяти «денгам»¹⁶.

Можно было бы усомниться в связи обложения данью в конце XIV в. с делением на «тьмы», если бы не существовало еще одного известия о количестве «тем», которое можно соотнести с общим размером «выхода». Оно содержится в актовом источнике — проекте договора 1445 г. нижегородско-суздальских князей Василия и Федора Юрьевичей с Дмитрием Юрьевичем Шемякой, оказавшимся на месте великого князя Василия II Васильевича в результате его пленения ханом Улуг-Мухаммедом. В докончании сказано: «А въ прадѣдину нашу, и в дѣдину, и въ отчину, в Суздаль, в Новгород, в Городец, и въ Вятку, и во всю пятетем Новѣгородскую, тебе, господину нашему, князю Дмитрию Юрьевичю, и твоему сыну, князю Ивану, не вступатися ничим»¹⁷. «Выход» с Нижегородско-Суздальского княжества, перешедшего в 1392 г. под власть московских великих князей¹⁸, в начале XV в. составлял, согласно договору Василия I Дмитриевича с Владимиром Андреевичем Серпуховским и духовной грамоте Владимира Андреевича, 1500 руб.¹⁹ Следовательно, в расчете на тьму в составе Нижегородско-Суздальского княжества приходится 300 руб., а на одну податную единицу — 0,03 руб. Эта цифра того же порядка, что 0,025. Таким образом, связь деления на тьмы с размерами дани следует признать реальной. Объяснима и разница цифр — превышение в 20 % (в монетном выражении — 6 денег вместо 5). Скорее всего, такое увеличение размера выплат было условием передачи Нижегородско-Суздальского княжества под власть Василия Дмитриевича ханом Тохтамышем в 1392 г.: общая сумма «выхода» с него возрасла на 250 руб. (с 1 250 до 1 500).

Если сопоставить цифру 0,025 рубля с фигурирующими в известиях 1384 и 1408 гг., то она оказывается меньше в 20 раз. Долг по дани к 1384 г. накопился за 10 лет — с 1374 г., когда начался конфликт Дмитрия Ивановича с Мамаем. Скорее всего, полтина с деревни-двора бы-

¹⁶ О московских монетах и монетном счете этого времени см.: *Федоров-Давыдов Г.А.* Монеты Московской Руси. М., 1981; *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009. С. 277–280; *Кучкин В.А.* Рубль, полтина и другие фракции рубля по свидетельствам русских документов XIV — первой трети XVI в. // *Историк в России: между прошлым и будущим.* М., 2012. Московская «денга» (мелкая серебряная монета, выпуск которой начался при Дмитрии Донском) имела в конце XIV — начале XV в. вес около 0,9 г и составляла 1/200 руб.

¹⁷ ДДГ. № 40. С. 119.

¹⁸ См.: *Горский А.А.* От земель к великим княжениям: «примыслы» русских князей второй половины XIII–XV вв. М., 2010. С. 46–71. В 1445 г. имела место последняя попытка местных князей восстановить с ордынской помощью самостоятельность Нижегородско-Суздальского княжества.

¹⁹ ДДГ. № 16. С. 44; № 17. С. 49.

ла данью за 10 лет из расчета двух в среднем работников на двор²⁰: $0,025 \times 2 \times 10 = 0,5$, т. е. податной единицей в Северо-Восточной Руси считался взрослый мужчина²¹. В 1408 г. речь могла идти тоже о десятилетнем долге. Едигей возглавил Орду при номинальном хане Тимур-Кутлуге в 1398 г., а закреплена была их власть в 1399 г. после победы в битве на Ворскле над великим князем литовским Витовтом и поддерживаемым им ханом Тохтамышем²². В своем послании Едигей упрекал Василия Дмитриевича в неуплате дани именно со времен царствования Тимур-Кутлуга²³. В 1405 г. в Москву приезжал посол из Орды — «казначей царевь»²⁴. По-видимому, тогда была обещана выплата выхода (так как ордынские войска помогали Василию I в военных действиях против Витовта в 1406–1408 гг.). К 1408 гг. десятилетнюю дань (за период 1398–1407 или 1399–1408 гг.) собрали, но Василий не спешил ее выплачивать.

Таким образом, имеющиеся данные позволяют полагать, что годовая дань в Орду в 1380–1400-х гг. с территории, находившейся под властью великих князей московских, предполагалась в размере 0,025 руб. (5 денег) с взрослого мужчины и соответственно 0,05 руб. (10 денег) с двора²⁵. Это означает, что великокняжеская власть исхо-

²⁰ По данным писцовых книг конца XV — начала XVI в. на двор приходилось в среднем около 1,5 взрослых женатых мужчин (см.: *Степанова Л.Г.* Демографические характеристики крестьянского двора в XV–XVI вв. Образы аграрной России IX–XVIII вв. Памяти Н.А. Горской. М., 2013). При учете того, что работниками нередко могли являться и подростки, но еще неженатые сыновья дворовладельца, среднее число работоспособных мужчин во дворе должно было быть как раз около двух.

²¹ Монгольские завоеватели использовали при переписи три варианта обложения: всего мужского населения (в Киевской земле в середине 1240-х гг., в Великой Армении в 1314 г.), мужчин работоспособного возраста (в Великой Армении в 1254 г.) и дворов-хозяйств (в Китае, в Великом Новгороде в 1259 г.) (см.: *Бабаян Л.О.* Социально-экономическая и политическая история Армении в XIII–XIV веков. М., 1969. С. 239–240, 256–257; *Allsen T.* Mongol imperialism: The policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and Islamic lands, 1251–1259. Berkeley, 1987. P. 119, 125–130; *Dashdondog B.* Op. cit. P. 108, 110, 208; *Горский А.А.* Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // Исторический вестник. Т. 10 (157): Монгольские завоевания и Русь. М., 2014. С. 64–74). В Северо-Восточной Руси, по-видимому, был реализован второй вариант.

²² См.: *Почекаев Р.Ю.* Цари ордынские: Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб., 2010. С. 187.

²³ ПСРЛ. Т. 42. С. 172–173.

²⁴ *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. С. 459 и примеч. 1.

²⁵ Имеющиеся данные о выплатах дани московским князьям с новгородских волостей дают цифры, сопоставимые с полтиной от двора/сохи за 10 лет. Грамота 1461 г. о предоставлении Новгородом великому князю Василию Васильевичу «черного бора» (дани, прежде предназначавшейся для Орды и взимавшейся раз в несколько лет) с новоторжских волостей говорит о сборе «съ сохи по гривнѣ по новою» (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 21. С. 39). Новгородская «новая гривна» середины XV в. — 0,2 новгородского рубля (близкого по весу московскому конца XIV в.) (см.: *Янин В.Л.* Денежно-весовые

дила из примерного числа на территории великого Владимирского и Московского княжеств («выход» с которых составлял 5 тыс. рублей в год) в 100 тыс. податных дворов, что соответствует не менее чем полумиллиону податного населения.

Литература

- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV – начала XVI в. [Текст]. Т. 3 / Сост. И.А. Голубцов. М., Изд-во АН СССР, 1964. 686, [2] с
- Бабаян, Л.О.* Социально-экономическая и политическая история Армении в XIII–XIV веков [Текст]. М.: Наука, 1969. 336 с.
- Горский, А.А.* Московские «примыслы» конца XIII–XV вв. вне Северо-Восточной Руси [Текст] // Средневековая Русь. Вып. 5. М.: Индрик, 2004. С. 129–130.
- Горский, А.А.* Москва и Орда [Текст]. М.: Наука, 2016. 212, [2] с
- Горский, А.А.* От земель к великим княжениям: «примыслы» русских князей второй половины XIII–XV в.» [Текст]. М.: Индрик. 2010. 176 с.
- Горский, А.А.* Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности [Текст] // Исторический вестник. Т. 10 (157): Монгольские завоевания и Русь. М., 2014. С. 64–74.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова [Текст] / Под. ред. С.Н. Валка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 408 с.
- Дегтярев, А.Я.* Русская деревня в XV–XVII веках. Очерки истории сельского расселения [Текст]. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. 176 с.
- Дедук, А.В.* Погосты рязанского Ольгова монастыря XIII–XIV в. [Текст] // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 1 (59). С. 26–36.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. [Текст] М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 585, [1] с.
- История крестьянства СССР [Текст]. Т. 3. М.: Наука, 1990. 615 с.
- Каитанов, С.М.* Финансы средневековой Руси [Текст]. М.: Наука, 1988. 246, [2] с.
- Кучкин, В.А.* Последнее завещание Дмитрия Донского [Текст] // Средневековая Русь. Вып. 3. М.: Индрик, 2001. С. 106–183.
- Кучкин, В.А.* Рубль, полтина и другие фракции рубля по свидетельствам русских документов XIV – первой трети XVI в. [Текст] // Историк в России: между прошлым и будущим. М.: РГГУ, 2012. С. 295–307.
- Насонов, А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Монголы и Русь [Текст]. СПб.: Наука, 2002. 416 с.
- Почекдаев, Р.Ю.* Цари ордынские: Биографии ханов и правителей Золотой Орды [Текст]. СПб.: Евразия, 2010. 453, [1] с
- Прииселков, М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста [Текст]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 515 с.
- Полное собрание русских летописей [Текст]. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1997. 738 с.; Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. М.: Языки русской культуры, 2000. 688 с.; Т. 15. Вып. 1. Т. 15. М.: Наука, 1965. 504 с.; Т. 25. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 464 с.; Т. 42. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 224 с.

системы... С. 277–282, 346–347). В 1478 г. новгородцы договорились с Иваном III о ежегодной выплате «сы сохи по полугривнѣ по 7 денег» (ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 319–320); полугривна или 7 денег равны 0,032 новгородского рубля (см.: *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы... С. 298).

- Степанова, Л.Г.* Демографические характеристики крестьянского двора в XV–XVI вв. [Текст] // *Образы аграрной России IX–XVIII вв. Памяти Н.А. Горской.* М.: Индрик, 2013. С. 121–131.
- Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка [Текст]. Т. 1. М.: Прогресс, 1964. 564 с.
- Федоров-Давыдов, Г.А.* Монеты Московской Руси [Текст]. М.: Изд-во Московского университета, 1981. 223 с.
- Фетищев, С.А.* «Дань великая тяжкая...» [Текст] // *Русское средневековье: Сборник статей в честь профессора Ю.Г. Алексева.* М.: Древлехранилище, 2012. С. 275–279.
- Янин, В.Л.* О «черном боре» в Новгороде в XIV–XV вв. [Текст] // *Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины.* М.: Изд-во МГУ, 1983. 312 с.
- Янин, В.Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода [Текст]. М.: Языки славянских культур, 2009. 414 с.
- Allsen, T.* Mongol imperialism: The policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and Islamic lands, 1251–1259 [Текст]. Berkeley, 1987.
- Dashdondog, B.* The Mongols and the Armenians (1220–1335) [Текст]. Leiden; Boston, 2011. 288 p.
- Langer, L.* Muscovite taxation and the problem of Mongol rule in Rus' [Текст] // *Russian history.* 2007. Vol. 34. N 1–4. P. 101–129.

Коши крымских чабанов в причерноморской степи XVI–XIX вв.: черты мужского союза

В данной статье на основе широкого сравнительно-исторического материала показано наличие в чабанских кошах Северного Причерноморья XVI–XIX вв. типологических черт поздних дериватов института мужского союза, выделенных немецким этнографом Г. Шурцем.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Крымское ханство, Запорожская Сечь, крымские чабаны

V.V. Gribovsky

KOSHES OF CRIMEAN SHEPHERDS IN THE BLACK SEA STEPPE IN THE 16th – 19th CENTURIES: FEATURES OF THE MEN'S UNION

This article, based on a wide comparative historical material, shows the presence in the shepherd koshes of the Northern Black Sea coast of the sixteenth nineteenth centuries of typological features of the late derivatives of the men's union institute, highlighted by the German ethnographer G. Schurtz.

Key words: Northern Black Sea Coast, Crimean Khanate, Zaporizhzhya Sich, Crimean shepherds

В литературе по истории Северного Причерноморья XVI–XVIII вв. установилось представление о четком разделении хозяйственно-культурных типов в данном регионе: в степях за пределами Крыма – кочевничество, в Крыму – оседлое скотоводство и земледелие. В частности, В.Е. Сыроечковский писал: «Приток ногаев несомненно сказался... в истории хозяйственного развития Крыма. В то время, когда на полуострове происходил сдвиг в сторону развития оседлого земледелия, ногаи снова приносили с собою скотоводство и старые приемы кочевого земледелия. Разница в хозяйстве и основах быта двух половин... Крымского ханства, по сю и по ту сторону Перекопа, становилась резче. Она продержалась до второй половины XIX в.: для северной половины оставалось типичным скотоводство, для южной – земледелие и садоводство.... В середине прошлого века крымца-земледельца и садовода называли татаринном, а заперекопского скотовода – ногаем»¹.

Приведенная характеристика не вызывает принципиальных возражений по поводу передачи основных черт этнической и экономической ситуации в регионе, однако не может считаться исчерпываю-

¹ Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки Московского ордена Ленина Государственного университета им. М.В. Ломоносова. Вып. 61. История. Т. 2. М., 1940. С. 61.

шей. Прежде всего, в ней не учтено сезонное нахождение оседлых жителей Крымского полуострова к северу от Перекопа, прослеживаемое по источникам XVI–XVIII вв. На всем пространстве Причерноморской степи в указанный период фиксируются хозяйственные объекты, не имеющие отношения к кочевникам-ногайцам. Специфика этих объектов не укладывается в рамки традиционных представлений об оседлости и кочевании. На их существование обратил внимание турецкий историк Галиль Иналджик: «Дабы увеличить производство зерновых и удовлетворить рыночный спрос, аристократия Крымского ханства устраивала в степной зоне колонии сельскохозяйственных рабочих из числа русских пленных»². Использование труда рабов-ясырей в подобных «колониях», как и выращивание в них хлеба для продажи фиксируют источники XVII в., в частности записи Жана де Люка (1625)³. Впрочем, нет достаточных оснований определять эти объекты как «колонии сельскохозяйственных рабочих» и делать выводы об их рыночной направленности, поскольку очаги земледелия к северу от Перекопа до середины XVIII в. были крайне незначительными, как незначительной была и их связь с черноморским рынком.

Французский исследователь Ж. Вайнштейн, анализируя османскую документацию XVI в. о санджаке Аккерман (Северо-Западное Причерноморье, Буджак), отметил, что тимарная система здесь не сложилась, но существовали своеобразные села и чифтлики. В *каза* Джанкермен (фискальный округ в нижнем течении Днепра) в 1570 г. при одноименной крепости не было сел и чифтликов, а только отары овец. В Буджаке отмечены отдельные чифтлики, но их редко передавали в наследство, особенно женщинам. Зато здесь было много «зимовников» (*kışlak*), принадлежащих отдельным лицам, как, например, *Ya'kub kışlası* – зимовник Якуба. Различение чифтлика и других владений, имевшее в центральных районах Османской империи достаточное правовое основание, в Буджаке не было четким. Здесь чифтликами владели не только мусульмане, находящиеся на государственной службе, но и христиане. Замечено большое количество совместных владений (от 2 до 5 человек), не передаваемых в наследство; все они облагались налогом. Большинство «владельцы» были людьми без статуса и обязанностей перед государством; сипахов и янычар – единицы. Отмечено множество бессемейных мужчин –

² *Иналджик Г.* Османська імперія. Класична доба. 1300–1600 / Пер. з англ. О. Галенко. Київ, 1998. С. 143.

³ Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, менгрелов и грузин Жана де Люка // Записки Одесского общества истории и древностей (далее – ЗООИД). Т. 11. Одесса, 1879. С. 477.

около 50% мусульман и христиан от всего населения⁴. Все это разительно отличалось от того, с чем привыкла иметь дело османская администрация во внутренних районах своего государства. Отмечая специфичность местных чифтликеров и порядка их наследования, исследователь заключил, что документальное признание их было обусловлено скорее мотивом поощрения «колонизации» с фискальной целью, чем стремлением блюсти юридический порядок⁵.

Важно иметь в виду, что в первой половине XVI в. Северо-Западное Причерноморье оставалось спорной территорией. В последней трети XV в. Великое княжество Литовское утратило свои порты на Черном море – Кочубей (современная Одесса) и Дашев (Очаков), захваченные Османской империей и Крымским ханством, и на протяжении более ста лет безуспешно требовало их возвращения⁶. По этой причине границы Польско-Литовского государства и Крымского ханства долгое время не были определены. Пограничная администрация Великого княжества Литовского время от времени пыталась контролировать эксплуатацию степных ресурсов в Буго-Днепровском междуречье. Так, в октябре 1553 г. литовскому чиновнику Венцлаву Миколаевичу было поручено переписать и обложить налогом владельцев стад, выпасаемых турецко-крымскими подданными в низовьях Днепра⁷. Однако ни Польско-Литовское государство, ни Османская империя, ни Крымское ханство не располагали материальными и организационными возможностями для создания в малолюдной степи административного аппарата. Северо-Западное Причерноморье оставалось «Диким Полем» – степью, не контролируемой сопредельными государствами.

В Буджаке и Очаковской степи представители османской власти безуспешно пытались наладить учет поголовья и устанавливать налоги, поскольку этому препятствовали северные соседи. Летом 1538 г. султан Сулейман Кануни выдвинул претензию польскому королю Сигизмунду I за нападение его подданных, жителей Брацлавщины (восточное Подолье), на *овчарские коши* недалеко от Очакова, убийство *писаря овчарского* и отобрание у него 60 тыс. аспров⁸ – вероятно, собранных им налогов. Похожие случаи упомянуты в султанском

⁴ *Veinstein G.* Les «çiftlik» de colonisation dans les steppes de nord de la mer Noire au XVIe siècle // *Istanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası.* 1985. № 1–4(41). P. 182–184, 189–200.

⁵ *Ibid.* P. 198.

⁶ *Kołodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden; Boston, 2011. С. 450, 505–506.

⁷ *Михалон Литвин.* О нравах татар, литовцев и москвитян / Пер. В.И. Матузовой; отв. ред. А.Л. Хорошкевич. М., 1994. С. 22.

⁸ *Акти // Жерела до історії України-Руси, видає Археографічна комісія Наукового товариства ім. Шевченка.* Т. 8. Львів, 1908. С. 5.

письме, датированном августом 1563 г., где отмечено нападение подданных королевства Польского на «кошары или становища (koszary albo stanowiska), расположенные на полях белгородских», т.е. буджацких; тогда также не обошлось без учинения насилия овчарам. Что примечательно, нападающие убивали овец и ягнят только ради шкур, туши беловали на месте. Сторожа тех отар и уполномоченные для сбора податей («stróźowie u około podatkw tamtych chodzący») жаловались султану, что хозяева вывели свои отары, забросив зимовники и пастбища («zimowiska u mieysca pastwiskom sposobne»)⁹.

Подобные нападения стали характерной чертой деятельности украинских казаков. Хронист Мартин Бельский в конце XVI в. писал: «Не бывало их ранее так много, но уже сейчас их собирается по несколько тысяч»; татарами и турками они «вред немалый причиняют... и в полях немалую добычу берут, поэтому уже не решаются турки и татары так далеко в полях овец и скот вблизи них пасти, как раньше пасли, по обеим сторонам Днепра на двести миль»¹⁰. Сезон активности украинских казаков длился с весны до осени. К лету они собирались ниже порогов Днепра для рыбной ловли, охоты, «лупления татарских чабанов», а на зиму расходились в ближайшие города: Киев, Черкассы, Канев, Брацлав, Белую Церковь и другие; «а свои челны прячут где-то в надежном месте, на днепровском острове. Оставляют там же и несколько сотен душ на курене, как они говорят, “при стрельбе”»¹¹. С отходом казаков низовья Днепра занимали «татары». «Насколько наш Борисфен (Днепр. — В.Г.) опасен для перекопских [татар] летом, настолько удобен зимой, ибо, когда прекращается судходство, они спокойно пасут свои стада за рвом (Перекопским перешейком. — В.Г.) на островах и в ивниках (днепровских плавнях. — В.Г.) этой реки», — писал один очевидец в середине XVI в.¹² Зимнее пребывание «татар» на Днепре и опасность, которую представляли для них казаки летом, отметил и другой современник¹³.

Сезонное присутствие украинских казаков заметно влияло на расселение тюркоязычного населения региона, особенно ногайцев, в значительной массе мигрировавших сюда в XVII–XVIII вв.¹⁴ Впрочем, набеговые практики подданных Крымского ханства и Осман-

⁹ Там же. С. 34.

¹⁰ Kronika Marcina Bielskiego. T. 3 (Księga 6 wraz z kontynuacją). Sanok, 1856. S. 1358.

¹¹ Гваньїні О. Хроніка європейської Сарматії / Упор. та пер. з польськ. о. Юрія Мищика. 2-ге вид., доопрац. Київ, 2009. С. 428.

¹² Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. С. 22, 99.

¹³ Броневский М. Описание Крыма (Tartariae Descriptio) // ЗООИД. Т. 6. Одесса, 1867. С. 338.

¹⁴ Грибовский В.В. Миграции ногайцев с Северного Прикаспия в Северное Причерноморье в первой трети XVIII в. // Астраханские краеведческие чтения. Сборник статей / Под ред. А.А. Курапова. Вып. 5. Астрахань, 2013. С. 363–371.

ской империи, охватывавшие юго-восточные и даже центральные воеводства Речи Посполитой, вплоть до Перемышльской земли¹⁵, приводили к куда более значительным демографическим последствиям. Не следует объяснять эти нападения одними лишь свойствами кочевого образа жизни абстрактных «татар». Источники фиксируют и некоевников, производивших набеги. Подобный случай отражен в переписке султана Сулеймана и короля Сигизмунда 1540 г.: король предъявлял претензию на «жителей Аккермана и Килии», которые перегоняют своих овец в пределы Польско-Литовского государства, соединяются «со многими злодеями» и наносят большой вред приграничным селениям¹⁶.

Неопределенная и опасная граница, диспропорция полов, узость семейного пространства, неустойчивость частной собственности и наследственных прав, складчина, трудность документальной фиксации местных обычаев, связей и отношений, минимум условий для поддержания рангов, привнесенных государством, — эти черты были характерны как для пограничных районов Польско-Литовского государства, где формировалось украинское казачество, так и для османского Буджака и степных владений Крымского ханства. Но у кочевавших там же ногайцев не была замечена диспропорция полов: это были обычные кочевые коллективы, утилизировавшие ресурсы степи иначе, чем «владельцы кишлаков».

Итак, «зимовниками», охарактеризованными Вайнштейном, «владели» и мусульмане, и христиане, иногда совместно; эти объекты не были местами зимнего нахождения кочевых групп, поскольку принадлежали не им, а конкретным лицам, живущим оседло, в городах или посадах при крепостях. Вероятно, эти «кишлаки» в большинстве представляли собой овечьи загоны или кошары, находящиеся под присмотром чабанов, или рыбные станы, места заготовки соли, обработки шкур и т.п. В 1699 г. упомянуты «чифтлики ногайских татар», расположенные на молдавских землях и в «султанских кишлаках»¹⁷. Здесь, вероятно, речь идет о тех же «зимовниках», которыми персонально «владел» кто-то из буджацких ногайцев, но которые не были зимовищами кочевников.

«Села» с мусульманскими семьями в окрестностях Аккермана представляли собой рассеянные и сезонно используемые жилища. Похожая ситуация засвидетельствована в 1630-е гг. у «астраханских

¹⁵ В этой связи отметим монографию Анджея Гливы: *Gliwa A. Kraina upartych niepogód. Zniszczenia wojenne na obszarze ziemi przemyskiej w XVII wieku*. Przemyśl, 2013.

¹⁶ *Documente turcești privind istoria României*. Vol. I. Întocmit de Mustafa A. Mehmed. Bukurești, 1976. P. 31.

¹⁷ *Tahsin G. Relațiile țârilor Române cu Poarta Otomană în documente turcești (1601–1712)*. București, 1984. P. 449.

татар», проводивших зиму возле Астрахани «на известных местах, которые они могут обносить только плетнями», а с наступлением весны — кочевавших¹⁸. Или, как отмечено позднее, — строивших «жалкие хижины» в окрестностях Астрахани¹⁹. Нужно иметь в виду, что ногайцы, мигрировавшие в Буджак во второй половине XVI — первой трети XVII в.²⁰, подвергались насильственной седентаризации и во второй половине XVII в. жили в постоянных селениях²¹. В начале XVIII в. замечено, что они «избы имеют мазанки..., и те самые малые»; «за пашнею ходят немногие»²², многие же заняты скотоводством, впрочем, не совсем кочевым. По всей видимости, в буджакских «селах» того времени постоянно проживали женщины, старики и дети, а основная часть взрослого мужского населения находилась в движении: была занята сезонными промыслами, набегами или участвовала в военных походах. У приазовских ногайцев, принужденных российским правительством к оседлости в начале XIX в., в селениях постоянно находились женщины и дети, а мужчины с мальчиками-подростками весну, лето и осень проводили в степи, занятые выпасом табунов, стад и отар, и только на зиму приходили к своим семьям²³. Впрочем, пребывание женщин и детей в семейных юртах и более или менее продолжительное нахождение мужчин в отдалении от своих семейств были нормой для многих кочевников²⁴. Но вынужденная полуоседлость и половозрастное разделение труда у номадов не имеют прямого отношения к анализируемому явлению. Его предварительные характеристики можно свести к следующему: отгонное скотоводство, владельцы отар, стад и табунов живут оседло, в отдалении от мест выпаса, пастухи и чабаны представляют собой мужские группы, которые возникают на определенный период и имеют изменчивый состав, включают в себя лиц разного происхождения, ведущих бессемейную жизнь или находящихся в длительном отрыве от своих семей.

Отмеченные черты хорошо прослеживаются по источникам XVIII в., прежде всего — документации Архива Коша Новой Запо-

¹⁸ *Олеарий А.* Извлечение из описания путешествия (1636–1638) // Астраханский сборник. Вып. 1. Астрахань, 1896. С. 78.

¹⁹ *Стрюйс И.* Извлечение из описания путешествия (1669–1670 гг.) // Астраханский сборник. Вып. 1. С. 108.

²⁰ *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. Казань, 2016. С. 441–444.

²¹ *Челеби Э.* Книга путешествия. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века. Вып. 1. М., 1961. С. 195.

²² Описание дорог от Киева до Царьграда, сочиненное в 1714 г. // Академические известия. Ч. 7. Месяц март. СПб., 1781. С. 333.

²³ *Schlatter D.* Bruchstücke aus einigen Reisen nach dem südlichen Russland, in den Jahren 1822 bis 1828. Mit besonderer Rücksicht auf die Nogayen-Tataren am Asowschen Meere. St. Gallen, 1830. S. 237.

²⁴ *Житецкий И.А.* Астраханские калмыки (наблюдение и заметки). В двух очерках. Астрахань, 1892. С. 69–70, 83–84.

рожской Сечи (1735–1775). Здесь содержится много упоминаний «чабанских кошей», «овчарских хуторов», «овчарских зимовников», «овчарен», «скотских кошей», «конских табунов», «деревень» и прочих объектов, расположенных в степи и не принадлежавших кочевникам-ногайцам. Среди их «владельцев», атаманов и чабанов/пастухов указаны «татары» (присутствие ногайцев среди них вполне вероятно), а также турки, армяне, крымские греки, сербы, грузины и «черкесы», жившие в Перекопе, Гезлеве (современная Евпатория, Крым), Бахчисарае, Карасубазаре (современный Белогорск, Крым), Очакове и других причерноморских городах²⁵. Анализируемые источники представляют собой присланные разными должностными лицами Крымского ханства в Запорожскую Сечь документы, переведенные на язык русского делопроизводства переводчиками, состоящими в штате Коллегии иностранных дел Российской империи. Поэтому представленная в данных текстах терминология лишь частично отражает бытовавшие в регионе понятия и обозначаемые ими явления.

Приведем примеры «владельцев» табунов, стад и отар: «мурза Гелды», житель г. Карасубазар, принадлежавших ему овец и крупный рогатый скот в 1757 г. чабаны пасли в днепровских плавнях (Великий Луг) возле о. Томаковка²⁶; житель Карасубазара армянин Гайвас, его отары в 1756 г. находились у р. Кара-Чокрак (левый приток Днепра в районе плавней); поблизости в том же году замечены овцы жителя села Бурулча Еникой (возле Карасубазара) «татарина Хояран Гелдиша»; «хутор Салих Байрактара», вероятно, жителя Перекопа, находившийся в урочище Тузлук, недалеко от Кизи-Кермена (возле современного г. Берислав, Херсонская обл., Украина), где в том же году замечен выпас волов; «хутор» бывшего перекопского каймакана Абдул Фетаг-аги и, вероятно, перекопского жителя Мевлуд-бая в Аталыковой долине (к северу от Кизи-Кермена)²⁷. В том же году указан «курень против Ташлыка»²⁸, в его составе упомянуты: «хутор муедина» (муэдзина), где отмечены лошади, «хутор Девлет-бая» с волами и лошадьми, «хутор сердарськова сына», «хутор Нуръл Алах»; недалеко от р. Кальмиус замечены «при морских берегах стоящие кошы Сейд

²⁵ Андриевский А. Материалы по истории Запорожья и пограничных отношений // ЗООИД. Т. 17. Одесса, 1894. С. 450. Эварницкий Д.И. Сборник материалов по истории запорожских козаков. СПб., 1888. С. 18, 22, 26, 28; Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734–1775. Т. 2. Київ, 2000. С. 325.

²⁶ Центральный государственный архив Украины в г. Киев (далее – ЦГИАК). Ф. 229. Оп. 1. Д. 44. Л. 1-а, 2, 21.

²⁷ Там же. Д. 30. Л. 7, 17.

²⁸ Местность «против Ташлыка» можно локализовать в районе р. Каменка – правого притока нижнего течения Днепра, на его левом берегу, недалеко от Кизи-Кермена.

Аллах Велия»²⁹. В 1755 г. упомянут «кош жителя перекопского Асана Шелеби» у Великого Луга; там же находились коши «кафинского жителя Каллуса», вероятно, крымского грека, и некоего Гиоруб-аги, у которых замечены коровы и волы³⁰. Из приведенного видно, что большинство «владельцев» составляли лица с мусульманскими и тюркскими именами, в единичных случаях — армянские и греческие скотопромышленники и купцы.

Место жительства «владельцев» не всегда представлено в документации, но из ее содержания понятно, что они не занимались выпасом своего скота и находились в значительном отдалении от него. О ранге, чине и роде занятий этих лиц говорят наименования: байрактар, муэдзин, сердар, каймакан, челеби, а также бай — богатч, не относящийся к родовой или служебной знати. Изложенные примеры показывают тесную связь власти и собственности: власть как условие аккумуляции собственности и собственности как возможность осуществления власти. Однако в степи, где отсутствовали основания для создания стабильной административной сети, власть и собственность нуждались в существенном дополнении архаическими формами социальной организации. Их представляли *атаманы*, возглавлявшие группы, которые занимались разными сезонными промыслами. В документации Запорожской Сечи специализация этих сезонных групп отражена в следующих понятиях: *кош*, когда речь шла о выпасе отар овец чабанами, *хутор* подразумевал разведение волов и коров пастухами, в *конских табунах* пасли коней, а в *деревнях* занимались земледелием. Впрочем, эта специализация во многом была условной, поскольку при овечьих отарах замечены стада крупного рогатого скота и некоторое количество лошадей³¹, а «кош» является более широким понятием, нежели простое обозначение хозяйственного объекта.

Обратимся к упоминаниям атаманов. Первое, что бросается в глаза, — они имели мусульманские, тюркские и христианские имена. К носителям мусульманских имен относятся «кримской чабанской атаман карасевский житель³², именем Девлет с товарищи» и «кримских чабанов атаманы, именем Юнус и Алиша», отмеченные в 1757 г.³³, а также «атаман Сепле», житель г. Акмечеть, упомянутый двумя годами ранее³⁴. Атаман Девлет представлен как «человек тамошнего карасевского мурзы Гелды»; он возглавлял «осмнадцати кримских чабанов кош», т.е. довольно крупную группу. В январе 1757 г. его чабаны пасли овец в Великом Луге возле устья Конки.

²⁹ ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 30. Л. 19, 157.

³⁰ Там же. Л. 46, 84, 85 об.

³¹ Там же. Д. 45. Л. 5 об.

³² Житель г. Карасубазар.

³³ ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 45. Л. 4, 5 об.

³⁴ Там же. Д. 30. Л. 46.

У них было снаряжение и оружие: «базавлуча ценою в 8 р[уб.] и 70 к[оп.], донская рушница в 4 р[уб.] и 50 к[оп.], спис з ратищем – в рубель». Атаман Девлет подал в Сечь жалобу на грабеж его чабанов запорожцами, требовал наказания виновных и возмещения убытков³⁵. Христианское имя и прозвище с этнической окраской имел «житель бакцысарайский³⁶ Петр Сербин, который находится над отарами в Мамаисурки³⁷ «чабанским атаманом» в 1758 г.³⁸

Примечателен чабанский атаман Сефер³⁹, который в январе 1756 г. о себе показал, что он грузин («гуржий»), уроженец Тифлиса, подростком был уведен и продан туркам, пробыл в ясырях десять лет, получил свободу за десять лет до момента свидетельства, «а находится ныне кибиткою з отарою хазяина его, карасовского жителя Гайваса, арменина, в Крымской области, в Кара-Чакраке для пастбы». Упоминаны «товарищи его, тамо над отарами находящиеся..., житель ведомства крымского села Аркин Кара-Куба⁴⁰ Кирик Отаг, а хозяин его житель борулчаский⁴¹ татарин Хояран Гелдиш». К той же группе принадлежали жители Карасубазара армяне «Кулатай да Палали»⁴². Сефер, вероятно, принял ислам накануне своего освобождения из ясырей и получил новое имя (или прозвище) по названию мусульманского месяца Сафара. 14 июня 1756 г., после полугодового пребывания под арестом в пушкарне⁴³ Запорожской Сечи по обвинению в краже коней, он открыл свое христианское имя – Георгий («Иоргий»), признал вину, согласился с правомěrностью отобрания его собственности («несколько рогатого скоту») и дал расписку в том, что «впред за арест мой въ Войсковой пушкарне и за забор моего рогатого скота за те поворование лошади нигде так Кош, яко и козаков ни в чем турбуват⁴⁴ не буду». Примечательно также, что эту расписку в качестве свидетеля подписал бахчисарайский армянин Мартин Тарасов армянскими буквами, а Сефер-Георгий, «за незнанием писать», поставил крест. Того дня он был «на руки отдан» тому самому Мартину Тарасову⁴⁵. Между Гейвасом и Тарасовым, карасубазарским и бахчисарайским армянами, прослеживается партнерская связь; вполне вероятно, что отношения между скотопромышленником Гейвасом и воль-

³⁵ Там же. Д. 44. Л. 1а, 2, 21.

³⁶ Житель г. Бахчисарай.

³⁷ Мамай-Сурка – урочище в районе современного с. Большая Знаменка Каменка-Днепровского района Запорожской обл., Украина.

³⁸ ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 45. Л. 66.

³⁹ Там же. Д. 30. Л. 18.

⁴⁰ Село Аргин Кара-Коба, невдалеке от Карасубазара.

⁴¹ Житель села Бурулча Еникой.

⁴² ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 30. Л. 7.

⁴³ Арсенал, где запорожцы хранили пушки, порох и другие военные припасы; здесь же содержали заключенных, прикованных к пушкам.

⁴⁴ Украинское слово «турбувати» – беспокоить.

⁴⁵ ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 30. Л. 9, 171.

ноотпущенником Сефер-Георгием, армянином и грузином, были патрон-клиентского свойства.

О том, что чабанские атаманы, носители мусульманских и христианских имен, хорошо ладили между собой, имели приятный досуг и собирались для обсуждения общих дел, в том числе и грабительского характера, показывает свидетельство в феврале 1756 г. «перекопского чабана Пермана», пасшего отары под руководством атамана Василия. Этот чабан слышал разговор «атаманов чабанных», жителей Перекопа, «Василя, Шабана⁴⁶, Беикъкубе и Куртия» о намерении украсть из погребца в зимовнике запорожца Григория Насиканенко в Великом Луге ульи с пчелами. Ночью ульи были украдены и отвезены в Перекоп. Насиканенко на рассвете увидел «татарских гарб след», ведущий к его погребу, позвал других запорожцев, вместе с ними поехал по следу и вышел на Пермана, «пасушого на степу отару»⁴⁷.

Среди чабанов и пастухов также замечены носители мусульманских и христианских имен: «стоящий в Рогачику⁴⁸ з отарою кримский чабан, именов Кафар», «житель бакцисарайский армянин Семен Дуидзоулу да татарин Адил, чабан» (1757)⁴⁹; прозвище чабана Андрея Волошина⁵⁰ указывает на его молдавское или румынское происхождение; в 1755 г. отмечен «кош чабан-атамана» возле р. Белозерка, где запорожцы убили чабана Федора; тогда же в находящемся поблизости коше кафинского жителя Каллуса «бывший атаман в том коше [чабана] Сефер Али» был убит запорожцами, которые забрали три лошади, саблю, сагайдак, пару пистолетов, чепкень и кушак, а в коше Гиоруб-аги, запорожцы отогнали шесть волов и 9 коров⁵¹.

Из документов видно, что чабанские и пастушьи коши состояли из одной или нескольких кибиток⁵², используемых и в летнее, и в зимнее время. Выходец из крымских греков Ф.А. Хартахай писал, что чабанская кибитка называлась *отав*; главная кибитка, в которой пребывал «одаман», находилась в «кхоше» — месте, откуда он руководил «всеми отдельными стадами»⁵³. Речь идет о неразборной юрте, перевозимой на арбе, известной и у ногайцев под названием *отав-уьй*. В отличие от нарядной свадебной юрты, просто отделанная «походная юрта» с тем же названием предназначалась «в основном для пастухов»; «она представляет собой цилиндр со сферическим, уплощен-

⁴⁶ Имя или прозвище Шабан, как и выше приведенное Сефер, также могло происходить от одного из месяцев мусульманского календаря.

⁴⁷ ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 30. Л. 8, 15.

⁴⁸ Рогачик — река, левый приток Днепра в Херсонской обл., Украина.

⁴⁹ ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 45. Л. 5 об.

⁵⁰ Там же. Д. 30. Л. 24.

⁵¹ Там же. Л. 84, 85 об.

⁵² Там же. Л. 7, 136–136 об.

⁵³ Хартахай Ф. Историческая судьба крымских татар // Вестник Европы. 1866. Т. 2. Июнь. С. 217.

ным куполом. Юрта очень легка, упруга, ее свободно можно перекачивать по земле, не разбирая по частям»⁵⁴. Чабаны и выпас отар были организованы так: «Десять соединенных стад, в каждом по 1 000 овец, составляют одно сводное, под общим именем “кхош”. Так как с десятью тысячами... овец неудобно производить кормление на одном месте, то весь кхош разделяется на малые стада в тысячу и менее овец. При каждом полном стаде находится по три человека: предводитель, предводитель сотни и [предводитель] тысячи. Они известны под именем *чобан*. Тот, который отличается наибольшею расторопностью, делается непосредственным начальником чобанов сводного стада и получает титул *одаман*. Главное управление всеми отдельными стадами сосредоточено в кхоше, где находится главная кибитка... Там живет начальник союза и верховный правитель кхоша. Служить в кхоше считалось честью, а потому каждый вступал на службу охотно: титул *одамана* оставался за человеком и после службы. Кшош вместе со стадами и союзом постоянно делал передвижения и останавливался там, где находил это нужным. Эта стоянка называлась *дурум*, от татарского слова *дурмак* — стоять, а место зимовки называлось *кхышлав*, от “кхышламак” — зимовать. Каждый кхош имел свой герб (тамга), которым клеймил неодушевленные предметы и животных»⁵⁵.

Крымский краевед В.Х. Кондараки в середине XIX в. описал «наследственные правила» чабанских кошей в Крыму, отметив бессемейность чабанов и их ироническое отношение к женитьбе, недопущение женщин в свою среду, оправдание мужского произвола над «заблудившейся»⁵⁶. Кондараки обратил внимание на особую манеру разговора чабанов («люди, которые живут между овцами, резко отличаются от других. У них как-то странно действует язык»), их подражание мурзам в речах и повадках, поддержание некоего аристократического этикета, желание во всем отличаться от обычных крымских татар, надменность к простолюдинам. Также из «наследственных правил» приведены: предписание всаднику спешиться за 30 шагов до коша, отсутствие у хозяина отары права выказывать свою собственность в коше (он должен держать руку у лба, пока атаман не укажет место, где можно сесть), беспрекословная власть атамана над чабанами, наказание нарушителей «правил» насмешками, принуждением пить соленую воду, лишением обеда или мелкого имущества, изгнанием (крайнее средство), а также радушное гостеприимство, прием любого странника⁵⁷.

⁵⁴ Кочкаев Б.Б. Ногайская юрта и ее убранство // История горских и кочевых народов Северного Кавказа. Ставрополь, 1975. 131, 136.

⁵⁵ Хартахай Ф. Историческая судьба крымских татар. С. 216–217.

⁵⁶ Кондараки В.Х. Типичность крымских татар // Кондараки В.Х. В память столетия Крыма. М., 1883. С. 13–14.

⁵⁷ Там же. С. 5, 6, 9–10, 14–15.

Итак, атаман был абсолютным распорядителем в чабанском коше, вплоть до личного имущества чабанов, но, конечно, не его владельцем. Владельцы же скота не находились в коше и не распоряжались в нем; власть и собственность были строго разграничены. Владельцами скота, выпасаемого чабанами, могли быть и несколько человек, причем разной религиозной и этнической принадлежности, даже женщины, как это показано Ж. Вайнштейном на примере Буджака XVI в.⁵⁸ Однако нахождение «владетельниц» в таком «кишлаке» или «коше» вряд ли было возможным, по крайней мере, «правильным».

Среди крымских чабанов, находящихся за пределами Крыма, заметно преобладали жители одной местности, вместе выходявшие на промысел. Документ 1766 г. дает примечательные сведения о трех отарах (3 500 овец при 6 чабанах, 4 000 овец и 6 чабанов, 2 500 овец и 5 чабанов), дошедших до г. Бахмут (Донецкая обл., Украина) и принадлежавших жителям Акмечети и Карасубазара; эти чабаны «не были дома» 7, 5 и 13 лет соответственно⁵⁹, т.е. находились в отрыве от семей (если таковые были). Таким образом, речь идет о мужских группах, длительное время живших вне семейного пространства. Название главы чабанов — «атаман» — не представлено в качестве официального наименования определенной должности в Крымском ханстве. Зато оно постоянно возникало в сфере негосударственной самоорганизации по любому поводу. Даже крымскотатарские дети, как замечено в начале XX в., в играх (мормалы, айгирчюк, мермерша, ал-малик) образуют «партии», каждая из которых избирает себе атамана⁶⁰.

Для более четкого рассмотрения анализируемого явления остановимся на понятии «кош». Вышедшая из Сечи документация представляет его как что-то само собой разумеющееся для запорожцев: *Кош* — место нахождения казачьего руководства: *кошевой атаман* — главный в Коше. Кубанские ногайцы обозначали этим «кьос» временные жилища, шалаши для наемных пастухов; их сооружали из жердей, покрытых камышом и обвязанных волосяным арканом⁶¹. С.М. Абрамзон описал *кош* у киргизов как временную небольшую юрту, предназначенную для нанятых работников, а также юрту, используемую для дальних перекочевок или во время похода⁶², в любом случае, отличную от семейной, большой юрты. С.Е. Толыбеков писал, что у казахов *кош* относится к нахождению в пути, в составе ка-

⁵⁸ Veinstein G. Les «çiftlik» de colonisation dans les steppes... P. 195.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. Д. 149. Л. 15–15 об.

⁶⁰ Филоненко В.И. Детские игры крымских татар // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Вып. 56. Симферополь, 1919. С. 257, 259, 260, 264.

⁶¹ Керейтов Р.Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры. Ставрополь, 2009. С. 168.

⁶² Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе, 1990. С. 183.

равана, а *коштели* обозначает тех, кто находится в состоянии перемещенности места⁶³. «Если на летовке остаются только на ночь, то юрт не ставили, а устраивали “кошы”», — заметил Н.Э. Масанов⁶⁴. А.К. Кушкумбаев представил кош в тесной связи с облавными охотами и набегами, определив его как обоз, маневренно передвигаемый и обычно находящийся в обусловленном месте; кош всегда должен находиться в центре территории, охваченной охотничьей облавой или набегом: сюда свозили добычу и отсюда руководили подвижной группой⁶⁵. Г.Н. Потанин в описании своей экспедиции на Алтай в 1879 г. слово «кош» адресовал только лагерю, наскоро обустроенному месту стоянки⁶⁶, а селение со стационарными постройками по местному обыкновению называл *курунем*⁶⁷; это же слово он применил и к расположению юрт в постоянных, сезонно занимаемых местах⁶⁸. У каракалпаков, согласно Н.А. Кислякову, *коше* обозначало группу семей как административно-хозяйственную единицу, возглавляемую выборным старшиной — *коше би*. Иногда *коше* объединялись в крупные селения, оставаясь при этом отдельными, компактными группами. *Коше би* распорядился землей группы, устанавливал сроки проведения сельскохозяйственных работ, раскладывал по семьям налог. Входившие в группу семьи совместно пасли скот, ловили рыбу, отмечали семейные события — свадьбы, похороны, поминки, рождение детей, исполняли обряды⁶⁹. Ногайский мурза «*кошеви*, бывшего бея сын», упомянутый в событиях 1776 г. на Кубани⁷⁰, представляет похожую форму.

Запорожские практики употребления этого слова, прослеживаемые с конца XVI в.⁷¹ и хорошо отраженные в документации XVIII в., показывают его значение, почти тождественное тюркскому социаль-

⁶³ *Тольбеков С.Е.* Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века. Политико-экономический анализ. Алма-Ата, 1971. С. 496, 500.

⁶⁴ *Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности nomadного общества. Алматы; М., 1995. С. 108.

⁶⁵ *Кушкумбаев А.К.* Институт облавных охот и военное дело кочевников Центральной Азии. Сравнительно-историческое исследование. Кокшетау, 2009. С. 64.

⁶⁶ *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 г. по поручению Императорского Русского географического общества. Вып. 3. СПб., 1883. С. 216.

⁶⁷ Там же. С. 19, 93–94, 141, 154, 166, 187, 196.

⁶⁸ Там же. С. 29–30.

⁶⁹ *Кисляков Н.А.* Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969. С. 30–31.

⁷⁰ *Дубровин Н.* Присоединение Крыма к России: рескрипты, письма, реляции и донесения. Т. 1. СПб., 1885. С. 192.

⁷¹ Посол императора Священной Римской империи Е. Лясота фон Стеблов, побывавший на Запорожье в 1594 г., писал, что казаки называют свои жилища «кошами» (Koczen); их делали из палок, обтянутых конскими шкурами (Tagebuch des Erich Lassota von Steblau. Nach einer Handschrift der von Gersdorff-Weichaschen Bibliothek zu Bautzen herausgegeben und mit Einleitung und Bemerkungen begleitet von Reinhold Schottin. Halle, 1866. S. 210–223). Вероятно, это были юртообразные временные постройки.

ному контексту. По свидетельству одного бывшего запорожца, кош — это «небольшой курень, или поветочка на колесах... Запорожцы занимались скотоводством: вот как выпасут на одном месте траву, тогда со всем своим скарбом перевозятся на другое место, а с другого на третье... Вот почему они делали *курени на колесах*, то есть *коши*»⁷². Здесь, как видим, оба понятия тождественны. Сочетание повозки и дома прослеживается даже в административных объектах на Запорожье: в 1757 г. отмечено пребывание «изходящего лета, из весны» полковника и есаула («асаула») Бугогардовой паланки (административный центр Запорожья на р. Южный Буг) в «будке» на колесах, крытой камышом⁷³.

Обзор толкований слова «кош» в приведенной литературе и источниках, конечно, не может претендовать на полноту. Однако в разнообразии его значений с учетом рассмотренных выше источников можно выделить три смысловые группы: 1) стоянка; 2) объединение разнородных людей, пребывающих в движении; 3) нахождение мужчин вне обустроенного семейного быта. Специфика каждой из них предполагает временное состояние. Обратим внимание: как у запорожцев, так и у крымских чабанов кош связан с куренем как два состояния одного явления: первое указывает на рассеянность малых автономных групп и общий для них центр управления; второе подразумевает скученность, соединение малых групп в сообщество с единым управлением.

Упомянутый выше «курень против Ташлыка» объединял пастухов нескольких «хуторов», пострадавших от запорожцев. По той же причине в районе р. Кальмиус «от страху их лежащих в тех странах татарские кошы принуждены *до сороку кошовъ соединитца в одно место* и претерпевают тесноту»⁷⁴. По сообщению Рашид ад-Дина, «когда какое-нибудь племя останавливалось в какой-либо местности, оно [располагалось] наподобие кольца, а его старейшина находился в середине [этого] круга... Это и называли курень»⁷⁵. Здесь речь идет о расположении кочевого коллектива в случае военной опасности; эту организацию Чингисхан положил в основу своего войска и «народа», поделенного на 13 куреней⁷⁶. Из данного свидетельства, а также на основе собственных наблюдений монгольского быта в начале XX в. Б.Я. Владимирцов заключил о существовании двух типов кочевания: аилами (малыми группами, состоящими из нескольких семей) и куренями (соединение малых групп в крупные коллективы). Первое

⁷² Яворницький Д.І. Запорожжя в залишках старовини і переказах народу. Вид. 3-тє, випр. і доп. Ч. 1. Дніпропетровськ, 2005. С. 232.

⁷³ ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 43. Л. 16.

⁷⁴ Там же. Д. 30. Л. 19, 157.

⁷⁵ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.; Л., 1952. С. 86.

⁷⁶ Там же. С. 86–87.

было удобным для выпаса большого количества скота малым числом людей, но небезопасным в случае военной угрозы; второе давало бóльшие гарантии безопасности, но создавало трудности для скотоводства⁷⁷ (в местах чрезмерного скопления стад возрастала нагрузка на пастбища). П.И. Небольсин отметил частые соединения и разъединения, «смешение и слитие воедино» различных «колен» и «родов» у ногайцев, казахов, туркмен⁷⁸. То есть ситуативная концентрация и дисперсия была обычным явлением для всех степных обществ, кочевых и квазикочевых. Примечательно также, что крымские чабаны обобщенно называли Запорожскую Сечь куренем, без внимания к ее делению на 38 куреней с отдельными названиями и принадлежности каждого запорожца к одному из них. Перекопский каймакан Салих-ага в феврале 1756 г., не вникая в эти подробности, писал в Сечь претензию по поводу крымского подданного чабанского атамана Сеффера, которого запорожцы «в курень свой увезли»⁷⁹.

Что особо примечательно, курени, к которым были приписаны чабаны и атаманы, имели нумерацию: «Магмет шездесят девятаго, Апыти девянтдесятого, Сайть Магмутъ и Асланъ — девянтдесять первого куреней»⁸⁰. По всей видимости, эти номера курени получали при распределении пастбищ между кошами, которые еще и по этой причине входили в состав определенного куреня. Регулировка нагрузки на пастбища была особенно важной при круглогодичном выпасе овец, прежде всего зимой. По этой причине чабанов отличали от пастухов, а табунщиков — от первых и вторых. У казахов овечьи пастбища («кой-булюк») были строго обособлены и имели межевые знаки; *кой-булюки* смежных кочевых аулов отделяли друг от друга и перераспределяли в случае несоответствия между величиной отары и размером пастбища⁸¹. Как свидетельствовали сами казахи, овечье стадо не должно превышать 600 голов на самом лучшем пастбище, иначе «сзати идущие овцы плохо нагуливают жир». Зимние загороды для овец, не имеющие крыш, «могут давать тепло» лишь тогда, когда в них помещается не более 600 голов; «при увеличении размеров помещения оно уже плохо защищает от ветров и буранов». Оптимальной считалась отара до 300 голов, хотя один чабан мог управиться и с 600 головами. Владельцы большого поголовья должны были разбивать его на максимальное число отар, привлекая соответствующее количество

⁷⁷ Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002. С. 332–333.

⁷⁸ Небольсин П. Очерки Волжского низовья. СПб., 1852. С. 84.

⁷⁹ ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 30. Л. 18.

⁸⁰ Там же. Л. 164 об.

⁸¹ Кауфман А.А. Община. Переселение. Статистика. Сборник статей. М., 1915. С. 54–55.

пастухов, а рабочей силы в степи не было много. «Эти обстоятельства создают известный предел развитию крупного скотоводческого хозяйства, которое... не может конкурировать с более приспособленными к этим условиям средними хозяйствами»⁸².

Личное имущество крымских чабанов отличалось добротностью и потому часто становилось желанной добычей запорожцев. Чабанское и пастушье «платье» состояло из многих предметов; кроме отмеченных выше чепкена и кушака, упомянуты «полукавтанье», чекмень, «суконные шаровары», епанча⁸³, также «чоботы» (сапоги), бурки, «сорочки» (рубахи), «малахай»⁸⁴. О зажиточности свидетельствует и обилие оружия в чабанских кошах. Холодное (сабли, сагайдаки) и огнестрельное (ружья и пистолеты) оружие фигурирует практически в каждом случае документальной фиксации чабанов и пастухов — и тогда, когда они были нападающей стороной, и когда потерпевшей. Так, у небольшой группы «татар-пастухов», отправившейся за дровами в район Кизи-Кермена, было ружье, которое попало в руки напавших на них запорожцев; причем один из пастухов был взят в плен под предлогом обвинения в краже меда, но умудрился сбежать⁸⁵. В другой небольшой группе чабанов были замечены два сагайдака, три пары пистолетов, четыре ружья, сабля в ножнах⁸⁶. Чабаны «грек Петр да татарин Асман», в 1757 г. приезжавшие за покупками в запорожское село Богородичное, что при устье р. Самара (левый приток Днепра), имели при себе «согойдак с прибором» ценою 10 руб.⁸⁷ В том же году «*татарин*, житель карасевский, *Абрам*⁸⁸ з *товаришем своим греком Василем*» увел коней из зимовника запорожца Ивана Рябенко в землях Самарской паланки⁸⁹. Позднее тот «чабан, именем Аврам, бивший у Самаре з кагатом⁹⁰ на турецком диалекте, за произшедший от его в пянстве непристойний шум, и что до козацких лошадей бросился брать, и за протчие его неприличние поступки взят бил тамо в Самаре под караул»; у него отняли саблю⁹¹. Людьями весьма

⁸² Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию Степных областей. Тургайская область. 5. Кустанайский уезд / Ред. Ф.А. Шербина. Т. 5. Воронеж, 1903. С. 11–12.

⁸³ ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 30. Л. 17, 19.

⁸⁴ Там же. Д. 44. Л. 1а, 2, 21.

⁸⁵ Там же. Д. 30. Л. 17–17 об.

⁸⁶ Там же. Д. 44. Л. 8.

⁸⁷ Там же. Д. 45. Л. 10.

⁸⁸ Называние крымского татарина иудео-христианским именем Абрам, вместо его мусульманской формы Ибрагим, само по себе примечательно. Однако следует помнить об искажениях в передаче личных имен и названий, часто допускаемых русскими переводчиками.

⁸⁹ Паланка — административный центр в отделенных от Сечи землях Войска Запорожского. Во главе паланки стоял полковник и *паланкова старшина*, подчинявшиеся руководству Сечи.

⁹⁰ Документ, удостоверявший личность и цель поездки.

⁹¹ ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 45. Л. 27, 37, 95.

буйного нрава показали себя чабаны Али и Межит, жители Бахчисарая, пасшие отары у р. Берда (в районе современного г. Бердянск, Украина). В августе 1756 г. они и еще двое чабанов напали на запорожца Мартына Дурного, ехавшего к соляным озерам, пытались его изрубить саблями, но тот увернулся; один чабан все же «Мартину келепом⁹² голову розбил, а другой — шаблей мало шии урубал»; раненого бросили умирать в степи. Узнав об этом, запорожский «бердянский атаман» (предводитель рыболовецкой ватаги казаков на Берде) Петр Чорный поехал искать чабанских атаманов, но не нашел. Тогда он захватил первую попавшуюся отару овец и чабанов, те показали имена своих атаманов: «Милале, Сары Уват, Темер Казы, Кара-Аваять, Смаиль, Абиль Дуламет, Магметь и города Бакцисарая един отаман, зовется Соин». Али и Межит, привлеченные запорожцами к ответственности за это злодеяние, были заперты в хате, но «вирвали из хати окъно..., бежали»⁹³.

Как видим, жизнь крымских чабанов была далека от пасторальной идиллии. Вооруженные столкновения и грабежи не были для них редкостью. В январе 1757 г. 16 запорожцев напали на крымских чабанов уже упоминавшегося атамана Девлета, отогнали 18 отар и отняли личное имущество чабанов — «вязню в три полтины, кулбаку в пять кип, спис з ратищем в рубель, чобит четири пары ношених, бурок пять — цена 5 руб., сорочок три нових, малахай в 50 к[оп.]»⁹⁴. Осенью 1756 г. крымские чабаны у Берды пленили пять запорожцев, пошедших охотиться на лис («лисичить»); одного из них зарезали⁹⁵. В 1757 г. в районе р. Гайчул (Запорожская обл., Украина) «крымских атаманов семь человек с базавлуччам, списками и ружем» ночью напали на гетманских казаков, ехавших в Кальмиускую паланку (район Мариуполя, Украина) по торговым делам, избили их ратищами и ограбили⁹⁶. Случившееся в том же году нападение крымских чабанов на запорожцев у р. Рогачик с целью отнятия волов сопровождалось пистолетной стрельбой⁹⁷. Зимой 1759 г. семь запорожцев, выехавших на охоту возле р. Самара, подверглись нападению пятнадцати крымских чабанов; один запорожец был убит, два ранены, забраны лошади, деньги, повозки и другое имущество⁹⁸. По сообщению от 11 марта 1756 г., «на Крымской степе, при урочище Кучугурах» (к югу от современного г. Запорожье, Украина) крымские чабаны зарезали запорожцев Ивана Сукура и Григория Дундука, забрали 10 лошадей,

⁹² Келеп — чекан, разновидность боевого топора.

⁹³ ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 30. Л. 103–103 об., 130.

⁹⁴ Там же. Д. 44. Л. 1а, 2, 21.

⁹⁵ Там же. Д. 30. Л. 147.

⁹⁶ Там же. Д. 45. Л. 12.

⁹⁷ Там же. Л. 17.

⁹⁸ Там же. Д. 50. Л. 11.

50 руб. наличных денег, ружья, сукно, полотно и др., которые они, по всей видимости, везли на продажу, всего на сумму до 500 руб. По свидетельству «грека бакчисарайского, зовемого Пилипом» (Филипп), запертого запорожцами в сечевой пушкарне, убийство совершили находившиеся «на пастбе своих отар крымские чабани жители бакчисарайские Амраля да Муштупа з другими своими товарищи». Тела убитых они привязали к конским хвостам и отволокли в терновник при реке, где и учинили дуван. В отместку запорожцы заняли первые попавшиеся отары – до 2 600 овец, а находящихся при них чабанов, Али Омера и Мустафу Ахмета, привезли в Сечь и заперли в пушкарне⁹⁹.

Согласно Белградскому мирному договору 1739 г., подобные случаи подлежали расследованию, а виновные должны были быть наказаны своими властями и принуждены к выплате компенсации. Но поскольку дознание о том, что происходило в глухой степи, не всегда было возможным, запорожцы и крымцы следовали древнему принципу взаимности (реципрокация): грабеж за грабеж, нападение за нападение; любое расследование начиналось с взятия в заложники первого встречного. Действовал и принцип круговой поруки. В ответ на убийство и грабеж запорожцев Ивана Сукура и Григория Дундука их товарищи забрали у чабана Али Омера 200 овец, а у других шести хозяев – 2 400 овец, которых позже вернули по требованию перекопского каймакана, однако удержав те самые 200 голов в качестве компенсации, а также весь приплод, появившийся за время их содержания в запорожских зимовниках¹⁰⁰. С целью дознания каймакан Салих-ага взял одного «пастуха атамана» под арест и направил запорожскому кошевому атаману предложение обобщить претензии и отправить в Перекоп «челобитчиков»¹⁰¹.

Дабы не обострять отношения с Российской империей, хан Крым-Гирей в ноябре 1760 г. распорядился вывести из российских владений ногайцев и крымских чабанов, которые в «немалом числе кошей» пасли скот в пределах Запорожья. Что примечательно, они «знакомим козакам плачем жаловались и не хотели... на степь убираться»¹⁰². Приведенного достаточно для понимания того, что их отношения с запорожцами были далеки от прямолинейной враждебности. Нужно иметь в виду, что документация Крымского ханства и Войска Запорожского редко появлялась по поводу мирного течения дел и гораздо чаще возникала из-за нарушения обычного порядка. Поэтому фактов вражды в источниках содержится гораздо больше, чем ак-

⁹⁹ ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 30. Л. 25, 27, 34, 78, 80.

¹⁰⁰ Там же. Л. 196, 198.

¹⁰¹ Там же. Л. 17 об.

¹⁰² Там же. Д. 89. Л. 52 об.

тов обычного и даже дружественного общения, которые не требовали письменной фиксации.

Тем не менее обычаи гостеприимства, взаимопомощи и доверия в хозяйственных делах тоже представлены, хотя и непрямым образом. В 1756 г. у чабанских атаманов Балалы и Аджем Пулы, «живущих» в «урочище Чокрак» (р. Кара-Чокрак), некоторое время находился «один казацкой гайдамак», т.е. запорожец, преследуемый своим начальством за разбой. Он оказался плохим гостем. Узнав, что те атаманы украли из запорожского зимовника 5 коней, он, придя в тот зимовник, донес об этом, и запорожцы не напали на «хуторы» этих атаманов, забрали 48 волов и 3 лошадей¹⁰³. Примечателен случай долгового обязательства «жителя перекопского Асана Шелеби чабана, зовемого Дзяун», который взял в долг 6 руб. у запорожца Данила Несвата¹⁰⁴. В торговых отношениях запорожцев и крымцев того времени были известны векселя и кредитные операции на крупные суммы¹⁰⁵. Руководство Запорожской Сечи запрещало своим казакам препятствовать мирным занятиям крымских чабанов. Так, 4 августа 1754 г. кошевой атаман распорядился: «Понеже запорожские козаки в турецкой границе... по своим промислам... доволствие, яко-то поселениями, сенокосами, рибною добичю... имеют, для чего и крымским жителем в российские границы за своими нуждами входить должно не возбранять»¹⁰⁶. В ноябре 1754 г. крымский хан, сетуя на «недород в крымской границе трав», просил кошевого атамана впустить на свои земли крымских чабанов; в Сечи ответили положительно, но «за тем договором, чтоб толко в тех местах скот пасли, где зимовниками козаки не сидят и не содержат сена»¹⁰⁷.

Наряду с «чабанскими кошами» и прочими скотоводческими объектами в степи замечены земледельческие хозяйства — «татарские деревни» с обрабатываемыми полями. В 1749 г. некий «татарин Махомед-бей» жил в «деревни Кышкаре» и находился «на жнитьбе хлеба в урочище Кюкюн» (в районе р. Молочная, Запорожская обл., Украина); поблизости указана «Чонгарская деревня да деревня же Догамыш отомана»¹⁰⁸. В «овчарском хуторе» крымского татарина Хасана, расположенном в урочище Токмак (Запорожская обл.), хранился запас муки — «один чювал дюгеун, то есть по-татарски мука»¹⁰⁹. Было бы ошибкой рассматривать эти данные как свидетельство перехода от

¹⁰³ ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 30. Л. 18.

¹⁰⁴ Там же. Л. 46.

¹⁰⁵ Там же. Д. 137. Л. 2, 20.

¹⁰⁶ Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734—1775. Т. 3. Київ, 2003. С. 462.

¹⁰⁷ Там же. С. 598—599.

¹⁰⁸ *Эварницкий Д.И.* Сборник материалов по истории запорожских козаков. СПб., 1888. С. 22.

¹⁰⁹ Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734—1775. Т. 2. С. 325.

кочевания к оседлости. Аналогичные земледельческие объекты прослеживаются и в золотоордынское время. По сообщению Иосафата Барбаро (1431), в конце зимы по указу хана разглашали о том, чтобы *все желающие* сеять зерно заблаговременно подготовились. К началу весны назначали день сборов этих *желающих* для выезда на место, определенное для посева. Того дня они должны были погрузить посевной материал на арбы и с рабочим скотом, женами и детьми ехать к назначенному пункту, который обычно находился на расстоянии, не превышавшем два дня хода от места зимовки. По окончании посевных работ эти ситуативные земледельцы присоединялись к своим аулам для кочевания. Когда хлеб созревал, то и сеятели, и покупатели ехали на арбах к месту жнив¹¹⁰. Вопрос о земледелии у причерноморских ногайцев был мною рассмотрен в отдельной публикации¹¹¹. Здесь же речь идёт не об этом занятии кочевников самом по себе, а об *отходничестве*, т.е. временном и добровольном нахождении отдельных лиц в отдалении от места своего постоянного проживания или кочующего коллектива с целью производства того или иного промысла.

Итак, группы во главе с атаманами могли заниматься и скотоводством, и вооруженным грабежом, и земледелием в каких-то «деревнях», «кошах», «хуторах» и проч., отличающихся от обычных сельских поселений. Общим для всех этих занятий было то, что их производили вне Крымского полуострова, к северу от Перекопа, на территории, не охваченной стабильной государственной регуляцией. Примечательно нахождение в «деревнях» в Перекопской степи «козаков потурченных» и «жен козацких потурченных»¹¹², т.е. украинских мужчин и женщин, принужденных к религиозной конверсии и подневольных. Как следует из документа 1749 г., запорожцы, нападавшие на эти «деревни», подвергали «жен козацких потурченных» насилию и убийству¹¹³; подобные же их действия в отношении ногайских женщин в то время случались редко. Незащищенность законом и обычаем «жен козацких потурченных» здесь очевидна. Данная категория неполноправного населения была известна и в Ногайской Орде под названием «тумаки». В.В. Трепавлов охарактеризовал их как «целый слой оседлого сельского населения»¹¹⁴. Согласно выводу Е.А. Поноженко, тумак жили отдельными общинами, в отличие от

¹¹⁰ Путешествие в Тану Иосафата Барбаро // Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб., 1836. С. 36–38 (отд. II).

¹¹¹ *Грибовський В.В.* Землеробство і селентаризація у кочівницькому соціумі: випадок причорноморських ногайців // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). Вип. 11. Київ, 2012. С. 67–90.

¹¹² Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734–1775. Т. 2. С. 324.

¹¹³ *Эварницкий Д.И.* Сборник материалов по истории запорожских козаков. С. 44.

¹¹⁴ *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2002. С. 521.

патриархальных рабов-ясырей — домашней челяди¹¹⁵. Слово «тума» есть и в украинском языке. Что примечательно, массовое убийство тумак в той же Перекопской степи совершил кошевой атаман И.Д. Сирко, возвращаясь из похода на Крым в 1675 (или 1679) году. По его приказу в районе Каланчака, Черной долины и Качкар запорожцы «потрясли все поля и пастбища крымского скота, захватив многочисленные стада и овечьи ватаги с татарами, что были при них»¹¹⁶.

Использование подневольных мужчин в качестве чабанов нередко представлено в документах. Так, в марте 1750 г. жители Очакова требовали от запорожского бугогардовского полковника выдачи своих «беглых чабанов» — ясырей-сербов и компенсации за овец, потопленных ими в реке¹¹⁷. Среди чабанов-ясырей упомянуты два грузина, пасших у р. Молочная овец крымского татарина, жившего в Кафе¹¹⁸, а также некий Осип, очаковский житель, «ходячий з отарами»¹¹⁹. Но эти случаи не имеют отношения к чабанским кошам, состоявшим из свободных мужчин во главе с выборным атаманом.

Приведенных данных достаточно для понимания того, что в отмеченных «деревнях», «кошах» и «хуторах» не было условий для семейной жизни. Сформулируем предварительный вывод: эти объекты принадлежали к сфере деятельности мужских сообществ, которые возникали на определенное время и были основаны на принципе исключения всего, что связано с семьей: женщин (в качестве жен), родственных отношений (отец—сын, братья, дядя—племянник), наследственного имущества и рангов, наконец, частной собственности. Вместо этого обнаруживается коллективная собственность на «средства производства», складчина, общее имущество группы, раздел добытого или произведенного, после чего группа, как правило, распадалась.

Прежде чем сформулировать выводы о типологии анализируемого явления, обратимся к сравнительному материалу. На Северном Кавказе в русских источниках XIX — начала XX в. отмечены разнообразные «артели» пахарей, косарей, чабанов и др., отдаляющихся на более или менее длительное время от своих семей. В местах временного нахождения «артельщики» строили коши, походившие на военный лагерь; руководил им выборный *тамада*, обладавший теми же полномочиями и функциями, что и *атаман* в коше крымских чабанов. В коше сооружали шалаши, отдельный — для тамады, где устанавлива-

¹¹⁵ Поноженко Е.А. Общественно-политический строй Ногайской Орды в XV — середине XVII вв. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1977. С. 102.

¹¹⁶ Самійло Величко. Літопис / Пер. В. Шевчук. Т. 2. Київ, 1991. С. 191.

¹¹⁷ ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 50. Л. 3—3 об. Вероятно, причиной бегства этих ясырей-сербов было случайное утопление овец и стремление избежать наказания за это.

¹¹⁸ Андриевский А.А. Дела, касающиеся запорожцев... С. 426.

¹¹⁹ ЦГИАК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 137. Л. 39—44.

ли знамя — *вакгуэ бэракъ* (тюркское: байрак), хорошо охраняемое; его похищение считалось позором для «артельщиков». Из этих кошей отряжали караулы, которые могли объединяться с караулами других кошей для совместной охраны горных перевалов, защиты от разбойников и т.п. Кроме того, у адыгов бывали сезонные коши (с осени до весны) нехозяйственного назначения. В них собиралось до сотни *молодых удальцов*, проводивших время в пирах, озорстве и набегах на окрестные аулы. По окончании сезона происходил раздел добычи; величина доли зависела от старшинства в группе, но не от сословного положения. Представитель знати, присоединившийся к группе, не должен был выдавать своего статуса; его нельзя было обижать или подвергать риску. Но если он хотел полноценной славы, то участвовал в набегах на равных, закрывая свое лицо маской; тогда все его товарищи одевали маски. Ранговые позиции, обретенные в коше, причем независимо от происхождения участников, *теряли силу* по возвращении в родные дома. По пути домой «удальцы» одаривали встретившихся им односельчан, в ответ на их приветствия¹²⁰.

У туркмен любая добровольная кооперация с «синкретической нерасчлененностью военной и экономической сфер» называлась *аламан*. Так именовались и набеги, и объединение купцов в караваны с выборными главами-кервенбаши, на которые «охотились» *аламанчики*. Ядро аламана составляли представители одного или нескольких близких родовых групп, но в их состав *обязательно входили иноплеменники* и представители родов, пребывавших в «натянутых отношениях». После окончания дела и *равного раздела полученного* группа распалась. Полномочия ее главы прекращались; он получал *равную со всеми участниками долю*, но в дополнение к ней участники могли по доброй воле дать ему часть своей доли; главное — он обретал авторитет и влияние на общественные дела¹²¹.

Вывод о «синкретической нерасчлененности военной и экономической сфер» вполне применим и к разнообразным кошам в Перекопской степи. Здесь так же можно проследить лагерь молодых удальцов из Крыма, как и на Кавказе. В 1680-е гг. казак Антон Орлянский с 50 товарищами (все — из одного села Беседюка, что на Черкашине) ходил под Перекоп «для взятия крымских коней». Эти кони принадлежали калге-султану и нурадын-султану, которые в тот момент оказались при своих табунах и возглавили «охоту» на воров¹²². Трудно объяснить присутствие первого и второго наследника хана в

¹²⁰ Карнов Ю. Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996. С. 78–83.

¹²¹ Ботяков Ю. М. Аламан. Социально-экономические аспекты института набега у туркмен (середина XIX — первая половина XX века). СПб., 2002. С. 19–23.

¹²² Степове порубіжжя XVII — поч. XVIII ст. у документах Державного архіву Воронізької області РФ / Упор. В. Грибовський. Київ, 2016. С. 50.

глухой степи при своих табунах (для присмотра за ними достаточно табунщиков) иначе, чем «пограничным спортом»¹²³, т.е. не вполне утилитарным занятием. Участие в подобном «спорте» позволяло поддерживать наследственные ранги в условиях неустойчивых стратификаций, слабо защищенных административно-правовыми механизмами. Аналогичные функции имели загоны для скота, которые монголы называли *хороо*. Это были места для сборов на облавную охоту, дележа добычи, инициаций, пиров, группирования в боевые отряды. Согласно выводу Д.В. Цыбикдоржиева, «именно облавный загон оказывался местом, где охотничий мужской союз перерождался в зародыш дружины»¹²⁴. Подобное находим у запорожских казаков; по сообщению от 1 октября 1674 г., когда Запорожской Сечью руководил кошевой атаман Иван Сирко, прежние кошевые атаманы Евсевий Шашола и Лукьян Андреев «да другие знатные казаки» пасли коней возле р. Томаковка¹²⁵. Здесь же находился и «зимовник» (пасака) И.Д. Сирко¹²⁶.

С исчезновением Войска Запорожского (1775) и Крымского ханства (1783) существенно изменилась этническая, демографическая, экономическая и политико-административная ситуация в Северном Причерноморье. Традиционные хозяйственные и социальные практики в причерноморской степи сворачивались по мере межевания степных угодий, становления помещичьего землевладения и рынка. Экономика прибыли¹²⁷ вытеснила экономику самообеспечения, по выражению М.Д. Салинза, «свободную от рыночной одержимости дефицитом»¹²⁸. Но чабанские коши уходили в прошлое не сразу. Дольше всего они сохраняли свою специфику и номенклатуру в горах и предгорьях Крыма. В причерноморской степи и на Кубани к концу XIX в. чабанские группы, согласно выводу Ф.А. Шербины, представляли собой «только внешний остов существовавшей когда-то артельной организации»¹²⁹. Товарно-денежные отношения и государственная регуляция разрушали прежний порядок реципрокных отноше-

¹²³ Грушевський М.С. Історія України-Руси. Т. 7. Київ, 1995. С. 57.

¹²⁴ Цыбикдоржиев Д.В. Мужской союз, дружина и гвардия у монголов: преемственность и конфликты // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. С. 342–343.

¹²⁵ Яворницький Д.І. Твори у 20 томах. Т. 1. Запоріжжя, 2004. С. 363–364.

¹²⁶ Самійло Величко. Літопис. Т. 2. С. 265.

¹²⁷ Согласно выводу А. Хазанова, сезонное использование пастбищ традиционными скотоводами препятствовало возникновению частной собственности на землю (пастбище) и культивировало их представление о том, что «земля не имеет рыночной стоимости и не представляет собой частную собственность». В этом их отличие от фермеров, включенных в рыночную систему (Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3, доп. Алматы, 2002. С. 39–40).

¹²⁸ Салинз Маршалл Д. Экономика каменного века. М., 1999. С. 19.

¹²⁹ Шербина Ф. Очерки Южно-русских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 93–94.

ний. Раньше «чабаны были не наемным людом, как теперь, но самостоятельными участниками в деле», — писал Щербина, отметив и изменение названий в чабанских группах. Во главе их теперь стоял «лычман» — «своего рода отаман», которому подчинены «подпасичи» и «гарбачий»¹³⁰. Перешедшие к оседлости ногайцы Северного Кавказа использовали наемных пастухов; «отару в 500 и более голов овец обслуживал один пастух. Ему помогал в качестве подпаса один из членов семьи, чаще всего подросток»¹³¹. Но эта система имела мало общего с чабанскими группами.

Остатки традиционных форм пастушества в горных районах изолированных друг от друга стран представляли почти тождественные черты. «Удивительное сходство в некоторых базовых характеристиках большинства горских обществ» отметил А.В. Коротаев¹³². Коши «яйлинских чабанов» в Крыму путешественнику начала XIX в. напомнили становища швейцарских пастухов в Альпах¹³³. Обратимся к не столь отдаленным от Крымских гор, но не испытавшим тюркского влияния Карпатам. Здесь, у западных украинцев-гуцулов, были аналоги крымских чабанских кошей, хоть и с отличной номенклатурой, — *стойище*. Ранней весной почти все мужское население сел, расположенных в низменностях, уходило в горы, где «вело вполне пастушескую жизнь». Гурты скота и отары овец разных владельцев пускали в общие стада. Перед их пригоном в *стойище* располагался *ватаг* (аналог чабанского атамана); он управлял *стойищем* и руководил пастухами, мастерами выделки сыра и др. В старину *ватага* избирали, а ближе к XIX в. — нанимали владельцы горных пастбищ. Священным центром в *стойище* был *ватерник* — место для огня, который зажигал *ватаг* посредством трения древесины (сакральный, «живой огонь»), творя «очень оригинальную молитву». Первый жар *ватаг* бросал в воду, которой кропил крест-накрест все строения и скот, а остаток выливал в бутылку, хранимую до конца сезона. Огонь благоговейно поддерживали до наступления осени, т.е. окончания сезона¹³⁴. Похожие остатки язычества отмечены у пастухов в разных регионах дореволюционной России¹³⁵. Горные таджики, как и гуцульские пастухи, благоговейно поддерживали огонь в так называемых «мужских местах» — *алаухона*, расположенных обычно при мечетях;

¹³⁰ Щербина Ф. Очерки Южно-русских артелей и общинно-артельных форм. С. 94.

¹³¹ Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Ногайцы. Черкесск, 1988. С. 70.

¹³² Коротаев А.В. Горы и демократия: к постановке проблемы // Альтернативные пути к ранней государственности. Международный симпозиум. Владивосток, 1995. С. 79.

¹³³ Андриевский И. Путешествие Бруннера через Одессу в Крым // Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. Т. 18. СПб., 1836. С. 169.

¹³⁴ Вовк Х. Студії з української етнографії та антропології. Київ, 1995. С. 46–47.

¹³⁵ Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 195.

сюда мужчины одного или нескольких селений доставляли дрова для поддержания огня, а также еду для совместных трапез¹³⁶. На этих примерах отслежены синкретические соединения ислама с комплексом верований и отношений, характерных для мужских союзов; показано их значение для складывания социальных и военных рангов, роль в «неформальном административном аппарате среднеазиатских государств на поздних этапах истории»¹³⁷.

Итак, изложенный материал позволяет проследить в чабанских кошах Северного Причерноморья XVI–XIX вв. следующие черты поздних дериватов института мужского союза, выделенного немецким этнографом Г. Шурцем¹³⁸:

- Мужская группа, состоящая из лиц разного происхождения, открытая для приема чужаков и исключая присутствие женщин (в отличие от сельской общины, состоящей из семей и допускающей прием чужаков в немногих случаях). Принципиальное значение гостеприимства для поддержания единства группы.
- Временный характер группирования в «диких» местах, отдаленных от семейной общины и территории, контролируемой государственной властью.
- Промысловый характер деятельности группы, сочетание производящего и присваивающего хозяйства.
- Временный и выборный характер рангов, исключение сословных иерархий, блокировка семейно-родственных связей и отношений внутри группы.
- Разграничение власти и собственности, коллективное пользование имуществом коша, исключение частной собственности, раздел результатов общего труда между членами группы с окончанием совместного промысла, что означало прекращение существования группы.
- Реципрокации. Исключение рыночных отношений внутри группы и ограниченная практика отношений по типу централизованной редистрибуции. Рыночные отношения разрушают или кардинально перестраивают группу.

¹³⁶ Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. С. 98.

¹³⁷ Рахимов Р.Р. «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков. Л., 1990. С. 3, 9, 28, 43, 125, 130.

¹³⁸ Schurtz H. Altersklassen und Männerbünde. Eine Darstellung der Grundformen der Gesellschaft. Berlin, 1902. S. 12. 14–16. Подробнее о взглядах Г. Шурца: Грибовский В.В. Г. Шурц vs Л.Г. Морган–Ф. Энгельс або знову про багатолінійність історії // Ейдос: альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 9. Київ, 2017. С. 145–176.

- Почетный характер нахождения в группе; обретенный в ней престиж признается семейной общиной и может быть конвертирован в общественную или государственную должность.
- Реликты языческих культов внутри группы. Религиозная толерантность.

Литература

- Абрамзон, С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. [Текст] Фрунзе: Кыргызстан, 1990. 478, [2] с.
- Акти [Текст] // Жерела до історії України-Руси, видає Археографічна комісія Наукового товариства ім. Шевченка. Т. 8. Львів, 1908.
- Андрієвський, А.* Материалы по истории Запорожья и пограничных отношений [Текст] // Записки Одесского общества истории и древностей (далее – ЗООИД). Т. 17. Одесса, 1894.
- Андрієвський, І.* Путешествие Бруннера через Одессу в Крым [Текст] // Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. Т. 18. СПб., 1836.
- Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734–1775. Т. 2. [Текст] Київ, 2000. 752 с.
- Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734–1775. Т. 3. [Текст] Київ, 2003. 952 с.
- Ботяков, Ю.М.* Аламан. Социально-экономические аспекты института набега у туркмен (середина XIX – первая половина XX века). СПб.: МАЭ РАН, 2002. 192 с.
- Броневский, М.* Описание Крыма (Tartariae Descriptio) [Текст] // ЗООИД. Т. 6. Одесса, 1867.
- Владимирцов, Б.Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм [Текст] // *Владимирцов, Б.Я.* Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Восточная литература, 2002. 557 с.
- Вовк, Х.* Студії з української етнографії та антропології. [Текст] Київ: Мистецтво, 1995. 335 с.
- Гваньїні, О.* Хроніка європейської Сарматії [Текст] / Упор. та пер. з польськ. о. Юрія Мицика. 2-ге вид., доопрац. Київ: Києво-Могилянська академія, 2009. 1004 с.
- Грибовський, В.В.* Миграции ногайцев с Северного Прикаспия в Северное Причерноморье в первой трети XVIII в. [Текст] // Астраханские краеведческие чтения. Сборник статей / Под ред. А.А. Курапова. Вып. 5. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2013. 700 с.
- Грибовський, В.В.* Г. Шурц vs Л.Г. Морган–Ф. Енгельс або знову про багатолінійність історії [Текст] С. 145–176 // Ейдос: альманах теорії та історії історичної науки. Вип. 9. Київ: Інститут історії України НАНУ, 2017. 372 с.
- Грибовський, В.В.* Землеробство і седентаризація у кочівницькому соціумі: випадок причорноморських ногайців [Текст] // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). Вип. 11. Київ: Інститут історії України НАНУ, 2011. 342 с.
- Грушевський, М.С.* Історія України-Руси. Т. 7. [Текст] Київ: Наукова думка, 1995. 628 с.
- Дубровин, Н.* Присоединение Крыма к России: рескрипты, письма, реляции и донесения. Т. 1. [Текст] СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1885. VI, XXVI, 873 с.

- Житецкий, И.А.* Астраханские калмыки (наблюдение и заметки). В двух очерках. [Текст] Астрахань: Типография «Астраханского листка», 1892. 214 с.
- Иналджик, Г.* Османская империя. Класична доба. 1300–1600 [Текст] / Пер. з англ. О. Галенко. Київ: Критика, 1998. 287 с.
- Калмыков, И.Х., Керейтов, Р.Х., Сикалиев, А.И.* Ногайцы. [Текст] Черкесск: Ставропольское книжное издательство, 1988. 230 с.
- Карпов, Ю.Ю.* Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. [Текст] СПб.: МАЭ, 1996. 309 с.
- Кауфман, А.А.* Община. Переселение. Статистика. Сборник статей. [Текст] М.: Г.А. Леман и Б.Д. Плетнев, 1915. 512 с.
- Керейтов, Р.Х.* Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры. [Текст] Ставрополь: Сервисшкола, 2009. 463 с.
- Кисляков, Н.А.* Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. [Текст] Л.: Наука, 1969. 238 с.
- Кондараки, В.Х.* Типичность крымских татар [Текст] // *Кондараки, В.Х.* В память столетия Крыма. М.: Тип. В.В. Чичерина, 1883.
- Кортаев, А.В.* Горы и демократия: к постановке проблемы [Текст] // Альтернативные пути к ранней государственности. Международный симпозиум. Владивосток: Дальнаука, 1995. 216 с.
- Кочкаев, Б.Б.* Ногайская юрта и ее убранство [Текст] // История горских и кочевых народов Северного Кавказа. Вып. 1. Ставрополь, 1975. 137 с.
- Кушкумбаев, А.К.* Институт облавных охот и военное дело кочевников Центральной Азии. Сравнительно-историческое исследование. [Текст] Кокшетау: Келешек-2030, 2009. 170 с.
- Максимов, С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. [Текст] СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. 530 с.
- Масанов, Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности nomadного общества. [Текст] Алматы: Социнвест; М.: Горизонт, 1995. 320 с.
- Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию Степных областей. Тургайская область. 5. Кустанайский уезд [Текст] / Ред. Ф.А. Шербина. Т. 5. Воронеж. 1903. 805 с.
- Михалон Литвин.* О нравах татар, литовцев и москвитян [Текст] / Пер. В.И. Матузовой; отв. ред. А.Л. Хорошкевич. М.: МГУ, 1994. 151 с.
- Небольсин, П.* Очерки Волжского низовья. [Текст] СПб.: Тип. МВД, 1852. 197 с.
- Олеарий, А.* Извлечение из описания путешествия (1636–1638) [Текст] // Астраханский сборник. Вып. 1. Астрахань, 1896. 335 с.
- Описание дорог от Киева до Царьграда, сочиненное в 1714 г. [Текст] // Академические известия. Ч. 7. Месяц март. СПб., 1781.
- Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, менгрелов и грузин Жа-на де Люка [Текст] // ЗООИД. Т. 11. Одесса, 1879.
- Поноженко, Е.А.* Общественно-политический строй Ногайской Орды в XV – середине XVII вв. Дис. ... канд. юрид. наук. [Текст] М.: МГУ, 1977. 200 с.
- Потанин, Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 г. по поручению Императорского Русского географического общества. Вып. 3. [Текст] СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1883. 372 с.
- Путешествие в Тану Иосафата Барбаро [Текст] // Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб., 1836. 603 с.
- Рахимов, Р.Р.* «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков. [Текст] Л.: Наука, 1990. 153 с.
- Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. [Текст] М.; Л.: Изд-ва АН СССР, 1952. 315 с.
- Салинз Маршалл, Д.* Экономика каменного века. [Текст] М.: ОГИ, 1999. 293 с.

- Самійло Величко*. Літопис [Текст] / Пер. В. Шевчук. Т. 2. Київ: Дніпро, 1991. 640 с.
- Степове порубіжжя XVII – поч. XVIII ст. у документах Державного архіву Воронізької області РФ [Текст] / Упор. В. Грибовський. Київ, 2016. 122 с.
- Стройс, И.* Извлечение из описания путешествия (1669–1670 гг.) [Текст] // Астраханский сборник. Вып. 1. Астрахань, 1896. 335 с.
- Сыроечковский, В.Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы [Текст] // Ученые записки Московского ордена Ленина Государственного университета им. М.В. Ломоносова. Вып. 61. История. Т. 2. М., 1940. 152 с.
- Толстов, С.П.* Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. [Текст] М.: Полиграфкнига, 1948. 352 с.
- Тольбеков, С.Е.* Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. Политико-экономический анализ. [Текст] Алма-Ата: Наука, 1971. 632 с.
- Трепавлов, В.В.* История Ногайской Орды. [Текст] М.: Восточная литература, 2002. 751 с.
- Трепавлов, В.В.* История Ногайской Орды. [Текст] Казань: Казанская недвижимость, 2016. 764 с.
- Филоненко, В.И.* Детские игры крымских татар [Текст] // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Вып. 56. Симферополь: Типо-Литография В.И. Якубовича, 1919. 358 с.
- Хазанов, А.М.* Кочевники и внешний мир. [Текст] Изд. 3, доп. Алматы: Дайк-пресс, 2002. 604 с.
- Хартахай, Ф.* Историческая судьба крымских татар [Текст] // Вестник Европы. 1866. Т. 2. Июнь. С. 182–236.
- Цыбикдоржиев, Д.В.* Мужской союз, дружина и гвардия у монголов: преемственность и конфликты [Текст] // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 1. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 2004. 542 с.
- Челеби, Э.* Книга путешествия. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века. Вып. 1 [Текст] М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 341 с.
- Щербина, Ф.* Очерки Южно-русских артелей и общинно-артельных форм. [Текст] Одесса: С.Ф. Шаповалов, 1881. 380 с.
- Эварницкий, Д.И.* Сборник материалов по истории запорожских козаков. [Текст] СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1888. 248 с.
- Яворницький, Д.І.* Запорозжя в залишках старовини і переказах народу. [Текст] Вид. 3-те, випр. і доп. Ч. 1. Дніпропетровськ: Арт-пресс, 2005. 312 с.
- Яворницький, Д.І.* Твори у 20 томах. Т. 1. [Текст] Запоріжжя: ТанDEM-У, 2004. 520 с.
- Documente turcești privind istoria României. Vol. I. Întocmit de Mustafa A. Mehmed. [Текст] București, 1976.
- Gliwa, A.* Kraina upartych niepogód. Zniszczenia wojenne na obszarze ziemi przemyskiej w XVII wieku. [Текст] Przemysł: Wydawnictwo Naukowe Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Przemyslu, 2013. 1104 s.
- Kołodziejczyk, D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. [Текст] Leiden; Boston: BRILL, 2011. 1098 p.
- Kronika Marcina Bielskiego. Т. 3 (Księga 6 wraz z kontynuacją). [Текст] Sanok, 1856.
- Schlatter, D.* Bruchstücke aus einigen Reisen nach dem südlichen Russland, in den Jahren 1822 bis 1828. Mit besonderer Rücksicht auf die Nogayen-Tataren am Asowschen Meere. [Текст] St. Gallen, 1830.

- Schurtz, H.* Altersklassen und Männerbünde. Eine Darstellung der Grundformen der Gesellschaft. [Текст] Berlin, 1902.
- Tagebuch des Erich Lassota von Steblau. Nach einer Handschrift der von Gersdorff-Weichaschen Bibliothek zu Bautzen herausgegeben und mit Einleitung und Bemerkungen begleitet von Reinhold Schottin. [Текст] Halle, 1866.
- Tahsin, G.* Relațiile țărilor Române cu Poarta Otomană în documente turcești (1601–1712). [Текст] București, 1984.
- Veinstein, G.* Les «çiftlik» de colonisation dans les steppes de nord de la mer Noire au XVIe siècle [Текст] // Istanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası. 1985. № 1–4(41).

Белорусизация в Советской России в 1920–1930-е гг.: цели, методы и результаты

В статье на основании документального материала раскрывается особенность процесса белорусизации в Советской России в 1920–1930 гг. Выявлены основные направления деятельности государственных органов управления по регулированию процессов общественного и культурного развития национальных общностей.

Ключевые слова: РСФСР, коренизация, украинизация, белорусизация, коллективизация

K.S. Drozdov

BELARUSIANIZATION IN SOVIET RUSSIA IN 1920s–1930s: GOALS, METHODS AND RESULTS

Based on the documentary material, the article reveals the features of the process of belarusianization in Soviet Russia in 1920–1930. The main directions of the activity of state bodies of government in regulating the processes of social and cultural development of national communities are identified.

Key words: RSFSR, Indigenization, Ukrainianization, Belarusianization, Collectivization

Если говорить о советской политике белорусизации на территории РСФСР в 1920–1930-е гг., о формировании национальной идентичности среди белорусов России, то окажется, что этот вопрос практически не изучен. Данная проблема остается крайне слабо разработанной, своего рода белым пятном, как для белорусских исследователей, так и для российских. На наш взгляд, можно говорить о том, что в российской белорусистике она практически не разрабатывалась. За исключением небольшой работы инструктора Отдела национальностей ВЦИК З.С. Островского, написанной еще в начале 1930-х гг., в которой дан краткий очерк истории белорусов в РСФСР и рассмотрены основные направления политики белорусизации¹, а также ряда публикаций конца 1990-х – начала 2000-х гг. современного автора А.В. Корсака, посвященных белорусам Смоленщины², по сути, ничего нового по данной проблеме в отечественном белорусоведении/белорусистике не имеется.

¹ Островский З.С. Проблема украинизации и белорусизации в РСФСР. М., 1931.
² Корсак А.В. Национальные меньшинства Смоленской губернии и Западной области в первое двадцатилетие советской Власти. Дис. ... канд. ист. наук. Минск, 2000; Корсак А.В. Белорусы на Смоленщине (URL: <http://admin.smolensk.ru/history/raion/book/-B-.htm> (22.01.2016 г.)).

Что касается собственно белорусской историографии, посвященной данной проблеме, то следует отметить, что хотя в Белоруссии было опубликовано довольно много работ на тему политики белорусизации в БССР в 1920–1930-е гг.³, даже был издан сборник документов⁴, тем не менее, о белорусах в Советской России и о проводимой в этот период советской властью национально-культурной политике в отношении белорусского национального меньшинства РСФСР за весь постсоветский период было написано всего несколько работ⁵.

А между тем, многоплановость изучаемой проблемы, недостаточная ее разработанность, а также дискуссионность ряда аспектов, определили круг принципиальных вопросов, на которые я попытаюсь ответить в данной статье:

– Что же собой представляло белорусское население Советской России в середине 1920-х гг.? Насколько актуальным был «белорусский вопрос» в РСФСР и как следовало его разрешить?

– С чего началась политика белорусизации в РСФСР, и как она проходила в Смоленской/Западной области, Сибири и на Дальнем Востоке? Что представляли собой мероприятия, проводившиеся центральными и местными органами власти, которые были направлены на белорусизацию школы, культурно-просветительных учреждений, низового партийно-советского и административного аппарата?

– Почему длительное время, уже в ходе развернувшейся на территории Советской России белорусизации, многие партийные и совет-

³ О политике белорусизации в БССР см., например: *Кароль А.* Беларусізацыя – палітыка нацыянальнага адраджэння / Крыжовы шлях. Мінск, 1993. С. 118–164; *Васілеўская Н.* Абвінавачваецца ў нацыянал-дэмакратызме (пра наркома асветы Беларусі А.В. Баліцкага). Мінск, 1995; *Юфе Э.* Бацька беларусізацыі // Беларуская мінуўшчына. 1995. № 2. С. 59–62; *Лыч Л.* Беларусізацыя 20-х гадоў // Маладосць. 1995. № 11. С. 187–211; *Нарысы гісторыі Беларусі. Ч. 2.* Мінск, 1995. С. 115–127; *Андрэева, Е.* Антон Баліцкі – педагог і стваральнік нацыянальнай школы на Беларусі // Адукацыя і выхаванне. 1996. № 9. С. 13–24; *Жыліньскі Г.* Ажыццяўленне палітыкі беларусізацыі ў 20-ыя гады // Адукацыя і выхаванне. 1996. № 8. С. 32–36; *Лыч Л., Навіцкі У.* Гісторыя культуры Беларусі. Мінск, 1996. С. 196–266; *Калыда І.У.* Беларусізацыя: шляхі і метады ажыццяўлення. Мінск, 1997; *Калыда І.У.* Палітыка беларусізацыі: прычыны яе згорвання // Весті Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 1998. № 1. С. 75–80; На крутым павароце. Ідэолага-палітычная барацьба на Беларусі ў 1929–1931 гг. Дакументы, матэрыялы, аналіз. Мінск, 1999; *Кандыбовіч С.* Разгром нацыянальнага руху ў Беларусі. Мінск, 2000; *Вялікі А.* Чырвоная беларусізацыя // Спалччына. 2001. № 3. С. 50–51; *Клімаў І.* Беларусізацыя ў дакументах // Беларускі Гістарычны Агляд. 2001. Т. 8. Сшыткі 1–2 (14–15). С. 273–295; *Платонаў Р.* Шляхі ажыццяўлення беларусізацыі як працягненне нацыянальнай палітыкі // *Платонаў Р.П.* Старонкі гісторыі Беларусі: архівы сведчаць: 3 навук. спалччыны. Мінск, 2002. С. 107–157; *Лыч Л.М.* Міжваенная беларусізацыя і яе ўрок. Мінск, 2014; и др.

⁴ Беларусізацыя. 1920-я гады: Дакументы і матэрыялы / Пад агульнай рэд. Р.П. Платонава і У.К. Коршука. Мінск, 2001.

⁵ См., например: *Очерки истории ирисуов в Сибири в XIX–XX вв.* / Отв. ред. М.П. Костюк, В.А. Ламин. Новосибирск, 2002.

ские руководители на местах отказывались признавать местное население отдельным от русских белорусским национальным меньшинством?

— В какой мере кризис хлебозаготовительной кампании 1932/33 г. и свертывание политики украинизации на территории РСФСР в конце 1932 — начале 1933 г. повлияли на изменение политики властей и в отношении белорусского населения России?

* * *

В 1921 г., после подписания Рижского мирного договора с Польшей, вся территория Советской Белоруссии представляла собой 6 уездов бывшей Минской губернии, где проживало лишь 1,5 млн человек. Граница между Польшей и БССР проходила всего в нескольких десятках километров на запад от Минска. Белорусские земли Виленской, Гродненской и Минской губерний площадью 11 300 кв. км с населением свыше 4 млн человек включались в состав польского государства. В это же время миллионы белорусов компактно проживали в сопредельных районах РСФСР (в Витебской, Гомельской и Смоленской губерниях), которые первоначально не были включены в состав образованной в январе 1919 г. Белорусской Советской Социалистической Республики, как из-за слабости белорусского национального самосознания, так и из-за опасения большевиков, что на белорусскую территорию будет претендовать Польша.

В марте 1923 г. Совет послов Антанты признал восточную границу Польши (юридические права Польши на Восточную Галицию), в ответ Советский Союз занял по отношению к Польше наступательную позицию, подразумевавшую не только попытки поднять восстания среди белорусской и украинской диаспор Польши, но и направленную на создание среди широких масс этого населения положительного образа Советской Украины и Белоруссии. Как пишет в своей книге «Феномен советской украинизации» Е.Ю. Борисенко, коренизация на территории национальных республик, прежде всего на Украине и в Белоруссии, провозглашенная на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г., отвечала геополитическим интересам СССР, поскольку создавала притягательный образ Советского Союза для западных украинцев и белорусов. «В интересах развития мировой революции стоило продемонстрировать чуткое и эффективное решение национального вопроса в СССР»⁶.

Вместе с тем, политика коренизации, объявленная в качестве магистрального направления в решении национального вопроса на

⁶ Борисенко Е.Ю. Феномен советской украинизации. М., 2006. С. 77, 86.

ХII съезде РКП(б), стала ответом большевистского руководства на вызов национального движения первой четверти XX в. Советская политика белорусизации, проводившаяся в БССР и на части территории РСФСР, где находились белорусские анклавы, являлась одной из множества региональных форм коренизации, наряду с украинизацией, татаризацией, мордвинизацией и т.д.

В правильном решении белорусского вопроса заинтересован был, прежде всего, НКВД, по инициативе которого поднимался вопрос о работе среди белорусов Польши. Так, в письме Я.С. Ганецкого, заместителя Г.В. Чичерина в Наркомате иностранных дел, которое было направлено от имени коллегии НКВД И.В. Сталину 29 мая 1923 г., говорилось о необходимости «использовать в интересах нашей внешней политики все те одиозные и оппозиционно настроенные элементы, которые способны разложить польского государства. К таким элементам принадлежат, между прочим, и белорусы. Благодаря крайне недалновидной национальной политике польских господствующих классов, белорусы подвергаются притеснениям и преследованиям, которые толкают даже самых умеренных из них в ряды открытой оппозиции». Среди мер, «которые могли бы решительно и быстро повлиять на настроение как белорусской народной интеллигенции, так и широких крестьянских масс и повернуть окончательно их ориентацию в сторону Советских Республик», были названы укрупнение БССР и расширение ее границ, а также открытие белорусских школ, как в Советской Белоруссии, так и за ее пределами (в Витебской и Гомельской губерниях)⁷.

Поэтому неудивительно, что уже в ноябре 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б) проголосовало за расширение Советской Белоруссии путем передачи ей прилегающих территорий РСФСР, населенных белорусами. (Эта территория включала в себя часть Смоленской губернии и большую часть Витебской и Гомельской губерний.)

Руководители Белоруссии еще летом 1923 г. утверждали, что «образование расширенной Белоруссии привлекло бы взоры заграничных белорусов к их родной Белоруссии». «Молодежь учат в школе, что существуют три Белоруссии: одна — оккупированная Польшей, вторая — советская... и третья — по какой-то необъяснимой причине присоединенная к России»⁸.

⁷ Цит. по: *Борисенок Ю.А.* На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М., 2013. С. 133–134.

⁸ Цит. по: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 380. См. также: *Хомич С.Н.* Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo. Минск, 2011. С. 228.

А.С. Енукидзе, председатель комиссии по приграничному спору при ЦИК СССР, тогда же заявлял: «Надо говорить честно. Эта [передача] является ударом по местному населению, и я понимаю опасения белорусов. Их дети понимают русский лучше, чем белорусский, и с культурной точки зрения мы жертвуем интересами народа... Однако в данном случае мы руководствуемся политическими соображениями, и мы должны расширить Белоруссию и привлечь внимание к ней зарубежных стран. Исходя из этих соображений, мы увеличиваем численность населения Белоруссии и тем самым демонстрируем национальную политику советской власти»⁹.

Поэтому, если говорить о начале советской политики белорусизации, то можно смело утверждать, что именно внешнеполитический фактор, геополитическое противостояние с Польшей сыграли ключевую роль, как в укрупнении территории Белорусской ССР, так и в деле белорусизации в БССР и на территории РСФСР, где проживали компактной массой белорусы (в Витебской, Гомельской и Смоленской губерниях). Российские и белорусские исследователи стали писать об этом так подробно и обстоятельно лишь в последние 10–15 лет¹⁰.

В ходе разрешения вопроса об укрупнении территории Советской Белоруссии, о возвращении восточно-белорусских земель в состав БССР в 1923–1926 гг., встал вопрос и о необходимости проведения белорусизации в приграничных с БССР районах Витебской, Гомельской, Смоленской и Брянской губерний РСФСР, в которых проживало белорусское население.

Вместе с тем американский исследователь Т. Мартин отмечает в своей книге «Империя положительной деятельности», что новая граница республики, образовавшаяся после двух укрупнений БССР в 1924 и 1926 гг., «почти полностью удовлетворила белорусские власти и свела на нет всякую возможность возникновения белорусского вопроса в РСФСР»¹¹.

На мой взгляд, это не совсем верно в том смысле, что численность белорусского населения в РСФСР, даже после передачи восточно-белорусских земель в состав БССР, оставалась довольно значительной, и это население (как и украинцы в РСФСР) рассматривалось российскими властями в качестве национального меньшинства, в отношении которого необходимо было вести культурно-просветитель-

⁹ Цит. по: *Мартин Т.* Указ. соч. С. 380.

¹⁰ См., например: *Борисёнок Ю.А.* Указ. соч.; *Шевченко К.В.* Территориальное укрупнение БССР в 1924 г. в польском общественном мнении // Российско-Белорусско-Украинское пограничье: проблемы взаимодействия в контексте единого социокультурного пространства — история и перспективы. Материалы международной научной конференции (г. Новозыбков, Брянская область, 17–18 октября 2013 г.). Брянск, 2013; *Короткова Д.А.* «Укрупнение БССР» в 1923–1924 годы: фактор советского влияния в Польше // Славяноведение. 2018. № 5. С. 48–59.

¹¹ *Мартин Т.* Указ. соч. С. 382.

ную работу на родном белорусском языке. И в этом смысле белорусский вопрос в РСФСР не был разрешен и оставался актуальным на протяжении всего периода проведения политики белорусизации.

Говоря о целях советской политики белорусизации, на мой взгляд, следует исходить из того, что большевики впервые признали белорусов отдельным народом, который на протяжении многих столетий подвергался либо процессу колонизации, либо процессу русификации. И только благодаря победе Октябрьской революции получил возможность для свободного развития своего национального языка, культуры, государственности. Поэтому политика белорусизации объективно была направлена на активизировать процессов национально-культурного строительства среди белорусов БССР и РСФСР, форсирование формирования их национальной идентичности и самосознания, но в рамках строительства советской государственности и построения социализма в СССР.

«Во второй половине 1920-х гг. белорусы, проживавшие на территории РСФСР, получили возможность для развития собственной культуры и языка. В ряде регионов (на Урале, Дальнем Востоке, Сибири, а также на Псковщине, Смоленщине, Брянщине) росла сеть белорусских национальных школ. Школы, преимущественно начальные, открывались в местах компактного проживания белорусов. Создавались разного типа национальные учебные заведения: например, белорусское отделение в Смоленске при рабфаке»¹².

К концу 1920-х гг. число белорусов, проживавших в РСФСР, составляло 724 тыс. человек. Из этого числа около 323 тыс., или 45 % приходилось на Сибирь, а остальная масса проживала, главным образом, в двух районах: Западной области – 79 тыс. и Дальневосточном крае – 41 тыс. человек. Больше половины этого населения признавало белорусский язык своим родным языком¹³.

Если говорить о методах политики белорусизации, то, как и в случае с украинцами РСФСР, важнейшим из них стало создание различного рода государственных курсов по изучению белорусского языка для подготовки учителей школ, культпросветработников и низовых

¹² Белорусы. М., 1998. С. 42.

¹³ В Сибирском крае основная масса белорусского населения проживала в бывшем Канском округе – 44 тыс., Тулупском – 31 тыс., Ячинском – 30 тыс., Барабинском – 26 тыс. и Томском – 26 тыс. В других районах они жили сравнительно небольшими массами. По имеющимся сведениям, при учете населения Сибирского края в 1926 г. графа о национальности и родном языке отмечалась недостаточно четко. И все же, несмотря на это, свыше 13,5 % белорусского населения Сибирского края признавало белорусский язык своим родным языком. На Дальнем Востоке белорусы были сконцентрированы преимущественно в бывших Амурском, Хабаровском и Владивостокском округах; в Западной области – в бывших Великолуцком, Клинцовском и Смоленском округах (*Островский З.С.* Проблема украинизации и белорусизации в РСФСР. М., 1931. С. 21).

работников партийно-советского аппарата, которые могли бы вести делопроизводство на белорусском языке. Кроме того, в этот период создается целая система специальных органов власти на местах и в центре, которая отвечала за проведение политики белорусизации, как по линии Советов, так и по линии народного образования.

Важным этапом в деле развертывания белорусизации на территории РСФСР стало Совещание по вопросам украинской и белорусской культурно-просветительной работы в РСФСР, состоявшееся в Москве 29–30 апреля 1925 г. по инициативе Совета по просвещению национальных меньшинств Народного комиссариата просвещения (Совнацмена НКП) РСФСР. Это совещание можно считать своеобразной точкой отсчета, с которого началось создание белорусских школ по всей Советской России, где проживали белорусы. Первый пункт резолюции, принятой по итогам совещания, гласил: «Перевод на материнский язык просветительной работы среди украинцев и белоруссов в РСФСР является необходимым звеном в общей системе мероприятий по разрешению национального вопроса»¹⁴. Перед началом белорусизации (и украинизации) школ предлагалось в начале провести широкую разъяснительную работу с местным населением, затем мероприятия по подготовке (и переподготовке) учителей для белорусских школ, причем «перевод просветительной работы должен осуществляться от низших ступеней, непосредственно связанных с населением, к высшим», он должен был найти свое отражение также и в издательской деятельности¹⁵.

Как указывалось в статье М. Тайтша «На повороте», которая была посвящена итогам этого совещания, «белорусской сети до января с.г. (т.е. до 1925 г. — *К.Д.*) совершенно не было, и только во второе полугодие, по усиленному настоянию центра, в Гомельской губернии (входила на тот момент в состав РСФСР. — *К.Д.*) на родной язык были переведены 35 школ». «Разве можно игнорировать 800 000 белорусское население и оставлять его без культурно-просветительной работы», — категорически заявлял автор статьи¹⁶.

После работы по переподготовке учителей сеть белорусских культурно-просветительных учреждений в 1925/26 учебном году была следующей: 198 школ 1-й ступени, 1 педтехникум, 1 отделение рабфака и 3 школы 2-й ступени. Но в связи с новым укрупнением Белорусской ССР, когда в конце 1926 г. к ней отошли Гомельский и Речицкий уезды Гомельской губернии, а в РСФСР осталось лишь свыше 475 тыс.

¹⁴ См.: Вопросы всеобщего обучения (среди нацмен). Выпуск третий (шестой) / Под ред. Г.Г. Мансурова и М.С. Эпштейна. М., 1927. С. 185.

¹⁵ Там же. 186.

¹⁶ *Тайтш М.* На повороте // Народное просвещение. Орган Наркомпроса РСФСР. 1925. № 7–8. С. 165–166.

белорусов, число белорусских школ 1-й ступени в РСФСР уменьшилось до 80 (1926/27 учебный год)¹⁷.

2 декабря 1926 г. Наркомпрос РСФСР принял специальное постановление о необходимости активизировать работу с украинскими и белорусскими нацменьшинствами. В нем, в частности, подчеркивалось, что «говорить о сходстве, уничтожающем границы между языками – русским, с одной стороны, и украинским и белорусским – с другой, нет оснований ни научных, ни каких-либо других. Белорусов и украинцев, проживающих на территории РСФСР, надлежит рассматривать, как национальные меньшинства и вести среди них работу на их родном языке»¹⁸.

1927 год стал переломным в плане белорусизации системы школьного образования: именно тогда центральными органами Наркомпроса РСФСР были разработаны директивные и инструктивные письма, методические материалы и т.п. для местных органов народного образования, раскрывающие механизм перевода начальной школы на белорусский язык преподавания и подготовки соответствующих педагогических кадров для белорусской начальной школы в РСФСР.

Так, например, 8 марта 1927 г. на заседании Президиума коллегии Наркомпроса РСФСР был заслушан вопрос «О просветработе среди украинского и белорусского населения РСФСР». Коллегия постановила: 1) подтвердить вторично циркулярным распоряжением Край-, Обл-, Губ- и ОкрОНО необходимость принятия мер к плановому переводу школ на украинский и белорусский языки в местах с компактным украинским и белорусским населением, разговорной речью которых является родной язык, и обратиться в директивные органы с просьбой об указании соответствующим местным органам об оказании содействия для развития просветительной работы среди украинцев и белорусов, создавая в соответствующих советских органах (губисполкомах и их отделах) необходимые для этого условия; 2) считать необходимым рассмотреть в кратчайший срок вопрос об открытии краткосрочных педагогических курсов для подготовки преподавателей из среды украинцев и белорусов; 3) Совнацмену¹⁹ НКП усилить работу по подготовке учебников на украинском и белорусском языках, *учитывая культурно-бытовые и хозяйственные особенности украинцев и белорусов РСФСР, и приспособляя программы ГУСа²⁰ к этим осо-*

¹⁷ См.: Шестаков П. Белоруссы / Вопросы всеобщего обучения (среди нацмен). Выпуск третий (шестой). С. 74–75.

¹⁸ Цит. по: *Островский З.* Указ. соч. С. 44.

¹⁹ Совнацмен – Совет (с 1929 г. – Комитет) по просвещению национальных меньшинств – орган Наркомпроса РСФСР, который с 1921 г. ведал всей образовательной и культурно-просветительной работой среди нацменьшинств, проживавших на территории РСФСР. Упразднен в 1934 г.

²⁰ ГУС – Государственный ученый совет в составе Наркомпроса РСФСР. Его научно-педагогическая секция разрабатывала школьные программы и учебники.

бенностям (выделено иной. — *К.Д.*); 4) поручить Совнацмену и Главсоцвосу²¹ к 1 июля 1927 г. проработать вопрос о принципах и методах перевода украинских и белорусских школ на родной язык; 5) Главполитпросвету²² и Совнацмену обратить особое внимание на подготовку и переподготовку политпросветработников украинцев и белорусов и расширить издание украинской и белорусской политпросветлитературы; 6) Совнацмену принять меры к усилению методического руководства украинскими и белорусскими школами и массовыми политпросветучреждениями²³.

17–22 мая 1927 г. Совнацмен и Главсоцвос Наркомпроса РСФСР провели I Всероссийское совещание по всеобщему обучению среди национальных меньшинств, на котором пристальное внимание было уделено процессам белорусизации и украинизации школ в РСФСР. Были выработаны практические рекомендации с целью повышения темпов и качества перевода начальной школы на белорусский язык преподавания, подготовки и переподготовки белорусских учителей для этих школ, рассмотрены вопросы, связанные с продвижением белорусского национального учебника.

4 августа 1927 г. в краевые, областные и губернские отделы народного образования Совет по просвещению нацменьшинств Наркомпроса РСФСР направил директивный циркуляр № 28–62, в котором указывалось на необходимость, во-первых, в план по развертыванию сети украинских и белорусских школ на 1927/28 учебный год «внести необходимое количество школ, кои должны быть переведены на белорусский и украинский языки, озаботившись о своевременном обеспечении этих школ украинскими и белорусскими учителями». Во-вторых, необходимо было отразить в местном бюджете соответствующие статьи расходов на снабжение школ нацмен учебниками и учебными пособиями, и в-третьих, из сумм, назначенных местным бюджетом на переподготовку учителей, «выделить определенные кредиты на переподготовку украинских и белорусских учителей и политпросветработников»²⁴.

И наконец, 30 августа 1927 г., Наркомпрос РСФСР направляет местным отделам народного образования подробнейшее инструктивное письмо № 18 «О принципах и методах перевода школ, обслуживающих украинское и белорусское население в РСФСР, на родной язык»

²¹ Главсоцвос — Главное управление социального воспитания и политехнического образования в составе Наркомпроса РСФСР. Ведало школьным образованием детей до 15 лет.

²² Главполитпросвет — Главный политико-просветительный комитет в составе Наркомпроса РСФСР. В его ведении находились избы-читальни, клубы, библиотеки, школы для взрослых, советско-партийные школы, коммунистические университеты.

²³ ГА РФ. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 276. Л. 14.

²⁴ Там же. Л. 17 об.

с целью «обстоятельно остановиться на всех вопросах, связанных с делом надлежащей национализации украинских и белорусских школ». В качестве подготовительных мероприятий в области просветительской работы, предшествующих украинизации (белорусизации) школы, в нем были названы следующие моменты: «перевод на родной язык политпросветучреждений районов с украинским или белорусским населением»; «снабжение всех изб-читален и библиотек района украинской или белорусской литературой»; «издание на украинском или белорусском языке местной газеты»; «перевод в школы, обслуживающие украинское (и белорусское) население, учителей-украинцев (белорусов) или представителей других народностей, но непременно хорошо владеющих украинским (белорусским) языком»; «организация летних педагогических курсов для подготовки этих учителей к введению преподавания на родном языке детей»; «открытие украинских или белорусских отделений при педтехникумах или национальных техникумов и одно- и двухгодичных педкурсов» и «издание через Центроиздат и другие издательства и совместно с другими ГубОНО, находящимися в одинаковых условиях, учебников и учебных пособий для местных украинских школ». Кроме того, рассматривался порядок перехода к преподаванию в школе на украинском (белорусском) языках и составление соответствующих планов по переводу школ на родной язык обучения. Наркомпрос РСФСР предлагал представить соответствующие планы к 1 января 1928 г.²⁵

В этом же циркуляре было отмечено, что «белорусские школы имеются только в Смоленской губернии — 18, Сибири — 10, в Брянской губ. — 25». Таким образом, получается, что в РСФСР накануне нового 1927/28 учебного года было всего 53 белорусских школы.

Тем не менее в мае–июне 1928 г., когда в Москве проходило II Всероссийское совещание уполномоченных по работе среди национальностей, в одном из выступлений говорилось, что «украинцы и белорусы до сего времени (нужно прямо сказать) игнорировались в нашей работе. По целому ряду причин не велась работа среди них»²⁶.

В первые годы (1925–1928) реализации политики белорусизации на территории РСФСР центральные и местные власти смогли добиться лишь минимальных результатов. Одной из важнейших причин этого отставания было нежелание местных работников признавать белорусов, проживавших в России, отдельным от русских (великороссов) народом и уж тем более национальным меньшинством. «До недавнего времени национализация советского аппарата и культурное обслужи-

²⁵ Цит. по: *Сергейчук В.І.* Українізація Росії. Політичне ошуканство українців більшовицькою владою в 1923–1932 роках. Київ, 2000. С. 251–252, 257.

²⁶ Совещание уполномоченных по работе среди национальностей меньшинств при ЦИКах автономных республик, областных, краевых и губернских исполнительных комитетов, 1928. Стенографический отчет. М., 1928. С. 50.

вание украинского и белорусского населения на родном языке слабо проводилось в РСФСР. Необходимо констатировать, что многие работники, в том числе и некоторые национальные работники органов ОНО и даже местных партийных организаций, упорно считали украинцев и белорусов, живущих в РСФСР, «ассимилированными», и в силу этого проводили среди них работу на русском языке», – написал А. Рахимбаев в предисловии к книге З.С. Островского «Проблема украинизации и белоруссизации в РСФСР», которая вышла в свет в 1931 г.²⁷

Особенно тяжело обстояло дело с белорусизацией в Сибири. Так, из доклада инструктора Отдела Национальностей ВЦИК С. Моравского от 30 июня 1926 г., который проводил инспекторскую поездку по Сибирскому краю, следовало заключение, что «украинцы и белорусы охвачены школой не более, чем на 6,5 %... Как видно из приведенных данных, работа на родном языке почти совершенно не ведется среди украинского и белорусского и весьма слабо среди мордовского населения»²⁸.

Спустя почти два года ситуация с белорусизацией в Сибирском крае совершенно не изменилась. Сибирский краевой комитет ВКП(б) 30 марта 1928 г. констатировал, что «количество школ, обслуживающих белорусов, и переведенных в своей работе на родной язык, крайне недостаточно; работа политпросветучреждений на родном языке почти не ведется; отсутствуют подготовленные культурные работники, качество работы имеющихся просветительных учреждений неудовлетворительное; работа партийных, советских, кооперативных организаций в местностях с компактным белорусским населением на родной язык также не переведена. Такое состояние работы среди белорусов объясняется помимо общих причин (распыление населения, постоянный приток белорусов-переселенцев, отсутствие кадров культурных работников, литературы и прочее) еще и тем, что на местах имеется недооценка важности работы среди белорусов, как национального меньшинства»²⁹.

По Сибирскому краю в 1927–1928 гг. было только 3 белорусских школы с числом учащихся в 150 человек и 2 смешанных русско-белорусских школы – 141 человек. (В русских школах обучалось около 12 500 человек.) «Само собой разумеется, что семилеток, девятилеток, ШКМ и др. школ повышенного типа на белорусском языке по всей Сибири совершенно нет».

Что касается советского аппарата, кооперативных и других общественных организаций, то следует отметить, что до января 1930 г. не

²⁷ Островский З.С. Указ. соч. С. 3.

²⁸ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 38. Л. 8–9.

²⁹ Островский З.С. Указ. соч. С. 57.

было даже попытки коренизации советского административного аппарата и перевода его на белорусский язык, хотя бы в одном селе или районе. Даже в тех бывших округах Сибири, где белорусы составляли 13–16 % всего населения округа, — ни в одном окружном аппарате исполкома не было работников, владеющих белорусским языком.

И если под давлением решения президиума Совета Национальностей от 7 декабря 1929 г. Сибирский краевой исполком был вынужден принять определенное решение по вопросу об украинизации, то по вопросу белорусизации он ограничился директивой только одному Томскому окрисполкому: проработать план возможности образования белорусского национального района к 1 июля 1930 г. О других же районах с десятками тысяч человек белорусского населения, как пишет в книге Островский, «крайисполком не удосужился еще подумывать»³⁰.

Аналогичную картину недооценки значения белорусизации можно было наблюдать и в Западной и Ленинградской областях. Из выступления уполномоченного по работе среди национальных меньшинств Ленинградской области Шипилло на II Всероссийском совещании уполномоченных летом 1928 г.: «На местах со стороны некоторых работников бывает невнимательное отношение к нацменработе. Взять, к примеру, работу среди белорусов. Если работник попал в белорусскую деревню, то он полагает, что должен оказаться в каком-то совершенно ином государстве, где все поголовно говорили бы на белорусском языке. А если этого нет, то он говорит: “какие же это белорусы, это — не белорусы, а то же русское население”. И когда начинает работать, то устраивает сам себе препятствие, утверждая, что здесь, мол, белорусского населения нет, что население записано белорусским только потому, что регистрацию проводил белорус. Понятно, такой подход никуда не годится. Здесь налицо — непонимание тех исторических причин, благодаря которым белорусское население до известной степени ассимилировалось с русским населением. Когда мы проводим национальную политику среди белорусов, то иногда не приходится считаться с отсутствием у них ярко выраженных национальных признаков, так как в силу ряда исторических причин белорусы восточных окраин, находясь под влиянием Польши и Великороссии, до известной степени забыли свой родной культурный язык»³¹.

В бывшей Брянской губернии сеть культурных учреждений не расширялась, но шла на убыль: вместо 7 школ в 1927 г. осталось 5 школ в 1929 г. Белорусская школа, не имевшая руководства и под-

³⁰ Островский З.С. Указ. соч. С. 58. «В ДВК нет вообще ни одной школы, ни одного культпросветучреждения на белорусском языке» (Там же).

³¹ Совещание уполномоченных по работе среди национальных меньшинств при ЦИКах автономных республик, областных, краевых и губернских исполнительных комитетах, 1928... С. 38–39.

держки со стороны местных органов, прекращала работу на родном языке и переходила на русский язык преподавания. И это несмотря на то, что 26 марта 1928 г. на заседании ВЦИК была принята резолюция по докладу Брянского губисполкома о состоянии работы с национальными меньшинствами в Брянской губернии, которая предлагала Брянскому губисполкому «в местностях, где количественно преобладает украинское и белорусское население, организовать нацсельсоветы и нацволисполкомы и постепенно перевести делопроизводство всех соответствующих учреждений сельского и волостного значения на украинский и белорусский языки»³².

Смоленские губернские органы осенью 1927 г., несмотря на протест со стороны НКП, сократили единственного белорусского инспектора в аппарате ГубОНО и тем «решительно обезглавливают белорусскую школу».

При районировании Псковской губернии Великолуцкие окружные организации, несмотря на то, что в состав округа вошло белорусское население бывших трех уездов Витебской губернии (Себежского, Великолуцкого, Невельского), превосходившее по численности все остальные национальности, также сократили белорусского инспектора Невельского УОНО.

«Особенно неблагоприятно с работой белорусских школ, которые благодаря плохому подбору работников-националов, своей одноклассности сами являются тормозом белоруссизации. Если школы ведут преподавание на родном языке, то в белорусских школах I ступени работают на белорусском языке не все группы, а в школах повышенного типа белорусский язык преподается только как предмет, по 2–3 часа в неделю в каждой группе. В настоящее время в белорусских школах повышенного типа имеется только по 1–2 работника, знакомых с белорусским языком. Сеть белорусских школ тоже построена недостаточно правильно. В Клинцовском округе при наличии 5 белорусских школ I ступени, нет белорусской школы повышенного типа. В Смоленском округе, при наличии школы повышенного типа, в радиусе 7–8 верст нет белорусской школы I ступени»³³.

В чем же заключались причины того, что политика белоруссизации в РСФСР постоянно толкалась на одном месте и фактически ни на шаг не продвигалась вперед?

Основные причины, связанные с трудностями в деле белоруссизации (как и украинизации) школ в РСФСР, состояли в том, что белорусскую школу приходилось создавать с нуля. В это время в Советской России не было ни педагогических кадров – белорусских учителей, хорошо знающих белорусский язык, ни учебников на белорус-

³² ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 43. Д. 62. Л. 106.

³³ *Островский З.С.* Указ. соч. С. 58–59.

ском языке, ни опыта преподавания учебных предметов по-белорусски. Еще в 1927 г., когда в Москве проходило I Всероссийское совещание по всеобщему обучению среди национальных меньшинств, на эти причины указывал Г.В. Гасилов в статье «Современное состояние и очередные задачи школьного дела среди нацмен». По его мнению, главные проблемы политики белорусизации (и украинизации) школьного дела в РСФСР заключаются в следующем: 1) «отсутствие национального учебника на родном языке, трудности его создания»; 2) «отсутствие учителей-националов, достаточно хорошо знающих родной язык и способных к ведению педагогической работы, и трудности по их подготовки»; 3) «чрезвычайно незначительный, только послереволюционный опыт этой школы»; 4) часть местного населения «не совсем осознала педагогическую целесообразность преподавания в школе на родном языке и иногда противодействует этому». Последняя причина кроется в том, что население желает «дать своим детям наиболее совершенное знание русского языка, в целях лучшего общения с окружающим русским населением, с госучреждениями, ведущими работу на русском языке, а также в целях дальнейшего продвижения национальной молодежи в школы повышенного образования, ведущие работу на русском языке»³⁴.

На эту же причину – желание белорусов России в совершенстве знать русский язык и их стремление к обучению на русском, а не белорусском языке, обратил внимание Н.В. Чехов в статье «Русский язык в школах нацмен». «Положение украинцев и белоруссов на территории РСФСР несколько иное: хотя местами они и живут большими сплошными массами, но селения их обычно чередуются с селениями русскими; в городах, с которыми они связаны и экономически и культурно, господствует русский язык, – он же употребляется по преимуществу и в правительственных и общественных учреждениях, на нем же ведется и политико-просветительная и общественно-политическая работа. В результате этих условий взрослое – и особенно мужское – население гораздо больше, чем на Украине и в Белоруссии, знакомо с русским языком, и все население живет и сильнее чувствует потребность в знании этого языка. Своей же национальной школы они никогда не знали. Неудивительно, что национализация их школ в пределах РСФСР идет очень медленно, и что по степени обеспечения национальной школой они занимают одно из последних мест, так как большая часть их обучает своих детей в русских школах и на русском языке. Для них это дело облегчается близостью русского и их родного языка. Самая необходимость перевода школ на родной

³⁴ Гасилов Г.В. Современное состояние и очередные задачи школьного дела среди нацмен // Вопросы всеобщего обучения (среди нацмен). Выпуск третий (шестой). С. 53–54.

язык сознается этой частью украинского и белорусского народа очень слабо, что и задерживает национализацию этих школ»³⁵.

На отсутствие белорусских школ повышенного типа, как одним из тормозов в деле белорусизации системы школьного образования, указывал в 1928 г. уполномоченный по работе среди национальных меньшинств Ленинградской области Шипилло: «Возьмите хотя бы белорусское население. Мы встречаемся с большими трудностями создания белорусских школ. Ребенок, придя впервые в школу, говорит на “маткиной мови”, но изучать белорусский язык и проходить предметы на белорусском языке родители учащихся — белорусы не соглашаются, так как нет белорусских школ повышенного типа, и когда ребенок кончает белорусскую школу, мы сразу же сталкиваемся с вопросом, куда его дальше отправлять, где он дальше должен продолжать свое образование? Школы-семилетки для белорусских детей отсутствуют, педтехникумы отсутствуют. В русские школы повышенного типа детей, окончивших белорусскую школу, не всегда принимают, потому что они плохо знают русский язык, плохо пишут, делают ошибки. И ясно, что крестьянин-белорус после этого избегает белорусской школы. У него нет возможности отправлять своего ребенка в Минск или другой белорусский центр, где бы этот ребенок смог продолжать свое образование. Нужно было бы подумать о том, чтобы в таких районах, где имеется компактная масса населения той или иной национальности, создать школы повышенного типа, где бы дети, кончающие первоначальную школу, могли бы продолжать свое образование на родном языке, могли бы по окончании школы повышенного типа работать среди того населения, где они выросли и родились. Иначе это чрезвычайно плохо отражается на общей постановке работы»³⁶.

В постановлении ЦИК СССР по докладу о работе среди национальных меньшинств Сибирского края от 8 декабря 1929 г. указывались следующие недочеты, связанные с проведением политики белорусизации (и украинизации): «слабость работы и недооценка политического значения организационного и социально-культурного обслуживания украинцев и белорусов как национальных меньшинств на их родном языке», «невыделение до сих пор украинских и белорусских национальных административно-территориальных единиц»³⁷.

Как показывают многочисленные архивные документы того времени, белорусы в РСФСР, подобно украинцам, очень часто не при-

³⁵ *Чехов Н.В.* Русский язык в школах нацмен // Вопросы всеобщего обучения (среди нацмен). Выпуск третий (шестой). С. 139–140.

³⁶ Совещание уполномоченных по работе среди национальных меньшинств при ЦИКах автономных республик, областных, краевых и губернских исполнительных комитетах, 1928... С. 38–39.

³⁷ Цит. по: Революция и национальности. 1930. № 1. С. 110–111.

знавались нацменьшинством, а рассматривались местными органами власти и руководящими работниками как особая группа русского населения, говорящая на особом «жаргоне»³⁸. Например, в отчетах Тарского, Канского, Тулуновского, Ачинского и Новосибирского округов единодушно подчеркивалось, что «белорусы ассимилировались и не претендуют на белорусскую школу»³⁹. Смоленский горсовет решил, что «белорусов в Смоленске нет и о них не нужно говорить». На заседании в октябре 1928 г. было решено, чтобы средства, предусмотренные по бюджету ГубОНО на культурно-просветительную работу среди белорусского населения, были переданы на жилищное строительство. (Из газеты «Советская Белоруссия». 1929. 17 ноября)⁴⁰. Все это негативно отражалось на уровне грамотности белорусского населения.

Если говорить о *результатах* политики белорусизации в РСФСР, то здесь речь должна идти, прежде всего, о белорусизации культурно-просветительных учреждений. К 1929/30 учебному году по сведениям, приведенным в книге З. Островского, всего по РСФСР числилось 130 белорусских школ I-й ступени, из них в бывшей Смоленской губернии – 40, в Ленинградской области – 18, бывшей Брянской губернии – 7, Сибирском крае – 65. Белорусских школ повышенного типа было всего 5 (все в бывшей Смоленской губернии) и 1 белорусский техникум (Ленинградская область)⁴¹.

Только к началу 1930-х гг. можно говорить о том, что политика белорусизации народного образования, да и то, главным образом в деле открытия белорусских школ I и II ступеней, смогла достичь некоторых положительных результатов. Это касалось, прежде всего, территории Западной области – Смоленщины. Если в 1927/28 учебном году в Смоленской губернии числилось всего 36 белорусских школ I-й ступени и 4 школы повышенного типа, то к середине 1930-х гг. сеть белорусских школ насчитывала 84 начальных (8 190 учащихся) и 15 школ повышенного типа (2 тыс. учащихся). Для подготовки и переподготовки учителей белорусских школ организовывались специальные курсы, как в Смоленской губернии (а затем в Западной области), так и в Минске. Руднянский белорусский педагогический техникум в 1932 г. обучал 165 учащихся; работники культуры и образования готовились на белорусских отделениях Смоленского педрабфака. Было открыто белорусское отделение при Соболево-Воробьевском педтехникуме⁴².

³⁸ Островский З.С. Указ. соч. С. 32–33.

³⁹ Там же. С. 57.

⁴⁰ Там же. С. 61.

⁴¹ Там же. С. 82.

⁴² Корсак А.В. Национальные меньшинства Смоленской губернии и Западной области в первое двадцатилетие советской власти. Дис... канд. ист. наук. Минск. 2000; Корсак А.В. Белорусы на Смоленщине (URL: <http://admin.smolensk.ru/history/raion/book/-В-.htm> (дата обращения: 22.01.2016 г.))

Еще осенью 1928 г. в Москве прошел I съезд белорусских работников просвещения. С 3 по 10 января 1931 г. в Москве проходила неделя Советской Белоруссии. Уже в 1931/32 учебном году появилась возможность на 100 % коренизировать начальную школу у белорусов, проживавших в России. К этому времени были полностью обеспечены учебниками на родном языке все группы начальной школы. Постановлением Коллегии Наркомпроса РСФСР от 13 октября 1931 г. был установлен срок коренизации начальной школы для белорусов и украинцев РСФСР – 1932/33 учебный год. За это время начальная школа должна была полностью перейти на белорусский язык преподавания.

Говоря о высшей школе для белорусского населения РСФСР, то здесь следует иметь в виду, что к 1932/33 учебному году функционировало уже 2 белорусских отделения – педрабфаки – в Смоленском и Томском пединститутах.

В середине 1930-х гг. большинство белорусов, проживавших в Западной области, говорили либо на русском, либо с более-менее значительной примесью белорусских слов. По мнению современного исследователя А.В. Корсака, документы того времени свидетельствуют о том, что «белорусское население в большинстве относится к родному языку индифферентно»⁴³.

Качество знаний, полученных на белорусском языке, оставалось достаточно невысоким. Уровень грамотности на белорусском языке был низким. Об этом свидетельствуют, например, следующие факты. В начале 1934 г. было проведено обследование белорусских школ Руднянского района Западной области. В справке об итогах проверки сообщалось следующие: «Слабая подготовка отдельных преподавателей, недостаточное знание некоторыми из них белорусского языка, отсутствие учебников по белорусской литературе и новой грамматике (реформе 1933 г.), пользование учебниками со старым правописанием привело к слабому усвоению учащимися знаний по отдельным предметам и безграмотности письма. Так, например, во время весенних испытаний диктовка ученицы 5-го кл. Любавичской НСШ⁴⁴ Куневич

⁴³ Корсак А.В. Белорусы на Смоленщине; *Беррашэд Ф.* Беларускі культурна-асветніцкі рух на Смаленшчыне (1920–30-я гг.) // Романовские чтения-7: Сборник статей международной научной конференции. Могилёв. 2011. С. 114–116. Сравни: «Отношение аппарата к украинизации пассивное, а в целом ряде случаев замаскировано-недоброжелательное», «отношение аппарата, за редким исключением, надо определить как инертное», «открытых сопротивлений нет, ... но конкретные факты говорят за то, что отдельные работники, если не протестуют против украинизации, то и ничего не делают для скорейшего проведения таковой», – именно так характеризуют документы тех лет позицию советского чиновничества в отношении политики украинизации в Центральном Черноземье РСФСР. (ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 125. Д. 192. Л. 13, 43 об, 87).

⁴⁴ НСШ – неполная средняя школа.

Анастасии оценена преподавателем Дроздовым на хорошо. Просмотр этой работы показал, что т. Дроздовым не исправлено пять ошибок.

Зав. Б. Березинской начальной школой т. Миначенко оценил диктант ученика 4-го кл. Бакаренкова Николая на хорошо. После проверки этой работы обнаружено дополнительно 12 грамматических ошибок. Преподавательница Турской НСШ т. Синайкова дала оценку контрольной работы по белорусскому языку ученика Любанова очень хорошо, после проверки найдено еще незамеченными учительницей 13 ошибок.

Большинство преподавателей не повышает своих знаний по белорусскому языку, почему и перевод преподавания отдельных предметов на белорусский язык задерживается – Любавичская НСШ»⁴⁵.

В 1932/33 гг. по инициативе сталинского руководства из-за угрозы распространения украинского национализма на внутренние области России произошел отказ от политики украинизации РСФСР. На основании секретного постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15 декабря 1932 г. политика украинизации в РСФСР была прекращена: существовавшие украинские районы и украинские школы были ликвидированы, делопроизводство в государственных учреждениях, как и преподавание в школах и вузах было вновь переведено на русский язык.

Вскоре начался пересмотр и политики белорусизации в БССР. 2 марта 1933 г. политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное постановление «Об извращении национальной политики ВКП(б) в Белоруссии», где на примере опубликованного в «Правде» 25 февраля письма учителя физики и математики из Крупского района Г. Сцепуро, обвиненного в великодержавном шовинизме за разговоры дома по-русски, содержалось требование повышения престижа русского языка.

Тогда же стали закрываться и белорусские школы в РСФСР с формулировками: «ввиду того, что ряд белорусских школ фактически работает на русском языке», «вследствие отсутствия базы для их коренизации», «учитывая требования населения». В 1934 г. перед самым началом учебных занятий были переведены на русский язык преподавания некоторые школы Невельского, Руднянского и Гордеевского районов⁴⁶.

⁴⁵ См.: Судьба национальных меньшинств на Смоленщине. 1918–1938 гг. Документы и материалы. Смоленск, 1994. С. 274–275.

⁴⁶ *Корсак А.В.* Белорусы на Смоленщине; *Беррашэд Ф.* Указ. соч. Последние белорусские школы на Смоленщине были ликвидированы в 1938 г., после того, как 1 декабря 1937 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело вопрос «О ликвидации национальных районов и сельсоветов» и признало «нецелесообразным дальнейшее существование как особых национальных районов, так и сельсоветов». Постановление предписывало местным партийным комитетам к 1 января 1938 г. представить в ЦК ВКП(б) предложения о ликвидации этих районов путем реор-

С этого времени на русско-украинском и русско-белорусском пограничье возобновился процесс естественной ассимиляции украинского/белорусского населения, а затем под воздействием административной русификации территории РСФСР начался процесс смены национальной идентичности с украинской/белорусской на русскую⁴⁷.

К середине 1930-х гг. культурная жизнь национальных меньшинств, в их числе и белорусов, почти полностью была свернута. Как справедливо отмечают авторы книги «Белорусы», «за короткий срок относительно активного развития белорусской культуры и языка полной реэтнизации белорусов Смоленщины, Псковщины и Брянщины не произошло, поскольку эти процессы имели локальный характер (наибольшая их интенсивность отмечалась в местностях, где функционировали белорусские школы), кроме того, они тормозились местной администрацией»⁴⁸.

Во второй половине 1940-х – начале 1960-х гг. происходило крупномасштабное переселение белорусов (в порядке оргнабора) в Карелию, Архангельскую область, Коми АССР, Казахстан и другие регионы. К 1959 г. численность белорусов в России достигла 844 тыс. человек. В отдельных районах, как, например, в Карелии, произошло многократное ее увеличение. По данным переписи 1959 г., численность белорусов в Карелии составляла 71,9 тыс. С 1960-х гг. их число стало постепенно сокращаться и в 1989 г. достигло 55,5 тыс. человек. В целом в РСФСР численность белорусов возросла с 964 тыс. в 1970 г. до 1 206 тыс. в 1989 г.

В 1989 г. наиболее крупные группы белорусов были зафиксированы в Европейской части РСФСР – в Москве (73 тыс.) и Московской области (56,5 тыс.), Ленинграде (93 тыс.) и Ленинградской области

ганизации в обычные районы и сельсоветы. Вместе с национальными районами решалась и судьба национальных школ. Решением Оргбюро ЦК ВКП(б) «О национальных школах» от 1 декабря 1937 г. было признано вредным «существование особых национальных школ (финские, эстонские, латышские, немецкие, английские, греческие и др.) на территории соответствующих республик» и предложено «реорганизовать указанные школы в советские школы обычного типа». Наркомпросу РСФСР предписывалось «представить в ЦК ВКП(б) предложения о ликвидации национальных педтехникумов, домов просвещения и др. культурно-просветительных учреждений». Весь 1938 г. шел процесс реорганизации национальных районов и сельсоветов, а также происходило закрытие национальных школ и перевод их на русский язык обучения.

⁴⁷ При этом, например, численность украинского населения в Воронежской губернии сократилась приблизительно с 1,1 млн до 0,5 млн человек, в Курской губернии с 600 тыс. до 200 тыс. человек (Всесоюзная перепись населения. 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 87, 89). Причем численность украинского населения в Центральном Черноземье продолжала и дальше сокращаться. Перепись 1939 г. зафиксировала уменьшение украинского населения в Воронежской области до 402 710 человек (в 1937 г. – 482 774 человека), в Курской области до 138 105 человек (в 1937 г. – 191 239 человек). (Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / Под ред. Ю.А. Полякова. М., 1992. С. 62).

⁴⁸ Белорусы. С. 43.

(33,7 тыс.), Калининградской области (73,9 тыс.), Карелии (55,5 тыс.), Коми (26,7 тыс.); в северных областях — Мурманской (38,8 тыс.), Архангельской (19,9 тыс.) и в южных — Краснодарском крае (37,4 тыс.), Ростовской области (38 тыс.). В областях давних расселений белорусов, их численность была следующей: в Смоленской — 28,9 тыс., Псковской — 12,5 тыс., Брянской — 11,3 тыс. На Урале белорусы проживали в Свердловской (28,9 тыс.) и Челябинской (29,1 тыс.) областях, а также в Сибири и на Дальнем Востоке — в Тюменской области (49,1 тыс.), Приморском крае (22 тыс.), в Амурской, Иркутской, Магаданской областях и Красноярском крае (36 тыс.)⁴⁹.

Лишь в конце 1980-х — начале 1990-х гг., после длительного перерыва (с конца 1920-х гг.), возобновился интерес к изучению истории, материальной и духовной культуры белорусов, проживающих за пределами Белоруссии, прежде всего в РСФСР/России. В Ленинграде, Москве, Новосибирске и других городах возникали отделения Товарищества белорусского языка им. Франциска Скорины. Академия наук Белоруссии совместно с научно-исследовательскими центрами России начала собирать фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока⁵⁰.

Литература

- Андрэева, Е.* Антон Баліцкі — педагог і стваральнік нацыянальнай школы на Беларусі [Текст]. // Адукацыя і выхаванне. 1996. № 9. С. 13–24.
- Белорусы. [Текст]. М.: Наука, 1998. 502 с.
- Беларусізацыя. 1920-я гады: Дакументы і матэрыялы [Текст]. / Пад агульнай рэд. Р.П. Платонава і У.К. Коршука. Мінск: БДУ, 2001. 270 с.
- Беррашэд, Ф.* Беларускі культурна-асветніцкі рух на Смаленшчыне (1920–30-я гг.) [Текст]. // Романовские чтения-7: Сборник статей международной научной конференции, 26 ноября 2021 г. Могилёв: Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова, 2011. 204 с.
- Борисенок, Е.Ю.* Феномен советской украинизации. [Текст]. М.: Изд-во «Европа», 2006. 256 с.
- Борисенок, Ю.А.* На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. [Текст]. М.: ООО «Родина МЕДИА», 2013. 352 с.
- Васілеўская, Н.* Абвінавачваецца ў нацыянал-дэмакратызме (пра наркома асветы Беларусі А.В. Баліцкага). [Текст]. Мінск: Навука і тэхніка, 1995. 78 с.
- Вопросы всеобщего обучения (среди нацмен). [Текст]. Выпуск третий (шестой) / Под ред. Г.Г. Мансурова и М.С. Эпштейна. М.: ГИЗ, 1927. 204 с.
- Весоюзная перепись населения. 1937 г. Краткие итоги. [Текст]. М.: Ин-т истории СССР, 1991. 238 с.
- Весоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги [Текст]. / Под ред. Ю.А. Полякова. М.: Наука, 1992. 254 с.
- Валікі, А.* Чырвоная беларусізацыя [Текст]. // Спадчына. 2001. № 3. С. 50–51.
- Гасілов, Г.В.* Современное состояние и очередные задачи школьного дела среди нацмен [Текст]. / Вопросы всеобщего обучения (среди нацмен). Выпуск третий (шестой). М.: ГИЗ, 1927. С. 53–54.

⁴⁹ Белорусы. С. 43.

⁵⁰ Там же.

- Жылінскі, Г.* Ажыццяўленне палітыкі беларусізацыі ў 20-ыя гады [Текст]. // Адукацыя і выхаванне. 1996. № 8. С. 32–36.
- Лофе, Э.* Бацька беларусізацыі [Текст]. // Беларуская мінуўшчына. 1995. № 2. С. 59–62.
- Каляда, І.У.* Беларусізацыя: шляхі і метады ажыццяўлення: тэксты лекцый па дысцыпліне «Гісторыя і культура Беларусі» для 1-га курса ўсіх спецыяльнасцей. [Текст]. Мінск: БДТУ, 1997. 31 с.
- Каляда, І.У.* Палітыка беларусізацыі: прычыны яе згортвання [Текст]. // Вестні Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Сэрыя гуманітарных навук. 1998. № 1. С. 75–80.
- Кандыбовіч, С.* Разгром нацыянальнага руху ў Беларусі. [Текст]. Мінск: БГА, 2000. 160 с.
- Кароль, А.* Беларусізацыя – палітыка нацыянальнага адраджэння [Текст]. / Крыжовы шлях: дапаможнік для вывучаючых гісторыю Беларусі. Мінск: Выдавецкая сэрыя Гістарычныя шпыткі, 1993. С. 118–164.
- Кімаў, І.* Беларусізацыя ў дакументах [Текст]. // Беларускі Гістарычны Агляд. 2001. Т. 8. Шпыткі 1–2 (14–15). С. 273–295.
- Корсак, А.В.* Национальные меньшинства Смоленской губернии и Западной области в первое двадцатилетие советской власти [Текст]. Дис... канд. ист. наук. Минск, 2000.
- Корсак, А.В.* Белорусы на Смоленщине. [Текст]. (URL: <http://admin.smolensk.ru/history/raion/book/-B-.htm>, дата обращения: 22.01.2016 г.)
- Короткова, Д.А.* «Укрупнение БССР» в 1923–1924 годы: фактор советского влияния в Польше [Текст]. // Славяноведение. 2018. № 5. С. 48–59.
- Лыч, Л.* Беларусізацыя 20-х гадоў [Текст]. // Маладосць. 1995. № 11. С. 187–211.
- Лыч, Л., Навіцкі, У.* Гісторыя культуры Беларусі. [Текст]. Мінск: Экаперспектыва, 1996. 453 с.
- Лыч, Л.М.* Міжваенная беларусізацыя і яе ўрокі. [Текст]. Мінск: [б.в.] 233 с.
- Мартин, Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. [Текст]. М.: РОССПЭН, 2011. 662 с.
- На крутым павароце. Ідэолага-палітычная барацьба на Беларусі ў 1929–1931 гг. Дакументы, матэрыялы, аналіз. [Текст]. Мінск: БелНДІДАС, 1999. 385 с.
- Нарысы гісторыі Беларусі. [Текст]. Ч. 2. Мінск: Беларусь, 1995. 560 с.
- Островский, З.С.* Проблема украинизации и белоруссизации в РСФСР. [Текст]. М.: Изд-во «Власть Советов» при Президиуме ВЦИК, 1931. 88 с.
- Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. [Текст]. [Г.А. Бочанова, Л.М. Лыч и др.] / Отв. ред. М.П. Костюк, В.А. Ламин; Рос. акад. наук. Сиб. отд-ние, Ин-т истории, Нац. акад. наук Беларусі, Ин-т истории. Новосибирск: Наука-Центр, 2002. 239 с.
- Платонаў, Р.* Шляхі ажыццяўлення беларусізацыі як праўленне нацыянальнай палітыкі [Текст]. / *Платонаў, Р.П.* Старонкі гісторыі Беларусі: архівы сведчаць: 3 навук. спадчыны / Уклад.: У. В. Фядосаў і інш.; навук. рэд. М.Ф. Шумейка. Мінск: БелНДІДАС, 2002. 352 с.
- Революция и национальности. [Текст]. 1930. № 1.
- Сергіичук, В.І.* Украінізацыя Расіі. Політычнае ошуканства украінцаў большавіцкаю владою в 1923–1932 роках. [Текст]. Київ: Українська Видавнича Спілка, 2000. 336 с.
- Совещание уполномоченных по работе среди национальных меньшинств при ЦИКах автономных республик, областных, краевых и губернских исполнительных комитетах, 1928. [Текст]. Стенографический отчет. М.: ВЦИК, [1928] (“Мосполиграф” 14-я тип.). 521 с.

- Судьба национальных меньшинств на Смоленщине. 1918–1938 гг. [Текст].
Документы и материалы. Смоленск: Смол. гос. пед. ин-т, 1994. 317 с.
- Тайти, М.* На повороте [Текст]. // Народное просвещение. Орган Нарком-
проса РСФСР. 1925. № 7–8. С. 165–166.
- Хомич, С.Н.* Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от
незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического
произвола к современному status quo. [Текст]. Минск: Экономпресс, 2011.
415 с.
- Шевченко, К.В.* Территориальное укрупнение БССР в 1924 г. в польском обще-
ственном мнении [Текст]. // Российско-Белорусско-Украинское пограни-
чье: проблемы взаимодействия в контексте единого социокультурного про-
странства – история и перспективы: Материалы международной научной
конференции (г. Новозыбков, Брянская область, 17–18 октября 2013 г.).
Брянск: Брянский гос. ун-т им. акад. И.Г. Петровского, 2013. 421 с.
- Шестаков, П.* Белоруссы [Текст]. / Вопросы всеобщего обучения (среди нац-
мен). Выпуск третий (шестой). М.: ГИЗ, 1927. С. 74–75.
- Чехов, Н.В.* Русский язык в школах нацмен. [Текст]. / Вопросы всеобщего обу-
чения (среди нацмен). Выпуск третий (шестой). М.: ГИЗ, 1927. С. 139–140.

Бахрины/Барыны в поздней Золотой Орде и Казанском ханстве в XV в.

В статье рассматривается место и роль бахринов/барынов в социально-политическом устройстве поздней Золотой Орды и Казанского ханства XV в.

Ключевые слова: карачи-беи, бахрины, барыны, Золотая Орда, Казанское ханство

I.V. Zaitsev

BAHRINS IN THE LATE GOLDEN HORDE AND THE KAZAN KHANATE IN THE 15th CENTURY

This article discusses the place and role of Bah rins / Baryns in the socio-political structure of the late Golden Horde and the Kazan Khanate in the 15th century.

Key words: Karachi-bei, Fringes, Lords, Golden Horde, Kazan Khanate

Больше 20 лет назад видный татарский историк Д.М. Исаков писал: «Вопрос о барынах в Казанском ханстве нуждается в дополнительном исследовании. Это будет возможно только при обнаружении новых источников»¹. Такие источники появились, и к клановому составу Казанского государства можно обратиться снова.

Как известно, Казанское ханство унаследовало золотоордынское по происхождению клановое устройство. Так, в административном отношении оно делилось на так называемые даруги — княжества (бейлики), которые возглавлялись карачи-беями, представителями одного из четырех (позже пяти) правящих ханов (Ширин, Барын, Аргын, Кыпчак, Мангыт)². Представители клана бахрин/барын с незапамятных времен играли важнейшую роль в этой структуре. Автор «Шаджарат ал-атрак» писал, что улус бахринов еще со времен Огуз-хана принадлежал людям правой стороны³. «Ширин, барин, аргун [и] кыпчак были давними, со времен предков, эями Тохтамыш-оглана. [И когда] оглан этот самый, подвизаясь в казаках, начал творить такие [во]т де-

¹ Исаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань, 1998. С. 57.

² Исаков Д.М. О происхождении «Арских князей» и их месте в этнополитической структуре Казанского ханства // Заказанье: проблемы истории и культуры. Материалы конференции. Казань, 1995. С. 97; Исаков Д.М. От средневековых татар... С. 14–15.

³ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечение из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.А. Волиным. М.; 1941. С. 207.

ла. Сорви-головы, лихие молодцы из этих элей потянулись к нему в нукеры и начали поддерживать [его]»⁴.

Йезди среди старших эмиров Тохтамышша упоминает бахрина Акбугу⁵. Он скончался, видимо, в начале 1380-х гг., поскольку Шами и Йезди называют его сторонником Тимура в окружении Тохтамышша, говоря, что ко времени конфликта между Тохтамышем и Тимуром его уже не было в живых⁶.

Хорошо известен также другой эмир Тохтамышша — бахрин Яглыбий (Яглы-бай бахадур), возможно, сын Тоглу-бия. Он упоминается не только у Шереф-ад-Дин Йезди⁷, но и в других источниках. В «Шаджарат ал-атрак» содержится захватывающий рассказ о его поединке с эмиром Османом⁸. В «Кара таварих» он упомянут как «барын Ягыл-бай» (بارين ياغل باي)⁹. У Абд ал-Гаффара Кырыми имя этого эмира из войска Тохтамышша передано в несколько иной («джекающей» форме): барын Джавлы-бай (جاوولى باي)¹⁰.

На смену Яглы-баю пришел другой представитель рода барын по имени Сарай. Он также известен по нескольким источникам. Утемиш-хаджи знал его как одного из предводителей войска сына Тохтамышша Джелалетдина, отправленного в Хорезм в погоню за мирзой Нуретдином: «Весной Джелалетдин отправил с большим войском Сарая и Джихан бая в погоню за их элем»¹¹. Обращение к рукописи говорит о том, что авторы транскрипции и переводчики допустили в толковании этого отрывка неточность, спутав близкие в написании слова بارين и بهارين. Перевод этого места должен выглядеть так: «Джелалетдин отправил с большим войском барына Сарая и Джихан-бая в погоню за их элем»¹². Был ли барыном Джихан-бай, неизвестно: на той же странице он назван сыном некоего Кемала (كمال اوغلو)¹³. Несомненно, что этот же барынский бек Сарай упоминается в одном из фрагментов

⁴ Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 115.

⁵ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. С. 151.

⁶ Там же. С. 109, 151–152.

⁷ Там же. С. 168, 173, 177.

⁸ Там же. С. 207–208, 177.

⁹ Утемиш-хаджи. Кара таварих. Серия «Язма Мирас. Письменное наследие. Textual Heritage». Вып. 4 / Пер. на рус. яз. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой. Казань, 2017. С. 63, 206.

¹⁰ Кырыми А. Умдет ал-ахбар. Кн. 1: Транскрипция, факсимиле. Серия «Язма Мирас. Письменное наследие. Textual Heritage». Вып. 1 / Транскр. Дерья Дерин Пашаоглу; отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань, 2014. С. 347; Кырыми А. Умдет ал-ахбар. Кн. 2: Пер. Серия «Язма Мирас. Письменное наследие. Textual Heritage». Вып. 5 / Перевод с осман. Ю.Н. Керимовой, И.М. Миргалеев. Казань, 2018. С. 69.

¹¹ Утемиш-хаджи. Кара таварих. С. 64.

¹² Там же. С. 203, стр. 11.

¹³ Ср.: Кырыми А. Умдет ал-ахбар. Кн. 1. С. 346; Кн. 2. С. 70.

казанского списка «Дафтар-и Чингиз-наме» среди имен беков, «бывших в эпоху хана Джанибека»¹⁴.

Этот же бек Сарай, упомянутый в тексте Абдулгаффара Кырыми именно со своей клановой принадлежностью — *بارين*. В транскрипции текста Кырыми, а затем и в переводе на русский язык он ошибочно назван «Серай»¹⁵. Однако обращение к рукописи не оставляет сомнений в том, что его настоящее имя — Сарай: в тексте оно огласовано именно в такой форме (с двумя фатхами и сукуном) — *سرای*¹⁶. У Кырыми именно Сарай называется убийцей Эдиге. Ширин Руктемур будто бы отрубил у мертвого уже мирзы голову и принес ее хану, за что получил в жены дочь хана Джанибека Джаныге Савлу, а Сараю был дарована должность даруги Хаджи-Тархана¹⁷. Кадыр-Али-бек также говорит о барыне Сарае как об убийце Эдиге¹⁸. Очевидно, что барынский бек Сарай в 1419 г. должен был быть во цвете лет. Р.А. Беспалов считает Сарая братом (видимо, двоюродным) ширинского бека Тегене¹⁹, отождествляя дарагу князя Усейна Сараева и брата танича Тегене Усейна, для чего нет особых оснований.

Обратимся к сыновьям Сарая. Они также хорошо известны. По всей вероятности, их было трое. Первый — дарага князь Усейн (Хусейн) Сараев — упомянут среди приближенных Улуг-Мухаммеда в 1437 г.²⁰ Видимо, он унаследовал должность отца. Второй — казанский князь Шаптяк Сараевич, имя которого сохранилось в формулярном изводе тарханно-проезжих грамот митрополита Ионы казанскому хану Махмудеку и о торговле митрополичьей рухлядью (мехами)²¹. Возможно, третьим сыном казанского барына Сарая был Яголтай (в крещении Дмитрий)²², имя которого стало эпонимом знаменитой Яголдаевой «тьмы». Самое раннее упоминание о нем относится к началу 1440-х гг.²³

¹⁴ Мустакимов И.А. Об одном списке «Дафтар-и Чингиз-наме» // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 1. Казань, 2009. С. 123, 127.

¹⁵ Кырыми А. Умдет ал-ахбар. Кн. 1. С. 102; Кн. 2. С. 77.

¹⁶ Там же. С. 339.

¹⁷ Там же. С. 339; Кн. 2. С. 78.

¹⁸ Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв.: «Сборник летописей», «Дафтар-и Чингиз-наме», «Таварих-и Булгария». Татарские шаджара. Казань, 1972. С. 85. Ср.: *Утемиш-хаджи*. Кара таварих. С. 72, 186.

¹⁹ Беспалов Р.А. Хан Улу-Мухаммед и государства Восточной Европы: от Белёва до Казани (1437–1445) // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 5. Казань, 2012. С. 58.

²⁰ ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 259; Т. 18. СПб., 1913. С. 189.

²¹ Русский феодальный архив XIV первой трети XVI в. / Под. ред. В.И. Буганова. Вып. I. М., 1986. С. 154–155.

²² Беспалов Р.А. Хан Улу-Мухаммед... С. 58.

²³ Там же. С. 58, примеч. 39.

В московском летописном своде конца XV в. под 1408 г. в ряду ордынских князей упоминается Сарай²⁴. Если предположить, что это тот самый барын, то линия барынов в Казани и на Северщине должна выглядеть так:

	Урусак	
	Сарай	
Яголдай (Дмитрий)	Хусейн	Шаптяк
Роман	?	?

Любопытно, что влияние барынов в Казани сохранилось и позже. Есть некоторые основания полагать, что в Казанском ханстве во второй половине XV – начале XVI в. именно барыны вместе с кипчаками были доминирующими кланами.

В 1494 г. крымский хан Менгли-Гирей писал Ивану III о судьбе Абд ал-Летифа, находившегося тогда в Московском государстве, советуя сделать его воспитателем-аталыком барына Мамыша: «У того у Абдыл-Летифа царевича доброго слуги у него нет, у молода человека добра человека не будет, ино то лихо живет, чтобы ему вон не выйти, таково бы ему место еси дал, Баарын Мамыша приставил бы еси к Абдыл-Летифу, доброму бы обычаю и пошлине бы учил, а слуг бы понаставливал и страшал, молвя, крепко наказав да Мамыша приставил, да Мамышу бы еси те речи говорил: Тобе велми добро имя будет»²⁵. Это назначение, скорее всего, состоялось. В 1498 г., уже после того, как Абд ал-Летиф стал ханом в Казани, Менгли-Гирей просил отпустить Мамыша, но поскольку того уже, видимо, не было в живых, просил отправить в Крым его не названного по имени сына²⁶. Безусловно, должность ханского аталыка у барынского князя не могла не сказаться на положении этого клана при дворе.

В 1518 г. крымский хан Мехмед-Гирей говорил московскому дипломату В. Шадрину о необходимости отпуска царевича Абд ал-Летифа в Казань: «А мне брата своего Абды-Летифа царя послать, тольке будет на Козани кутловать Барына или Кибчаку»²⁷. Видимо,

²⁴ ПСРЛ. Т. 11. СПб., 1897. С. 205; Т. 18. С. 155; Т. 25. С. 238, 260; *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 468.

²⁵ Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранных. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией. Т. I (Сборник Русского исторического общества. Т. 41). СПб., 1884.

²⁶ Там же. С. 270.

²⁷ Там же. Т. II. (Сборник Русского исторического общества. Т. 95). СПб., 1895. С. 500.

это «кутлование» барынов и кипчаков в Казани заключалось в необходимости предоставить им какие-то льготы при новом хане: Менгли-Гирей ставил это условием отпуска Абд ал-Летифа на Казань. Как видим, видную роль, которая принадлежала барынам при дворе Тохтамыша, а потом и Улуг-Мухаммеда, они продолжили играть при его преемниках в Крыму и Казани.

Литература

- Беспалов, Р.А.* Хан Улу-Мухаммед и государства Восточной Европы: от Белёва до Казани (1437–1445) [Текст] // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 5. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 53–70.
- Исхаков, Д.М.* О происхождении «Арских князей» и их месте в этнополитической структуре Казанского ханства [Текст] // Заказанье: проблемы истории и культуры. Материалы конференции. Казань: Заман, 1995.
- Исхаков, Д.М.* От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.) [Текст]. Казань: Мастер Лайн, 1998.
- Исхаков, Д.М.* Труды по исторической этнологии татарского народа. Т. 1. Среднетюркская эпоха (X – начало XV вв.) [Текст]. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016.
- Кырьми, А.* Умдет ал-ахбар. Кн. 1: Вып. 1 [Текст] / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014; Кн. 2: Перевод. Серия «Язма Мирас. Письменное наследие. Textual Heritage». Вып. 5. [Текст] Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018.
- Мустакимов, И.А.* Об одном списке «Дафтар-и Чингиз-наме» [Текст] // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 1. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009.
- Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией. Т. I [Текст] (Сборник Русского исторического общества. Т. 41). СПб.: Тип. Ф. Елеонского, 1884; Т. II [Текст] (Сборник Русского исторического общества); Т. 95: 1508–1521 гг. СПб [Текст]. 1895. [10], XIX, 706 с., 108 стб.
- Полное собрание русских летописей [Текст]. Т. 11. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1897; Т. 18. СПб.: Тип. М.А. Александрова; Т. 25. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
- Приселков, М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста [Текст]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- Русский феодальный архив XIV первой трети XVI в. [Текст] / Под ред. В.И. Буганова. Вып. I. М.: Ин-т истории СССР, 1986.
- Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды [Текст]. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
- Усманов, М.А.* Татарские исторические источники XVII–XVIII вв.: «Сборник летописей», «Дафтар-и Чингиз-наме», «Таварих-и Булгария». Татарские шаджара [Текст]. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1972.
- Утемиш-хаджи.* Чингиз-наме [Текст]. Алма-Ата: Гылым, 1992.
- Утемиш-хаджи.* Кара таварих. Сер. «Язма Мирас. Письменное наследие. Textual Heritage» [Текст] Вып. 4 / Пер. на рус. яз. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017.

Новороссия: исторические предпосылки идентичности

В данной статье рассматриваются основные факторы, определяющие место и роль Новороссии в русском общественном сознании на современном этапе.

Ключевые слова: Россия, Украина, Новороссия, украинский национализм

A.V. Marchukov

NOVOROSSIA: HISTORICAL BACKGROUND OF IDENTITY

This article discusses the main factors determining the place and role of Novorossia in the Russian public consciousness at the present stage.

Key words: Russia, Ukraine, Novorossiya, Ukrainian nationalism

Изучение истории Новороссии началось и уже успешно осуществляется, что демонстрируют появляющиеся коллективные и индивидуальные монографии и сборники статей¹. Однако в этом деле возникают некоторые трудности. Главная задача, встающая перед исследователем при изучении истории данного региона, — это «увидеть» сам объект — Новороссию как самостоятельный историко-культурный регион, как особое национальное и отчасти политическое целое. Причём увидеть его не только в дореволюционном прошлом, но и в более поздние времена. Понять, что Новороссия есть, и принять это.

А сделать это не так просто: довлеют политические обстоятельства, инерция сознания, а у некоторых — и нежелание его увидеть. В советское время тема Новороссии и даже само ее имя было табуировано. Это противоречило советской национальной политике и самому национально-территориальному устройству СССР, одной из важнейших составляющих которого была Украина. Украина как национальная республика, как государственность украинской нации. Идея Новороссии, которая уже одним своим именем напоминала, что это — Россия, и что живет там русский народ, подрывала ее. Во многом табуирована эта идея-концепт и сейчас, причем не только на Украине. И все по тем же причинам — это подрывает политическое и ментальное единство Украины.

¹ История Новороссии / Отв. ред. В.Н. Захаров. М.; СПб., 2017; *Марчуков А.В.* Новороссия: формирование национальных идентичностей (XVIII—XX вв.). М., 2018; *Шубин А.В.* История Новороссии. М., 2015; Проблемы истории Новороссии. Сборник статей / Отв. ред. В.Н. Захаров. М., 2015; *Фролов К.А.* Сакральные смыслы Новороссии: церковные и цивилизационные расколы в Новороссии, на Подкарпатской Руси и Украине. СПб., 2015.

Между тем Новороссия – это не политическая выдумка. Да, ее современное воскрешение началось ещё до 2014 г., но набрало силу именно тогда, став центральным смысловым моментом «Русской Весны». Оно имеет конструктивистский характер. Но конструирование, т.е. (пере)осмысление истории этого региона и формулирование на основе этого политической повестки, не ведется на пустом месте: оно использует вполне явственный исторический и культурно-мировоззренческий фундамент. История формирует национально-культурный облик населения (его идентичность, мироощущение), а он определяет последующую судьбу и региона, и его жителей.

Есть несколько основополагающих обстоятельств, обусловивших судьбу Новороссии и определивших облик и мировоззрение его населения.

Первое. Эта территория изначально была территорией России. У нее нет груза иных государственных. Хотя у региона и богатая предыстория, но его история как Новороссии начинается с момента присоединения и освоения этих земель сначала казаками (донскими, запорожскими, слободскими), а затем Русским государством.

Возникла Новороссия на землях, где складывались казачьи сообщества – форпосты русской колонизации, и куда продвигалась русская государственность. На землях, которые Московское государство, а потом Российская империя отвоевывали у Османской империи, Крымского ханства и ногайцев, а затем осваивали и заселяли. В отличие от Малороссии/Украины, Галиции и Волыни, развитие которых в течение длительного периода протекало в рамках польской государственности и под воздействием польских социокультурных норм, Новороссия изначально является частью истории России.

Второе. Регион изначально складывался как полиэтничный. Население Новороссии формировалось прежде всего за счет великороссов и малороссов. Но кроме них эта земля стала родной и для целого ряда этнических групп – немцев, греков, молдаван, болгар, гагаузов, армян, евреев. Полиэтничность, социальное равенство этносов, представленных во всех сословных и социальных группах общества, заставляли соседей притираться друг к другу, формировали особые рамки этих отношений (преимущественно мирных), воспитывали уважение и терпимость по отношению к другим культурам. Эта черта, присущая русской культуре и государственности вообще, в полной мере проявилась и в Новороссии. И хотя здесь тоже имелись случаи межэтнического напряжения, таких жестких межнациональных противоречий, как, скажем, на Украине, тут не было.

Третье. История и полиэтничность определили и культурно-языковой облик региона. Русский язык и культура стали общим связующим началом, контекстом, в котором жило его население. Проживание здесь разных этносов обусловило необходимость наличия языка

и культуры межэтнического общения. Долгое время живя в рамках своих этнических общин, они чем дальше, тем больше вращались в русскую культурно-языковую матрицу региона и укрепляли ее.

Важно подчеркнуть, что и Российским государством, и большей частью общества и народа, на сознательном уровне или на уровне рефлексии, «русское» понималось как «общерусское». Как единство во множестве, включающее в себя великорусскую, малорусскую и белорусскую этническую и культурную составляющие. В «плавильном котле» Юга России и Новороссии в частности, узловыми точками которых были города и промышленность, в общерусском направлении протекали и процессы формирования нации.

Сторонники украинства утверждают, что русский язык, культура, государственность якобы являются привнесенными, чужими и чуждыми народу. Что русские (великороссы) являются в Новороссии, Донбассе, Слободской Украине «национальным меньшинством» и «некоренным населением». Это ложь. На самом деле русские являются здесь коренным населением. Точно так же, как коренными тут являются и украинцы (малороссы), и другие народы, которые по приглашению российских властей заселили новый регион Империи (бывшее Дикое Поле и примыкавшие к нему территории Русского государства).

Новороссия была и поныне является родной для всех населяющих ее этносов. Все ее жители являются потомками (недавними или более далекими) переселенцев. Поэтому в Новороссии и Слободской Украине украинцы являются точно такими же потомками мигрантов-переселенцев, как и русские. И точно так же здесь все коренные. Новороссия и Слободская Украина — точно такая же этническая территория русских, как и украинцев. А коренной народ на своей территории не может быть объявлен национальным меньшинством.

Четвертое. Развитие национальных процессов в регионе среди основной массы его населения (малороссов и великороссов) шло по пути сложения общерусской нации. Способствовала этому и полиэтничность.

Наконец, *пятое* — экономика. Всему вышеперечисленному способствовал характер экономического развития региона, который, в свою очередь, сам стал следствием действия этих факторов. Он изначально складывался как общероссийский экономический регион — и по значению, и по масштабам. И сельскохозяйственный (товарного производства, особенно зерновых культур), и добывающий, и промышленный. Более того, он понимался современниками как новый облик России, как новая Россия, как ее завтрашний день.

Все это закладывало изначальную русскую матрицу региона. Ею обуславливался и политический выбор, который местные жители делали в переломные времена, например, в годы Гражданской войны.

Украинский национализм и сепаратизм был здесь еще более маргинальным явлением, чем в Малороссии. Тут опору имели белые с их идеей «единой неделимой» России. Крестьянское движение — махновщина — не имело украинско-националистических черт, в отличие от того, что наблюдалось на Украине. Местные красные тоже выступали с идеей «единой России» — только России советской и федеративной. Но федерация эта должна была строиться не по национальному, а по социально-экономическому принципу. А главное, они отвергали украинский сепаратизм.

Важно отметить и совпадение границ историко-культурных регионов постсоветской Украины с электоральными картами политических, языковых и культурных предпочтений населения.

Однако, помимо изначальной «матрицы», судьбу Новороссии определяло и «привнесённое», а именно фактор украинства.

Но не националисты-самостийники как таковые и не их иностранные союзники (прежде всего австрийцы и немцы) сумели превратить Юг России в Украину и утвердить там украинскую идентичность. Это сделали большевики. Именно они, опираясь на мощь руководимого ими Советского государства и частично даже в сотрудничестве с настоящими украинскими националистами, создали и украинскую государственность, и украинский язык, и украинскую нацию. Именно их усилиями украинская идентичность была внедрена в массовое сознание. В том числе насильственными методами, порой носившими черты лингво- и этноцида.

И это принесло результаты. Многие стали называть своим родным языком украинский, хотя думали и говорили на русском, называть себя «украинцами», хотя от «русских» ничем не отличались и о национальности (своей и других) задумывались редко. Русскую общность разделили на три части, фактически лишив две из них (малороссов/украинцев и белорусов) права на русский язык, культуру, идентичность как на свои родные.

В результате произошло смешение матрицы и привнесенного. Осталась прежняя культурно-языковая основа, но с измененной идентичностью (советские, русскоязычные украинцы). Да, в некоторые периоды под влиянием объективных обстоятельств (развития страны) русскость брала свое, язык возвращал себе те позиции, которые ему принадлежали объективно. Быть русским было когда почетно (хотя за этим ничего не стояло, кроме моральной и материальной ответственности), когда не престижно, а нередко и сопровождалось притеснением по национальному критерию.

Но в любом случае украинская государственность никуда не девалась, украинская идентичность оставалась важной частью социальной действительности (когда выступая как приоритетная, когда отходя на второй план), а местный патриотизм окрашивался в республиканско-

украинские цвета. Пока существовал СССР, все это было не очень заметно, хотя многие негативные явления, вышедшие на поверхность в годы самостоятельности Украины, вызревали уже тогда. Но после появления независимой Украины все подспудное вышло наружу: национальная форма осталась, а вот ее содержание изменилось. Вместо «советско-социалистического» оно стало националистическим, антирусским. А Украина стала позиционировать себя как не-Россия и анти-Россия. Как нациократическое государство одной титульной нации (украинской), проводящей по отношению к прочим этническим группам (к русским в первую очередь) ассимиляторскую политику и активно занимающееся строительством нации.

Но, несмотря ни на что, матрица региона сохранилась. И это позволило в 2014 г. вспыхнуть «Русской Весне», причем пришлась она как раз на области, расположенные в исторической Новороссии. И стало ясно, что все процессы в национальной сфере не окончательны, а обратимы. И что как русский может заявлять себя украинцем, так и те, кого в советское и постсоветское время трактовали как украинцев, способны вспомнить, что они – русские (в широком понимании этого слова).

Важно отойти от советской системы смыслов и терминологии. И в том числе от биологизаторского понимания национального и национальности. И при определении последней учитывать фактор культуры, языка, мировоззрения человека. То есть понимать национальность не как этническое происхождение (или не только как его), а как культурно-мировоззренческий выбор. Понимать русскость как категорию, принадлежащую украинцам и белорусам в такой же степени, что и нынешним русским. А тем самым и создавать условия, при которых проще будет «увидеть» Новороссию.

Литература

- История Новороссии [Текст] / Отв. ред. В.Н. Захаров. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 864 с.
- Марчуков, А.В.* Новороссия: формирование национальных идентичностей (XVIII–XX вв.). [Текст] М.: Кучково поле, 2018. 512 с.
- Проблемы истории Новороссии. Сборник статей. [Текст] / Отв. ред. В.Н. Захаров. М.: ИРИ РАН, 2015. 232 с.
- Фролов, К.А.* Сакральные смыслы Новороссии: церковные и цивилизационные расколы в Новороссии, на Подкарпатской Руси и Украине. [Текст] СПб.: Алетей, 2015. 402 с.
- Шубин, А.В.* История Новороссии. [Текст] М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 480 с.

Кризис ханского правосудия: «арз» в Хиве в XIX – начале XX в.¹

В статье анализируется традиция «арз», представляющая собой суд хана по обращению подданных, на примере Хивинского ханства XIX – начала XX в. На основе записок современников и других источников прослеживается эволюция этого традиционно-правового института в ханстве периода правления династии Кунгратов (с начала XIX по начало XX в.), анализируется судебный процесс. Автор приходит к выводу, что если в начале XIX в. этот вид суда был востребован как для подданных, так и для самих монархов, то уже в середине века он стал превращаться в формальность, а к началу XX в. – и вообще в некое театральное действо, лишённое прежних целей подобного судебного разбирательства. Анахронизм подобного судебно-правового института был очевиден и для самих хивинских властей, однако его сохранение являлось одним из проявлений стремления хивинских ханов поддерживать видимость своей власти под протекторатом Российской империи.

Ключевые слова: Хивинское ханство, Российская империя, традиционное право, суд и процесс, протекторат

R.Yu. Pochekaev

CRISIS OF KHAN JUSTICE: ARZ IN KHIVA, THE 19th – THE EARLY 20th CENTURY

The article is an analysis of “arz” tradition, the court of khan on recourse of subjects by the example of the Khanate of Khiva in the 19th – the early 20th century. Basing on notes of contemporaries and other historical sources author observes the evolution of this traditional legal institution during the reign of Kungrat dynasty, since the beginning of the 19th century, examples of such court, subject-matters of cases, the court procedure. Author finds that at the beginning of the 19th century this court was important for khans as well as for their subjects, but till the middle of the century it transformed into formality and by the 20th century it became something like a theatrical performance without previous functions. This kind of court was an obvious anachronism even for Khivans, but its saving was an attempt of Khivan khans to support the illusion of their power in the khanate under protectorate of the Russian Empire.

Key words: Khanate of Khiva, Russian Empire, Traditional law, Court and procedure, Protectorate

Обращение подданных к суду правителя является давней традицией кочевников Евразии еще с догосударственных времен, когда правители являлись лишь родоплеменными предводителями. С появлением «степных империй» эта традиция не исчезла, и даже монархи обширных тюрко-монгольских государств продолжали ее соблюдать, несмотря на то, что число их подданных, равно как и направлений

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00162).

сфер государственной деятельности, существенно возросло². В той или иной степени эта традиция сохранилась вплоть до конца существования последних наследников Монгольской империи и чингизидских правовых традиций — среднеазиатских ханств, последние из которых прекратили свое существование в первой четверти XX в.

Ханский суд на основе прошений подданных в среднеазиатской традиции получил название «арз» (или «арздод»). Само слово «арз», имевшее персидское происхождение, означало «прошение» или «жалоба», по сути представляя собой любое обращение к хану³. Существовал даже особый род административного документа «арз-наме», посредством которого наместники среднеазиатских ханов в регионах осуществляли свою власть, формально испрашивая у правителя разрешения на совершение тех или иных действий и официально получая таковое из канцелярии⁴.

В процессуальном же отношении «арз», по сути, обозначал исковое заявление, подаваемое на имя монарха, которое тот, в соответствии с древней традицией, должен был рассмотреть. В разных среднеазиатских государствах эта традиция сохранялась в различных формах. Например, в Кокандском ханстве на завершающем этапе его существования (в середине 1870-х гг.) хан рассматривал дела только в качестве апелляционной инстанции, либо если к нему обращались с прошением о помиловании приговоренного преступника⁵. В Бухарском эмирате правитель, формально сохраняя статус высшей судебной инстанции, фактически передал функции по рассмотрению прошений верховному шариатскому судье — кази-калянчу⁶.

В Хивинском ханстве традиция «арз» сохранялась наиболее долго: еще во втором десятилетии XX в. ханы осуществляли прием прошений граждан и вершили на их основании суд. Церемония «арздод» уже привлекала внимание историков, в частности — У.А. Абдурасулова, посвятившего ей обстоятельное исследование, основанное на широ-

² Средневековые историки, в частности, донесли до нас немало примеров рассмотрения частных дел Угедэем, преемником Чингис-хана на троне Монгольской империи, см.: *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II. М.; Л., 1960. С. 51—54, 58—59; *Juvaini Ata-Malik*. The History of the World-Conqueror. Manchester, 1997. P. 209—210, 214—215, 223—225.

³ *Абдурасулов У.* В Хиву в поисках справедливости: церемония «арздод» в Хивинском ханстве // История Узбекистана. 2015. № 2. С. 27.

⁴ См., например: *Маев Н.* Очерки Бухарского ханства // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. V. СПб., 1879. С. 103.

⁵ *Трионов К.К.* В гостях у хана Наср-Эдина // Исторический вестник. 1910. Т. CXXI. № 7. С. 133—134.

⁶ *Логофет Д.Н.* Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. I. СПб., 1911. С. 325; ср.: *Юсупов М.С.* Суд в Бухаре. Судостроительство и судопроизводство в Бухарском эмирате в конце XIX — начале XX в. / Подгот. текста и вступ. ст. У. Абдурасулова и П. Сартори. Ташкент; Вена, 2016. С. 13—14.

ком круге источников⁷. Он рассматривает сохранение этого древнего правового и судебного института в Хиве как преемственность традиций и отмечает его значение не только в правовом, но также в политическом и коммуникационном отношении⁸. Однако, как представляется, Абдурасулов несколько идеализирует «арз» в Хиве, считая, что на протяжении всего своего применения эта традиция сохраняла свою роль и значение в полной мере. На наш взгляд, в XIX — начале XX в. «арз» претерпел весьма существенную трансформацию, превратившись из действительно важного и действенного правового института в некий ритуал, лишенный прежнего практического значения и свидетельствующий о кризисе такой судебной инстанции, как суд монарха.

Чтобы продемонстрировать эту трансформацию, мы намерены рассмотреть практику применения «арза» в Хиве в период правления династии Кунгратов (начало XIX — начало XX в.), уделив особое внимание процессуальной его составляющей — категории дел, представляемых на разбирательство хана, самой судебной процедуре, роли хана в процессе, — в заключение попытавшись ответить на вопрос о причинах столь длительного сохранения древней судебно-правовой традиции при столь низкой ее практической эффективности. Основными источниками данной статьи являются актовые материалы и исторические сочинения хивинского происхождения, записки иностранных (русских и европейских) очевидцев, а также некоторые введенные в научный оборот архивные материалы. Учитывая специфику рассматриваемого института, непосредственно посвященная ему историография достаточно немногочисленна, поэтому к числу ранее проведенных исследований в рамках данной тематики можно назвать лишь несколько работ вышеупомянутого У.А. Абдурасулова и П. Сартори.

К началу XIX в., т.е. до прихода к власти династии Кунгратов, ситуация в судебной сфере, казалось, складывалась так же, как и в других среднеазиатских ханствах: у монархов из числа потомков Чингисхана власти (в том числе и судебной) практически не было, и судопроизводство осуществляли в оседлых местностях суды казиев во главе с кази-каляном или шейх-ул-исламом (верховным шариатским судьей), либо родоплеменные предводители и старейшины на основании обычного права. Ситуация изменилась с приходом к власти Мухаммад-Рахима I (1806—1825), объявившего себя ханом в 1806 г. и сразу же взявшего курс на укрепление центральной власти, что нашло отражение и в расширении судебной компетенции монарха.

По свидетельству российского дипломата Н.Н. Муравьева, побывавшего в Хиве в 1819—1820 гг., хан, прежде всего, ограничил полно-

⁷ Абдурасулов У. В Хиву в поисках справедливости...

⁸ Там же. С. 37.

мочия шариатских судов, включая и суд кази-каляна, а также практически уничтожил «расправы», т.е. обычно-правовые суды родоплеменных вождей⁹. Теперь по всем делам, кроме самых малозначительных, подданным следовало обращаться к ханскому суду. Кроме того, Мухаммад-Рахим практиковал рассмотрение дел во время частых поездок по своим владениям: любой подданный мог подать ему свое прошение (собственно «арз»), которое хан рассматривал и выносил решение¹⁰. Можно согласиться с Абдурасуловым, что подобная деятельность хана, наряду с его военными походами, весьма существенно способствовала повышению авторитета власти и лояльности к хану со стороны его подданных¹¹. Преемники Мухаммад-Рахима продолжали следовать его примеру, хотя зачастую степень активности судебной деятельности хана напрямую зависела от его личных качеств и политической ситуации в государстве. Так, некоторые ханы находились под влиянием высших сановников и духовенства и, соответственно, перепоручали им рассмотрение практически всех дел, другие же, стремясь проводить самостоятельную политику, осуществляли судебные разбирательства сами и по собственному усмотрению.

Какие же категории дел подлежали ханскому рассмотрению? Как свидетельствуют источники, к ханскому суду могли обратиться практически с любым иском или жалобой – от самых тяжких преступлений (убийство, грабеж, «плутовство» и проч.) до мелких гражданских и семейно-правовых споров (взыскание долга, развод и т.п.)¹². В большом количестве до нашего времени сохранились ярлыки Кунгратов 1800–1900-х гг., подтверждающие тарханство, т.е. налоговые льготы их обладателей: как следует из содержания этих документов, претендующие на налоговый иммунитет являлись на ханский суд, предъявляя ранее выданные ярлыки, и хан выносил решение, подтверждая их действие¹³. Некоторые документы архива хивинских ха-

⁹ Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского генерально-го штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. Ч. II. М., 1822. С. 64, 65.

¹⁰ *Shir Muhammad Mirab Munis & Muhammad Riza Mirab Agahi*. Firdaws al-iqbal: History of Khorezm. Leiden; Boston; Köln, 1999. P. 456–457.

¹¹ Абдурасулов У. В Хиву в поисках справедливости... С. 28.

¹² Абдурасулов У. Централизованное правосудие и общественное посредничество в Хорезме: анализ документов канцелярии ясаулбаши // Марказий Осиё тарихи замонавий медиавистика талқинида. (Профессор Розия Мукминова хотирасига бағишланади) – History of Central Asia in Modern Medieval Studies. (In Memoriam of Professor Roziya Mukminova). Тошкент, 2013. Б. 227; *Базинер Т.-Ф.* Естественно-научное путешествие по Киргизской степи в Хиву // История Казахстана в западных источниках. Т. 5. Немецкие исследователи в Казахстане. Ч. I. Алматы, 2006. С. 335; Путешествие в Туркмению и Хиву... С. 69–73.

¹³ См., например: *Каримов Э.Э.* Регесты казийских документов и ханских ярлыков Хивинского ханства XVII – начала XX в. Ташкент, 2007. С. 102, 106, 114; Каталог среднеазиатских жалованных грамот из фонда Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН Республики Узбекистан. Halle, 2007. С. 11–14, 16–

нов содержат сведения о ханском суде по обращениям подданных, просивших отменить прежние административные решения ханов — например, туркмен, просивших отпустить своих родственников, ранее взятых в заложники, или жителей одного населенного пункта, просивших пересмотреть размер зякета и заменить его сборщика-зякетчи другим чиновником¹⁴.

В некоторых случаях хан-судья выступал как своего рода посредник между представителями различных народов, населявших ханство, или даже между своими подданными и иностранцами. Так, к его суду обращались туркмены из разных родов, чтобы улаживать межплеменные конфликты, последствия аламанов и проч.¹⁵ Английский разведчик Р. Шекспир, побывавший в Хиве в 1840 г., сообщает о том, что его спутник обратился к ханскому суду с жалобой по делу о покупке рабыни (хан принял решение в его пользу)¹⁶. Аналогичным образом российский дипломат поручик А. Субханкулов, ездивший в Хиву в 1818 г., сообщает, что к ханскому суду обратились русские и бухарские купцы, караван которых был ограблен хивинскими подданными¹⁷.

Нередко к ханскому суду «подданные» прибегали как к «последнему средству», т.е. апелляционной инстанции — после того, как нижестоящие судебные органы в лице казиев или ханских наместников выносили не удовлетворявшие их решения. Но если в других среднеазиатских ханствах с более развитой бюрократической традицией это условие было обязательным, чтобы монарх принял дело к рассмотрению, то в Хиве для «арза» оно таковым не являлось: хан нередко выступал и в качестве суда первой инстанции¹⁸. Абдурасулов отмечает еще одну своеобразную черту «арза»: к ханскому суду могли прибегать лица, не столько нуждавшиеся в ханском правосудии, сколько желавшие повысить собственный авторитет в глазах земляков тем, что сумели привлечь к себе внимания самого правителя государства¹⁹!

18, 20–22; Каталог хивинских казийских документов XIX — начала XX вв. Ташкент; Киото, 2001. С. 31; *Bregel Yu.* Documents from the khanate of Khiva (17th–19th centuries). Bloomington, 2007. P. 19–30.

¹⁴ *Иванов П. П.* Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением. Новые источники для истории народов Средней Азии. Л., 1940. С. 234.

¹⁵ *Галкин М. Н.* Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868. С. 277.

¹⁶ *Шекспир Р.* Записки о путешествии из Герата в Оренбург в 1840 году // Культурные ценности. Международный ежегодник. 2004–2006: Центральная Азия в прошлом и настоящем. СПб., 2008. С. 132–133.

¹⁷ Замечания поручика Абдунасыра Субханкулова о своей поездке из Оренбурга в Хиву летом 1818 г. // История Казахстана в русских источниках. Т. VI. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века. Алматы, 2007. С. 209.

¹⁸ *Sartori P., Abdurasulov U.* Take me to Khiva: Shari'a as governance in the Oasis of Khorezm (19th — early 20th centuries) // Islamic Law and Society. Vol. 24. 2017. P. 32.

¹⁹ *Абдурасулов У.* В Хиву в поисках справедливости... С. 38.

Если при Мухаммад-Рахиме I процедура «арза» не была четко установлена, то при его преемниках она уже подверглась институционализации и четкой регламентации, приобретя «рутинные очертания»²⁰. «Арз» начинался после дневного отдыха хана и продолжался несколько часов, иногда — до заката²¹. Происходило судебное заседание в специальном здании — «арз-хана» (дом для приема прошений), либо на площади перед ханским дворцом. В заседании, помимо хана, присутствовали и высшие сановники государства — кушбеги, мехтер, накиб, аталык и даже верховный шариатский судья шейх-ул-ислам²².

Судопроизводство в рамках «арза» носило устный характер (хотя в качестве доказательств нередко применялись не только свидетельские показания, но и письменные документы), стороны, как правило, должны были присутствовать лично — за исключением тех случаев, когда бедняки-просители не имели возможности прибыть в Хиву, и тогда их своеобразными представителями выступали чиновники ханской канцелярии, зачитывавшие жалобы и затем отправлявшие грамоты с ханским решением по месту жительства истца²³.

Процедура суда была весьма короткой (как, впрочем, и в суде казая): проситель излагал дело, хан его выслушивал и тут же выносил свое решение, после чего в зал заседаний приглашался следующий истец²⁴. Оно чаще всего принималось на основании личного усмотрения хана и нередко зависело от настроения хана, степени его расположения к истцу или ответчику по конкретному делу и ряда других факторов²⁵. Например, при рассмотрении вышеупомянутой жалобы русских и бухарских купцов на ограбивших караван хивинцев хан Мухаммад-Рахим I применил «двойные стандарты»: бухарцам (за которых вступился сам эмир Хайдар) он велел вернуть стоимость товаров тут же, а русским купцам объявил, что дело каждого из них будет рассмотрено отдельно (впоследствии выяснилось, что их товары поделили между собой хан, его брат-инак, сын-наследник, а также высшие сановники — мехтер и кушбеги)²⁶. В других случаях по жалобам на ограбление караванов ханы не ограничивались возмещением их стоимости, а еще и сурово карали преступников — особенно если те не выплачивали в ханскую казну их долю. Так, по сообщению Н.Н. Муравьева, тот же Мухаммад-Рахим I приказал посадить на кол грабите-

²⁰ Абдурасулов У. В Хиву в поисках справедливости... С. 28.

²¹ С. Заметки о пребывании в Хивинском ханстве // Военный сборник. Т. ХСVI. 1874. № 3. С. 166.

²² Абдурасулов У. Централизованное правосудие ... С. 228.

²³ Абдурасулов У. В Хиву в поисках справедливости... С. 33–34.

²⁴ Там же. С. 32; Базинер Т.-Ф. Естественно-научное путешествие... С. 355.

²⁵ Путешествие в Туркмению и Хиву... С. 69. Это, впрочем, было характерно и для других среднеазиатских ханств — например, точно так же от настроения эмира зависели судебные решения в Бухаре, см.: Юсупов М.С. Суд в Бухаре... С. 14.

²⁶ Замечания поручика Абдунасыра Субханкулова... С. 210.

лей, которые напали на торговый караван без его ведома²⁷. Венгерский востоковед А. Вамбери, побывавший в Хиве в 1863 г., описывает жестокую расправу хана Сейид-Мухаммада (1856–1864) с 300 туркменами из племени човдур, которые также ограбили караван и, вероятно, не поделились с ханом: восемь старейшин подверглись ослеплению, некоторых повесили, нескольким отрубили головы, остальных продали в рабство²⁸.

Крайне негативно относились ханы к жалобам на собственных придворных, включая даже и дворцовых рабов. Русский пленник Я. Зиновьев, проведший несколько лет в Хиве и бежавший оттуда в 1838 г., вспоминал: «Нашими ж, крадеными, дровами и самому хану, когда приезжает бывало на дачу, плов варят... Коли хозяева придут жаловаться к хану, что невольники его воруют дрова, ломают заборы, так он отвечает: поймай, так я его на ту же плаху и посажу; а поколе не поймал, не смей и говорить»²⁹.

В некоторых случаях ханы принимали на себя и функции шариатских судов, рассматривая дела, формально относившиеся к компетенции казиев — о супружеской измене, разводе (по обращениям подданных), курении табака и других религиозных нарушениях (по заявлениям раисов — надзирателей за соблюдением предписаний шариата). Особенно суровые приговоры по таким делам выносил Мухаммад-Рахим I. Однако его преемники уже не имели столь значительного авторитета в судебной сфере. Например, А. Вамбери сообщает о правосудии хана Сейид-Мухаммада: «Не только супружескую измену, но и другие нарушения религиозных предписаний хан велел карать смертью, так что в первые годы его правления улемам пришлось умерять его религиозный пыл»³⁰. Российский дипломат М.Н. Галкин сообщает, что когда одна туркменка, избиваемая супругом и не надеявшаяся на объективное решение собственных старейшин, обратилась к суду хана — вероятно, Мухаммад-Рахима II (1864–1910), и тот удовлетворил ее прошение о разводе, туркменские старейшины коллективно выступили против такого решения и заставили хана отменить его³¹.

Вероятно, противодействие влиятельных сановников, родоплеменных вождей и мусульманского духовенства во многом способствовало снижению активности ханов в судебной сфере. Кроме того, как

²⁷ Путешествие в Туркмению и Хиву... С. 71–72. Хотя на кол, как правило, в Хиве сажали только шиитов, см.: *Базинер Т.-Ф.* Естественно-научное путешествие... С. 335; *Данилевский.* Описание Хивинского ханства // Записки Императорского Русского географического общества. Кн. 5. 1851. С. 134.

²⁸ *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. М., 2003. С. 106–107.

²⁹ *Даль В.* Рассказ пленника из Хивы Якова Зиновьева (с извустного рассказа) // Санкт-Петербургские ведомости. 1839. № 22–24. С. 6–7.

³⁰ *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. С. 107.

³¹ *Галкин М.Н.* Этнографические и исторические материалы... С. 33. См. также: *Sartori P., Abdurasulov U.* Take me to Khiva... P. 26–27.

уже отмечалось выше, во многом интенсивность и результативность «арза» зависела от личности ханов — степени их самостоятельности в государственных делах, персональных качеств и даже настроения. Весьма ярко этот аспект отражен в описании А. Вамбери: «Впускают по одному; проситель подходит совсем близко к властелину, докладывает безо всякого стеснения, возражает и даже вступает в жаркие пререкания с ханом, с человеком, единственного кивка которого достаточно, чтобы без малейшей причины отдать кого угодно в руки палача. Таков есть и таким был всегда Восток с его величайшими контрастами. Люди несведущие могут рассматривать это как любовь к справедливости, я же не вижу в этом ничего, кроме прихотей и капризов, ибо одному разрешается в грубейших выражениях противиться монаршему авторитету, в то время как другой расплачивается жизнью, если нарушает приличие малейшим движением»³². Таким образом, уже в середине XIX в. «арз» в Хиве из средства укрепления ханской власти и обеспечения связей между государем и его подданными превращается в некое развлечение для ханов.

Еще более критическое описание ханского суда дал российский военный чиновник Н.С. Лыкошин, который, занимая должность начальника Амударьинского военного отдела, в 1912 г. (т.е. уже в правление хана Исфендиара II, 1910—1918) побывал в Хиве и присутствовал на церемонии «арза»: «Проситель, войдя, останавливается у входа, довольно далеко от хана, поэтому жалоба произносится скороговоркой очень громко. Проситель почти кричит, как будто надеется криком своим доказать тяжесть претерпенной [им] обиды и проникнуть в душу хана. Хан, дав закончить просителю краткую его жалобу, произносит одно только слово, обращаясь к есаул-баши. Вероятно, это приказание разобрать дело. Проситель уходит, входит другой»³³. Как видим, к началу XX в. давняя (и когда-то эффективная) судебноправовая традиция превратилась в настоящий фарс: хан даже не давал себе труда лично вынести решение, перепоручая его своему сановнику, а на церемонии присутствовал, явно тяготясь ею. Кроме того, нельзя не отметить подчеркиваемую современниками дальность расстояния между ханом-судьей и подданным-истцом: оно составляло не менее 30 м, соответственно, хан не слышал излагаемого просителем дела, которое ему передавал тот же есаул-баши, поскольку, согласно придворным правилам, подданный не мог напрямую обращаться к правителю³⁴. Тем самым нарушался принцип прямой коммуникации между монархом и подданным, ранее составлявший одну из основ эффективности «арза».

³² *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. С. 103.

³³ Цит. по: *Абдурасулов У.* В Хиву в поисках справедливости... С. 32.

³⁴ Там же. С. 32, 33.

Согласно хивинским архивным документам, уже во второй половине XIX в. большинство прошений подданных вообще не доходили до хана: упомянутый есаул-баши, предварительно рассматривая их, зачастую предпринимал попытку примирить истцов и ответчиков, в чем нередко преуспевал: просители отказывались от иска, и дело, соответственно, не выносилось на ханское рассмотрение³⁵.

После установления в 1873 г. российского протектората хан Мухаммад-Рахим II фактически превратился в вассала Российской империи, что нашло отражение и в судебной сфере, в которую также стали вмешиваться представители имперской администрации. Некоторые архивные документы содержат, по сути, распоряжения начальника Амударьинского отдела Туркестанского края хану о принятии к рассмотрению дел по поводу взыскания долга с хивинца в пользу его российского торгового партнера, по возмещению русско-подданным караванщикам ущерба, причиненного набегом хивинских туркмен и т.д.³⁶ Можно предположить, что и присутствие Н.С. Лыкошина на «арзе» в 1912 г. не было случайным, а представляло собой нечто вроде надзора за отправлением ханом правосудия.

Возникает вопрос: почему же хивинские ханы в условиях несовершенного кризиса древней судебной-правовой традиции все же упорно держались за «арз», старались сохранять его даже в виде некоего «театрального действия»?

П. Сартори полагает, что причиной длительности существования «арза» являлись политические и даже географические причины: якобы, сравнительно небольшой размер ханства позволял любому подданному напрямую обратиться к ханскому суду³⁷. Однако такое объяснение представляется не вполне убедительным³⁸. На наш взгляд, более обоснованно мнение У.А. Абдурасулова о том, что ханы рассматривали «арз» как один из неотъемлемых атрибутов своей власти и стремились подчеркнуть ее сохранение даже в изменившихся политических условиях (под российским протекторатом).

В самом деле, именно в правление Мухаммад-Рахима II возрастает интенсивность «арза». Этот хан даже строит целую сеть «арз-хана» в

³⁵ Абдурасулов У. Централизованное правосудие... С. 226, 229.

³⁶ Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. И-125. Оп. 1. Д. 19. Л. 36, 203 (Электронные версии документов с сайта проекта «Зеркала» см.: URL: <https://zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de>).

³⁷ Sartori P., Abdurasulov U. Take me to Khiva... P. 26.

³⁸ Тем более, что исследователь отчасти сам себе противоречит: в другой своей работе он утверждает, что Хорезм, напротив, обладал настолько обширными владениями, что его ханам постоянно приходилось требовать от своих чиновников на местах сведений о текущей ситуации в том или ином регионе государства, см.: Sartori P. Seeing Like a Khanate: On Archives, Cultures of Documentation, and Nineteenth-Century Khvārazm // Journal of Persianate Studies. Vol. 9. 2016. P. 241–242.

собственных загородных резиденциях и резиденциях своих сыновей, которые он часто посещал. Роль этого хана как судьи стала настолько привычной для сановников и населения, что когда в начале XX в. он, будучи уже частично разбит параличом, поднял вопрос о передаче судебной функции своему сыну-наследнику Исфендиару, придворные воспротивились этому, опасаясь волнений в народе. В результате Мухаммад-Рахима ввозили на возвышение в «арз-хана» и во время заседания один из сановников поддерживал его под спину, чтобы хан сидел прямо. Естественно, ни о какой эффективности суда государя в таком состоянии говорить не приходится, однако налицо соблюдение древней традиции³⁹.

Если мы обратимся к другим направлениям политической деятельности Мухаммад-Рахима II, то убедимся, что «арз» рассматривался им именно как один из символов сохранения своей власти в условиях российского протектората.

Как известно, после захвата Хивы российскими войсками под командованием туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана в 1873 г. и подписания Гандеманского договора в августе того же года хан попал в довольно неопределенное положение. Формально сохраняя статус независимого правителя, фактически он превратился в российского вассала. Публично признавая свое зависимое положение и провозглашая лояльность Российской империи, Мухаммад-Рахим II был вынужден отказаться от самостоятельной внешней политики, да и внутреннюю ему приходилось соотносить с волей российских властей⁴⁰. При этом он старался изыскать средства продемонстрировать собственным подданным, что он по-прежнему является самостоятельным монархом и наследником прежних великих правителей Хивинского ханства.

По совету ряда своих сановников Мухаммад-Рахим стал все больше внимания уделять развитию культуры – в первую очередь, музыки и литературы. Он регулярно проводил музыкальные и поэтические вечера, сам сочинял стихи (под псевдонимом Фируз) и требовал того

³⁹ Абдурауфов У. В Хиву в поисках справедливости... С. 30, 36.

⁴⁰ Трепавлов В.В. «Древнее обыкновение» и царская инвестиция. Восшествие на трон вассальных правителей в России XVII – начала XX вв. // Восток. Афроазиатские общества: история и современность. 2015. № 4. С. 5–6; *Erkinov A.* How Muhammad Rahim Khan II of Khiva (1864–1910) cultivated his Court Library as a means of resistance against the Russian Empire // *Journal of Islamic Manuscripts*. 2011. № 2. P. 40. Порой современники не давали себе труда даже скрывать пренебрежительное отношение к статусу хивинского хана после установления протектората, хотя формально-юридически его статус был выше, чем у еще одного российского вассала – бухарского эмира. См.: *Трепавлов В.В.* «В царстве другого царства быть не может». Вассальные владения в составе России (XVII – начало XX в.) // *Российская история*. 2015. № 3. С. 4–5, 8; *Трепавлов В.В.* Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. СПб., 2018. С. 216–217, 230.

же от своих сановников⁴¹. Примером, на который ориентировались хан и его приближенные в культурной сфере, являлась эпоха поздних Тимуридов: вечера проводились по образу и подобию аналогичных мероприятий при дворе гератского правителя Хусайна Байкары (1471–1506), а стихи писались в подражание А. Навои и другим тимуридским поэтам. Как полагает А.С. Эркинов, активная культурная деятельность, которую он характеризует как «тимуридский маньеризм», стала выражением намерения Мухаммад-Рахима II противостоять российскому влиянию в Хиве хотя бы в культурной сфере, подчеркнуть самобытность и самостоятельное развитие ханства⁴².

Впрочем, даже некоторые хивинские сановники находили такое слепое подражание тимуридским традициям устаревшим и считали, что следует в большей степени ориентироваться на более современные или татарские⁴³. Думается, примерно такое же отношение складывалось и в отношении «арза», который в глазах нового поколения хивинского чиновничества и аристократии являлся устаревшей традицией, неким атавизмом старых времен, утратившим актуальность в новых условиях.

В какой-то мере к продолжению прежних традиций можно также отнести попытки Мухаммад-Рахима II сохранять контакты с Османской империей, султан которой номинально считался духовным главой всех мусульман-суннитов, в том числе и в Хивинском ханстве. И хотя даже в период независимости ханства при Кунгратах подобные контакты были эпизодическими, хивинские власти старались поддерживать их поддержку — пусть и на неофициальном уровне, поскольку, как уже отмечалось, внешняя политика Хивы ограничивалась российским сюзереном. Тем не менее неформальные контакты (например, визит в Стамбул в 1875 г. Сейид-Ахмада, младшего брата и, на тот момент, наследника Мухаммад-Рахима II) также в какой-то мере создавали иллюзию самостоятельной политики ханства⁴⁴.

Как представляется, сохранение «арза» полнее вписывается в систему действий Мухаммад-Рахима II, который до последних дней ста-

⁴¹ Эркинов А. Российская империя и Хивинское ханство (русские: ученый А.Н. Самойлович и путешественник В.Г. Ян в хивинском дворце начала XX в.) // Проблемы востоковедения. 2013. № 3(61). С. 88.

⁴² Эркинов А.С. Тимуридский маньеризм в литературной среде Хивы при Мухаммад Рахим-хане II (на примере антологии «Маджму'а-йи шу'ара-йи Фирузшахи») // Вестник МИЦАИ. Вып. 8. Самарканд, 2008. С. 58, 59; *Erkinov A. How Muhammad Rahim Khan II of Khiva (1864–1910) cultivated his Court Library...* P. 49.

⁴³ Эркинов А. Российская империя и Хивинское ханство... С. 87.

⁴⁴ Васильев А.Д. «Знамя и меч от падишаха». Политические и культурные контакты ханов Центральной Азии и Османской империи (середина XVI — начало XX вв.). М., 2014. С. 215, 225. См. также: *Трепавлов В.В.* «Древнее обыкновение» и царская инвестирура ... С. 8.

рался участвовать в этом традиционном суде. И вполне объяснимым выглядит описанное Н.С. Лыкошиным поведение во время судебного заседания его преемника Исфендиара, который вырос и приобрел политические взгляды уже в изменившихся условиях (и даже на престол был возведен при прямой поддержке российских войск⁴⁵). В отличие от отца, он не держался столь крепко за древние традиции, пытаясь провести в государстве ряд реформ, которые позволили бы модернизировать Хивинское ханство и сблизить его с Россией. Неудивительно, что он зачастую под предлогом отъезда в регионы ханства или за его пределы (в Россию) передавал полномочия по рассмотрению исков от подданных своим сановникам⁴⁶.

Таким образом, можно сделать вывод, что в начале XIX в. «арз» в Хиве на какое-то время оказался актуальным и эффективным инструментом укрепления ханской власти, повышения роли и авторитета монарха в государственных делах и в глазах подданных. Однако уже к середине XIX в. значение этого традиционного судебного института стало падать, а к началу XX в. он окончательно превратился в формальную церемонию, имевшую чисто символическое значение. И причиной этому стали необратимые политико-правовые и социально-экономические модернизационные процессы, происходившие в ханстве в эпоху российского протектората.

Литература

- Абдурашулов, У.* В Хиву в поисках справедливости: церемония «арзод» в Хивинском ханстве [Текст] // История Узбекистана. 2015. № 2. С. 27–39.
- Абдурашулов, У.* Централизованное правосудие и общественное посредничество в Хорезме: анализ документов канцелярии ясаулбаши [Текст] // Марказий Осиё тарихи замонавий медиевистика талкинида. (Профессор Розия Мукминова хотирасига бағишланади) – History of Central Asia in Modern Medieval Studies. (In Memoriam of Professor Roziya Mukminova). Тошкент: Yangi Nashr, 2013. Б. 223–240.
- Базинер, Т.-Ф.* Естественно-научное путешествие по Киргизской степи в Хиву [Текст] // История Казахстана в западных источниках. Т. 5. Немецкие исследователи в Казахстане. Ч. 1 / Пер. с нем. Л.А. Захаровой. Алматы: Санат, 2006. С. 283–360.
- Вамбери, А.* Путешествие по Средней Азии [Текст] / Пер. с нем. З.Д. Голубевой; ред., пред. В.А. Ромодина; коммент. В.А. Родомина, С.Г. Агаджанова. М.: Восточная литература, 2003. 319 с.
- Васильев, А.Д.* «Знамя и меч от падишаха». Политические и культурные контакты ханов Центральной Азии и Османской империи (середина XVI – начало XX вв.). [Текст] М.: Пробел-2000, 2014. 353 с.
- Галкин, М.Н.* Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. [Текст] СПб.: Я.А. Исаков, 1868. 336 с.

⁴⁵ *Трепавлов В.В.* Символы и ритуалы... С. 212.

⁴⁶ *Абдурашулов У.* В Хиву в поисках справедливости... С. 35.

- Даль, В.* Рассказ пленника из Хивы Якова Зиновьева (с изустного рассказа) [Текст] // Санкт-Петербургские ведомости. 1839. № 22–24 (отд. оттиск).
- Данилевский, Г.И.* Описание Хивинского ханства [Текст] // Записки Императорского Русского географического общества. Кн. 5. СПб., 1851. С. 62–139.
- Замечания поручика Абдунасыра Субханкулова о своей поездке из Оренбурга в Хиву летом 1818 г. [Текст] // История Казахстана в русских источниках. Т. VI. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 516 с. С. 206–218.
- Иванов, П.П.* Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением. Новые источники для истории народов Средней Азии. [Текст] Л.: Гос. Публ. Б-ка, 1940. 290 с.
- Каримов, Э.Э.* Регесты казийских документов и ханских ярлыков Хивинского ханства XVII – начала XX в. [Текст] Ташкент: Фан, 2007. 223 с.
- Каталог среднеазиатских жалованных грамот из фонда Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН Республики Узбекистан [Текст] / Сост. А. Урунбаев, Г. Джураева, С. Гуломов. Halle, 2007.
- Каталог хивинских казийских документов XIX – начала XX вв. [Текст] / Сост. А. Урунбаев, Т. Хорикава, Г. Джураева, К. Исогай. Ташкент; Киото, 2001.
- Маев, Н.* Очерки Бухарского ханства [Текст] // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. V. СПб.: Туркестанский стат. комитет, 1879. 400 с. С. 77–130.
- Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. Ч. II. [Текст] М.: В типографии Августа Семена, 1822.
- С. [Сыроватский С.]* Заметки о пребывании в Хивинском ханстве [Текст] // Военный сборник. Т. ХСХVI. 1874. № 3. С. 158–171.
- Трепавлов, В.В.* «В царстве другого царства быть не может». Вассальные владения в составе России (XVII – начало XX в.) [Текст] // Российская история. 2015. № 3. С. 3–14.
- Трепавлов, В.В.* «Древнее обыкновение» и царская инвестиатура. Восшествие на трон вассальных правителей в России XVII – начала XX вв. [Текст] // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2015. № 4. С. 5–16.
- Трепавлов, В.В.* Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. [Текст] СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. 320 с.
- Трионов, К.К.* В гостях у хана Наср-Эддина [Текст] // Исторический вестник. 1910. Т. СХХI. № 7. С. 130–139.
- Шекспир, Р.* Записки о путешествии из Герата в Оренбург в 1840 году / Введ., пер. с англ. и коммент. Р.Г. Мурадова [Текст] // Культурные ценности. Международный ежегодник. 2004–2006: Центральная Азия в прошлом и настоящем. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 253 с. С. 103–145.
- Эркинов, А.* Российская империя и Хивинское ханство (русские: ученый А.Н. Самойлович и путешественник В.Г. Ян в хивинском дворце начала XX в.) [Текст] // Проблемы востоковедения. 2013. № 3(61). С. 84–91.
- Эркинов, А.С.* Тимуридский маньеризм в литературной среде Хивы при Мухаммад Рахим-хане II (на примере антологии «Маджму’а-йи шу’ара-йи Фируз-шахи») [Текст] // Вестник МИЦАИ. Вып. 8. Самарканд, 2008. С. 58–65.
- Юсуфов, М.С.* Суд в Бухаре. Судоустройство и судопроизводство в Бухарском эмирате в конце XIX – начале XX в. [Текст] / Подгот. текста и вступ. ст. У. Абдурашулова и П. Сартори. Ташкент; Вена, 2016.
- Bregel, Yu.* Documents from the khanate of Khiva (17th–19th centuries). [Текст] Bloomington, 2007 (Papers on Inner Asia. Subseries: Central Asia, № 40).

- Erkinov, A.* How Muhammad Rahim Khan II of Khiva (1864–1910) cultivated his Court Library as a means of resistance against the Russian Empire [Текст] // Journal of Islamic Manuscripts. 2011. № 2. P. 36–49.
- Sartori, P.* Seeing Like a Khanate: On Archives, Cultures of Documentation, and Nineteenth-Century Khvārazm [Текст] // Journal of Persianate Studies. Vol. 9. 2016. P. 228–257.
- Sartori, P., Abdurasulov, U.* Take me to Khiva: Shari‘a as governance in the Oasis of Khorezm (19th – early 20th centuries) [Текст] // Islamic Law and Society. Vol. 24. 2017. P. 20–60.
- Shir Muhammad Mirab Munis & Muhammad Riza Mirab Agahi.* Firdaws al-iqbal: History of Khorezm [Текст] / Transl. from Chagat. & annot. By Yu. Bregel. Leiden; Boston; Köln, 1999.

Записка П.Г. Буткова «Описание прежнего внутреннего правления Грузии»

Данная публикация вводит в научный оборот малоизвестную записку П.Г. Буткова «Описание прежнего внутреннего правления Грузии», содержащую важные сведения по истории и культуре народов Южного Кавказа в период Позднего Средневековья и Раннего Нового времени.

Ключевые слова: кавказоведение, история Грузии, этнография Грузии, П.Г. Бутков, Грузинская православная церковь, Армянская церковь

J.Ya. Rakhaev, Z. Sulaberidze

P.G. BUTKOV'S NOTE «DESCRIPTION OF THE FORMER DOMESTIC RULE OF GEORGIA»

This publication introduces a little-known note by P.G. Butkov «Description of the former domestic rule of Georgia», containing important information on the history and culture of the peoples of the South Caucasus during the late Middle Ages and early Modern times.

Key words: Caucasian studies, History of Georgia, Ethnography of Georgia, P.G. Butkov, Georgian Orthodox Church, Armenian Church

Действительный тайный советник, сенатор, действительный член Академии наук Петр Григорьевич Бутков (1775–1857) по праву занимает особое место в истории российского кавказоведения.

В ранней молодости П.Г. Бутков поступил на военную службу во владимирский драгунский полк и уже в 16 лет участвовал в походе к Анапе (1791 г.). В 1794 г. он был назначен адъютантом генерал-майора С.А. Булгакова и под его начальством в 1796 г. участвовал в Персидской войне. На Кавказе началась историко-литературная деятельность Буткова, сбор и систематизация разнообразных нарративных материалов по древней и средневековой истории народов Кавказа. В начале XIX в., в эпоху присоединения к России Грузии, Бутков был правителем канцелярии главнокомандующего генерал-лейтенанта К.Ф. Кнорринга. В 1801–1804 гг. он подготовил «Бумаги о присоединении Грузии к России при Императорах Павле I и Александре I», а также «Описание прежнего внутреннего правления Грузии». В 1803 г. Бутков по состоянию здоровья вышел в отставку и уехал в С.-Петербург. Впрочем, он продолжал свои занятия по истории Грузии. В частности, он составил записку: «Некоторые сведения о командовании князя Цицианова и других на Кавказе. Тут же бумаги о поступках князя Цицианова с членами Царского Грузинского Дома».

В 1805 г. Петр Григорьевич вновь поступил на государственную службу, в Департамент герольдии, в 1809 г. он был назначен генерал-аудитор-лейтенантом к главнокомандующему молдавской армией кн. А.А. Прозоровскому. В 1811 г. П.Г. Бутков вышел в отставку и пробыл в ней до 1820 г., когда был назначен директором училищ Воронежской губернии по ведомству Министерства духовных дел и народного просвещения. В 1823 г. он был определен советником в Аудиториатский департамент Главного штаба и в том же году назначен чиновником особых поручений при финляндском генерал-губернаторе гр. А.А. Закревском. В 1825 г., оставаясь в занимаемой должности, Бутков был причислен к Министерству финансов, в 1849 г. возведен в звание сенатора.

В 1841 г. П.Г. Буткова избрали членом Академии наук по отделению русского языка и словесности. После его смерти, последовавшей 12 декабря 1857 г., семья передала его архив Академии наук. Академия выделила специальную комиссию в составе А. Куника, Б. Дорна, В. Вельяминов-Зернова и М. Броссе, которая отбирала материалы из его архива для опубликования. Решением Комиссии в 1869 г. была опубликована фундаментальная работа Петра Григорьевича под названием «Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. В 3 ч. (СПб., 1869), содержащая колоссальное количество уникальной информации об истории и культуре кавказских народов и не утратившая своего значения до сих пор. Однако значительная часть материалов, собранных Бутковым, остается неопубликованной.

Настоящая публикация малоизвестной записки П.Г. Буткова «Описание прежнего внутреннего правления Грузии с историческими и политическими сведениями о Грузии, Мингрелии, Имеретии, Гурии и Абхазии и со списками тамошним княжеским и дворянским фамилиям», хранящейся в Российском военно-историческом архиве, призвана частично восполнить этот археографический пробел. Дата и авторство установлены на основании содержания документа, а также на основании данных, имеющихся в предисловии от издателей к «Материалам для новой истории Кавказа» Там (стр. VI) отмечается, что в связке рукописей Буткова № 15 хранится черновой экземпляр рукописи «Описание прежнего внутреннего правления Грузии», и на ее обложке имеется авторская помета: «Эта бумага составлена мною в С.-Петербурге в 1804 г. и чрез Николаевича Николаевича Новосельцева поднесена тогдашнему министру юстиции Лопухину. Она была представлена от него государю при докладе об определении меня в Комиссию составления законов».

Примечания к тексту записки сделаны П.Г. Бутковым.

П.Г. Бутков
Описание прежнего внутреннего правления Грузии

1804 г.

Предуведомление

Внутреннее правление Грузии, основываясь больше на преданиях и обычаях, нежели на учреждениях письменных, таковое положение дел, очевидно, открывает неудобства изобразить его в полной связи и в надлежащем порядке, а особливо, что чувствительные неприятельские потрясения земли сей и домашние междоусобия ее, особливо, наконец, власть царскую, всеяли в правление бедственные злоупотребления. Но царство, толь многие веки сохранявшее политическое бытие свое среди частых покушений соседственных держав на разрушение его, не было бы в состоянии противоборствовать усилиям их, естли бы не имело прочного внутреннего устройства. Мысль сия побудила меня ко вниманию, я старался ознакомиться с Грузиею ближе, и, находясь при открытии в ней правления российского, не упускал изыскивать достоверных о стране сей сведений, какие по влечению любопытства моего и вообще о крае Кавказском собирал всегда с рачением.

Способы на то поставляла мне должность моя в течение десяти лет при особах, начальствующих там; а желание быть полезным для службы усугубляло во мне к занятиям оным прилежание. И так из познаний моих о Грузии решился я изложить описание образа и качества мест и лиц, прежде правление ее составлявших. Начертание сие, конечно, далеко от совершенства, но сущность обозреваемых предметов с достаточною ясностью представляет.

Следуя к предложенной цели, я принимал все с лучшей стороны и ничего не основывал на догадках. В изъяснении суда и расправы руководствовался имеющимся у меня в переводе сокращением законов грузинских, которые собраны и дополнены царем Вахтангом V¹ в начале протекшего века и содержат частью собственные грузинские, частью заимствованные из законов армянских и юстиниановых и частью извлеченные из книг Моисеевых². Но сила законов сих распространялась единственно на грузин и армян, другие народы, подвластные Грузии, подлежали им с некоторыми изъятиями, а иные вовсе от них не зависели, управляясь обычаями своими по правам, данным им издревле.

¹ В истории Грузии царевича Давида, стр. 104, сказано: царь Вахтанг повелел перевести с греческого языка уложение греческого императора Льва Премудрого и многие законы армянских царей, которые рассмотрел [и] дополнил своими постановлениями. Законом сим последовали все цари грузинские до самых времен.

² Страница 72-я.

Сие было поводом, что управление народов таковых показал я в особом отделении.

В судопроизводстве уголовном вошел я в исчисление преступлений и насилия, разделил на степени, сообразно с понятием, какое имел о них народ грузинской и какое преподают законы его. Без того многое представилось бы не в надлежащей ясности и вовлекло бы меня в частые повторения. Впоследствии описания сего окажется, что в Грузии одним и тем же властям вверены были разные виды государственной службы. Сие затруднило меня в ограничении отрасли правления родами дел, по примеру разделения оных в благоустроенных державах. Сколь ни старался я удалить каждую часть от смешения с другими, за всем тем, благочиние с судом и расправою принужден совокупить в одну статью.

Наконец, определив правление Грузии такими единственно предметами, какие там к действиям его обыкновенно подлежали, поставил оное в следующем разделении.

1. Управление дел духовных.
2. Управление дел суда, расправы и благочиния.
3. Управление дел камеральных.
4. Управление дел иностранных.
5. Придворный штат в двух отделениях. В первом чиновники, должностями своими привязанные к государственному правлению. Во втором те должности, кои заключались в одном дворе царя.
6. Управление дел военных.

Здесь не упоминается о царском совете, потому что оный не имел особенного установления. Созваны же были царю для советования в важных обстоятельствах знатные особы духовные и светские по назначению.

I-ое. Управление дел духовных.

а) Греческой церкви.

Греческою церковию, господствующею в Грузии с прошедшего четвертого века, управлял католикос, или первенствующий архиепископ, присвоивший к званию сему титул святейшества³.

Возведение в сан сей зависело от царя и обращалось предпочтительно на одного из сынов царских и иногда на монашествующих князей и дворян, приобретших уважение личными достоинствами.

³ Трактатом с Грузиею 1783 г. назначено католикосу Грузинскому состоять местом в числе российских архиереев в 8-й статье, а именно после Тобольского, с пожалованием ему навсегда титула Святейшего Синода члена. Сверх других отличительных знаков достоинства его между грузинскими архиереями государь император Павел 1-й пожаловал ему... клобук с Серафимами на воскрылях, марта 10-го 1801 г.

Католикос без согласия царя не мог рукополагать ни в архиереи, ни в архимандриты, ни перемещать из одной паствы в другую, ни отрешать.

Кроме церковных и монастырских движимых и недвижимых имений, вотчин и крестьян, владеемых церковью по жалованным грамотам царей⁴, католикосу дан особый удел и другие статьи доходов на приличное содержание его. Но все вообще имения духовные находились в управлении светских начальников моуравов из князей и дворян, и католикос, и прочие архиереи, не быв вправе умножать оные покупкой и уменьшать продажею без воли царской, довольствовались только распоряжением доходов, поместьями теми приносимых.

Для управления дел Греческой церкви состояла в Тифлисе дикастерия под председательством католикоса, из двух архиереев, одного архимандрита и одного протоиерея. Она имела в зависимости своей всех служителей греческого вероисповедывания и в производстве дел руководствовалась правилами святых отцов и правами каноническим и консисториальным, изображенными в законах грузинских.

Епархиальные архиереи в паствах своих судебных приказов не имели; а управляли делами церкви и доходами от поместий ее по приговорам подчиненного им духовенства.

Карталиния содержала архиепископию — 1⁵, митрополии — 4, епископии — 3. Кахетия архиепископию — 1, митрополии — 3, епископии — 2, монастырей мужеских архимандритич в Карталинии — 11, в Кахетии — 18, и из сих 10 праздных девичьих не было ни одного в 1801 г. Церквей во всей Грузии до 3 000⁶, но полагают, что из них больше третей части в совершенном запустении.

Под начальством духовных властей находились еще две семинарии, устроенные царем Ираклием Теймуразовичем на казенном иждивении в городах Тифлисе для Карталинского и в Телаве для Кахетинского духовного юношества; там преподаваемы уже были сверх грамматики, риторика, философия и богословие по классическим книгам, переведенным с иностранных на отечественный язык трудами покойного католикоса грузинского Антония. А для сугубого спешествования вводимому просвещению возобновлена была и типография, основанная царем Вахтангом V. Но учреждения сии испровергались с разорением Тифлиса Агою Магмет-ханом в 1795 г. С того

⁴ Достопамятнейшая из них есть царя грузинского Александра I, данная в 1398 г. до разделения Грузии на три царства: карталинское, кахетинское и имеретинское.

⁵ В Грузии архиепископы имели первенство пред митрополитами, как явствует от ниже стран.

⁶ Все церкви каменные, и многие с такою прочностью сооружены, что сохранили целость свою донныне чрез 1500 лет.

время дети духовенства воспитывались попечением родителей своих, ограничивая круг наук одним чтением и письмом.

Монашествовавшее духовенство получало содержание от вотчин церковных. Белое питалось от собственных трудов и подаваний приходских; и как то, так и другое от всяких государственных податей освобождено. Духовенству законами возбранено вмешиваться в дела светские. Духовный, изблеченный в убийстве или другом подобном злодействе, подлежал суду гражданскому.

б) Армянской церкви.

Дела по армянскому вероисповеданию зависели непосредственно от Ечмиадзинского патриарха, как и замещение бывших духовных властей; для поместного управления монастырями, церквями и всем, что относится до духовного суда, состояла в Тифлисе управа из четырех протоиереев, двух диаконов и двух церковных старост из особ светских; она находилась в верховном повелении патриарха; к нему представляла на решение важнейшие случаи и ему давала отчет во всех упражнении своих.

Епархии частных управ не имели, архиереи и благочинные священники с участием подчиненного им духовенства решали в паствах своих только такие дела, которые не требовали письменного производства. В Грузии армянских епархий — 3, управляемых архиепископами; монастырей мужеских — 13, девичий — 1, церквей — 139.

Крестьян во владении церкви армянской не состояло. Духовенство приобретало пропитание от подаваний приходских и приношений церковных.

в) Римско-католической церкви.

Римско-католическое исповедание веры внесено в страны древней Иверии, прилежавшей берегам Черного моря, в 1625 г., а в Карталинии не прежде 1670 г. миссионерами капуцинского ордена⁷; они снискали здесь пристанище посредством папских подарков царю и знатнейшим чиновникам царства. Таковые пособия, нередко возобновляемые, и познания их в медицине поставляли им всегда уважение и защиту против греческого и армянского духовенства, часто на изгнание их усилия устремлявшего. Они об успехах своих относились к папе, и от него получали содержание. Число их восходило прежде до 10-ти, в 1801 г. было их только 3; католиков же, которые почти все из армян, состояло тогда 430 душ обоего пола. Они имели две публичные церкви, одна в Тифлисе, а другая в городе Гори; но оные в 1755 г. по некоторым подозрениям на тогдашнего католикоса Антония отняты у них царем Ираклием Теймуразовичем и обращены в греческие церк-

⁷ Шардень немецкого издания 247-я.

ви. С того времени миссионеры отправляли службу в избранных на то обывательских домах.

з) *Магометане*; и д) *Евреи*; в Грузии обитающие, по исповеданиям вер своих управлялись первые эффендиями и молами, имея в Тифлисе 3 мечети; а последние раввинами, имея синагогу в крепости Цхин-вале, что в Карталинии.

Примечание: О вероисповедовании прочих подвластных Грузии горских народов сказано ниже, в описании гражданского управления.

II-е. Управление суда и расправы и благочиния.

Для управления дел судных состоял при царе верховный, или царской суд.

Частное по округам судопроизводство вверено было: а) мдиванбекам, б) высшим моуравам, и в) суду, учрежденному в городе Телаве.

Примечание: под названием суда разумеется здесь письменное вершение дела, словесно же оканчиваемые причислены к расправе, присвоенной моуравам.

1-е. Верховный, или царев суд.

В нем председательствовал царь и присутствовали: наследник царя, протчие царевичи по особому царскому назначению, и мдиванбеки, советники, или собственно судьи из князей: 4 карталинских и 4 кахетинских. Для исправления дел мдиваны-дьяки, и тавалидар хранитель письменных дел верховного суда и денег, взятых по суду с виновных.

В верховном суде производились дела:

А. По части уголовной:

а) по всем состояниям народным: в умыслах и предприятиях против безопасности особы царской и благоденствия народного; в оскорблении величества; в бунтах, возмущениях, изменах; в делании подложных денег⁸; в зажигательстве, и злоупотреблении власти; в клятвopреступлении по службе, в насилиях первой степени, как то: в убийствах, наказываемых на кровь⁹, в человеко-похищениях; в чаро-

⁸ По карательным законам грузинским, делающие без воли царской деньги должны быть наказаны отрублением рук.

О зажигателях сказано: «Кто с намерением заж[же]т чей дом или пшеницу, того самого сжечь должно», «кто научит кого зажечь чей дом, должно отрубить голову». Хищники, разбойники и человеко-похитители подвергались посажению на кол, лишению зрения и иным лютым казням.

⁹ При взыскании за кровь приемлется в рассуждение, какого рода был убиенный; в законах написано: полное взыскание крови за убийство знатного князя; равное с ним за архиепископа; а за митрополита — исключая из того пятую часть. Взыскание за кровь князя второй степени, равное с ним за родственника знатного князя, тоже и за епископа. За убиение князя третьей степени, тоже и за архимандрита, «за кровь знатного дворянина, равно и за игумена». За дворянина второй степени, равное с ним и за иеромонаха; и за того числа исключая пятую

действиях; в насилованиях женского пола, и вообще в таких преступлениях, кои в строгом понятии лишение свободы, имущества, жизни, или казнь телесную влекут за собою¹⁰.

б) Собственно между князьями, дворянами и другими состояниями, кои пользуются преимуществами дворянства: в насилиях во второй степени или меньших, нанесением ран, повреждением частей тела, нападением, убиением и прочее; в оскорблениях, укорением лица, злословием, поношением, осуждением, бранью. В хищениях, татьбою, кражею, плутовством, мошенничеством; в предерзостях, буйством, озорничеством, бесчинством и прочее.

Примечание: народу низкого состояния частные судьи давали суд на письмо только в делах по насилиям второй части или степени; жалобы в оскорблениях и других преступлениях, здесь означенных, словесному подлежали разбирательству, почему и причислены к расправе.

Б. По части гражданской единственно между помещиками: о фамильных разделах¹¹ князей и других помещиков, по купчим и заклад-

часть за простого монаха, «одинакое с дворянином сим взыскание и за кровь знаменитого купца». За дворянина 3-й степени, равное за священника и за купца 2-й степени. За служащего при дворе, то есть домового служителя; за диакона и за купца 3-й степени «за крестьянина, хлебопашца, мешанина, ремесленника и за купца 4-й степени».

Цена за кровь крестьянина определена 120 руб.; итак взыскание за кровь производилось по следующему расчислению:

За крестьянина и мешанина 120 руб.

За слугу, диакона и купца 3 степени 240 руб.

За дворянина 3-й степени, священника и купца 2-й степени 480 руб.

За простого монаха 765 руб.

За дворянина 2-й степени, иеромонаха и именитого купца 960 руб.

За знатного дворянина и игумена 1 920 руб.

За князя 3-й степени и архимандрита 3 840 руб.

За князя 2-й степени, родственника знатного князя и епископа 7 680 руб.

За митрополита 12 280 руб.

За знатного князя и архиепископа 15 360 руб.

Законы назначают соразмерное взыскание и за таковых чиновников, кои произошли из низкого роду.

Далее сказано в них: «некоторые князя издревле имеют особое назначение взыскания за кровь, но в рассуждении сего настоит затруднение в решении».

«Естьли у убитого есть несколько братьев отдаленных, взыскание за кровь отдается тому, который был не в разделе с ним; из чего должен он отделить часть жене убитого».

Кто не в состоянии был заплатить за кровь, подвергается или смерти, или казни. Законы грузинские ставят еще ввиду, за какие убийства нет взыскания, приемля к рассмотрению: не произошло ли убийство нечаянно на охоте, или в другом каком случае; не в шутках ли, не в повреждении ли ума, не по зависти ли, не в споре ли, или в споре на именование, или при требовании долга; не в отмщение ли за бесчестие и злословие, не в пьянстве ли, поссорясь, не упадением ли с испуганием кем лошади, и в других случаях, с подробностями там исчисленных.

¹⁰ Наказания лишением чести, прав и прочего, сколько известно, в Грузии в употреблении не было.

¹¹ О разделах помещиков в законах содержится следующее: «Раздел имения между братьями должен быть на письмо, иначе учиненный не приемлется. Когда бра-

ным на крестьян, земли и поместья¹²; всяким сделкам, утверждаемым всегда царскою печатью¹³, и вообще всем исковым и тяжбным делам.

Примечание: сюда не входили по гражданским делам княжеские дворяне, по причине, что они не могли располагать недвижимым имением без воли князей своих.

Изобличенные в уголовных преступлениях, исчисленных выше под буквою /а/, препровождались прямо к царю от моуравов и других начальств, с исследованиями, учиненными на месте происшествия.

По жалобам, о насилиях второй степени¹⁴, также в оскорблениях, хищениях, предерзостях, как и по всем гражданским делам, истцы из помянутых прежде состояний народа с просьбами своими к царю непосредственно же относились. Царь давал решение сам собою, когда дела были явственны; естли же запутанные, неполные, или особливо важности, доставляли их в верховный суд, и в нем иногда сам присутствовал при производстве, обыкновенно же препоручал их повелением своим одним судьям, которые, руководясь наставлениями, предписанными в законах, призывали в заседание свое преступника, истца, ответчика и свидетелей¹⁵, рассматривали показания их, допол-

твляя приступят к разделу, прежде всего должны отделить невесткам каждой свое приданое и принадлежащую часть». Естли делятся помещики, да и поставляют себе в часть другого звания, при разделе, «когда старший брат возьмет за старшинство, из остального имения следует получить государю за раздел 20-ю часть, какая ему угодна будет».

«Меньшему брату сверх части следует получить дом и все, что расположено внутрь ограды; остальное же имение поступает в раздел. Кроме следующего государю за раздел и старшему брату за старшинство, оставшиеся крестьяне должны быть разделены так, чтобы каждой брат остался довольным. Естли старший брат умрет без детей, то в раздел должен получить за старшинство следующий по нем брат. Естли бездетный брат или дядя пожелает разделиться, не можно воспрепятствовать ему в получении своей части, естли кто имеет приобретенное особое или купленное имение, из оног почти ничего не следует ожидать братьям».

¹² Никто ниже 25 лет возраста не может продать недвижимое имение. В купле и продаже должно извещать родственников и утверждать оные при свидетелях, исследуя подробно, дабы в обязательствах не вписано было чего чужого. Естли кто за проданную вещь возьмет задатков, а потом продавец покупщику откажет, должен возвратить задаток вдвойне.

¹³ За сие взималась в казну пошлина.

¹⁴ В дела сего рода правительство входило только тогда, когда обиженная сторона приносила жалобу.

¹⁵ В законах о свидетелях:

«Свидетельство человека ниже 20 лет не может быть принято».

«Свидетель должен быть верный и достойный человек».

«Свидетельством одного человека нельзя увериться».

«Свидетельство еретика не может быть принято».

«Не может тот свидетельствовать, кто требован письменно и приведен принужденно».

«Убогие не могут свидетельствовать».

«Как отец для сына, так и сын для отца не может быть свидетелем».

«Купленного человека и освобожденного раба свидетельство для господина своего не приемлется».

«Свидетельство в долговых делах да засвидетельствует виденным, а не слышанным».

няли оные удостоверениями, а приведа дело в совершенную ясность и сообразуясь с законами или с обычаями того народа, у коего произошел судимый случай, заключали приговор и оный вносили к царю на утверждение; от произволения царя зависело поступать по мнению судей или иначе, особливо в делах уголовных, в коих жребий преступника облеглаем или обременяем был сугубо¹⁶.

К царю приносимы были жалобы на несправедливое решение частных судей. В таком случае дело истца рассматриваемо было или самим царем, или в верховном суде сказанным выше порядком.

2-е. Мдиван-беки по-персидски, а Манджули по-грузински, судьи.

Сверх должности по верховному суду обязанностью их было: а) чрез каждые семь лет лично обозревать внутреннее состояние царства, приведением в известность народочислия по семействам и народной промышленности для новых соображений о соразмерном расположении его повинностей. б) Давать суд нижним классам обывателей тифлиссских и таких мест, где волости, селения и деревни управлялись моуравами, то есть где не было высших моуравов и других начальств, имевших право судопроизводства.

На суд к Мдиван-бекам входили к карталинским от Карталинии, а кахетинским от Кахетии те предметы по представлениям о насилиях второй степени, кои исчислены выше. Но по делам сего рода они приговоры свои представляли на утверждение к царю и без того не могли приводить их [в] исполнение. По части же гражданской такие тяжбы и иски, кои словесным разбирательством нижних моуравов не могли быть окончены, а требовали письменного производства, каковые и решились ими, Мдиван-беками, без отношения к царю.

Мдиван-бекам в качестве частных судей известных округов предлежало еще принимать в злоумышлениях и иных вредных поступках изветы, которые по законам грузинским должны быть непременно письменные. Они их исследовали, и когда дело относилось к преступлениям первой степени, или хотя и к меньшим, но касалось князей, дворян и других пользующихся преимуществами дворянскими, представляли к царю на суждение в верховном суде. А когда содержало преступления второй степени и обвиняло кого-либо из людей ниже-

¹⁶ «О границах земли и о построении дома могут свидетельствовать и по слуху».

В законах о преступниках вообще.

«В день пасхи освобождается один из преступников».

«Преступник тотчас наказан быть не должен».

«Естьли царь повелит наказывать преступников, то якупы должны несколько помедлить».

«Ежели царь прощает преступников, то и народ должен быть согласен».

«Женщина ни за какое преступление не должна [быть] посажена в темницу».

Первый сему пример показали императоры Валентиниан и Грациан. По закону Феодосиеву следовало исполнять приговор по истечении 30 дней от определения.

го состояния, заключали приговор и проводжали к царю на утверждение. Мдиван-беки по служению в верховном суде и в частном судопроизводстве пользовались назначенною частью доходов из денег, взятых за оконченные ими дела, из чего некоторая часть принадлежала царю, некоторая царевичам, в суждениях участвовавшим. Сверх того, иные из Мдиван-беков имели определенное от царя жалованье; иные исправляли кроме настоящей другие должности, с особыми выгодами сопряженные.

3-е. Телавский окружный суд.

Суд сей состоял в Кахетии, в городе Телаве, из собрания четырех кахетинских князей, предметы упражнения и правила к наблюдению его были те же, кои показаны в должности Мдиван-беков в отношении права их на частное судопроизводство. Ведение его простиралось на город Телав и округ Средней Кахетии со включением нижних моуравств, во оном находившихся.

4-е. Высшие моуравы.

Один в городе Гори, имел в зависимости своей всю собственно называемую Карталинию.

Другой в нижней Кахетии в Казикском округе. Обязанности высшего моурава можно разделить на 4 статьи: 1-я по части судной, или по делам, требующим письменного вершения. В сем отношении поступал он, как Мдиван-беки в присвоенном им частном судопроизводстве. 2-я по части расправы. Он делал разбирательства и давал решения подчиненным ему жителям низкого состояния в неважных гражданских расправах, исках и в жалобах на оскорбления, хищения, продерзости и другие подобные, соображаясь с законами и местными обычаями. Дела таковые, входя к нему словесно, словесное же и окончание воспринимали. 3-я по части благочиния. Он должен в моуравстве своем: а) предупреждать и отвращать зависящими от него способами всякие потрясения общественного покоя, невзирая ни на какое лицо, то есть распространяя сие на князей и дворян, в округе его пребывающих. б) В случае происшедшего уже злодейства и насилия первой степени иметь преступника, исследовать вину его и препроводить его к суду цареву. в) Приводить в исполнение царские повеления и приговоры верховного суда, царем утвержденные; или вспомоществовать тому, на кого возложено то особо. г) Делать наряды войск по востребованию; и в случае покушения неприятелей на его моуравство, или в надобности подкрепить соседственное, вести на отражение их вооруженных из моуравства его людей; в предосторожность от хищничеств содержать в пристойных местах из обывателей стражи, наблюдая притом, чтобы каждое селение, лежащее на границе, для открытия разбойников чинило почасту на землях своих объезды.

4-я по части сборов. Он должен содействовать есаулам, нарочно посылаемым от государственного казначая, посредством генерал-

адъютанта царского, дабы из моуравства его все сполна обывателями внесено и в показанное место доставлено было; не входя, однако, во внутреннее между поселян распоряжение. Они, зная достаток каждого из себя, сами делали распоряжения податей, на селения назначенных, под наблюдением сельского старосты. Где же состояли на откупках таможенные и другие казенные статьи, моураву подлежало пещись, чтобы откупные суммы на срок уплачены были; и когда сборы сии к нему поступали, производить из них расходы по назначениям государственного казначея, давая ему в свое время отчет о приходах и расходах.

5-е. Нижние моуравы.

Они определялись в такие волости, села и деревни, которые состояли вне ведомства высших моуравов и приемлемы были в двух отношениях:

В 1-м. Находившиеся в округе, вверенном по делам судным Телавскому суду.

Во 2-м. Подчиненные по сим же предметам мдиван-бекам, в Карталинии своим и в Кахетии своим. И те же, и другие по части расправы, благочиния и сборов исполняли все, что сказано в должности высших моуравов; а о делах, письменного судопроизводства требовавших, относились к помянутым судебным властям.

Главных моуравов состояло во всей Грузии 2; число нижних из волостей, сел и деревень, принадлежащих непосредственно короне и к уделам членов царского дома и вотчинам духовным в 1801 г., простиралось до 85-ти, но так, что когда где в одном селении обитают совокупно крестьяне государственные, удельные и церковные, над каждым был особый моурав, должность свою независимо от других отправлявший. Сие допускалось и в городах относительно крестьян удельных и церковных с таковым ограничением, что здесь частные моуравы давали подведомственным им крестьянам только расправу и собирали с них подати для владельцев.

Высшие моуравства были наследственны в фамилиях князей, имевших сардальское достоинство, в Карталинии – Амилахоровых и в Кизике – Андрониковых. От воли царя зависело назначать высшему моураву преемника, но из той же фамилии, и в сем случае, равно как в занятии прочих наследственных должностей, право перворождения и старшинства не всегда наблюдалось.

В нижние моуравы определялись царем и князья, и дворяне. Многие, имея в царстве первые чины, не только от должности сей не отрицались, но еще искали оной, да и заслуги, отказанные царю и оте-

честву, награждались обыкновенно пожалованиям[и] в роде по смерти или на известное время¹⁷.

Выгоды высших моуравов заключались в доходах от суда, ими производимого, и от части пошлин с привозимых в моуравствы их товаров и припасов. Общие же доходы и высших, и нижних были следующие: моурав получал от жителей моуравства все, что к пропитанию его нужно; в некоторых местах повинность сия имела установленную меру. Так, армянское селение Шулаверы доставляло ему в год с каждого дома 3 ведра вина и шелку 40 золотников выделанного и столько же сырцу, а все селение 3 коровы и 6 баранов, но некоторые селения и деревни по исключительному преимуществу никакими подборами для моуравов обязаны не были.

По части расправы моуравы неодинаковыми пользовались доходами от разнообразия прав и обычаев народных в одних и тех же предметах. В селении Шулаверах моурав за решение 10-ти рублевого искового дела получал с виновного 1 р. 20 к. Там за похищение вещи кражею, взломом и мошенничеством взыскивалось с вора пятерницею, из чего принадлежало истцу 2, царю 2 и моураву 1 часть. У некоторых татар истцу возвращалось одно потерянное и убытки, а в наказание преступнику делалось было взыскание с имения его по рассуждению моурава, из чего девять из десяти частей следовало царю и одна моураву. В иных селениях татарских моураву предоставлялась третья часть из штрафа, а две поступали в царскую казну. Словом, все сии установления издревле и во многих местах различны. В городах Тифлисе, Гори, Телаве, в Кизицких селениях, в крепости Цхинвале особые и в княжеских вотчинах особые же по учреждению помещиков, давностью времени утвержденному, но в знатнейшей части Грузии мера взыскания с вора состояла в седмерице, из чего истец получал 2, царь 4 и моурав 1 часть; принадлежавшее царю доставляемо было моуравами в казну чрез государственного казначея.

б-е. Хевиставы.

Выше сказано, что моуравы обязаны были пешись между прочим об искоренении в моуравствах их разбоев. Но Грузия содержит немалые пространства земли необитаемой, покрытой горами и дремучими лесами, удобными к укрывательству злодеев. В сем уважении установлены были хевиставы, коих должность в том единственно и состояла,

¹⁷ От нижних моуравов не требовалось быть всегда лично в своих моуравствах. Отсутствующие, и которые другою службою по царству заняты, имели там заместников, или из родственников, или из посторонних, с присвоением им некоторой части доходов. Волостные моуравы, хотя и сами в моуравствах находились, но помощников на таком же основании определяли для содержания лучшего устройства. В прочем состояли еще под ведением моуравов, в качестве старост: в городах и многолюдных селениях нацвалы; в деревнях грузинских — мамасхлисы и кевхи, в армянских — кехтуды, в татарских — аги, или агалары.

чтоб, делая частые разъезды с определенными на то воинскими командами и обеспечивая спокойствие страны, истреблять разбойников и грабителей. С пойманными злодеями поступали они, как высшие моуравы с преступниками сего рода. Хевиставов находилось в Карталинии 1, где народ благонравнее, а в Кахетии 2, коей жители, будучи больше воинственны, наклоннее и к преступлениям.

7-е. Мелик.

Мелик находился в одном только Тифлисе, где армяне составляли знатнейшую часть города и, имея в руках своих тамошнюю торговлю, требовали начальства над собою, сообразно с обычаями их.

По законам возлагалось на него содержание купечества в добром порядке и наставление оною в правде; чтобы не было между торговыми взаимной обиды, имели бы они верную меру и вес, продавали вещи без обмана и подлога и получали бы прибыль умеренную.

Примечание: В городе Телаве наблюдение сего в особенности поручено было моураву, который и назывался моурав над базаром.

Должность мелика изъясняется следующими 4-мя статьями: 1-я и 2-я по части суда и расправы гражданских, когда в Тифлисе происходили у купцов и мещан тяжбы об имении или споры при разделах¹⁸ одного между наследниками по расчетам торговым, также иски вексельные¹⁹ и другие гражданские дела, мелик, созвав именитых купцов,

¹⁸ Выше приведены некоторые законы о разделах имений, здесь предлагаются иные о наследствах.

«Кто отдает наследство сыну в имении отца и деда своего, сие да будет утверждено духовным завещанием, а к духовному завещанию должна быть приложена печать начальника того места».

«Естьли духовное завещание слепого учинено им при шести или семи свидетелях, то оно неоспоримо».

«Не получает наследства, кто без воли отца сопрягается браком, лишается наследства дочь, которая по увещании и по приготовлении ее от родителей приданого не пожелает в замужество».

«Естьли у овдовевшей жены умрет после мужа сын, и она останется бездетна, когда захочет пребывать в доме мужнем, иметь ей свою часть».

От чиновников грузинских известно следующее: имения родительские получают сыны, а дочерям незамужним отдается приданое.

Умиравший не властен назначать духовное имение фамильное иным, кроме братьев и сынов своих; благоприобретенные же располагает по своей воле.

Естьли нет сына, имение отдает дочери.

Выморочные имения в казенных списывают на царя, а в помещичьих на помещика.

¹⁹ В исках долговых законы воспрещают принимать рост выше 12-ти процентов. Векселя грузинские содержат в себе ту особую предосторожность, что в них означалась и половина данной суммы. «Я, такой-то, должен такому-то сто рублей, которой суммы половина составляет пятьдесят рублей и проч.». О займе хлебом сказано в законах, что правильное даяние заимообразно хлеба, ячменя и проса есть с получением из десяти двух частей прибыли.

Далее в законах о долгах: «Кто кому какую монетою дал в долг, то же должен получить и уплату».

решал оные письменными приговорами, утверждая их своею, и печатями участников судопроизводства.

Рассмотрение и решение маловажных дел мог возлагать на двух и больше достойных граждан.

Естьли же к тифлисскому моураву или к мдиван-бекам вносим был иск, касавшийся до кого из подведомственных мелику обывателей, или из сих, кто предпринимал иск на состоявшего в зависимости моурава, в таком случае мелик с моуравами и с мдиван-беками составлял совместный суд или расправу. Продажа домов, садов и земель в Тифлисе между купцами и мещанами доводима была предварительно до сведения мелика. Он к купчим прилагал свою печать и печати свидетелей, и содержавшие немалую цену подносил на утверждение царю. Впрочем, в делах расправы мелик поступал, как сказано о должности моуравов, но обыкновенно с совету граждан.

3-я. По части полиции градской, предметы коей, здесь описанные, относились к исполнению и городских моуравов, мелику предлежало, наблюдая вообще благочиние и тишину между подчиненными ему обывателями:

а) Отвращать покушения на воровство, грабление и прочие; употребляя на то нацвала, то есть полицмейстера, десятских и других нижних полицейских служителей; поймать уголовных преступников, исследовать злодеяния и отправлять в верховный суд.

Естьли прошло 30 лет с того времени, как кто кому дал что в долг, и в течение сего времени требовал ли возврата или нет, не позволяется уже взыскивать уплаты в один раз.

«Когда брат твой будет недвижимое имение продавать для уплаты долгов, а ты, заплатя за него долги, избавишь его от нужды, можешь имение его держать в закладе до 7 лет; естьли же хозяин чрез сие время его не выкупит, то оное почитается уже за купленное».

Займодавец не может взыскивать ни с кого кроме должника своего; ... отец обязан платить за сына; долг же отцовский платит тот из детей, кто, оставшись, имением его владеть будет. «Кто, бывши в чужих странах, задолжится по мотовству, в таком случае не участвуют в долгах ни его дети, ни братья». «Кто от отца или от братьев, или от кого другого продан, тот не обязан к платежу отцовского долгу».

«Есть ли имение должника недостаточно на платеж, то и сам должник отдается займодавцу».

Так по закону Феодосиеву.

У евреев или иудеев брали таковых в рабство.

Законы о ручательствах повелевают, между прочим:

«За ручательством женщины да не дает никто денег в долг».

«Ручательство жены по муже не может быть принято».

«Естьли кто кого будет просить о ручательстве, должен взять на то согласие господина его или от кого он зависит».

«Ручатель должен быть добровольный, а не принужденный».

«Никто из духовных чинов да не будет ручателем».

«Когда кто из духовного звания будет приносить жалобу, не требовать у него ручателя».

«Женщина ни в каком деле не может быть в ручательстве».

б) Водить о приезжающих в Тифлис и выезжающих торговых людях и снабжать последних пропускными видами внутрь Грузии. Когда запрещен кому от царя въезд или выезд, иметь смотрение за сим чрез нацвала.

в) Отводить квартиры военным командам.

г) Знать о собраниях в городе народных, часто для каковых-либо советований по общественным делам случавшихся, и благонамеренные допускать, а противные не позволять.

д) Приводить в действие царские указы и приговоры судебные, царем утвержденные.

е) Устанавливать купно с гражданами цены съестным и другим жизненным припасам; таксу вручать на обнародование и наблюдение нацвалу и на тот же конец сообщать ее тифлисскому моураву.

4-я. По части сборов: когда требовались от тифлиских купцов и мещан по царскому повелению обыкновенные или чрезвычайные подати, мелик, созвав граждан, делал с ними расположение сбора, взирая на возможность и состояние каждого обывателя; а по взнесении ими оного — доставлял, куда предписано. Вообще без ведения мелика никакие поборы от тифлиских купцов и мещан не были взимаемы, и он в сем отношении присутствовал у государственного казначея.

Мелик установлен при Тифлисе от шахов персидских²⁰ и вероятно от шаха Абаса I-го. Прежде того и несколько после находились в Тифлисе мамасахлисы, название коих в тесном смысле означает домонархальников, с течением времени должность их смешалась с должностью мелика и обращена в наследие фамилии князей Бебутовых, происходящей из армян. Итак, ведение моурава тифлиского простиралось в особенности на жителей армянской нации, и сверх того он начальствовал над всем, что к безопасности города от-вне относилось.

Мелик и нацвал тифлиские получали содержание свое от дел, ими производимых, подробно моуравам, имел еще от города в пользу свою некоторые известные доходы. Кроме того, мелику, как моураву тиф-

²⁰ Грамота шаха Надира, данная на утверждение в звании мелика князю Бебутову, по переводу с подлинника персидского содержит: «Мелику аге повелеваем быть меликом в Тифлисе над армянами, как требует порядок и учреждение. В сборе податей обязан он наблюдать достаток каждого гражданина и обращаться с народом так, чтоб оный был тем доволен. Первостатейные граждане и советники, в Тифлисе и в окружности оного находящиеся, знаменитые купцы и народ! Вы должны признавать его за тифлиского мелика, мамасахлиса и нацвала. Без его веления, без печати и без подписания его не должны быть не только требованы от армян государственные сборы и подати, но да не будут они без участия его никем назначены и проч.». Далее: «Мурзы и мустафии! список с сей жалованной грамоты имеетя внести в книги. Тамошних войск высокоместный сардал и между великими валиями избранный грузинский валия царь. О повелении сем должен ты водить и силы оного отнюдь не ослаблять».

лисскому, присвоен был особый сбор с местных припасов и с других вещей, ввозимых в город на продажу.

8-е. Суд и расправа в вотчинах помещичьих.

Права помещиков в сем отношении предоставляются здесь в двойном виде.

1-е. Князья в поместьях своих сами давали суд и производили расправу крестьянам своим по законам царства и по обычаям местным особою своею и чрез поверенных, употребление которых предоставлено им законом. По уголовным преступлениям первой важности представляли царю; а по насилиям второй степени вносили к нему на утверждение свои приговоры. К особливым преимуществам князей, имевших у себя дворян, причислялось между прочим, что к судопроизводству их подлежали не только крестьяне дворянские, но по делам об имениях и сами дворяне. Сии, как и выше сказано, владея недвижимою, состоящею в начальной зависимости князей, располагали ею с их дозволения и допускаемы были к продажам и закладам единственно дворянам того же князя, дабы построения не нарушали окружности вотчины княжеской, соблюдаемой издревле в фамилиях нераздельных.

2-е. Царские дворяне по искам судным крестьян своих, подобно нижним моуравам, относились к мдиван-бекам в Телавской суд и к высшим моуравам, куда вотчины их по предмету сему принадлежали. Впрочем, таковые дела редко до установленных судей доходили; чаще же решимы были чрез посредников. По части благочиния и государственных сборов помещики поступали в вотчинах своих по предписанному в должности моуравов.

9-е. Посреднический суд.

Посреднический суд дозволен был в тяжбах и исках гражданских, в насилиях второй степени и в других меньших, кроме разделов помещичьих имений и преступлений первой важности, подлежащих единственно суду цареву. Суд сей устанавливался с согласия обоих тяжущихся сторон; в прогивном случае дело свое вносили они к судьям, от правительства учрежденным. В законах сказано, что посреднические суды суть равного преимущества с царскими, послушник первым и другим подвергается равному взысканию. Как же должны производить дело посредники, сие указано законом, который возбраняет при том поставлять судьей человека ниже 25 лет²¹.

²¹ Возраст таковой требовался и от всех судей, также и от опекунов над малолетними сиротами.

Царевич Давид в Истории Грузии в странице 104 пишет, что уложением царя Георгия 6-го доньше управляются все [горские] народы, почитая оное священным. Сей царь Георгий имел наименование пресветлейшего, или утренней зори, и царствовал в начале 14-го века.

Примечание: в Грузии большая часть исков и предпочтительно между князьями и дворянами посредническим судом оканчивались.

10-е. Управление народов, на исключительных правах состоящих.

- а) Одноплеменные грузинам поколения хевсуров, пшавов и тушев.
- б) Осетинцы, коих большая часть принадлежит князьям.
- в) Татары, коих некоторая часть также помещицыя.

Народы сии зависели от моуравов и на таком же основании от своих помещиков, а хевсуры, пшавы и туши ни по гражданским, ни по уголовным междоусобным делам к судьям и моуравам не подлежали и на суд царский призываемы не были; сохраняя древние обычаи, они по правам, присвоенным им, как уверяют грузины, еще от царя грузинского Георгия Лаша, умершего в 1211 г. от Рождества Христова, имели всегда собственный образ правления.

Дабы дать о нем понятие, представляется здесь существовавшее у хевсуров. Поколение сие состоит из 13 фамилий, каждая составляет особое селение, имеет четырех, а иногда больше или меньше деканозов, то есть протопопов — служителей веры и предводителей их в войнах. За богов признают древние иконы некоторых святых греческой Церкви, при коих хранят знамена, носимые в походах против неприятелей. Старший между деканозами приемлет звание хевисбера, начальника селения; у всех же хевсуров вообще есть верховный деканоз — один из хевисберов, обязанный следовать всегда с хевсурами на войну. Попечению его вверено охранение главной священной иконы, к коей как хевсуры, так пшавы и туши благоговеют и чтят ее жертвоприношениями скота, празднествами. Избранию деканоза предшествовали особливые странности. В минуту кончины хевисбера или деканоза тот, кто заранее уже предпринял наследовать его должность, обыкновенно из первейших в обществе своем, прибегал к иконам, падал пред ними ниц, казался иступленным, делал разные проречения пред толпою стекшегося и изумленного народа, а доведя его наконец до вероятия о вдохновении, свыше на себя излившимся, признаваем был деканозом и исправлял звание по смерть свою. Каждый хевисбер был судия селения своего. В делах, превышающих меру власти его, все другие хевисберы и все деканозы стекались к царскому моураву, когда он там находился; от него следовали к главной иконе и тут под предводительством верховного деканоза и в присутствии моурава полагали делу словесно окончательное решение, даже по убийствам, иногда отдачею виновного головою на произвол обидимому, иногда определением за кровь взыскания, или соглашением примирения. Впрочем, отмщевали иногда убийство дети и родственники убиенного роду преступника без посредства и препятствия правительства, по примеру тех кавказских народов, которые, подобно людям естественного состояния, воздают насилие насилием.

Так управлялись поколения пшавов и тушев, каждое порознь с некоторым различием, введенным моуравами в расширение над ними власти начальства своего, сколь допустили то необходимые нужды поколений сих, в землях Кахетии для паствы скота, единственного их промысла, находящихся. У хевсуров без предварительного согласия хевисберов и других деканозов моурав не мог ничего предпринять; а у пшавов и тушев в состоянии их было взять под стражу человека сам собою.

Но, говоря определительно, моуравы у всех трех поколений сих, пользуясь от них в виде гостей содержанием и дарами, наблюдали преимущественно принадлежность и обязанности их к царству в отношении службы на оборону края; и податей, взимаемых от хевсуров мулами, а от пшавов и тушев овцами в небольшом количестве.

б) Осетинцы. Из них самая малая часть непосредственно зависела от царя, и те обитают глубоко на севере в ущельях гор кавказских, отделяясь от Грузии снеговым хребтом, столь затруднительным к прохождению, что они часто по несколько годов и сообщение с Грузией не имеют. Селениями своими составляют волости: Нарузаху, Шпа и Зейбира в числе 600 семейств. Высылали некогда в Грузию до 400 воинов, получавших содержание из царского иждивения; вносили в казну небольшую подать овцами и до 1795 года имели царского моурава.

Все прочие осетинцы издревле принадлежат князьям грузинским Мачабеловым, Еристовым Ксанским и Еристовым Арагвским, и последние обращены наконец в удел царевича Вахтанга Ираклиевича; помещики входили в домашние дела их, поелику требовали того выгоды владельческие и поколику сносили то грубые нравы сего народа.

Разнообразное поведение с ним владельцев представляет затруднение в положительном изъяснении внутреннего его управления. Известно, что осетинцы, как хевсуры, пшавы и туши, ни по каким делам своим не сопричислялись ни к частным судьям, ни к верховному суду цареву. Начальство в селении вверяемо было ими одному из старейших мужей до кончины жизни его, а сей избирал себе в помощь другого испытанного в отечественных добродетелях²². Все случаи решали соображением обитателей селения или и всей волости, под которою понимать должно ущелье в горах, занятое в пространстве своем деревнями одного поколения. Богослужение их состоит в жертвоприношениях скота на признаваемых святынею камней или в христианских церквах, существующих по Кавказу издревле.

в) Татары. У татар междоусобные гражданские тяжбы и иски решимы были еффендиями и моллами по Корану и по обычаям. В наси-

²² Добродетели осетинцев, как и прочих кавказских народов, заключаются в проворстве, силе и храбрости, а яснее в искусстве разбойничать с удачею.

лиях второй степени, в хищениях и других меньших давали им суд и расправу моуравы и помещики их; а дела по злодействам и насилиям первой степени вносимы были в суд царский. Впрочем, моуравы и помещики у татар в предметах благочиния и государственных сборов поступали по правилам, в должности моуравов описанным.

III. Управление камеральных дел.

Главные начальники управления камерального именовались салтхуцесы. Один был для Картлии, а другой для Кахетии. При каждом состояли четыре мдивана, в качестве советников, абардин — хранитель получаемого в подать хлеба, тавалидар — хранитель протчих припасов, которые, поступая в доход, обращались на царский и вообще придворный стол.

Салтхуцесов и мдиванов обязанностию было: а) иметь попечение в сборе по царству податей, со включением доходов от опекунов, таможенных и других в городах Тифлисе, Гори, Телаве и протчих местах. б) Давать торги на откупы и заключать с откупщиками условия с соизволения царского. в) Назначать поземельные подати²³, соображаясь с урожаем того года, а по утвержденному царем росписанию, для истребования оных и окладных неперменных, рассылать есаулов к моуравам и помещикам посредством генерал-адъютанта царского. Когда же есаулы исполняли им препорученное, деньги доставили к салтхуцесу, а хлеб, скот и прочее к амбарсану и тавалидару, принимать от них отчеты. г) Иметь в ведении своем монетной двор²⁴ и доходы, приносимые оным царю. д) Смотреть за царскими садами, хлебопашеством и другими хозяйственными заведениями, и е) от придворных чиновников, определенных к царским конским, овчарным и рогатого скота заводам, получать в приращении и убыли отчеты.

Из всех таковых сборов производить по повелениям царя содержание царского дома, жалованье и пенсии; угощение и подарки приезжим иностранным гостям, посланцам и все прочие расходы. А по истечении года подносить царю подробный отчет о приходах и расходах, как прямо чрез руки их перешедших, так и в других городах и селениях у моуравов.

На сие же начальство возлагалось: а) делать расписание, где сколько собрать войск в представшей надобности, которое по утверждении царском приводить в исполнение царским генерал-адъютантом.

²³ Подати разделялись на разные статьи. Одни, под названием Махты, были окладные постоянные; другие налагались на произведения земли по урожаю, и сии почти ежегодно подвергались изменению; а третьи, чрезвычайные, назначались временно на содержание вспомогательных войск и в прочих случаях.

²⁴ Монетный двор состоял в Тифлисе; всяк, кто хотел, приносил свои металлы для обращения их в монету, казна получала за передел 10-ю часть цены металла, очищенного до известной пробы.

б) В походах снабжать войска продовольствием, когда оные с таким предложением истребованы; и в) доставлять по условию и жалованье принятым на службу вспомогательным чужестранным войскам, под коими разумелись лезгины, находившиеся в Грузии при последних двух царях.

Салтхуцес был первоклассный чиновник в гражданской службе, он и мдиваны его приобретали одиннадцатую часть²⁵ со всех доходов, получаемых казною от области, по которой они служили, распространяя на обыкновенные и чрезвычайные денежные, хлебные, винные и иных званий сборы, приносимые податями и откупам. На все, что царю требовалось по древнему персидскому обычаю²⁶ от городов и селений в путешествиях по Грузии для продовольствия его и свиты его, и на пошлины, взимаемые царем при продаже частными людьми недвижимых имений, изымается только доход от горных разработок, из коего некоторая часть присвоена была помещику земли той.

Половина оной 11-ой доли принадлежала салтхуцесу, а другую разделяли между собой его мдиваны, которые в правление царя Георгия Ираклиевича почти все были из мдиван-беков.

IV-е. Управление дел иностранных.

Чиновники оного управления были: визирь на персидском, а мдиван-тухуцесу на грузинском языке означает первого советника дел иностранных. Он употреблялся царем в сношениях его с азиатскими владельцами и столь ограничено, что занимаем он был единственно сочинением писем царских, или переводом оных на языки, господствующие в областях владельцев тех и в переложении на грузинский присланных оттуда.

Мустафа или метопи ответственуют реиз-ефендию. При царе Георгии Георгиевиче должность его и визирскую исправлял один Мирза Рабисколопо.

Мемандар-мирза или мемандара собственно значит пристава; определяем был к посланцам, присылаемым к царю от заграничных владельцев, для попечения об успокоении и угощении их. Впрочем, когда царю нужно было отправить посольство с письмами и для переводов к азиатским владельцам, назначались к тому от других должностей чиновные князя и дворяне, взирая на важность дела и на достоинство того, к кому они следовать должныствовали.

²⁵ Бурнашев в сочиненном им в 1786 г. описании Грузии и другие полагают десятину. Но сие несогласно с сведениями, извлеченными при открытии в Грузии нового правительства в 1802 г.

²⁶ Варнава Брисони о персидском царстве, часть 1-я, страница 192-я, угощением таким пользовались и помещики в вотчинах своих.

V. Придворный штат.

Придворный штат составляется в двух отделениях: в первом чиновники, должностями своими привязанные к государственному правлению; во втором те, должности коих заключались в одном дворе царя, занимаемы были князьями и дворянами.

В первом отделении.

А. 1-е. Ешик-ага-баши по-персидски, а монадаур-ухуцеси по-грузински, соответствует к генерал-адъютанту, как назван он в трактате с Грузией 1783 г., находился всегда при особе царской. Все повеления его и конфирмации приводил в исполнение чрез подчиненных ему чиновников; вообще по власти исполнительной царь действовал его посредством. 2-е. В зависимости его состояли Ешик-аги-баши-наиб, товарищ или наместник его. 3-е. Кара-иасаул-баши, соответствующий флигель-адъютанту. 4-е. Кара-иасаул-баши-наиб, товарищ или наместник кара-иасаул-баши, который в начале его находился. 5-е. Дакури-есаул-баши, равняется с кара-иасаул-башею. 6-е. Бокаулт-хуцес, равен ему же; и имел начальство над есаулами.

Примечание: Есаулы по-персидски, манедауры по-грузински, употреблявшиеся в посылке с царскими повелениями, обыкновенно бывали из слуг²⁷, но когда требовалось исполнить царский указ особенной важности, назначались на тот случай в есаулы князья и дворяне.

Б. 1-е. Насахчи-баши, главный начальник над палачами, в которые определялись слуги. 2-е. Насахчи-баши-наиб, товарищ или наместник его, сей долженствовал быть всегда лично при наказаниях и казнях.

В. Мдивани, звание сие означало дьяка царского, он сочинял царские акты по внутренним делам, жалованные грамоты на достоинства княжеские и дворянские, на чины, на должности, на крестьян, земли и поместья и всякие другие²⁸; приписывал в грамотах имя свое, прила-

²⁷ Под именем слуг или дворовых людей царских, княжеских и помещичьих состоял в Грузии особый класс народа выше земледельческого.

²⁸ Для любопытства, какие титулы употребляли цари грузинские в жалованных грамотах, вносятся у сего с двух переводы. Грамота, данная князю Бебутову на утверждение его в звании Тифлиского мелика, подписанная царем Иесеем и супругою его царицею Исахварсою в 1714 г. «Волею и помощью Божиею, мы, Богом возвышенные и утвержденные, Богом и небом венчанные потомок Иесея, Давида, Соломона и Багратиона, из царей царь, государь и владетель и прочие», а в окончании «написали мы повеление сие рукою нашего мдиван-гива-Туманова». Грамота, данная царем Георгием Ираклиевичем в 1800 году на муравство Мирзе Гургеневу: «Божиею милостию мы, происходящий от колена Иесея, Давида, Соломона и Багратиона, всяя Грузии, Карталинии и Кахетии властитель и обладатель, царь Георгий XIII-й, и супруга наша царица Мария, урожденная княжна Цицианова, и любезные сыны наши, наследник наш российский великого государства генерал-лейтенант и кавалер Давыд, Иоанн, Баграт, Теймураз, Михаил, Гавриил, Златоуст, Ираклий, и внуки наши Григорий и Спиридон, сыны царевича Иоанна, сию милостивую грамоту нашу жаловали

гал к ним печать свою и вносил их в особливые книги впредь для ведома и справок.

Г. Мордал, собственно значит хранитель царской печати, но должность его была — все бумаги, сочиненные мдиваном, подносить царю для подписания или утверждения печатюю, которую царь хранил всегда при себе во избежание злоупотреблений.

Д. Лашкари-ноши, военный секретарь; он вел счет войскам, истребованным на службу, и вносил их в книги, сколько для справок впоследствии времени о заслугах каждого, столько и для раздачи войсками жалованья и продовольствия. В походе имел повеления царские по действиям воинским, сих секретарей было шесть, четыре для войск христианских и два магометанских.

Во втором отделении.

А. 1) Кешикчи-баши, главный страж, или начальник над телохранителями царскими, которые были в некотором числе из слуг и из хевсуров, пшавов и тушев. 2) Кешикчи-баши-наиб, его наместник;

Б. Халвахтанис-ешик-ага-баши, тайный генерал-адъютант царский; имел обязанностью своей не допускать к царю тех, кого не приказано.

В. 1-е. Куллар-агаси, начальник над бокча-горчи, то есть камерпажами царскими и пажами, которые были из молодых князей или дворян, под ведением же его находились. 2-е. Ментар-баши хранил платье царское, торжественную утварь и прочее. 3-е. Ментар соответствует камергеру.

Г. Миршкар-баши по-персидски, а базиерт-хуцес по-грузински, главный ловчий. Попечение его простиралось на все, что относилось до полевой охоты царской.

Д. Милафар, главный конюший, он ведал царских лошадей, конские приборы и все, что к службе конюшенной принадлежало.

Е. Меджовет-хуцес, смотритель над царскими конскими заводами, хотя он зависел непосредственно от царя, но по убыли заводской [он] доставлял отчет салтхуцесу. Примечание: при овчарных заводах царских находились чиновники других именовании.

Ж. Мегвинстухуцес, главный кравчий, наблюдал при питье цареву здоровье, имея в ведении своем вино.

З. Пешкеб-наиб вел записку подаркам, царю подносимым и присылаемым от иностранных дворов и владельцев.

И. При кабинете: 1-е. Моларент-хуцес, главный казначей, имел в ведомстве собственную цареву казну и другие вещи, по воле царской употребляемые. 2-е. Салорос-Мушрат, письмоводитель. 3-е. Моллара,

тебе, Мирзе Гургеневу, и проч...» а в окончании «писана в Тифлисе рукою мдивана нашего Игнатия Туманова».

хранитель вещей кабинетских. При кладовой: 1-е. Салларос-наиб, ведал оружие и другие бронные вещи, сберегаемые в кладовой царской; 2-е. Саларос-назир, помощник или товарищ его. Примечание: при сем состояло еще два писаря из дворян.

К. При внутренних комнатах дворца: 1-е. Парет-хуцес; наблюдал чистоту во дворце, ведал комнатные уборы и царские палатки; распоряжал[ся] установлением царского стола и [в] походах занимал место для ставки царской. Примечание: когда требовалось кого из знатных арестовать и наказать, сие собственно возлагаемо было на Парет-хуцеса. 2-е. Супраджи раздавал кушанье за столом царским и служение по оному разделял с парет-хуцесом. В начальстве же Супраджи находились музыканты царские. 3-е. Мушриб, писарь при парет-хуцесе.

Л. При поварне: 1-е. Назир, начальник над поварнею, или попечитель всему, что до изготовления яств к столу царскому принадлежало. 2-е. Кархнис-назир, помощник его; 3-е Кархнис-мушриб, писарь при поварне. 4-е. Мушрип, писарь при расходах порционных, от коих по назначению царскому питались убогие, получавшие содержание свое от двора.

При царицах находились из князей и дворян. Салтхуцесы, для управления доходами от уделов их. Мордалы, для сочинения и поднесения к подписанию и утверждению печатью их писем. Армш-ешик, ага-баши, генерал-адъютант при фамилии царской. Малиафары, смотрители за конюшнею их. Сверх того, имели царицы в свите своей благородных женщин, носивших название Маихлы и Сепацила, то есть приближенных и отроковиц.

VI-е Управление дел военных.

Управление сие для удобнейшего изъяснения поставляется в двух отделениях по видам службы: 1-е конной и пехотной; 2-е артиллерийской.

А) По службе конной и пехотной состояли чиновники: 1-е. Сардал поперсидски, а Спамет по-грузински, генерал, как назван он и в трактате с Грузиею 1783 г.; чин сей был высший пред всеми другими военными и статскими и носили его наследственно знатнейшие князья Грузии: в Карталинии четыре, а в Кахетии один. 2-е. Саркардар поперсидски, а Нахапизт по-грузински соответствует начальнику бригады; 3-е. Мин-баши, тысячный начальник, они находились в зависимости сардалов, даже и в мирное время, будучи всегда готовы на службу по востребованию их. Каждый Сардал имел своих Мин-башей, по числу войск, какое под начальством его могло соединиться, а посему состояло их у иных по три, у других меньше. Примечание:

Комендант крепости Тифлисской²⁹ имел чин Мин-баши. Ему сверх жалования присвоены были с привозных в Тифлис съестных припасов некоторые пошлины, кои, быв на конец обращены в пользу царевича Иулона, отдавались на откуп 550 руб. до 1802 г. 4-е. Еминчи-баши, равен Мин-баше, должностью его было обеспечивать от хищников горные рудники, когда на них производились работы. 5-е. Понсат-баши на персидском, а Хугаставы на грузинском языке, пятисотник. 6-е. Ус-баши по-персидски, а Амапав по-грузински сотник. 7-е. Даг-Баши, начальник над десятью и 8-е. Панжа-баши, начальник над пятью человеками.

Б). По службе артиллерийской.

Первое нарочитое учреждение службы артиллерийской последовало около 1770 г. при царе Ираклие Теймуразовиче. Тогда в полевой артиллерии состояло не больше десяти орудий, и начальство над нею вверено было мин-баши, которой имел под собою ус-башу и 60 человек рядовых пушкарей. Когда потом возвратился из России в Грузию князь Паата Андроников, приобретший некоторые познания в артиллерийской науке, то с принятием в [в]верение свое грузинской артиллерии, пожалован от царя в чин топчи-баши; он перелил пушки³⁰ по европейский калибрам, умножил число их до 15-ти, а по присовокуплению к ним в 1787 г. еще 12 орудий из 24³¹, пожалованных царю Ираклию Теймуразовичу императрицею Екатериною, установил чиноначалие артиллерийской службы следующее: 1-е. Топчи-баши, или глава артиллерии; 2-е. Майор артиллерии; 3-е. Капитан; 4-е. Поручик; 5-е. Адьютант; 6-е. Подпоручик; 7-е. Прапорщик³²; 8-е. Сержант; 9-е. Капрал и 10-е. Топчи, рядовые пушкари, коих было до 100 человек. Все они взяты из российских солдат, оставшихся в Грузии дезерциею в двукратное бытие там войск российских, и из выкупленных

²⁹ Здесь только и находится комендант, прочие крепости состояли в ведении у тамошних муравов.

³⁰ С того времени существует в Тифлисе монетный двор, на котором выливались пушки и монеты; также и ядра, бомбы и прочее. Главная неисправность в употреблении полевой артиллерии состояла в том, что в походах возили на волах.

В порохе не было в Грузии недостатка, там одна из гор в Борчалинских селениях производит селитроу. Серу заимствовали из соседних персидских владений, но могли достаточно очищать и своею.

³¹ В 1802 г. найдено в Грузии полевой артиллерии: медных орудий 32, в числе их горных по нужде 4 и все без лафетов. Крепостной артиллерии состояло тогда 38 орудий, из [них] некоторые приобретены царем Ираклием Теймуразовичем в войнах его с персиянами, что свидетельствуют иссеченные на них надписи.

³² Царь Ираклий Теймуразович, кроме сих офицерских рангов, впоследствии времени жаловал патенты на чины артиллерии полковников и подполковников многим снискавшим милость его, и таковым, кои ни прежде, ни после в службу не употреблялись. Царь Георгий Ираклиевич вверил артиллерию сыну своему царевичу Иоанну, наименовал его фельдцейхмейстером. Он и по службе статской начал было вводить чины тайных советников и прочее.

царем из плена от кавказских горских народов. И тех, и других в 1794 г. состояло до 370 человек, а по выступлении войск из Грузии в 1794 г. осталось сверх того побегам еще до 300³³.

В штаб обер-офицерские чины производимы были князья и дворяне; в унтер-офицерах служили из сих и прочих сословий народа.

Общее рассмотрение военного устройства в отношении заграничной и внутренней по царству службы.

А) В отношении заграничной: сверх гражданского разделения обеих областей Грузии, Карталинской и Кахетинской, каждой на верхнюю, среднюю и нижнюю, Грузия имела еще военное разделение по сардалствам. В Карталинии состояло таковых округов четыре, а в Кахетии два. В первых четырех и в одном из последних главными начальниками были сардалы, исключая татар, кои всегда особые корпусы составляли под предводительством моуравов своих. Все князья и дворяне, имеющие в округах оных поместья и крестьян, равно и моуравы государственных, удельных и церковных, в случае поголовного вооружения должны были присоединиться к войскам сардала их с войсками своими, взятыми соразмерно населения по предварительному царскому назначению; снабженных собственным запасом продовольствия³⁴, на указное время и в продолжении войны быть в зависимости сардала своего³⁵.

По стечении же к одному пункту сего поголовного ополчения устраивалось оное, и в походах следовало таким порядком:

Первый полк: кизики, то есть войска нижней Кахетии под начальством сардала и моурава князя Андроникова; войска из Сомхети или Карталинии, под начальством сардала своего князя Орбелианова.

Татары Борчалинские с своим моуравом.

Левая рука: из войск Мухранского округа и верхней Карталинии, где и осетинцы под начальством сардала князя Багратиона Мухранского.

³³ Как большая часть солдат сих женились на грузинках и там уже водворились, то при открытии в Грузии российского правления все, кои только отысканы и оказались способными к службе, определены предпочтительно в штатные воинские команды, в Грузии учрежденные, по знанию их грузинского языка.

³⁴ Некоторые же из обитающих в горах, на местах, где хлебопашество невозможно, и паче осетинцы в походах получали провиант от царя.

³⁵ По древним обычаям грузинским подчиненные начальникам своим обязаны подносить пятую часть добычи, приобретенной в войне. В законах же грузинских примечательно между прочим:

«По взятии какого города да не будут посечены древа плодоносные».

«Убитого на войне неприятеля да не обнажают».

«Новобрачные да не разлучаются и на войну да не идут».

«Жена не может осуждать мужа своего в делах военных».

«Кто созидает себе дом и будет находиться на войне, позволяется ему возвращаться для окончания начатого дела».

Большой полк: под предводительством царя из своих войск Галмахарийского округа, что около Тифлиса, приведенных сардалом князем Цициановым, и за хевсур, пшавов и тушев, обитающих в Верхней Кахетии в начальстве моурава и их деканозов.

Правая рука: Из войск Средней Карталинии под предводительством сардала и моурава Амилахорова и Средней Кахетии, при коих архиепископ Руставский³⁶.

Тататары казахские с своим моуравом.

В заграничных действиях царя Иракия Теймуразовича войск грузинских не было больше десяти тысяч³⁷.

Князья, дворяне, слуги их, кизики, татары и обитающие по рекам Тереку, Ксану и Арагве осетинцы служили предпочтительно в коннице, а пехотою были хевсур, пшавы и туши, и те, которые [не] имели достатка содержат в походах лошадей. Вооружение их состояло из ружей, пистолетов, саблей и кинжалов³⁸.

Хевсур, пшавы и туши употребляли еще небольшие щиты. Но бывали в пехоте и такие доведенные до бедности, что ходили на войну с одними деревянными палками.

Как продовольствие войск не обеспечивалось от правительства иждивением казны, то военные действия за пределами Грузии не были продолжительны, естли пропитание не приобретено там от неприятелей или союзников. Российские офицеры видели неоднократно

³⁶ Преимущество сие дано издревле архиепископу Руставскому на память знатной военной заслуги, оказанной в Грузии некоторым архиереем епархии Руставелской. Войсками начальствовал один из князей, а архиепископ поощрял их к храбрости.

³⁷ В истории грузинской видно, что когда Грузия содержала в себе кроме Карталинии и Кахетии царство Имеретинское, княжества Авгазское, Мингрельское, Гурийское, Атабегское или Ахалцгское и все, что составляет теперь Ширван или древнюю Албанию, население ее было тогда так многочисленно, что царь грузинский Мириан в 315 г. по Рождестве Христове выводил против персов до 400 000 войск и Вахтанг Горгатант в 470 г. в войну с кавказскими народами до 300 000. Царь Давид, построитель Тифлиса, в начале 12 в. мог собрать до 200 000, а всегда содержал 60 000 на казенном жалованье и жизненном продовольствии для охранения Грузии в тогдашнее наводнение Азии войсками Чингиз-хана. В исходе того же века, в царствование Тамары, прославившейся успехами в войнах, Грузия, объемля пространство гор Кавказских между Черного и Каспийского морей, мало еще касалась северной части оных, имела в областях своих до миллиона семейств или дымов. Наконец, царь Вахтанг 5-й прежде удаления своего в Россию в 1724 г. противопоставлял неприятелям до 60 000 человек, взятых только из Карталинии и Кахетии. Можно бы сомневаться о таковых сильных ополчениях грузинских в древности, естли бы не подкрепляли того историки римские. Они свидетельствуют, что римляне под предводительством Помпея имели против себя на реке Куре албанцев 70 000 пехоты и 22 000 конницы; что собственно иверы потеряли тогда в сражениях убитыми 9 000, а взятыми в плен 10 000 и что и Колхида употребляла военные усилия к защищению независимости царства своего.

³⁸ Панцъри, копыя и стрелы, составлявшие некогда главную бронь грузин, в новейшие времена почти оставлены.

но, как воины грузинские, издержав запас свой, возвращались в дома при начале еще компании для нового снабжения себя хлебом.

В) В отношении военной службы внутри царства.

Царь Теймураз Николаевич, родитель царя Ираклия, для охранения пределов Грузии от хищнических впадений горских неприятелей ее, учредил милицию под названием покари, постановив, чтобы из казенных, удельных, церковных и помещичьих селений высылаемо было на кордон две тысячи воинов погодно. Провиант и фураж производился им из казны; а жалованьем снабжали каждого селения свои от 30-ти до 40 рублей в год.

Царь Ираклий Теймуразович, отменив покарей, устроил в 1773 г. другое ополчение под названием моригте на таком основании, чтобы каждой поселянин, имеющий землю, хлебопашество, скотоводство, садоводство и иные от земли промыслы, из грузин, армян и татар, отслужил один месяц в году на пределах Грузии в назначенном от царя пункте. От повинности сей изъяты были осетинцы, хевсуры, пшавы и туши и другие горские жители, обитающие на границах в соседстве хищных народов, а также живущие в городах купцы и промышленники. В одну чреду собираемо было 6 000 человек³⁹ при князьях, тысяченачальниках, пятисотниках, и сотниках. Князья служили помесячно, а прочие чиновники бессменно, получая жалованье из казны; войска сии были частью конные и частью пешие; все на собственном содержании. Царь располагал их там, где требовала надобность; в нужде совокуплял две или и три чреды, но заменял им службою в спокойное время.

Для возбуждения в поданных усердия на охранение отечества царь Ираклий Теймуразович сам один месяц в году находился на страже. Примеру его следовали царевичи, доколе старший из них не подал повода ко ослаблению учреждения сего неотправлением очереди своей. Тогда прочие царевичи, а далее и князья, избегая военной службы, скоро разрушили оное совершенно.

Присоединившаяся к сему преклонность лет царя Ираклия Теймуразовича и раздробление Грузии на уделы при особом малоуваже-

³⁹ В описании Грузии Бурнашева показано 4 000, но оба сии числа невероятны и, как думают сами грузины, увеличены для содержания в некотором страхе хищников горских. Если бы действительно выступало в Моррыгу ежемесячно по 5 000 человек, для чего требуется в 12 месяцев 60 000, к войне способных; такое количество, за исключением до 50 000 осетинцев, хевсуров, пшавов, тушей, купцов и ремесленников, также и духовных, предполагает тогдашнее население выше 380 000 обоего пола душ. Естли же и 4 000, то более 315 000; основываясь на заключениях барона Бильфельда в политических наставлениях его части 1-й страница 424, что в каждых ста душах за изъятием женского пола, стариков, дряхлых, увечных и мальчиков до 18 лет, находится годных к воинской службе не больше 18 человек; а в Грузии, сколько известно, всеобщее народо[и]счисление не превышалось в 1802 г. 250 000 душ.

нии к царским велениям поставили Грузию в такое положение, что царь по опустошении Тифлиса Ага-Магомет-ханом в 1795 г., не имея других способов к ограждению себя и Грузии от хищения горских народов, решился содержать внутри ее от пяти до десяти тысяч лезгинцев на жалованье и пропитании, исторгаемом у народа чрезвычайными поборами, платя притом издавна аварскому хану ежегодно дани по 5 000 руб. Средства сии купно с державою Грузии наследовал и царь Георгий Ираклиевич. И хотя бедствия Грузии от вне казались тогда уменьшенными, но в то же время наемные лезгины производили в ней страшные наглости; ненаказанно, а ознакомясь с землею, впоследствии времени почти беспрестанно терзали обитателей ее и уже укрошены несколько войсками российскими, введенными в Грузию в 1799 г. и знатно усиленными с принятием ее в непосредственно управление российское, когда там и все части внутреннего устройства новый вид воспринял.

РГВИА. Ф. ВУА. Д. 389.

С историческими и политическими сведениями о Грузии, Мингрелии, Имеретии, Гурии и Абхазии и со списками тамошним княжеским и дворянским фамилиям. 1807 г. Л. 39–57 об.

**«Советский народ» и проблемы интеграции
репрессированных народов СССР: депортация
в культурной памяти тюркоязычных горцев
Центрального Кавказа¹**

В данной статье рассматриваются основные этапы этнокультурной адаптации тюркоязычных народов Северного Кавказа – балкарцев и карачаевцев – к травмирующим событиям Второй мировой войны.

Ключевые слова: культурная память, депортация, Вторая мировая война, травма, сталинизм, карачаевцы, балкарцы, Северный Кавказ, этническая мобилизация, историческое сознание

J. Rakhaev

**«SOVIET PEOPLE» AND PROBLEMS OF INTEGRATION OF REPRESSED PEOPLES
OF THE USSR: DEPORTATION IN CULTURAL MEMORY OF TURKIC-SPEAKING
HIGHLANDERS OF THE CENTRAL CAUCASUS**

This article discusses the main stages of ethnocultural adaptation of the Turkic-speaking peoples of the North Caucasus – the Balkars and Karachais to the traumatic events of World War II.

Key words: Cultural memory, Deportation, World War II, Trauma, Stalinism, Karachais, Balkars, The North Caucasus, Ethnic mobilization, Historical consciousness

Культурная память все увереннее становится одним из ключевых элементов самосознания и общественной обстановки на современном российском Кавказе. По-существу, она предопределяет динамику социокультурных процессов и, тем самым, существенно влияет на политическое развитие региона. Понимание механизмов актуализации культурной памяти и ее воздействия на этнос, конкретные социальные группы и отдельного индивида позволяет и лучше понять многомерную социальную реальность Северного Кавказа, специфику развития межэтнических отношений и конфессиональной обстановки.

В современном гуманитарном знании наблюдается рост интереса к феномену культурной памяти. Несмотря на неизбежные методологи-

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление» Направление 1: Исторический опыт России и других стран в области формирования коллективной идентичности и управления многонациональными обществами. Проект ««Советский национальный проект» в 1950–1980-е гг.: идеология и практика».

ческие и терминологические разногласия, исследователи сходятся во мнении, что предметом культурной памяти являются не события прошлого, а их отображение, образы в памяти участников и современников, и последующие процессы реинтерпретации. Историческая память же понимается ими как символическая репрезентация исторического прошлого.

Травма как «место памяти»: теоретические основания и определение понятий

Этническую мобилизацию балкарцев и карачаевцев на рубеже XX–XXI вв. трудно объяснить без учета неразрывной взаимосвязи травматического опыта депортации с развитием национального самосознания и с самой идеей национального (это, впрочем, общая черта этнополитических процессов у народов Северного Кавказа). Депортация, таким образом, выступает не как единовременное событие (2 ноября 1943 г. для карачаевцев, и 8 марта 1944 г. для балкарцев), завершившееся возвращением на историческую родину в 1957 г., а как процесс, который до сих пор оказывает существенное воздействие на отношение репрессированных народов к своему прошлому, восприятие своего настоящего и будущего.

Значение представлений об общем прошлом как важной составляющей национальной идентичности сформулировано в науке прежде всего социологами и историками. После публикации Б. Андерсеном эссе «*Imagined Communities*»² подавляющее большинство исследователей представляют этносы не как «естественные общности», но главным образом как «воображаемые сообщества», т.е. продукт социального конструирования и коммуникации. Предположение о том, что групповая память и групповая идентичность нерасторжимо связаны друг с другом восходит к М. Хальбваксу, разработавшему в своем главном теоретическом труде «*Les cadres sociaux de la memoire*» понятие «коллективной памяти»³. Он представил человеческую память как явление, действующее в группах и через группы. Коллективная память характеризуется двумя главными чертами. Во-первых, в ней нет строгих делений, присущих исторической науке. Память — это непрерывный ход мысли, и она сохраняется только в сознании той группы, которая ее поддерживает. Забвение исторических событий вызвано не антипатией, отвращением или безразличием, а исчезновением тех групп, которые хранили память о них. Другими словами, память «конечна», она «умирает» с естественным уходом ее непосредственных носителей. Во-вторых, если история как наука стремится к универ-

² Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

³ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.

сальности, то коллективная память, определяемая одновременным существованием многих групп, представлена несколькими вариантами. Для того чтобы какое-либо событие закрепилось в ней, оно должно наполниться смыслом, стать «элементом идейной системы данного общества».

Опираясь на эти идеи, П. Нора описал эти наполненные смыслом элементы коллективной памяти как «*lieux de memoire*» — «места памяти». Возглавляемый им крупный научный проект, семитомный труд «*Les lieux de memoire*»⁴, объединил усилия 60 ведущих историков Франции с одной целью — описать топографию коллективной памяти, иными словами, посредством инвентаризации «мест памяти», в которых заключена национальная аксиология, верифицировать идентичность нации.

Понятие коллективной памяти получило развитие в теории культурной памяти Я. Ассмана, который разработал на основе понятия «коллективная память» понятие «культурная память»⁵. Он описывает человеческую культуру как одну из четырех областей «внешнего измерения» человеческой памяти, наряду с миметической памятью (сфера поступков), предметной памятью и коммуникативной памятью. Культурная память служит передаче смысла и связана с символическим кодированием, прежде всего с письменностью. Ассман отделяет ее от коммуникативной памяти, присутствующей в «живом воспоминании» и передающейся устно. Исторический горизонт коммуникативной памяти распространяется максимум на три поколения, в то время как культурная память простирается вплоть до мифической предыстории сообщества. Коммуникативная память базируется на неформальном, повседневном общении, тогда как культурная, напротив, отличается высокой степенью формализованности, поскольку опирается на «институты воспоминания»: дискурс, символ и церемонию.

Последнее значимое для теоретических рамок данной работы понятие — травма. С конца XX в. оно становится все более популярным среди социологов, историков и антропологов, пытавшихся применить подходы и понятийный инструментарий психоанализа к области *cultural studies*⁶. Подобно тому, как на уровне индивидуальной психологии рассмотрение травмы неотделимо от проблематики памяти и самоидентификации, травма, переживаемая сообществом, связана с кругом вопросов, относящихся к коллективной памяти и идентично-

⁴ С 1984 по 1992 гг. выпустили семь томов сборника. На рус. яз.: Франция-память. СПб., 1999.

⁵ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

⁶ См.: Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М., 1995; Травма: пункты. М., 2009; Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.

сти. Травматическое воздействие влияет на память индивида/социума и приводит к кризису идентичности. Оно не ограничивается актом нарушения/разрушения привычного образа жизни и сложившихся моделей идентичности. Травмирующей оказывается и тщетность попыток сформулировать приемлемые объяснения этого неожиданного разрыва ткани социальной жизни. Травма, таким образом, переживается как разрыв в истории (*historical gap* — термин А. Арендт), своеобразный дискурсивный и эпистемологический паралич, неспособность свести воедино три критических опыта: пережитого, высказанного и осмысленного.

Анализ разрыва между эмоциями, словами и смыслами может строиться на следующих основаниях: травма/утрата, травма/символическая матрица и, наконец, травма/консолидирующее событие. Первое связано с ретроспективными попытками установить логику произошедшего: утрата становится главной стимулирующей причиной воображения «целостности». Невозможность символической локализации травмы в прошлом нередко ведет к активному производству следов утраты в настоящем. Второе основание воплощает в себе переход травматического опыта в повествовательную матрицу, придающую логику связного сюжета раздробленным фактам индивидуальной или коллективной биографии. Специфические ситуации жертв или очевидцев приобретают статус авторских позиций, с точки зрения которых репрезентируется прошлое и воспринимается настоящее. Наконец, третье представляет собой попытку обозначить следы утраты и дискурсивно стабилизировать значение травмы в практиках коммеморации (памятниках, ритуалах, памятных датах и т.п.). Систематическая циркуляция эмоций и историй, порожденных травматическим опытом, в конечном счете формирует идентичность группы.

Балкарцы и карачаевцы во Второй мировой войне: возникновение и долгая жизнь «образа врага»

Период социалистического строительства на Северном Кавказе в предвоенные годы дает несколько ярких примеров того, как усилиями извне можно сконструировать новую этническую реальность и сильнейшим образом переформатировать традиционную культуру. Национальная государственность народов региона в виде автономных областей и республик не только не способствовала развитию их этнической культуры, но, напротив, стала орудием ее разрушения. Репрессии, прокатившиеся по всей стране, на Северном Кавказе усугубились в силу его «национальной специфики» и не прекращались вплоть до 1956 г. Дополнительные чрезвычайные меры, как правило, оправдывались борьбой с «политическим бандитизмом», «повстанчеством», «бело-зеленым движением», «крестьянскими и кулацко-крестьянс-

кими восстаниями», «контрреволюционными мятежами» и «мелкобуржуазной контрреволюцией».

Массовые стихийные антисоветские выступления вайнахов, адыгов, балкарцев и карачаевцев в 1920–1930-х гг. были жестко подавлены. Однако большевики не ограничивались расправой над повстанцами: волны репрессий практически полностью уничтожили сельскую интеллигенцию и мусульманское духовенство. Именно эти прослойки элиты горцев больше, чем другие социальные группы способствовали сохранению их этнической культуры и самосознания, а потому являлись духовной оппозицией правящему режиму. Последовавшая за этим насильственная коллективизация уничтожила зажиточное крестьянство – самостоятельную и наиболее трудолюбивую часть общества, исповедовавшую высочайшую трудовую этику и самодисциплину. «Ликвидация кулачества как класса» привела к физическому уничтожению носителей традиционной социокультурной системы. Связь времен, преемственность культур и поколений оказались разорваны, традиционная культура – сломлена, сведена до уровня семейного быта, свадебной и похоронной обрядности. Взамен горцы получили суррогаты «социалистической культуры».

Вся идеологическая мощь тоталитарной системы – литература и средства массовой информации, монументальное искусство и живопись, всенародные праздники, демонстрации и фестивали – была направлена на стирание этнических различий и формирование в общественном самосознании новой исторической общности: советского народа. Навязываемые государством ценности входили в противоречие с морально-этическими критериями этнической культуры. Идеология закреплялась в сознании как средство выживания, привычка, которую следует приобрести, чтобы стать успешным в новой социокультурной общности. Для подавляющей массы людей нормальная жизнь стала означать принятие диктуемой сверху моральной деградации. Для этноса в целом, как и для каждого его представителя, этот процесс оказался стрессовым, приводил к изменению этнического сознания, к искажению (до уровня маргинального) его мироощущения и миропонимания. В то же время северокавказские народы сумели советизироваться, сохранив важнейшие этнообразующие константы, стержень традиционных культурных ценностей, не позволивший полностью разрушить их идентичность. В этих условиях они встретили Вторую мировую войну.

Ее начальный этап выявил полную несостоятельность сталинского режима. Советский Союз стремительно терял наиболее развитые и населенные районы, осенью 1942 г. западные районы Северного Кавказа были оккупированы германскими войсками. Немцы установили там местные формы ограниченного самоуправления в виде национальных комитетов. В этих условиях Главное политуправление Крас-

ной армии начало крупномасштабную агитационно-пропагандистскую работу среди населения региона: институализировался и тиражировался образ воина-горца, противостоящего «фашистским нелюдям». Эскалация милитаристских и национально-патриотических настроений началась с обращением старейшин Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии к народам Северного Кавказа по поводу событий в кабардинском селении Кызбурун-1 (современное Атажукино)⁷.

Одним из основных в военной пропаганде был мотив беспощадной мести захватчикам, адекватной степени их злодеяний. Однако ситуация Северного Кавказа качественно иная, здесь национал-социалисты проводили гораздо более продуманную политику, событий, способных тронуть национальные чувства горца и вызвать в нем стремление к мести и самопожертвованию, произошло не так много. Поэтому трагедия в Кызбуруне-1 использовалась по максимуму. Впрочем, и оккупационные власти вели свою работу на этом направлении. Механизмы нацистской пропаганды во многом идентичны советским, с той лишь разницей, что опирались на многочисленные примеры советского террора 1920–1930-х гг. Типичной, в этом отношении, является статья Измаил-бея «Замученная Родина»⁸. Однако коллаборационистов нашлось немного. В конце декабря 1942 г. Красная армия перешла в контрнаступление, и уже в январе 1943 г. Северный Кавказ полностью очистили от нацистов, а к весне 1943 г. оказались подавлены и выступления горцев-повстанцев.

Органы НКВД были осведомлены о том, что в период оккупации главы Карачаевского и Балкарского национальных комитетов подписали договор об объединении двух народов в едином административном образовании с центром в Кисловодске⁹. Не прошло и года после освобождения региона от нацистов, как советские руководители обвинили карачаевский и балкарский народы в измене родине. В ходе тщательно подготовленных операций оба народа оказались депортированы. С карачаевцами это произошло 2 ноября 1943 г., а с балкарцами – 8 марта 1944 г. Их автономные образования ликвидировали, раздробили на части и передали в состав соседних республик и областей. Часть бывшей Карачаевской АО осталась в составе Ставропольского края, часть передана Краснодарскому краю, а часть (под именем Клухорского района) – Грузинской ССР. Некоторые бывшие районы Балкарии перешли Северо-Осетинской АССР и Грузинской ССР.

Этническое самосознание народов Северного Кавказа сфокусировано вокруг значимых для них символов. Превалирующим среди них

⁷ Встреча старейших представителей народов Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии // Красная звезда. 1942. 22 сентября.

⁸ *Измаил-бей*. Замученная Родина // Газават. 1943. 8 декабря.

⁹ *Тебуев Р. С., Хатуев Р. Т.* Очерки истории карачаево-балкарцев. М. ; Ставрополь, 2002. С. 157–158.

считается особое, сакрализованное отношение к территории традиционного обитания. Сокращение этой территории, а тем более изгнание из Отечества вызывает состояние «культурной травмы». Соответственно, принудительная массовая миграция в Среднюю Азию в этническом сознании отразилась как трагическое событие, связанное с попыткой полного физического уничтожения.

Первые годы пребывания балкарцев и карачаевцев в изгнании осложнялись и негативным отношением к ним со стороны местного населения, которое после соответствующей идейной обработки видело в них врагов власти. Клеймо предателей навязывало народам комплекс вины, ответственность за несовершенные преступления. Балкарцы и карачаевцы оказались вынуждены реагировать всем процессом своей жизнедеятельности. Адаптация этноса к социальному и культурно-политическому окружению бывает, как известно, материально-организационной и психологической. Для депортированных народов, разбросанных на огромном пространстве и в непривычных природно-климатических условиях, в обстановке моральной подавленности, наиболее тяжелыми оказались первые годы. Конфискация имущества, в том числе продовольствия, вызвала массовый голод. Чтобы выжить, женщины, традиционно выполнявшие домашние работы, и не достигшие физической зрелости дети разделяли с мужчинами все нагрузки. Ослабленные люди не выдерживали голода, климата, каторжного труда, бытовой неустроенности и раньше времени уходили из жизни. В первый же год ссылки погибли тысячи детей, оставшихся без родителей. От истощения умер великий балкарский поэт К.Б. Мечиев. Люди вымирали целыми семьями, обрывались генеалогические линии. В иных населенных пунктах умерли все переселенцы. В течение 1942–1948 гг. среди балкарцев и карачаевцев, как и у других репрессированных, смертность превышала рождаемость, причем довоенной численности они сумели достичь только во второй половине 1960-х гг. Лишь с 1949 г. материальное положение спецпереселенцев начало улучшаться.

Особое место в исторической культуре репрессированных народов занимает память о своих Героях Советского Союза. Летчик-истребитель А.Ю. Байсултанов, погибший осенью 1943 г., первый уроженец КБАССР и единственный балкарец, удостоенный высшей воинской награды, в историческом сознании соотечественников превратился в подлинно национального героя. И логично, что, когда после смерти Сталина советское руководство занялось проблемой депортированных, фигура Байсултанова превратилась в своеобразный символ верности строю, опровергающий тяжелые обвинения. В многочисленных обращениях с просьбами о скорейшей реабилитации и возвращении на историческую родину он неоднократно упоминался как пример мужественной и самоотверженной борьбы балкарского

народа с захватчиками. Так, например, в письме, датированном январем 1956 г., говорится: «В годы Великой Отечественной войны сыновья Балкарии наравне с другими, героически сражались на всех фронтах: один из первых героев Советского Союза капитан Алим Байсултанов на Ленинградском фронте повторил бессмертный подвиг летчика Талалихина и погиб за нашу великую родину... Нет ни одной балкарской семьи, которая не участвовала бы на фронтах Великой Отечественной войны»¹⁰. Обращение к секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву сообщает следующее: «В порядке насильственного выселения в с. Карасу Ошской области прибыла семья одного из первых Героев Советского Союза, члена КПСС, капитана тов. Байсултанова Алима, прозванного балтийским асом за отвагу и героизм. Тов. Байсултанов погиб в дни выселения балкарцев в жестокой схватке с фашистскими истребителями над Балтийским морем и посмертно был представлен к присвоению дважды Героя Советского Союза, но, как балкарцу (после выселения нас) ему было отказано в этом. Его отец, член КПСС, честный труженик колхоза, мать героя и двое братьев в 1944 г. умерли с голоду»¹¹.

В конце 1950-х — 1960-х гг. память о летчике постепенно превратилась в важную составную часть процесса реабилитации. Его имя получила сельхозартель в его родном селе — восстановленном Яникое. В 1963 г. там же открыли первый памятник герою, его именем назвали улицу и местную среднюю общеобразовательную школу. После обращения ветеранов Великой Отечественной войны к представителям карачаево-балкарской интеллигенции с требованием достойно отобразить память о Байсултанове появились песни, поэмы, повести и рассказы, в региональной печати выходили десятки посвященных ему статей, литературные и публицистические произведения. Во второй половине 1970-х гг. правительство КБАССР провело ряд масштабных мемориальных мероприятий: в Нальчике в его честь назвали одну из центральных улиц и среднюю общеобразовательную школу № 19.

Тем временем в 1957 г. части репрессированных народов, в том числе балкарцам и карачаевцам, предоставили право вернуться на их прежнее место жительства. Оно шло очень интенсивно: уже к апрелю 1958 г. возвратилось около 22 тыс. человек, к 1959 г. вернулось около 81 %, к 1970 г. — более 86 %, а к 1979 — около 90 % всех балкарцев. Вопросы восстановления в гражданских правах рассматривались центральными органами власти всесторонне и многоаспектно, эта проблема оказалась одной из важнейших по ряду причин, в том числе и

¹⁰ Письмо С.И. Макитова в Президиум ЦК КПСС с просьбой о возвращении балкарцев на родину. Январь 1956 г. // Заман. 2012. № 41. 6 марта.

¹¹ Письмо Ж.Ж. Залиханова секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву // Заман. 2012. № 41. 6 марта.

международного характера. Наряду с хозяйственными и жилищно-бытовыми вопросами, решались проблемы социально-культурного характера.

Все же травматический опыт депортации актуализировался в самосознании реабилитированных народов. Произошло это в середине 1970-х — начале 1980-х гг., в период очередной волны борьбы партийных и советских органов с проявлениями «мелкобуржуазного национализма». В 1974 г. на IV пленуме Карачаево-Черкесского обкома карачаевцы были обвинены в национализме и высокомерном отношении к соседним народам. В 1977 г. обком провел научно-теоретическую конференцию «Карачаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны», где карачаевцы обвинялись в массовом пособничестве гитлеровским оккупантам. 1 июня 1979 г. по решению обкома на популярной туристической трассе у селения Нижняя Теберда открыли памятник 150 детям-сиротам, будто бы зверски убитым «карачаевскими бандитами» в августе 1942 г.¹² 22 апреля 1981 г. вышло секретное постановление ЦК КПСС «О серьезных недостатках в постановке организационной и идейно-воспитательной работы и соблюдении правопорядка в Карачаево-Черкесской автономной области», в котором недостатки экономического и культурного развития области не просто ставились в вину карачаевцам, но объяснялись их «национальной психологией»¹³.

Для скорейшей реализации данного постановления 17 июня того же года Карачаево-Черкесский обком провел III внеочередной пленум, на котором вновь прозвучало обвинение карачаевцев в стремлении к национальной замкнутости; делались отсылки к случаям насилия против представителей других национальностей; напоминалось о бандитизме и массовом предательстве карачаевцев в годы Второй мировой войны. Выступление К.-А.Р. Кипкеева содержало обвинение в «национальном чванстве» и «кичливости», культивировании национализма теми, кто в прошлом показал себя «изменниками и предателями». Собранным предлагалось «неустанно» напоминать карачаевцам о печальном опыте коллаборационизма в годы войны, вскрывать имена изменников Родины¹⁴. Областная газета «Ленинское знамя» опубликовала большую статью бывшего партизана Х.О. Лайпанова. В ней сообщалось не столько о героизме карачаевцев в войне с фашизмом, сколько об их массовом сотрудничестве с нацистами, приводились случаи массового истребления карачаевскими коллабо-

¹² *Гарифуллина И.* Тень вокруг памятника // Советская Россия. 1990. 2 сентября.

¹³ Карачаевцы. Выселение и возвращение. Черкесск, 1993. С. 28–29.

¹⁴ Организационную, идейно-воспитательную работу — на уровень требований XXVI съезда КПСС // Ленинское знамя (Черкесск). 1981. 23 июня.

рационалистами советских воинов и больных детей¹⁵. В 1980-х гг. вышло несколько литературно-художественных изданий, тенденциозно осуждавших тему коллаборационизма на Центральном Кавказе, с акцентом на военные преступления карачаевских легионеров. Уже в годы перестройки в газете «Правда» вышла статья, где «хороший народ» (черкесы) противопоставлялся «плохому» (карачаевцам): первый во время Великой Отечественной войны спасал детей-сирот, а представители второго якобы участвовали в их уничтожении¹⁶.

Все это создавало у местного населения негативный образ карачаевцев и балкарцев, провоцировало нервозность в межэтнических отношениях и приводило к организации сходов с требованиями снова выселить эти народы. Подобные примеры глумления над национальной памятью, во многом обусловили активизацию этнического самосознания балкарцев и карачаевцев в конце 1980-х гг.

Анализируя травму: историография депортации как форма культурной памяти

Периодизация историографии депортации народов Северного Кавказа коррелирует с основными этапами политической истории СССР и РФ. В этой связи целесообразно выделить следующие фазы: позднего сталинизма (1941 – середина 1950-х гг.); хрущевской «оттепели» (середина 1950-х – середина 1960-х гг.); деградации советского тоталитаризма (середина 1960-х – середина 1980-х гг.); становления современной России (с конца 1980-х гг. по сегодняшний день).

Процесс осмысления Второй мировой войны в период позднего сталинизма находился под жестким контролем, никакого публичного пространства для обсуждения причин, хода и результатов войны не предполагалось. Государственная идеология и историческая наука создали в значительной степени далекую от реальности картину войны, закрепив в общественном сознании ее мифологический образ. Историография до марта 1953 г. развивала и тиражировала выработанные И.В. Сталиным идеологемы: 1) внешняя политика СССР накануне Второй мировой войны придерживалась принципа коллективной безопасности; 2) советско-германский договор от 23 августа 1939 г. – «мудрый и дальновидный шаг советского руководства», единственно возможный способ нейтрализации Германии; 3) военные поражения 1941–1942 гг. – реализация стратегического плана Сталина по «активной обороне»; 4) потери СССР в войне составили 7 млн человек; 5) победа над фашизмом обусловлена принципиальным преимуществом социализма над всеми другими общественными

¹⁵ Лайпанов Х.О. Молчание – не всегда золото // Ленинское знамя. 1981. 25 августа.

¹⁶ Панкратов В., Чертков В. Снято заклятие // Правда. 1990. 6 октября.

устройствами; 6) сталинский курс на индустриализацию и коллективизацию, в конечном счете, обеспечил обороноспособность государства; 7) советский народ к победе в Великой Отечественной войне привел полководческий гений Сталина.

Формирование сталинской концепции войны началось непосредственно в 1941 г. Брошюры и статьи в центральных и местных периодических изданиях, написанные партийными, советскими и комсомольскими работниками, писателями и журналистами, показывали героизм представителей различных народов региона на фронте, освещали вклад населения республик и областей в общее дело разгрома врага. Особое внимание уделялось самоотверженности и героизму жителей региона в ходе битвы за Кавказ, патриотическим традициям населяющих его народов¹⁷.

После войны вопросы участия горцев Северного Кавказа в Великой Отечественной войне получили отражение в диссертационных исследованиях и статьях, посвященных истории отдельных республик, областей, городов, их партийных и комсомольских органов в военное время¹⁸. Изучение же депортации карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей практически не проводилось. Пропаганда «успехов ленинско-сталинской национальной политики»¹⁹ на Северном Кавказе оказалась несовместимой с практикой этой политики. После войны из открытых фондов библиотек изымались и переводились в спецхран все книги и каталоги (!) по истории, этнографии, языку и культуре высланных народов²⁰. Депортация обусловила запрет на упоминание о боевых заслугах представителей сосланных народов.

Нацистская оккупация автономий Северного Кавказа стала частью темы народного сопротивления с первых же работ, опубликованных уже в годы войны. Подготовленные на основе рассказов жителей, они описывали «чудовищные зверства захватчиков», «издевательства над населением», «угон жителей на работу в Германию», «смелые действия партизан и подпольщиков», в полной мере отражая мобилизационные установки пропаганды. Исследования послевоенного десятилетия имели описательный характер изложения истории оккупа-

¹⁷ См.: *Грудина А.В.* Кабардино-Балкарские партизаны в борьбе против гитлеровских захватчиков в 1942 г. // История СССР. 1962. № 3; Сыны Кабарды на фронтах Великой Отечественной войны. Нальчик, 1945.

¹⁸ См., например: Дела и люди боевого тыла. Нальчик, 1946; Зверства немецких оккупантов в Кабарде. Нальчик, 1946; *Карданов З.К.* Народы Черкесии в годы Великой Отечественной войны // Труды Черкесского научно-исследовательского института. Вып. II. Черкесск, 1954; *Кулаев Н.Х.* Героические сыны и дочери осетинского народа в годы Великой Отечественной войны советского народа на фронте и в тылу // Вопросы истории. 1946. № 10.

¹⁹ *Азиян А.* Народы Кавказа никогда не будут рабами // Большевик. 1942. № 15; *Шмонин А.В.* Непокоренный Кавказ. Махачкала, 1943.

²⁰ История советской политической цензуры. Документы и материалы. М., 1997. С. 506.

ции и сопротивления на Северном Кавказе и не отличались новизной выводов. Так, мрачный образ немецкой оккупации представлен в статье З.К. Карданова: «Все то, что было создано трудящимися Черкесии в годы советской власти под руководством Коммунистической партии, теперь подвергалось варварскому уничтожению и разграблению гитлеровцами. Начались черные дни фашистской оккупации: аресты, насилия, грабеж, вывоз ценного имущества в Германию»²¹. «В период фашистской оккупации Кабардинской АССР лучшие люди республики сражались в партизанских отрядах, нападали на гитлеровские гарнизоны, помогали войскам Советской Армии истреблять живую силу и технику врага. Многие патриоты в тылу врага саботировали гитлеровские приказы, срывали проводимые ими мероприятия», — писал И.В. Давыдов²². Депортация части народов Северного Кавказа обусловила избегание советской историографией проблемы сотрудничества горцев с нацистами. Единичные упоминания о коллаборантах имели сугубо негативный характер: «отбросы советского общества», «самые презренные люди, человеческое отребье, воры и растратчики, бывшие кулаки»²³, «которые в 1942 г. изменили союзу с великим русским народом... чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, калмыки и другие народы»²⁴.

В целом историография данного периода полностью опиралась на сталинские оценки, вобрав в себя как апологетику политики советского руководства, так и непримиримость к любым идеологическим отклонениям.

После XX съезда КПСС (февраль 1956 г.) произошел позитивный поворот в судьбах народов СССР. Н.С. Хрущев переложил на Сталина все просчеты, ошибки и преступления советского руководства, в том числе и в годы Великой Отечественной войны. Вслед за этим историки начали противопоставлять ленинский и сталинский подходы в национальной политике. Принудительные миграции теперь оценивались как нарушения «социалистической законности» и «ленинской национальной политики», а их причины связывались персонально со Сталиным и, особенно, с Л.П. Берия. В концентрированном виде эта историографическая ситуация отражена в фундаментальном труде «Великая Отечественная война Советского Союза»: «В деятельности Сталина, возглавлявшего Государственный Комитет Обороны, допускались серьезные ошибки. Так, в годы войны, вопреки Конституции

²¹ Карданов З.К. Народы Черкесии в годы Великой Отечественной войны. С. 183.

²² Давыдов И.В. Кабардинская партийная организация в период Великой Отечественной войны. Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1954.

²³ Глухов В.М. Адыгея в дни Великой Отечественной войны. Дис. ... д-ра ист. наук. Майкоп, 1949. С. 108–109.

²⁴ Мнацаканян А.Н. Советская Армения в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1954. С. 6.

и с превышением полномочий ГКО и Президиума Верховного Совета СССР, были лишены национальной государственности калмыки, балкарцы, черкесы (!)²⁵, чеченцы, ингуши»²⁶. Указанный подход проявился и в региональной историографии: публикациях З.М. Аликберова, И.К. Керимова, В.И. Филькина и диссертации бывшего сотрудника НКВД КБАССР Х.И. Хутуева – первой работы, посвященной депортации и реабилитации балкарского народа²⁷.

В 1961 г. И.В. Давыдов переиздал свою монографию о деятельности партийных органов КАССР в годы войны, дополнив ее материалами по балкарцам. Впрочем, дополнения исчерпывались немногочисленными примерами боевых подвигов балкарцев в рядах Красной армии и партизанском движении. Примечательно, что в последней главе, «Партийная организация Кабардино-Балкарии в третий период (1944–1945 гг.)», автор освещал вклад кабардинцев, русских и балкарцев в победу над Германией и восстановление народного хозяйства республики так, как если бы балкарцы вовсе не депортировались: «Сыны кабардино-балкарского народа самоотверженно сражались за избавление Европы от гитлеровского ига», «население Кабардино-Балкарской АССР организовало сбор средств на строительство танковой колонны «смерть немецким захватчикам!», «работники промышленности, транспорта и строек Кабардино-Балкарской АССР вместе со всеми тружениками предприятий страны умножали успехи нашей Родины, укрепляли мощь Советского государства»²⁸ и т.д.

Историографическая ситуация изменилась в 1965 г., после успешной защиты Х.И. Хутуевым диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Балкарский народ в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Восстановление автономии балкарского народа». Историк ввел в научный оборот документы партийных, государственных и ведомственных архивов Кабардино-Балкарской АССР, Казахстана, Киргизии, Министерства обороны СССР, а также воспоминания участников событий. На основе собранного материала автор сумел опровергнуть сталинистское

²⁵ В период сталинизма черкесы не подвергались тотальному насильственному переселению.

²⁶ Великая Отечественная война Советского Союза. Т. 6. М., 1965. С. 105.

²⁷ *Аликберов З.М.* Комсомольцы и молодежь Дагестана в годы Великой Отечественной войны. Махачкала, 1958; *Аликберов З.М., Керимов И.К.* На фронте и в тылу. Патриотизм народов Дагестана в годы Великой Отечественной войны. Махачкала, 1959; Дагестан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Махачкала, 1963; *Хутуев Х.И.* Балкарский народ в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Восстановление автономии балкарского народа. Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1965; *Филькин В.И.* Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Грозный, 1960.

²⁸ *Давыдов И.В.* Кабардино-Балкарская партийная организация в период Великой Отечественной войны. Ростов н/Д, 1961. С. 138, 139, 147.

обоснование депортаций, в частности обвинение балкарцев в поголовном сотрудничестве с нацистами. По его мнению, «упразднение национальной автономии и выселение балкарского народа шло вразрез с основами Конституции СССР, привело к прямому отступлению от ее норм и положений, к грубейшему нарушению социалистической законности»²⁹. Диссертация не была издана как монографическое исследование, однако Хутуев опубликовал ряд статей, материалы и выводы которых широко использовались практически всеми исследователями акций 1943–1944 гг.

В период «оттепели» в условиях развернувшейся реабилитации стало возможным исследование участия депортированных народов в Великой Отечественной войне. Д.А. Напсо, С.З. Лайпанов, В.А. Нежинский описывали подвиги жителей Карачаево-Черкесии в годы войны³⁰. Участию чеченцев и ингушей в боевых действиях посвящены научно-популярные очерки З.К. Джамбулатовой, подготовленные преимущественно на основе опубликованных материалов военных лет³¹. Напсо, опустив собственно историю депортации карачаевцев и ликвидацию их автономии, все же упомянул факт ее восстановления как результат ликвидации «последствий культа личности Сталина»³².

Обобщая историографический опыт данного периода, следует отметить существенно возросший уровень источниковой обеспеченности исследований, позволивший раскрыть новые аспекты развития региона в годы войны. Вместе с тем, картина событий упрощалась и сглаживалась, осмысление проблемы депортации носило во многом поверхностный характер ввиду ограниченности десталинизации: отказа от обнародования документов из личного архива Сталина и проведения расследований в отношении исполнителей репрессий. Преступления не получили политической и правовой оценки, поскольку объяснялись при помощи субъективных факторов, причем Сталину, действительно сосредоточившему в своих руках огромную власть, приписывалось каждое решение, принятое во время правления.

В годы правления Л.И. Брежнева сталинский миф постепенно оживал. Важный шаг в реанимации сталинизма — празднование

²⁹ Хутуев Х.И. Балкарский народ в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период... С. 99–100.

³⁰ Напсо Д.А. Партийные организации Карачая и Черкесии в годы Великой Отечественной войны // По ленинскому пути. Партийная организация Карачая и Черкесии в борьбе за коммунизм. Черкесск, 1963; Лайпанов С. Очерки о героях Советского Союза. Черкесск, 1962.

³¹ Джамбулатова З.К. Сыны Чечено-Ингушетии на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Т. 2. Вып. 1. Грозный, 1959. С. 55–80.

³² Напсо Д.А. Партийные организации Карачая и Черкесии в годы Великой Отечественной войны. С. 162.

20-летия Победы в Отечественной войне в мае 1965 г. В докладе Брежнева, впервые после многих лет хрущевских обвинений, упомянуто о вкладе Сталина в победу. Линия на отказ от дальнейших разоблачений преступлений сталинизма закреплена на XXIII съезде партии (март—апрель 1966 г.).

Со второй половины 1960-х гг. в историографии наблюдается стремительный рост публикаций по проблематике Великой Отечественной, сопряженный с нарастанием идеологических и теоретико-методологических противостояний с зарубежными историками. Активизировалось изучение национальных автономий Северного Кавказа в военное время. В печати вышли обобщающие труды по истории республик и автономных областей региона, роли партийных и комсомольских организаций в победе над врагом, исследования об участии населения региона в трудовых движениях и патриотических инициативах и т.д. Подавляющее большинство публикаций данного периода типологически идентичны, что объясняется обязательным применением принципов исторического материализма, приобретшего форму догмата; влиянием идеологии, партийной и государственной цензуры; ограниченностью источниковой базы. Широко привлекались лишь некоторые партийные и советские документы, в то время как материалы высших парторганов, их переписка с местными комитетами, документация НКВД, НКГБ и НКО СССР оставалась малодоступной, а источники личного происхождения практически не использовались.

В ряде публикаций осторожной критике подвергалась военно-организационная работа партийных организаций ряда автономий региона. Ее низкая эффективность объяснялась «сопротивлением асоциальных элементов», призывавших население к борьбе с советской властью. Подобные факты преподносились как единичные, а массовым явлением для Северного Кавказа, согласно историографической традиции, являлось всеобщее стремление отдать все силы в борьбе за Победу. Многочисленные публикации описывали героизм и взаимовыручку солдат и командиров. Общее место подобного рода работ — стремление доказать наличие «братского боевого союза народов СССР» в совместной защите «социалистического Отечества». Немало специальных исторических работ и популярных очерков рассказывало о частях, созданных в национальных автономиях: 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии и 114-й Чечено-Ингушской кавалерийской дивизии³³. Особое внимание при этом отводилось установлению количества представителей национальных автономий, награж-

³³ См.: Хатукеев А. Т. Славой овезянные. Боевой путь 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Нальчик, 1971.

денных орденами и медалями СССР (прежде всего — удостоенных звания Героя Советского Союза).

Вопросы народного сопротивления нашли отражение в работах В.И. Сивкова³⁴, А.В. Грудиной³⁵, В.А. Нежинского³⁶, Т.Т. Худалова³⁷ и др. Однако исследования отличались наличием «фигур умолчания»: например, роли органов НКВД в организации партизанского движения и деятельности истребительных батальонов. История коллаборационизма горцев в историографии 1960–1980-х гг. специально не разрабатывалась: эпизоды содействия нацистам, судьба северокавказского легиона Абвера использовались для иллюстрации боевого и морально-политического превосходства РККА над частями и соединениями Третьего Рейха³⁸. Но главное, историография тщательно избегала обращения к теме депортации. Крайне редко в обобщающих исследованиях приводилась идеологически выверенная интерпретация этой трагедии. Так, к примеру, в «Истории Кабардино-Балкарской АССР» указывалось на «несправедливость», допущенную в отношении балкарцев «в условиях культа личности», проявившуюся в «отмене их автономии и переселении в восточные районы страны». Вместе с тем она ни в коем случае не может рассматриваться как основание для сомнений в правоте советского общественного строя. Поэтому, несмотря ни на что, «балкарцы показали высокое чувство патриотизма... активно включились в трудовую жизнь»³⁹. В «Очерках истории Карачаево-Черкесии» ликвидация Карачаевской АО рассматривалась как «нарушение национальной политики». Восстановление ее — результат решений XX съезда КПСС. Однако, как доказывают авторы, «никакие извращения не могли изменить природы социалистического строя, поколебать социально-экономическую основу нашей страны, разрушить дружбу народов». Приводились многочисленные примеры трудового героизма карачаевцев «на новых местах жительства»⁴⁰.

В 1968 г. Ч.С. Кулаев защитил кандидатскую диссертацию «Партийные органы Карачая и Черкесии в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945)», где впервые специально изучил депортацию карачаевцев. «Произвол и насилие в отношении к

³⁴ Сивков В.И. Партийные организации во главе партизанского движения на Северном Кавказе в период Великой Отечественной войны. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 1965.

³⁵ Грудина А.В. Кабардино-Балкарские партизаны в борьбе против гитлеровских захватчиков в 1942 г. С. 121–130.

³⁶ Нежинский В. Солдаты умирают с оружием: партизанские были. Ставрополь, 1971.

³⁷ Худалов Т.Т. В тылу врага. Орджоникидзе, 1980.

³⁸ Ибрагимбеи Х.-М. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. М., 1977.

³⁹ История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. Т. 2. М., 1967. С. 286–287.

⁴⁰ Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 2. Черкесск, 1972. С. 282–283.

карачаевскому народу» он объяснил «условиями культа личности И.В. Сталина», отметив, что депортация прямо связана с преступной деятельностью Берия, сознательно стремившегося «посеять национальную рознь и подорвать дружбу народов СССР», создать «обстановку недоверия и подозрительности к отдельным народам». В свою очередь начало реабилитации карачаевцев связывалось с «разоблачением» Берии, когда вскрылись «факты грубейшего нарушения социалистической законности». Кулаев признавал, что «среди карачаевцев, как у других народов нашей страны, имели место случаи дезертирства, проявления трусости и другие нежелательные явления», однако отметил, что подобные «единичные факты не характеризуют карачаевский народ». Напротив, «большой фактический материал говорит о бесстрашии и героизме карачаевцев, о патриотизме и самопожертвовании во имя Победы над врагом»⁴¹.

В 1977 г. прошла печально знаменитая областная научно-теоретическая конференция «Карачаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)». Скандальная известность мероприятия связана с попыткой ряда партийно-советских руководителей области поднять вопрос об опасном нарастании «мелкобуржуазного национализма» среди карачаевцев. В резолюции конференции особое место отводилось вопросам депортации. Признавалось, что карачаевцы обвинены необоснованно и выселены в восточные районы страны несправедливо, «поскольку нельзя отождествлять народ с кучкой предателей, изменников, пособников гитлеровцев». После устранения «извращений ленинской национальной политики», восторжествовала «социалистическая справедливость» — пострадавших реабилитировали и вернули на родину⁴².

В итоге сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, региональные исследователи, в силу партийной цензуры и самоконтроля, при освещении событий военного времени решались говорить лишь о «некоторых отрицательных явлениях в деятельности отдельных партийных организаций в период временной оккупации Северного Кавказа». С другой — общественное мнение, отмечая в официальном нарративе многочисленные недомолвки, оговорки и намеки, создало иную версию обороны Кавказа, нацисткой оккупации и освобождения региона, фактически восходящую к образам сталинской пропаганды 1940–1950-х гг. Стремление партийного руководства и научных кругов при описании противоречивой истории Второй мировой вой-

⁴¹ Кулаев Ч.С. Партийные органы Карачая и Черкесии в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945). Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, С. 179–180.

⁴² Карачаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Материалы областной научно-теоретической конференции 1977 г. Черкесск, 1982.

ны избегать обострения межнациональных отношений обернулось активизацией социальных фобий и антипатий, латентной агрессией к представителям «наказанных» народов — чеченцам, ингушам, балкарцам и карачаевцам. В то же время, память о выселении оказалась табуирована и циркулировала исключительно в этнической среде.

Под влиянием кардинальных перемен конца 1980-х гг. в отечественной историографии появились новые, порой противоположные прежним оценки Второй мировой войны, советской национальной политики и депортации народов СССР. Проведение международных, всероссийских и региональных конференций «Репрессированные народы: история и современность» (Элиста, 1992; Черкесск, 1993; Карачаевск, 1994; Нальчик, 1995) качественно изменило статус темы сталинских репрессий в общественном самосознании, однако отказ от прежних догматизированных положений носил крайне болезненный характер. Нередко на одной и той же конференции, как правило приуроченной к очередному юбилею Победы, обвинения в адрес «фальсификаторов истории» соседствовали с призывами переоценки Второй мировой войны, а утверждения о дружбе народов — с поиском истоков коллаборационизма в довоенном, а часто и дореволюционном развитии народов региона.

В значительной мере процесс переосмысления советского историографического наследия осложнило политическое противостояние сторонников и противников советской системы. Причем инерционное развитие профессионального историографического сообщества региона со второй половины 1980-х гг. заметно контрастирует со взрывом активности публицистики, выступавшей с резкой критикой старых трактовок и подходов.

Современная историография северокавказского региона, декларативно отказываясь от советских идеологических стереотипов, на деле фактически воспроизводит их: классовый подход заменяется этническим. Типологическая особенность подобных работ — героизация подвигов *своего народа* и равнодушие, граничащее с забвением, к судьбам соседей; исчисление *его* вклада в дело Победы и подсчет проявленных к *нему* жестокостей сталинского режима⁴³. Нарастающая «этнизация» истории Второй мировой войны ведет к обострению межнациональных отношений, а национальные историографические школы пока не демонстрируют потребности в тесном сотрудничестве с соседями, российскими и зарубежными коллегами.

Особый интерес в новейшей историографии вызывает проблематика оккупации Северного Кавказа: подробно анализируются планы нацистской Германии в отношении региона, структура и различные

⁴³ Вклад репрессированных народов в Победу в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. / Науч. ред. Б.Б. Боромангнаев. Т. 1. Элиста, 2010.

аспекты деятельности оккупационной администрации (социально-экономическая, национальная и культурная политика)⁴⁴. Следует упомянуть исследования К.-М. Алиева⁴⁵, А.С. Линца⁴⁶, Г.В. Марченко⁴⁷, выполненные на материалах Ставрополья и Карачаево-Черкесии, а также работу С.И. Линца⁴⁸, обобщающую данные по всему региону. Активно разрабатывается тема коллаборационизма, главным образом вопросы военно-политического сотрудничества горцев с нацистами: история восточных легионов, полиции и СС⁴⁹. Нередко мотивы и поступки коллаборантов подвергаются кардинальной переоценке. Так, если в советской историографии деятельность заместителя начальника Ставропольского краевого управления НКВД У.Д. Кочкарова оценивалась крайне негативно («сдался в плен, выдал врагу подполье и места расположения партизанских отрядов»), то современная карачаевская историография утверждает, что Кочкаров был честным коммунистом, но «стал жертвой того режима и тех людей, которым он служил верой и правдой», факт его причастности к разгрому партизанских отрядов категорически отвергается⁵⁰.

Распад советской системы predetermined историографический прорыв темы национальной политики сталинизма, депортации северокавказских народов. Появились исследования А.-Х.У. и Р.М. Куцетеровых⁵¹, К. Чомаева⁵², Д.В. Шабаева⁵³, О.О. Айшаева⁵⁴, Э.А. Аджие-

⁴⁴ См.: *Бочкарева З.Б.* Оккупационная политика фашистской Германии на Северном Кавказе. Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1992; *Януш С.В.* Банкротство немецко-фашистской стратегии на Кавказе. Дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 1998.

⁴⁵ *Алиев К.-М.* Свет и тени партизанской войны. М. ; Ставрополь, 2003.

⁴⁶ *Линц А.С.* Партизанское движение в Ставропольском крае в период немецко-фашистской оккупации (июль 1942 – январь 1943 г.). Дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2003.

⁴⁷ *Марченко Г.В.* Разгром партизанских отрядов в Карачае и Черкесии в 1942 году: правда и домыслы // Научная мысль Кавказа. 2003. № 1.

⁴⁸ *Линц С.И.* Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 г.). Дис. ... д-ра ист. наук. Пятигорск, 2003.

⁴⁹ *Нансо Н.Т.* Восточные легионы в составе вермахта в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2000; *Казаков А.В.* Деятельность органов госбезопасности Кабардино-Балкарии по нейтрализации подрывных акций эмигрантских организаций в 20–50-х гг. XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2005.

⁵⁰ *Алиев К.-М.* Свет и тени партизанской войны. С. 61–74.

⁵¹ *Куцетеров Р.М.* Насилие. Черкесск, 1993; *Куцетеров Р.М., Куцетеров А.-Х.У.* Депортация. Ставрополь, 1994.

⁵² *Чомаев К.* Наказанный народ. Черкесск, 1993.

⁵³ *Шабаев Д.В.* Правда о выселении балкарцев. Нальчик, 1994.

⁵⁴ *Айшаев О.О.* Борьба балкарского народа против политики геноцида и этапы его возрождения (1944–1995). Дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 1995.

вой⁵⁵, Х.-М.А. Сабанчиева⁵⁶, И.М. Шоманова, Б.А. Тамбиева, Л.О. и Акберова⁵⁷, позволяющие проследить ход депортации балкарцев и карачаевцев. Большинство местных историков сходится в оценке депортации как антигуманной и незаконной акции «сталинского тоталитарного режима». Ряд авторов даже склонны характеризовать депортации как акты геноцида⁵⁸.

Острую полемику вызывает вопрос о причинах депортации. Современное историографическое сообщество предлагают следующие объяснения: 1) решение партийного руководства о расширении границ Грузинской ССР за счет прекрасных в природно-климатическом отношении районов автономий Северного Кавказа. Впервые об этом высказался Х.-М. Ибрагимбейли⁵⁹. Впоследствии это предположение приобрело широкую популярность у местных историков; 2) стремление партийно-советского руководства региона (в первую очередь М.А. Сулова и З.Д. Кумехова) переложить ответственность за провал партизанского движения на отдельные народы⁶⁰; 3) потребность Сибири, Средней Азии и Казахстана в дешевой рабочей силе⁶¹; 4) геополитический фактор, противодействие формированию исламского антибольшевистского блока на южных рубежах СССР⁶². Верификация вышеприведенных предположений существенно осложнена закрытостью либо полным отсутствием репрезентативных источников, что в свою очередь обуславливает субъективность авторских трактовок.

Осмысление процессов этнической адаптации балкарцев и карачаевцев к социально-политическим, экономическим и природно-климатическим условиям выселения фактически только начинается⁶³.

⁵⁵ *Аджиева Э.А.* Депортация народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: причины и следствия (На примере карачаевского и балкарского народов). Дис. ... канд. ист. наук. Карачаевск, 2001.

⁵⁶ *Сабанчиев Х.-М.А.* Были сосланы навечно: депортация и реабилитация балкарского народа. Нальчик, 2004; *Сабанчиев Х.-М.А.* Депортация, жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа (1940-е – начало XXI в.). Дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 2007.

⁵⁷ Наказаны по национальному признаку. Черкесск, 1999.

⁵⁸ См.: Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1919–1952 гг. Т. 3. М., 1993. С. 7–17.

⁵⁹ *Ибрагимбейли Х.-М.* Плоды произвола // Литературная газета. 1989. 17 мая.

⁶⁰ См.: *Тебуев Р.С., Хатуев Р.Т.* Очерки истории карачаево-балкарцев. М.; Ставрополь, 2002; *Медведев Р., Ермаков Д.* «Серый кардинал». М.А. Сулов: политический портрет. М., 1992. С. 70–71.

⁶¹ *Полян П.* Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.

⁶² *Сабанчиев Х.-М.А.* Депортация, жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа...; *Тишков В.А.* Национальность и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994. С. 24.

⁶³ *Сабанчиев Х.-М.А.* Депортация, жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа...

В некоторой степени раскрывают эту тему уникальные сборники песен и рассказов балкарцев и карачаевцев о пребывании в Центральной Азии, подготовленные Ф. Байрамуковой⁶⁴ и Т. Хаджиевой⁶⁵.

В новейшей историографии выделяются специальные исследования, посвященные реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа, в том числе балкарцев и карачаевцев⁶⁶. Особо оговаривая оказанную им значительную материальную поддержку, историки вместе с тем подчеркивают незавершенный характер реабилитации. Большая часть работ положительно оценивают мероприятия центральных и региональных властей в 1989–1990-х гг., однако вопрос о социально-психологической реабилитации репрессированных народов, по существу, так и не ставится.

В целом обращение к противоречивой истории Северного Кавказа в годы Второй мировой войны отличается крайне политизированным характером. Современная российская историография в полной мере унаследовала от советской монистической подход к изучению прошлого, тенденцию обвинять оппонентов в «фальсификации» и «клевете», неизменное стремление искать и находить новых «врагов».

Осознавая травму: процесс реабилитации в общественно-политических дискуссиях в КБР и КЧР в конце XX – начале XXI в.

Рассмотрение основных этапов общественно-политического развития «двухсубъектных» республик Северного Кавказа – Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии – в конце XX – начале XXI в., выявление особенностей реабилитационного процесса в них позволяет сделать некоторые обобщения. И в той, и в другой республике титульные нации оказались насильственно объединены в годы сталинизма, хотя ранее являлись самостоятельными. Этнически близких друг другу тюркоязычных горцев – балкарцев и карачаевцев – в годы Второй мировой войны депортировали в Центральную Азию, в то время как взаимно родственные черкесы и кабардинцы (адыги) репрессиям не подвергались и заняли в 1950–1960-е гг. ключевые позиции в восстановленных «двухсубъектных» республиках.

На исходе «перестройки» десятилетиями замалчивавшаяся травма вырвалась наружу мощным всплеском национальных движений, причем национальные и демократические лозунги сливались в единое

⁶⁴ Байрамукова, Ф.И. Бушуу китаб (Книга скорби. Документальные рассказы. В 2-х т.). Черкесск, 1992–1997.

⁶⁵ Кёчгюнчюле эсгермеси (Словесные памятники выселения) / Сост. Т. Хаджиева. Нальчик, 1997.

⁶⁶ Алафаев А.А., Сабанчиев Х.-М.А. Реабилитация балкарского народа: проблемы и решения // Отечественная история. 2008. № 1; Гонов А.М. Северный Кавказ: реабилитация репрессированных народов (20–90-е годы). Нальчик, 1998; Зумакулов Б.М. Реабилитация балкарского народа. Нальчик, 1998.

целое. В общественном самосознании народов северокавказского региона возродились крупнейшие исторические травмы: память о жертвах Кавказской войны и сталинских депортациях. Осознание травматического опыта, определяемого национальными лидерами как акты геноцида, популяризация подобных оценок превратилась в важную составную часть идеологии этнической мобилизации

В апреле 1991 г. Верховный совет РСФСР принял закон «О реабилитации репрессированных народов», ставший в тот период важной вехой на пути восстановления исторической справедливости в отношении балкарцев, карачаевцев, чеченцев, ингушей. вместе с тем он спровоцировал в северокавказском регионе ряд конфликтов, поскольку обозначил возможность территориальных изменений. Так, ст. 3 закона утвердила право подвергшихся депортациям народов на восстановление ранее существовавших национально-государственных образований, а ст. 6 предусматривала осуществление «правовых и организационных мероприятий по восстановлению национально-территориальных границ, существовавших до их антиконституционного насильственного изменения»⁶⁷.

В июле 1995 г. Президент РФ Б.Н. Ельцин своим указом несколько скорректировал сложившееся положение, предусмотрев при осуществлении «территориальной реабилитации» порядок и условия, предусмотренные Конституцией РФ (п. 2, ст. 65 и п.3, ст. 67), согласно которым границы между субъектами могут быть изменены лишь с их взаимного согласия, и п. «а» ч. 1 ст. 102 Конституции, согласно которой утверждение изменения границ относится к ведению Совета Федерации. Особо подчеркивалась необходимость соблюдения прав и свобод всех граждан, проживающих на бывшей территории репрессированных народов, и широкого использования возможностей местного самоуправления для развития его различных форм с учетом национальных культурных и иных потребностей граждан⁶⁸. Однако ни указ, ни подзаконные акты не сняли остроту межнациональных споров и территориальных требований, к тому же вышедших за рамки положений закона 1991 г. Восстановить «историческую справедливость» можно было лишь посредством взаимных уступок и компромиссных решений, но это оказалось невозможным в условиях обострившихся противоречий.

Административно-политический статус Карачая после октябрьского переворота 1917 г. менялся неоднократно. Как и другие народы центральной и западной части Северного Кавказа, карачаевцы сначала входили в состав Горской АССР как образованный в конце 1920 г.

⁶⁷ Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного совета РФ. 1991. № 18. С. 572.

⁶⁸ Собрание законодательства РФ. 1995. № 3. Док. № 948.

Карачаевский национальный округ с центром в Кисловодске. 12 января 1922 г. большевистское правительство объединило его с черкесскими территориями, в результате чего появилась Карачаево-Черкесская автономная область, которую 26 апреля 1926 г. разделили на три части: Карачаевскую АО, Черкесский национальный округ и Баталпашинский район. Столицей Карачаевской автономии стал Микоян-Шахар.

Период существования Карачаевской автономии (1926–1943 гг.) многими до сих пор воспринимается как расцвет национальной государственности, а ее ликвидация – как государственный произвол. Территория Карачая была разделена между Грузинской ССР, Ставропольским, Краснодарским краями и Черкесской АО. В 1957 г. карачаевцы вернулись на историческую родину. Однако их автономии так и не восстановили. Указом Президиума Верховного совета СССР от 9 января 1957 г. Черкесская АО была преобразована в Карачаево-Черкесскую АО в составе Ставропольского края. Неудовлетворенность карачаевцев положением внутри этой автономии в конце 1980-х гг. вылилась в манифестации и требования крепнущего национального движения. В конце 1989 г. в Карачаевске образовалась общественная организация «Джамагат», которая развернула бурную деятельность, направленную на восстановление Карачаевской АО (в границах, существовавших до депортации). Волонтерам «Джамагата» в течение в 1989–1990 гг. удалось собрать свыше 70 000 подписей под воззванием с соответствующим требованием. 8 октября 1989 г. созван первый конгресс народов Карачая, а 29 октября прошел массовый траурный митинг, посвященный годовщине депортации. Второй конгресс народов Карачая 9 июня 1990 г. провозгласил Карачаевскую Республику. 17 ноября 1990 г. Чрезвычайный съезд карачаевских депутатов всех уровней принял Декларацию о ее государственном суверенитете.

На волне народной поддержки и при действенной поддержке Конфедерации репрессированных народов «Джамагат» вступил в конфронтацию с местными властями. Своего наивысшего подъема движение достигло в конце 1991 г., когда траурное собрание на площади Свободы в Карачаевске, посвященное 48-й годовщине депортации, превратилось в бессрочный митинг, в котором принял участие практически весь карачаевский народ. Под мощным общественным давлением сессия областного Совета приняла решение о разделении Карачаево-Черкесии на две самостоятельные автономии. 5 февраля 1992 г. Ельцин представил в Верховный совет законопроект о восстановлении Карачаевской автономии в составе РФ. Его принятие знаменовало бы один из первых шагов реального действия закона о реабилитации репрессированных народов. Однако руководство Карачаево-Черкесии, прекрасно осведомленное, что разделение республики

будет означать для него политическую смерть, задействовало все ресурсы и добилось отсрочки рассмотрения законопроекта под предлогом необходимости проведения республиканского референдума. Национальное карачаевское движение не сумело эффективно противодействовать такому развитию событий, и 28 марта 1992 г. 78,5 % принявших участие в голосовании выступили за сохранение единой республики. В результате Ельцин отозвал свой законопроект, и вопрос о восстановлении Карачаевской автономии оказался практически закрыт.

С апреля-мая 1999 г., после длительного периода затишья, межэтнические отношения в КЧР вновь обострились. Причиной тому явилось жесткое противостояние в ходе выборов первого президента республики. После победы на выборах В.М. Семенова (карачаевец) его политический оппонент С.Э. Дерев (черкес) призвал абазинцев, черкесов и русских «отделиться от карачаевцев и возвратиться в свой родной Ставропольский край».

Политический статус Балкарии в советский период трансформировался не менее драматично. Балкарский округ с центром в Долинске также входил в Горскую АССР. 6 января 1921 г. большевистское правительство выделило его из республики и образовало на его основе Балкарскую АО. Однако уже 16 января 1922 г. появилась Кабардино-Балкарская АО, в 1936 г. преобразованная в АССР. 8 марта 1944 г. балкарский народ подвергся депортации в Среднюю Азию и КБАССР преобразована в Кабардинскую АССР. После возвращения балкарцев из мест выселения, 9 января 1957 г. советское руководство восстановило КБАССР в прежних границах. Вместе с тем «национальные районы», в которых традиционно проживало балкарское население, так и не возродились.

На исходе «перестройки» лидеры балкарского национального движения предприняли решительные шаги для преодоления приниженного положения этноса (балкарцы составляют всего 10 % населения Кабардино-Балкарии и почти в 5 раз уступают по численности кабардинцам). Начало общественно-политического движения балкарского народа связано с образованием в 1985 г. студенческого кружка по изучению истории и культуры карачаево-балкарского народа «Ныгыш». Позднее он перерос в общественную организацию. В 1989 г. возникло еще одно объединение – «Бирлик», ставившее своей целью полную реабилитацию балкарского народа. Вскоре «Ныгыш» и «Бирлик» слились в единую организацию «Тёре».

Важнейшие вехи деятельности балкарского национального движения, главными структурами которого являлись «Тёре», «Лига возрождения Балкарии» и др., совпадают с деятельностью съездов балкарского народа, которые периодически проводились в 1991–1996 гг. I этап I съезда, прошедший 30 марта 1991 г., санкционировал Верховный совет КБАССР. Съезд обратился к Верховному совету РСФСР с требо-

ванием: восстановить существовавшее до депортации балкарские «национальные районы» (Эльбрусский, Черекский, Чегемский и Хуламо-Безенгиевский районы); создать двухпалатный парламент с паритетным представительством балкарцев в одной из палат; обеспечить очередное замещение должности главы республики представителями ее титульных народов. «Тёре» также стремилось «содействовать реализации в КБАССР принципов правового государства, гарантирующих на законодательной основе и через соответствующие механизмы фактическое равноправие народов для их самосохранения и развития»⁶⁹. Это позволило ей стать одним из самых авторитетных объединений балкарского народа.

Чрезвычайная сессия ВС 19 ноября 1991 г., рассмотрев обращение I съезда балкарского народа, приняла постановление, содержавшее два принципиальных положения: «1. Поддержать решение I съезда балкарского народа о провозглашении Республики Балкария в составе РСФСР и национального суверенитета балкарского народа. Оказать содействие в реализации данного решения. 2. До законодательного закрепления образования Республики Балкария на всей территории КБССР продолжают действовать Конституция КБССР и законно избранные органы государственной власти и управления»⁷⁰. После этого II съезд, созванный в конце ноября 1991 г., принял «Декларацию о провозглашении Республики Балкария в составе Российской Федерации и национальном суверенитете балкарского народа». Для ее реализации был создан Национальный совет балкарского народа (НСБН) во главе с Б.К. Чабдаровым. Правда, Декларация отражала намерения главным образом НСБН, поэтому 26 декабря Президиум ВС КБР признал неконституционными те пункты постановления съезда, которые наделяли его властными полномочиями⁷¹. Со своей стороны, руководство Кабардино-Балкарии полностью проигнорировало обращение съезда. В ответ 29 декабря состоялся референдум, проведенный среди балкарского населения, который продемонстрировал, что 94,8% поддерживают идею создания Республики Балкария в составе РСФСР. В силу ряда объективных причин республиканское руководство оспорило легитимность референдума.

В 1992–1993 гг. активность балкарского движения постепенно спадала. Однако избрание в январе 1994 г. председателем НСБН бывшего генерала С.У. Беппаева придало ему новый импульс. В этих условиях правительство главы КБР В.М. Кокова в тесном сотрудничестве с федеральным центром провело ряд мер по снижению межэтниче-

⁶⁹ Кабардино-Балкарская правда. 1990. 1 июля.

⁷⁰ Кабардино-Балкарская правда. 1991. 20 ноября.

⁷¹ Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии / Сост. И.Л. Бабич. Т. 1. М., 1994. С 101–102.

ской напряженности. В частности, последовал ряд важнейших документов по реабилитации балкарского народа: указ Президента КБР от 5 января 1994 г. «О 50-летию репрессии балкарского народа», указ Президента РФ от 3 марта 1994 г. «О мерах по реабилитации балкарского народа и государственной поддержке его возрождения и развития», постановление Кабинета министров КБР «О выплате единовременных денежных пособий некоторым категориям граждан балкарской национальности, подвергшимся насильственному переселению в 1944 г.», указы Президента КБР от 7 марта 1994 г. «О некоторых мерах по реабилитации балкарского народа в связи с пятидесятилетием его репрессии» и от 25 марта 1994 г. «Об установлении Дня возрождения балкарского народа»⁷². В них предусматривался комплекс мер политического, административно-территориального, юридического и экономического характера, направленных на всестороннюю реабилитацию балкарцев. Важные социально-психологические последствия для нормализации ситуации в республике имело прозвучавшее 5 марта 1994 г. обращение Ельцина к балкарскому народу, в котором он принес извинение за преступления сталинизма.

Проведенный в 1994 г. опрос показал, что балкарский народ «не признает никакого разделения и желает жить в единой Кабардино-Балкарской республике». Однако ряд национальных движений сумел актуализировать в общественном сознании травматический опыт депортации и тем самым мобилизовать часть населения на продолжение борьбы за политическую автономию. 2 апреля 1996 г. по причине несоответствия Устава «Тёре» законодательству КБР судебные органы республики вынесли постановление о приостановке ее деятельности. Несмотря на это, 17 ноября прошел несанкционированный V этап I съезда балкарского народа, который вернулся к рассмотрению Декларации «О провозглашении Республики Балкария и национального суверенитета балкарского народа». Делегаты провозгласили государственный суверенитет балкарского народа и Республику Балкария в качестве 90-го субъекта РФ; приняли постановление по реализации прежней Декларации; определили границы новой Республики в пределах существовавших до депортации Эльбрусского, Черекского, Чегемского, Хуламо-Безенгиевского районов и населенных пунктов компактного проживания балкарцев – Кичмалка, Хабаз, Ташлы-Тала; сформировали Государственный совет Балкарии и образовали его исполком; приняли решения о предстоящих выборах Президента Республики и об обеспечении порядка на ее территории, в том числе о

⁷² См.: Политика и право в сфере этногосударственных отношений в Кабардино-Балкарии. Т. 1 / Авт.-сост. С.И. Аккиева, Х.М. Думанов; отв. ред. М.Н. Губогло. М.; Нальчик, 2001.

формировании народных дружин, а также Обращение к Ельцину⁷³. Властные структуры КБР расценили решения съезда как попытку государственного переворота. В итоге их усилиями НСБН прекратил существование.

Впрочем, к середине 1990-х гг. популярность балкарских национальных движений и доверие к их лидерам и без того резко снизилась, что в конечном итоге предредило их судьбу. В ноябре–декабре 1996 г. практически все балкарские общественные организации оказались закрыты. Парламент КБР постановлением от 19 ноября 1996 г. признал антиконституционными все решения, принятые на съезде балкарского народа, прекратил его деятельность, а также НБСН и всех образованных им исполнительных органов. Бывший председатель Совета Беппаев в обращении к гражданам КБР подтвердил, что «указанные решения были приняты съездом на эмоциях, они не были до конца продуманными и проработанными, что есть определенные силы, которые заинтересованы в создании напряженности на Северном Кавказе, а значит, и в Кабардино–Балкарской Республике»⁷⁴. 12 января 1997 г. состоялись выборы Президента Кабардино–Балкарии. С результатом 99,35 % (!) победу одержал Коков. Укрепив позиции, он направил усилия на разработку проекта новой Конституции республики. Она была принята 1 сентября 1997 г., для предотвращения межэтнической конфронтации из неё оказались изъяты наименования титульных этносов КБР.

В начале XXI в. национальные объединения балкарцев и карачаевцев постепенно утратили массовость. Митинги, конфликтные отношения с властью, подогревание межнациональной розни, угроза выхода из состава двухсубъектных республик стали уделом маргинальных групп «профессиональных патриотов».

Вос/произведение травмы: осмысление депортации в профессиональной культуре балкарцев и карачаевцев

Балкарская и карачаевская проза стала описывать травму депортации только на исходе «перестройки». Значительная часть писателей в силу ряда причин оказались не в состоянии осмыслить это событие. Другая предприняла рискованную, но неизбежную попытку выяснить все известные им обстоятельства трагедии. По этой причине их литературное творчество следует воспринимать в первую очередь как свидетельство. Большинство описавших выселение на тот момент были детьми. Поэтому трагедия, которую они описывают, это травма глазами ребенка. Так, для маленьких героев А. Байзуллаева («Черная королева», «Ёлмезхан», «Водяная мельница», «Белое облачко») детство на

⁷³ Тёре. Балкарский форум. 1997. Январь.

⁷⁴ Кабардино–Балкарская правда. 1997. 19 февраля.

чужбине остается детством, однако оно лишено многих радостей — отец на фронте, мать целыми днями гнет спину на плантации сахарной свеклы. С ней маленький Алёш и его сестренка видятся только зимой; она уходит до рассвета и возвращается, когда они уже спят. Еще безрадостнее жизнь взрослых, живущих только памятью о прошлом, в ожидании возвращения с фронта мужей и сыновей. Ранний нелегкий труд, раннее взросление и почти полное отсутствие детской беззаботности. Дети знают, что они живут на чужбине, да им и не дают забыть об этом — нет-нет, да и кинут по злобе: «бандиты», «враги». Они живут той же мечтой, что и взрослые, пусть и не понимая, что означает для человека жить на родине. Одноклассник героя, маленький ингуш Муса, на митинге в день смерти Сталина говорит друзьям, повторяя слова своего дяди: «Теперь нас вернут на Кавказ». В детском доме растет Кямал, герой повести И. Гадиева «Вдали от родных жилищ». О родине, самых близких ему людям он хранит только смутные воспоминания, но в конце концов находит силы вернуться к своему народу, обрести мир, с которым его насильно разлучили.

На другом полюсе — рассказы, представляющие события тех лет в форме аллегории: «Орлиное гнездо» Б. Гуляева, «Баллада о можжевельнике» А. Теппева, «Дерево» М. Геккиева, в которых орел и орлята, можжевельник, дерево символизируют народ и его стойкость, а буря, наводнение, гроза олицетворяют обрушившиеся на него бедствия. Близок к аллегории и рассказ И. Бабаева «Зеленая ветка». Огромный и жестокий мир чужбины, в котором растут маленькие герои рассказов и повестей балкарских и карачаевских писателей, мир, в котором в любой момент могут унижить, оскорбить, избить — то комендант, у которого спецпереселенцы должны отмечаться и без разрешения которого не могут отъехать от населенного пункта, то бригадир или председатель колхоза, — населен и другими людьми, добрыми и отзывчивыми. Они описаны с более близкого расстояния и появляются гораздо чаще, чем первые, которые скорее выглядят чем-то отдаленным, несущим в себе угрозу; о них не забывают, но все же они — нечто внешнее и слишком чуждое, чтобы о них говорить или думать все время. В этом смысле память балкарской и карачаевской литературы оказалась благодарной: чуть ли не половина страниц, написанных самыми разными авторами, посвящена не депортированным, а людям других национальностей, благодаря которым дети в самых безнадежных ситуациях сохраняют веру в доброту, в человека. Таковы старый лекарь, дунганин Юан из романа Б. Кулиева «Желтоногие гуси»; работники детского дома Владимир Карлович и Полина Андреевна («Вдали от родных жилищ» И. Гадиева); директор завода Гальперин, учитель Федор Васильевич, удочеривший сироту, девочку-балкарку («Соловей» Б. Гуляева); учительница школы, в которой учится герой рассказов Э. Гуртуева, Марианна Порфирьевна; музыкальный мастер

еврей Иосиф Абрамович, охотник-киргиз Мухарбек, учитель-уйгур Якуп-ага («Солдатская шинель» У. Жулабова).

Многое противоестественно в мире, где распоряжаются опьяненные властью и безнаказанностью сотрудники НКВД, где не ценится человеческая жизнь. Антигуманную суть происходящего и подчеркивает, и делает более выпуклым то, что в большинстве этих произведений речь идет о детях, женщинах и стариках. Люди зачастую безжалостны и жестоки даже по отношению к детям, опускаясь в нравственном падении ниже животных. Женщина, приютившая оставшегося круглым сиротой маленького балкарца Исмаила, как оказалось, дала ему кров не по доброте душевной, а для того, чтобы он присматривал за ее сыном и выполнял работу по дому. В морозную зимнюю ночь полураздетый ребенок бредет к селу, где, как он помнил, похоронена его мать: больше идти ему некуда. Сломленный людской злобой, он не решается войти в чей-либо дом, он уже не верит людям. Обнаружив в канаве беспомощного щенка, замерзая в стогу, он пытается отогреть его, сохранить жизнь этому крошечному созданию. Живое страдает живому, и происходит чудо — их случайно находят утром живыми («Сирота» У. Жулабова).

В последние годы балкарская и карачаевская проза все чаще обращается к времени, предшествовавшему периоду выселения. Изгнание с родины, кроме всего прочего, разорвало связь времен, поколений, традицию культуры, истории, в той или иной степени разрушило все, что имел и чем жил народ. И это движение литературы, как и народной памяти, в прошлое имеет определенную цель — восстановить историческую память.

В повести Х. Шаваева «Западня» колхозницу Фаризат арестовывают на рынке вместе с другими находившимися там балкарцами и балкарками, — шла подготовка к выселению. Не зная за собой вины, она пытается объяснить охраннику, что ее дома ждут дети, что они одни, что муж на фронте. Но того все это совершенно не интересует; он отвечает то, что ему внушили: «Твой муж бандит. Вы все бандиты». В ту же камеру сажают и Забиду, депутата Верховного совета республики. На ее попытки призвать охрану к порядку солдат говорит: «Ты не депутат — ты бандит!» Он избивает ее и ее ребенка, а когда один из арестованных мужчин пытается заступиться, стреляет ему в ноги. Советская власть может обвинить любого человека или даже народ, у нее своя логика, которую никогда не смогут ни понять, ни принять арестованные, ждущие решения своей участи в камере.

Сталинское государство равнодушно и к тем, кто служит ему верой и правдой. Такова судьба сотрудника НКВД Омара («Голубой типчак» З. Толгурова). Его народ объявлен «сборищем бандитов», врагами, предателями, а он продолжает выполнять свою грязную работу. В разговоре с Халимат разъяряет ей, что мирные села уничтожены не со-

ветскими солдатами, а фашистами, переодетыми в красноармейскую форму. Показателен их диалог. На наивный и недоуменный вопрос Халимат, почему же советские солдаты действовали заодно с переодетыми фашистами, убивая сотни стариков, женщин и детей, Омар объясняет, что она повторяет вражескую агитацию, что государство этого не потерпит. Халимат задает следующий вопрос: «А что такое государство? И почему оно занимается истреблением людей?». Омар, обдумав, что же можно ответить этой «темной» женщине, говорит: «Государство — это нечто огромное. Нет ничего, до чего бы не дотянулась его рука, чего бы не заметил его глаз», и добавляет, что он сам — государственный человек. И в этом случае говорит правду — он теперь, в первую очередь, принадлежит не своей семье, роду или народу, а государству. «Партия приказывала ему только арестовывать, допрашивать, обвинять людей, и он жил, думая, что исполняет важную государственную задачу». Прозрение приходит к нему лишь после того, как на его глазах солдаты убивают как бандитов нескольких подростков, спрятавшихся во время выселения аула.

Трагические события в Черекском ущелье описаны в рассказе Э. Гуртуева «Звездочка, погасшая в Сауту». Особенно интересен литературный опыт религиозно-философского осмысления депортации. Все дальше и дальше увозит поезд спецпереселенцев, загнанных в вагоны. Не о себе — о других молит герой рассказа «Жизнь и смерть красного эфенди» старый мулла Батырбий: «Всемогущий и Всесильный, Милостивый и Милосердный Господь наш, обрати взор свой на этих несчастных. На рабов Твоих, ставших жертвами навета коварных, злобных и жестоких воителей дьявола, непокорного тебе злоносителя. Лишь Ты спасешь этих несчастных и вернешь их к родным очагам, чтобы они могли жить и молиться во имя Твое, высокое и чистое». В повести М. Гулиева «Отверженные звезды» к милосердию и помощи Аллаха взывает пожилая горянка Мадина, не в силах понять происходящее и доходя до обвинений Бога в равнодушии и попустительстве силам зла: «Или ты решил, что на грешной земле управителей достаточно и все отдал Сталину? А если и так, взгляни еще раз, к какой черте приближаются наши души, сотворенные из дыхания земли и солнечного света. Но что мы такое на земном круге? Даже не щепки, мы, наверное, не стоим и сухой былинки...» Это ощущение человека, вырванного из своей среды и брошенного в водоворот. Страшно не это, такое случилось со многими и раньше. Но когда подобное происходит со всем народом, это травма, трудно поддающаяся осмыслению.

Но к Богу зывают в основном представители старшего поколения. Десятилетия агрессивной антирелигиозной пропаганды сделали свое дело. Молодые объясняют происходящее произволом, которое творится без ведома высших инстанций, которые, конечно, желают

народам только блага, без ведома того, кто стал в их глазах олицетворением мудрости и справедливости, заняв в их душах место Бога. Но в глазах стариков, воспитанных в иной, традиционной культуре, именно Сталин является носителем зла, поэтому престарелая карачаевка Ёлмезхан даже не хочет произносить его имени, заменяя словом «биреу» («некто», «тот самый»), как и ее подруга Фаризат, как и мальчик, сообщающий им о смерти Сталина. Для них он такой же фараон, враг Аллаха, как и тот, древний, о котором говорится в Священном Коране («Ёлмезхан» А. Байзуллаева). И в молитвах Жулдуз священные аяты Корана смешиваются с проклятиями тому, по чьей вине тысячи людей обречены на нечеловеческие страдания. Но ее младший сын Малик, вернувшийся с фронта, уже настолько пропитан стереотипами насаждаемого культа, что готов рассориться даже с матерью. Притягательность образа вождя народов так велика, что понадобилось немалое время, чтобы он понял ее правоту.

Балкарская и карачаевская литература достаточно ясно и точно отразила основной конфликт в историческом сознании народа, тем более неодолимый, что невозможно найти аналогию в прошлом. До рокового дня 8 марта 1944 г. все казалось более или менее понятным. Государство распоряжалось людьми и их судьбами по своему усмотрению, не считаясь с их желаниями и устремлениями. Были репрессии и насильственная коллективизация, разрушение мечетей, — но и новые школы, дома, дороги, электричество, машины, радио, материальные блага, которые многим казались оправданием великих жертв и предвестием рая, который в скором времени наступит на земле. Они все — граждане государства, которое с большими потерями, во враждебном кольце, движется к новой жизни, под руководством партии и ее великого вождя. Но геноцид не заканчивается, а наоборот, вступает в заключительную стадию, и здесь уже нет ни правых, ни виноватых, ни возраста, ни убеждений, ни заслуг. Государственной машине безразлично, кто ты — бывший красный партизан или белогвардеец, коммунист или кулак: ты балкарец (ингуш, калмык, карачаевец, крымский татарин и т. д.), и значит — виновен. Ты — бандит, предатель, пособник фашистов. Оправдания и объяснения никого не интересуют, ярлык сильнее. И людям, даже самым мужественным, становится страшно: они чувствуют, что столкнулись с чем-то неведомым, громадным, но лишенным всего человеческого. Это ощущение столкновения лицом к лицу с механическим Молохом, не знающим добра и зла, волю которого выполняют люди — солдаты, сотрудники органов НКВД, коменданты в местах спецпоселений и др., — постоянно живет в душах героев балкарской прозы. Народ хотел жить, но для этого надо было знать, что его подавляет, чему и как сопротивляться (именно — чему; если бы кому, все было бы понятно). Поскольку государственная машина, всей мощью навалившаяся на беззащитный народ,

состоит из людей, жертвам значительно труднее постичь ее бездушную, мертвую суть.

Таким образом, обобщая литературно-художественный опыт осмысления травматического опыта депортации балкарскими и карачаевскими писателями, можно говорить о том, что продолжается поиск героя—современника описываемых событий, через судьбу которого мыслимо осознать пережитую травму в контексте советской истории. целостность исторического сознания депортированных народов все еще не восстановлена, травма не пережита.

Неразрывно связано с национальной памятью творчество балкарских и карачаевских художников. Обращение к противоречивой истории своих народов неизбежно приводит к поиску путей философского осмысления трагических событий на адекватном национальному мироощущению символическом языке. Тематическая живопись, таким образом, приобретает актуальное социальное звучание.

В марте 1989 г. открылась выставка И. Джанкишиева «Память». Он выполнил серию работ о переселении в годы, когда эта тема была полностью закрыта. Художник восстановил трагические события депортации балкарцев начиная с первого дня выселения. За арифметически простой констатацией факта в названии картины «24, 14, 13» скрываются драматические подробности жизни народа, которому было дано на сборы 24 часа, 14 суток предстояло добираться до мест выселения и 13 лет жить в изгнании.

Триптих «Памяти Кязима Мечиева» составили холсты «Остывший очаг», «Прощальное слово о Родине» и «Смерть поэта». Книжки мудрого старца, разбросанные по сакле; разоренный очаг, брошенная пустая люлька, разбитое окно, пустая, распахнутая настежь дверь — в беду, в гибель. Произведение отражает боль народа, плач Поэта о Родине, скорбным аккордом которого является траурное похоронное шествие. Мы не видим лиц, но в согбенных фигурах мужчин читается мука и мужество, мужество, которое по словам Мечиева, «мы выбираем, если хотим называться людьми». Таким же драматизмом полны картины «Утро 8 марта 1944 года», «Прощание». Особенной поэтичностью наполнены полотна «Проходит мать через века» и «Раненные камни». «Когда я работал над этой серией, — сообщал художник впоследствии, — все время ощущал боль. Далекие воспоминания приближались вплотную, вытесняя явь, вновь становились реальностью. На этих картинах я потерял здоровье. Если среди тысяч людей будет один, который пережил эти тринадцать лет изгнания, я узнаю его безошибочно: по отсвету тех лет в лице, по памяти в глазах. Тогда мне было четыре года, но я помню все. У меня нет ни одной картины на тему переселения, которую я написал бы по воспоминаниям других. Все — увиденное и пережитое. Первая ночь на чужбине прошла просто в поле. Нас окружили волки, и старики стали жечь одежду,

чтобы спугнуть их огнем. Утром нас разбросали по разным населенным пунктам, поселиться всем вместе не разрешали»⁷⁵.

Балкарские художники пытаются восстановить разорванную депортацией историческую память своего народа. Картина погибшего в горах в 1992 г. талантливого живописца В. Курданова «Приют спецпереселенцев» — дань художника не дождавшимся реабилитации и возвращения на Родину, погибшим от тяжелейших условий депортации сородичам. А. Занибеков в серии «Красные камни» сочетанием равных контуров, порывами разноцветного движения выразил экспрессию, драматическую направленность неожиданного поворота судьбы народа. Графические работы Я. Аккизова и С. Меджидовой «Веха историй», «Прошлое рядом», «Мир над ущельем» и «Мой Чегем» посвящены Родине в том широком смысле, когда близким признается не только тот крохотный уголок земли, где ты родился и вырос, но и весь многогранный мир. Такое понимание трагического прошлого своего народа, созданное художниками, предлагает зрителю углубиться в ощущение древности своих корней, неразрывной связи уникальной истории балкарского этноса с историей Кавказа. И в то же время, несмотря на весь трагизм, творчество художников, обращающихся к теме депортации — гимн бессмертию человека, героизму народо-труженика. В наиболее ясной форме это послание выражено в полотне И. Джанкишиева, посвященном возвращению балкарцев на родину: женщина с ребенком на руках — вечный символ жизни.

С конца XX в. в КБР и КЧР регулярно проводятся траурные мероприятия, посвященные депортации балкарского и карачаевского народа, в том числе передвижные тематические выставки изобразительного искусства.

* * *

Социальная история Северного Кавказа начала XXI в. наглядно демонстрирует наличие гигантского разрыва между массовым идеологизированным восприятием истории Второй мировой войны и острым интересом к индивидуальному опыту ее современников. В условиях дефицита достоверной информации о том, что же собственно происходило на Северном Кавказе в 1941–1944 гг., какие события спровоцировали репрессивную реакцию тоталитарного государства, каким образом проводилось выселение, как складывалась повседневная жизнь спецпереселенцев в местах высылки, чем обусловлен затянувшийся на долгие десятилетия процесс возвращения на историческую родину, травматический опыт депортации сохраняет деструктивное воздействие на этническое самосознание наказанных народов.

⁷⁵ Байсиева М. Сохранить свое лицо // Горянка. 2007. 18 июля.

Сужение рамок коллективной памяти, атрофия чувства социальной ответственности и актуализация в общественном самосознании образа внутреннего/внешнего врага — прямое следствие мифологизированного состояния памяти.

Литература

- Аджиева, Э.А.* Депортация народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: причины и следствия (На примере карачаевского и балкарского народов) [Текст]. Дис. ... канд. ист. наук. Карачаевск, 2001. 151 с.
- Азиян, А.* Народы Кавказа никогда не будут рабами [Текст] // Большевик. 1942. № 15.
- Айшаев, О.О.* Борьба балкарского народа против политики геноцида и этапы его возрождения (1944–1995) [Текст]. Дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 1995.
- Алабаев, А.А., Сабанчиев, Х.-М.А.* Реабилитация балкарского народа: проблемы и решения [Текст] // Отечественная история. 2008. № 1. С. 79–90.
- Алиев, К.-М.* Свет и тени партизанской войны [Текст]. М.: Илекса; Ставрополь: Ставропольсервисшкола. 2003. 160 с.
- Аликберов, З.М.* Комсомольцы и молодежь Дагестана в годы Великой Отечественной войны [Текст]. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958. 47 с.
- Аликберов, З.М., Керимов, И.К.* На фронте и в тылу. Патриотизм народов Дагестана в годы Великой Отечественной войны [Текст]. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. 115 с.
- Андерсон, Б.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма [Текст] / Пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле. 2001. 286 с.
- Асман, Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности [Текст] / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: «Языки славянской культуры». 2004. 368 с.
- Байрамуклова, Ф.И.* Бушуу китаб (Книга скорби. Документальные рассказы. В 2-х т.) [Текст]. Черкесск: Карачаево-Черкесское государственное республиканское книжное издательство. 1992–1997.
- Байсиева, М.* Сохранить свое лицо [Текст] // Горянка. 2007. 18 июля.
- Бочкарева, З.Б.* Оккупационная политика фашистской Германии на Северном Кавказе [Текст]. Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар. 1992. 242 с.
- Великая Отечественная война Советского Союза. Т. 6. Итоги Великой Отечественной войны [Текст] / Пред. ред. комиссии П.Н. Поспелов. М.: Воениздат, 1965. 652 с.
- Вклад репрессированных народов в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. [Текст] / Науч. ред. Б.Б. Боромангнаев. Т. 1 Элиста: НПП «Джангар», 2010. 575 с.
- Встреча старейших представителей народов Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии [Текст] // Красная звезда. 1942. 22 сентября.
- Гарифуллина, И.* Тень вокруг памятника [Текст] // Советская Россия. 1990. 2 сентября.
- Глухов, В.М.* Адыгея в дни Великой Отечественной войны [Текст]. Дис. ... д-ра ист. наук. Майкоп, 1949. 17 с.
- Гонов, А.М.* Северный Кавказ: реабилитация репрессированных народов (20–90-е годы) [Текст]. Нальчик, 1998.
- Грудина, А.В.* Кабардино-Балкарские партизаны в борьбе против гитлеровских захватчиков в 1942 г. [Текст] // История СССР. 1962. № 3. С. 121–130.
- Давыдов, И.В.* Кабардинская партийная организация в период Великой Отечественной войны [Текст]. Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1954.

- Давыдов, И.В.* Партийная организация Кабардино-Балкарии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [Текст] Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство. 1961. 172 с.
- Дагестан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [Текст] / Г.Ш. Каймазаров, И.К. Керимов, Г.С. Койстинен, А.Г. Мелешко. Махачкала: Дагкнигоиздат. 1963. 471 с.
- Дела и люди боевого тыла. Сборник материалов [Текст] / Сост. А. Кабанов. Нальчик: Кабгосиздат. 1946. 72 с.
- Джамбулатова, З.К.* Сыны Чечено-Ингушетии на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 годов [Текст] // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Т. 2. Вып. 1. Грозный. 1959. С. 55–80.
- Зверства немецких оккупантов в Кабарде [Текст] / Отв. ред. К.Х. Цавкилов. Нальчик: Государственное издательство КАССР. 1945. 88 с.
- Зумакулов, Б.М.* Реабилитация балкарского народа. История, проблемы, решение [Текст]. Нальчик: Эльбрус. 1998. 117 с.
- Ибрагимбейли, Х.-М.* Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток [Текст]. М.: Наука, 1977. 319 с.
- Ибрагимбейли, Х.-М.* Плоды произвола [Текст] // Литературная газета. 1989. 17 мая.
- Измаил-бей.* Замученная Родина [Текст] // Газават. 1943. 8 декабря.
- История советской политической цензуры. Документы и комментарии [Текст] / Отв. сост. Т.М. Горяева. М.: РОССПЭН. 1997. 672 с.
- История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. Т. 2: История Кабардино-Балкарской АССР с Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней [Текст] / Гл. ред. Г.Х. Берикетов. М.: Наука, 1967. 439 с.
- Кабардино-Балкарская правда. 1990. 1 июля; 1991. 20 ноября; 1997. 19 февраля.
- Казаков, А.В.* Деятельность органов госбезопасности Кабардино-Балкарии по нейтрализации подрывных акций эмигрантских организаций в 20–50-х гг. XX в. [Текст] Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2005.
- Карачаевцы: выселение и возвращение (1943–1957). Материалы и документы [Текст] / Сост. И.М. Шамапов, З.Б. Караева, К.А. Кечеруков, А.-М.Ч. Алиев. Черкесск: Издательство «ПУЛ», 1993. 173 с.
- Карачаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) [Текст]. Материалы областной научно-теоретической конференции 1977 года. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1982. 90 с.
- Карданов, З.К.* Народы Черкесии в годы Великой Отечественной войны [Текст] // Труды Черкесского научно-исследовательского института. Вып. II. Черкесск: Черкесское книжное издательство, 1954. С. 183–198.
- Кёчгюнчюле эсгермеси (Словесные памятники выселения. 1943–1957) [Текст] / Сост. Т. Халжиева. Нальчик: ЭльФа. 1997. 381 с.
- Кулаев, Н.Х.* Героические сыны и дочери осетинского народа в годы Великой Отечественной войны советского народа на фронте и в тылу // Вопросы истории. 1946. № 10. в оглавлении журнала этой статьи нет
- Кулаев, Ч.С.* Партийные органы Карачая и Черкесии в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) [Текст]. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1968.
- Куцетеров, Р.М.* Насилие. Политика коммунистической партии в отношении крестьян, методы и результаты ее осуществления [Текст]. Черкесск: ПУЛ, 1993. 454 с.
- Куцетеров, Р.М., Куцетеров, А.-Х.У.* Депортация [Текст]. Ставрополь: ПУЛ, 1994. 136 с.
- Лайпанов, С.* Очерки о героях Советского Союза. Черкесск, 1962.
- Лайпанов, Х.О.* Молчание – не всегда золото [Текст] // Ленинское знамя. 1981. 25 августа.

- Линец, А.С.* Партизанское движение в Ставропольском крае в период немецко-фашистской оккупации (июль 1942 – январь 1943 гг.) [Текст]. Дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск. 2003. 166 с.
- Линец, С.И.* Северный Кавказа накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состоянии и особенностях развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.) [Текст]. Дис. ... д-ра ист. наук. Пятигорск. 2003. 341 с.
- Марченко, Г.В.* Разгром партизанских отрядов в Карачае и Черкесии в 1942 году: правда и домыслы [Текст] // Научная мысль Кавказа. 2003. № 1. С. 87–97.
- Медведев, Р.А., Ермаков, Д.А.* «Серый кардинал». М.А. Суслов: политический портрет [Текст]. М.: Республика. 1992. 260 с.
- Мнацаканян, А.Н.* Советская Армения в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) [Текст]. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван. 1954. 32 с.
- Наказаны по национальному признаку (Учебное пособие для студентов по курсу истории) [Текст] / И.М. Шамапов, Б.А. Тамбиева, Л.О. Абрекова. Черкесск: Институт развития образования. 1999. 114 с.
- Напсо, Д.А.* Партийные организации Карачая и Черкесии в годы Великой Отечественной войны [Текст] // По ленинскому пути. Партийная организация Карачаево-Черкесии в борьбе за коммунизм. Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство. 1963.
- Напсо, Н.Т.* Восточные легионы в вермахте в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [Текст] Дис. ... канд. ист. наук. Майкоп. 2000. 238 с.
- Нежинский, В.А.* Солдаты умирают с оружием: партизанские были [Текст]. Ставрополь: Книжное издательство. 1971. 335 с.
- Организационную, идейно-воспитательную работу – на уровень требований XXVI съезда КПСС [Текст] // Ленинское знамя (Черкесск). 1981. 23 июня.
- Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 2: Советский период [Текст] / Отв. ред. Р.Х. Джанибекова. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства. 1972. 448 с.
- Панкратов, В., Чертков, В.* Снято заклятие [Текст] // Правда. 1990. 6 октября.
- Письмо С.И. Макитова в Президиум ЦК КПСС с просьбой о возвращении балкарцев на родину. Январь 1956 г. [Текст] // Заман. 2012. 6 марта.
- Письмо Ж.Ж. Залиханова секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву [Текст] // Заман. 2012. 6 марта.
- Политика и право в сфере этногосударственных отношений Кабардино-Балкарии [Текст] / Авт.-сост. С.И. Акиева, Х.М. Думанов; отв. ред. М.Н. Губогло. Т. 1. М.: Нальчик: ЦИМО ИЭА РАН. 2001. 384 с.
- Полян, П.М.* Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР [Текст]. М.: ОГИ (Объединенное гуманитарное издательство), 2001. 315 с.
- Рюзен, Й.* Кризис, травма и идентичность [Текст] // «Цепь времен». Проблемы исторического сознания: кризис, травма и идентичность / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 1995. С. 38–62.
- Сабанчиев, Х.-М.А.* Были сосланы навечно: депортация и реабилитация балкарского народа [Текст]. Нальчик: Эльбрус. 2004. 160 с.
- Сабанчиев, Х.-М.А.* Депортация. жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа (1940-е – начало XXI в.) [Текст]. Дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д., 2007. 411 с.
- Сивков, В.И.* Партийные организации во главе партизанского движения на Северном Кавказе в период Великой Отечественной войны [Текст]. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск. 1965. 26 с.
- Сыны Кабарды на фронтах Великой Отечественной войны [Текст] / Сост. И.В. Давыдов. Нальчик: Кабгосиздат. 1945. 122 с.
- Сыны Кабарды в боях за Родину [Текст] / Сост. И.В. Давыдов. Нальчик: Кабгосиздат. 1950. 184 с.
- Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1919–1952 гг. [Текст] / Сост. С. Алиева. Т. 3. М.: НПО «Инсан», 1993. 351 с.

- Тебуев, Р.С., Хатиев, Р.Т.* Очерки истории карачаево-балкарцев [Текст]. М.: Илекса: Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002. 223 с.
- Тёре. Балкарский форум. 1997. Январь.
- Тишков, В.А.* Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) [Текст] // Этничность и власть в полиэтничных государствах: материалы международной конференции 1993 г. М.: Наука. 1994. С. 9–34.
- Травма: пункты [Текст] / Под ред. С. Ушакина, Е. Трубиной. М.: НЛО (Новое литературное обозрение), 2009. 903 с.
- Хальбвакс, М.* Социальные рамки памяти [Текст] / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 345 с.
- Филькин, В.И.* Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза [Текст]. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1960. 146 с.
- Франция-память [Текст] / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюиже, М. Винок. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. 328 с.
- Хатукоев, А.Т.* Славой овейянные. Боевой путь 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии [Текст]. Нальчик: Эльбрус, 1971. 235 с.
- Худалов, Т.Т.* В тылу врага [Текст]. 2-е изд., доп. Орджоникидзе: Ир, 1980. 279 с.
- Хутиев, Х.И.* Балкарский народ в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (Восстановление автономии балкарского народа) [Текст]. Дис. ... канд. ист. наук. Ростов на/Д, 1965. 379 с.
- Чомаев, К.* Наказанный народ [Текст]. Черкесск: ПУЛ, 1993. 230 с.
- Шаббаев, Д.В.* Правда о выселении балкарцев [Текст]. 2-е изд., доп. Нальчик: Эльбрус, 1994. 286 с.
- Шмонин, А.В.* Непокоренный Кавказ [Текст]. Махачкала: Даггосиздат, 1943. 48 с.
- Штомпка, П.* Социальное изменение как травма [Текст] // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
- Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии [Текст] / Сост. И.Л. Бабич. Т. 1. М.: ИЭИА. 1994. 243 с.
- Януш, С.В.* Банкротство немецко-фашистской стратегии на Кавказе [Текст]. Дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 1998. 238 с.

История народов Сибири в советских школьных учебниках 1930-х гг.

Статья посвящена анализу репрезентации истории народов Сибири в советских школьных учебниках 1930-х гг. Демонстрируются внутри- и внешнеполитические факторы, влиявшие на описание сибирской истории.

Ключевые слова: советская национальная политика, школьное образование, учебники истории, историография, народы Сибири

V.V. Tikhonov

HISTORY OF THE PEOPLES OF SIBERIA IN SOVIET SCHOOL TEXTBOOKS OF THE 1930S.

The article is devoted to the analysis of the representation of the history of the peoples of Siberia in the Soviet textbooks of the 1930. Demonstrated inside and foreign factors affecting the description of the Siberian history.

Key words: Soviet national policy, School education, History textbooks, Historiography, Peoples of Siberia

В национальной политике большое значение играет массовое школьное образование, так как именно школа является ключевым общественным институтом, способным реально повлиять на культурно-национальную идентичность человека, его представления об окружающем мире. Поскольку современная школа, как правило, контролируется государством, то образование превращается в руках правящего режима в важный канал трансляции официальной идеологии, призванной сплотить граждан и повысить их политическую лояльность. Значение школьного образования в нацистроительстве подчеркивается многими специалистами, особенно сторонниками конструктивистского подхода¹.

Одной из основ национальной идентичности являются исторические представления. Известный французский историк М. Ферро афористично заметил по этому поводу: «Не приходится сомневаться: образ других народов, так же как и живущий в нашей душе образ самих себя, зависит от того, как в детстве нас учили истории»².

Применительно к Советскому Союзу этот тезис предполагал формирование через школьное образование образа многочисленных (и

¹ См.: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

² *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 2010. С. 7.

очень разных по культуре) народов, населявших страну. Нужно было на уровне исторического нарратива, эмоционально окрашенных фактов и образов показать неслучайность их объединения в границах первого социалистического государства.

Советская власть, проведя успешную кампанию борьбы с неграмотностью и сделав школьное образование всеобщим, создала необходимые предпосылки и механизмы для внедрения нужного массового образа прошлого. Несмотря на декларацию марксизмом приоритета классового над национальным, «национальный вопрос» продолжал играть важнейшую роль в Советском Союзе. Огромная многоэтничная страна требовала пристального внимания к проблемам межнациональных отношений. По наблюдениям Р.Г. Суни, большевики достаточно быстро поняли необходимость создания «нового грандиозного исторического нарратива»³.

Советскую национальную политику 1920-х гг. принято характеризовать как направленную на поддержание национальных меньшинств в ущерб национальному большинству, которым, как правило, оказывались русские. Борьба с «великорусским шовинизмом» была объявлена приоритетной⁴.

1920-е гг. ознаменовались активными поисками новых форм школьного образования, построенных во многом на отрицании традиций дореволюционной школы. Стандартным учебникам в этой системе места почти не было. Тем не менее роль «указующего» издания в исторической науке 1920-х гг. выполняла книга лидера советских историков М.Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке» (первое издание вышло в 1920 г. и было одобрено В.И. Лениным), утвержденная в качестве учебника для средней школы. Покровский предложил ярко выраженный классовый нарратив, в котором доминировали вопросы развития экономики, классовая и революционная борьба, а национальным сюжетам почти не находилось места⁵.

Кроме утверждения классового подхода в 1920-е гг. произошло постепенное изменение самого нарративного «каркаса», на который должны были нанизываться исторические факты и их интерпретация. Если раньше писалась «русская история» или «история России», то теперь требовалось создать «историю народов СССР». Эти изменения стали очевидны к концу 1920-х – началу 1930-х гг. Вероятно, это

³ Суни Р.Г. Советское и национальное: единство противоречий // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы. Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М., 2014. С. 27.

⁴ Подробнее см.: Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011; Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / Отв. ред. Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков. М., 2012. С. 199–216.

⁵ Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. Изд. 5. М., 1929. С. 21.

можно связать с общей тенденцией к стремлению консолидировать народы СССР в рамках «построения социализма в отдельно взятой стране» и «великого перелома». Создание общей истории должно было укрепить советскую идентичность и лояльность к правящему режиму. В политическом отчете от 27 июня 1930 г. ЦК XVI съезду партии И.В. Сталин объявил о необходимости «дать национальным культурам развиваться и развернуться, выявив все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с общим языком в период победы социализма во всем мире. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру с одним общим языком»⁶. С середины 1930-х гг. в СССР начинает внедряться идеология «дружбы народов», где русские уже начали занимать центральное место, постепенно превращаясь в первых среди равных.

История сибирских народов, тема традиционная для отечественной историографии⁷, занимала в общесоюзном историческом нарративе особое место. Для советских идеологов история сибирских народов являлась второстепенной, хотя и привлекавшей внимание, проблемой. В дореволюционной России Сибирь рассматривалась как колониальная часть империи⁸. Ее история преподносилась как рассказ о благотворном, цивилизующем влиянии Российского государства⁹. Для большевиков, позиционировавших себя в качестве освободителей народов от классово-колониальной эксплуатации, народы Севера, Сибири и Дальнего Востока (часто их объединяли) представляли хороший «имиджевый» объект. Советская власть в отношении сибирских народов стремилась выступать не только в качестве освободителя, но и в качестве модернизатора. Ей представился хороший случай показать, на что способен новый социально-политический строй. В реальности все было непросто и часто мало что получалось¹⁰.

Необходимо учитывать, что создание советской версии «национальных» историй народов СССР происходило под воздействием целого ряда факторов. В Советском Союзе сложилась строгая иерархия республик и народов, разделенных на титульные и нетитульные. Титульные получали интеллектуальные и материальные ресурсы на соб-

⁶ Цит. по: *Вдовин А.И.* Русские в XX веке: Трагедии и триумфы великого народа. М., 2013. С. 50–51.

⁷ Например: *Шейнфельд М.Б.* Историография Сибири (конец XIX – начало XX в.). Красноярск, 1973.

⁸ *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 74.

⁹ *Трепавлов В.В.* Народы России в школьных учебниках по отечественной истории (до XX в.) // Отечественная история. 2003. № 1. С. 115.

¹⁰ См.: *Слезкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. Изд. 2. М., 2017.

ственную историю, а нетитульные де-факто нет. Фактически это привело к тому, что писались не строго национальные истории, а республиканские.

Обострение международной обстановки также сильно влияло на советскую национальную политику. Внешнеполитический фактор учитывался советскими идеологами и при формировании исторических нарративов народов СССР. Так, реальные и гипотетические претензии других стран на территории союзных республик опровергались при помощи истории¹¹.

Сибирские народы, казалось бы, должны были находиться на периферии внимания, поскольку они были относительно малочисленны, слабо консолидированы и не обладали мощным лобби в общесоюзном руководстве. Но именно это отчасти и привлекало. Описывая историю Сибири можно было показывать царизм в самых черных красках и рассказывать о страданиях малых народов под властью царских колонизаторов, не боясь пробудить националистические движения.

Школьные учебники истории должны были играть интегрирующую роль, объединяя многочисленные истории в единый нарратив. В начале 1930-х гг. таких учебников просто не было. Для решения этой проблемы в мае 1934 г. был объявлен конкурс. Первая версия учебника не удовлетворила власти, во многом из-за недостаточного внимания авторов к национальным вопросам¹².

Конкурс учебников, по сути, начался заново. Помимо группы Н.Н. Ванага в конкурс включилась московская группа в составе И.И. Минца, М.В. Нечкиной, Е.А. Мороховца, В.Е. и Б.Е. Сыроечковских, а также ленинградская группа, в которую входили З.Б. Лозинский, В.Н. Бернадский, Л.И. Фельдман, И.В. Гиттис, Т.С. Карпова¹³. Оба учебника сохранились в библиотеке И.В. Сталина. Поскольку других экземпляров обнаружить не удалось, то ссылки будут даваться на «сталинские». В обоих учебниках была представлена и история сибирских народов.

Вначале рассмотрим пособие, подготовленное ленинградскими историками¹⁴. Оно получило неуклюжее название «Элементарный

¹¹ См.: *Yilmaz H. National Identities in Soviet Historiography: The Rise of Nations under Stalin*. L.; N.Y.: Routledge, 2015.

¹² Резолюция и замечания И.В. Сталина к «Краткому конспекту учебника “История СССР”». Между 7 июля и 8 августа // И.В. Сталин: Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы: Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений. Сборник документов и материалов. Ч. I. 1920–30-е годы. СПб., 2006. С. 194.

¹³ *Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.)*. М., 2017. С. 219.

¹⁴ *Лозинский З.Б., Бернадский В.Н., Гиттис И.В., Карпова Т.С., Фельдман Л.И. Элементарный курс истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории для 3-го класса начальной школы*. Ч. I. М.; Л., 1935 (РГАСПИ. Ф. 558. Библиотека И.В. Сталина). Оп. 3. Д. 189 (далее ссылки даются на страницы макета).

курс истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории для 3-го класса начальной школы». 21-й параграф в нем назывался «Как была захвачена Сибирь». Освоение Дальнего Востока было представлено отнюдь не с героической стороны, а как жестокий колониальный грабеж. Так, о Ерофее Хабарове упоминалось следующее: «По пути Хабаров жег селения и захватывал в плен женщин и детей... Таких захватчиков было много. Хабаров только – самый известный из продолжателей Ермака... Некоторые племена были уничтожены целиком»¹⁵. Картина колониального захвата дополнялась упоминанием, что в Якутии работал большой невольничий рынок. Следуя уже апробированной схеме, авторы учебника писали, что народы Сибири не смирились с захватчиками и поднимали восстания. В заключение указывалось: «Покоренная Сибирь стала самой большой колонией Московского государства»¹⁶.

Сочинение московской группы называлось немного короче труда их ленинградских коллег-конкурентов – «Элементарный курс истории СССР для начальной школы»¹⁷, но строилось по схожему принципу.

Специальный раздел носил говорящее название «Новые народы в московской тюрьме». Особое внимание в нем уделялось завоеванию Сибири. Причем здесь читатели могли найти колоритное описание зверств русских колонизаторов: «Мирно спят местные жители в своей юрте у пылающего костра, но внезапно настораживаются собаки, поднимается лай. На юрту налетает русский вооруженный отряд. В ужасе просыпаются спящие при первом звуке русского голоса. Начинается бой. Русские убивают сопротивляющихся, силой захватывают меха, захватывают пленников. Даже детей связывают и увозят с собой, чтобы продать в рабство. Юрты поджигают. Только пепел и уголь остаются на месте бывшего жилья, да отчаянно воют собаки. Слезами и кровью местных народов отмечен каждый шаг русских захватчиков»¹⁸.

Итак, исторический нарратив, описывающий историю сибирских (и не только) народов, строился по устойчивой схеме. Присоединение рассматривалось через призму колониального дискурса. Показывалась жестокость русских завоевателей.

Представленные учебники были признаны неудовлетворительными. В виду срыва подготовки учебников было принято решение провести открытый конкурс, который завершился к июлю 1936 г.¹⁹ Необ-

¹⁵ Там же. С. 70.

¹⁶ Там же. С. 71.

¹⁷ Минц И.И., Мороховец Е.А., Нечкина М.В., Сыроечковский Б.Е., Сыроечковский В.Е. Элементарный курс истории СССР для начальной школы. Ч. I. М., 1935 (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 217); Ч. II (Там же. Д. 218 (далее ссылки даются на страницы макета)).

¹⁸ Там же. С. 8.

¹⁹ Дубровский А.М. Указ. соч. С. 274.

ходимо отметить, что общая идеологическая атмосфера в стране к этому времени претерпела заметные изменения. В декабре 1935 г. была инициирована идеологическая кампания «дружбы народов»²⁰. Отличительной чертой новой идеологии стала необходимость демонстрации сплочения народов СССР вокруг русского народа, который теперь объявлялся не потенциальным носителем «великорусского шовинизма», а «первым среди равных». Следует учитывать, что усиление «русского компонента» в советской идеологии проходило постепенно и нарастало с каждым годом. В этом контексте акцент на негативной роли дореволюционной России в истории нерусских народов уже выглядел все менее неактуальным.

В «Извещении о конкурсе по составлению элементарного учебника истории СССР» проблеме презентации народов СССР было уделено особое внимание. Рекомендовалось во «Введении» кратко описать главнейшие народы «на их теперешней, социалистической, жизненной основе». Авторы должны были показать «картину многочисленных равноправных наций», даже тех, которые не войдут в основной текст учебника. Это должно было продемонстрировать, что даже малые народы имеют такие же права, как и большие. При этом далее следовала довольно противоречивая, на первый взгляд, рекомендация: «История народов СССР берется в органической связи с процессом роста России как государства, процессом, который есть процесс порабощения этих народов»²¹. Таким образом, попытка вписать историю народов в историю России должна была идти параллельно с акцентированием угнетения нерусских народов. Данный концепт в значительной мере отражает промежуточную идеологическую ситуацию, когда Россия уже рассматривается не только как «тюрьма народов», но и как их собирательница.

Официально конкурс завершился 20 июля 1936 г. Результаты планировалось объявить в декабре того же года. В осенние и зимние месяцы шел процесс обсуждения и корректировки содержания рукописей. Фаворитом оказался учебник подготовленный авторским коллективом под руководством А.В. Шестакова. 22 августа 1937 г. были объявлены результаты конкурса. Первую премию не присудили никому, вторую было решено отдать учебнику А.В. Шестакова.

По результатам было опубликовано «Постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4-го классов средней школы по истории СССР». В нем специально разби-

²⁰ *Tillet L.* The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapel-Hill, 1969. P. 37–55; *Бранденбергер Д.Л.* Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб., 2009. С. 57.

²¹ Историю – в школу: создание первых советских учебников // Вестник Архива Президента Российской Федерации. М., 2008. С. 179.

рались ошибки, связанные с репрезентацией истории народов СССР в школьных учебниках, представленных на конкурс. «Авторы не видят никакой положительной роли в действиях Хмельницкого в XVII в., в его борьбе против оккупации Украины панской Польшей и султанской Турцией. Факт перехода, скажем, Грузии в конце XVIII столетия под протекторат России, так же как факт перехода Украины под власть России, рассматривается авторами как абсолютное зло, вне связи с конкретными историческими условиями того времени. Авторы не видят, что перед Грузией стояла тогда альтернатива – либо быть поглощенной шахской Персией и султанской Турцией, либо перейти под протекторат России, равно как перед Украиной стояла тогда альтернатива – либо быть поглощенной панской Польшей и султанской Турцией, либо перейти под власть России. Они не видят, что вторая перспектива была все же наименьшим злом»²², – говорилось в постановлении. Октябрьская революция «дала нациям СССР равные права с русским народом, приступив к образованию национальных самостоятельных или автономных республик»²³. Надо отметить, что прописанная в «Замечаниях» формула «наименьшего зла» отличалась расплывчатостью. Не совсем было ясно, является ли она универсальной или ее можно применять только к упомянутым странам? А если ее можно применить, то по отношению к каким странам? Стоит отметить, что предложенный подход мало чем отличался от дореволюционного официоза²⁴.

Теперь обратимся к учебнику А.В. Шестакова и попробуем проанализировать то, как в нем была представлена история сибирских народов. Собственно, история сибирских народов была представлена в 24-м параграфе, который носил название «Подчинение народов Восточной Сибири». В нем особо подчеркивалось угнетение сибирских народов: «Власть царского правительства легла тяжелым игом на покоренные народы Сибири. Много раз поднимали они восстания, убивали насильников, жгли крепости и города. Но воеводы и купцы собирали новые военные силы и жестоко расправлялись с восставшими»²⁵.

Стоит отметить, что в целом учебник Шестакова отразил постепенный переход от политики «борьбы с великорусским шовинизмом» к идеологии «дружбы народов». Переходной характер опубликованного текста заключался в стремлении смягчить (во многом усилиями И.В. Сталина, лично вносившего правки) разоблачительный антиколониальный пафос, характерный для предыдущего времени. Но си-

²² Постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4-го классов средней школы по истории СССР // К изучению истории. М., 1946. С. 36–37.

²³ Там же. С. 35.

²⁴ *Трепавлов В.В.* Указ. соч. С. 115.

²⁵ Краткий курс истории СССР / Под ред. А.В. Шестакова. М., 1937. С. 56.

бирских народов эта трансформация не коснулась. Вышедшая книга была объявлена «победой на историческом фронте», эталоном для последующих изданий²⁶.

Появление учебника Шестакова не решило проблему комплектацией учебной литературой старших классов. Эту задачу должен был решить авторский коллектив под руководством А.М. Панкратовой. В него вошли известные историки С.В. Бахрушин и К.В. Базилевич, а также методист А.В. Фохт. Ориентиром для авторов стали указания конкурсной комиссии и уже одобренный текст учебника А.В. Шестакова. Несмотря на это, оставалось огромное количество вопросов, которые им предстояло решить, причем одним из ключевых оставался вопрос об истории народов СССР. Поэтому авторский коллектив старался провести широкое обсуждение готовящегося учебника. Одно из таких обсуждений прошло в Институте истории АН СССР 4 декабря 1937 г.

От имени авторского коллектива выступила А.М. Панкратова. Причем именно трудности, связанные с включением в текст учебника истории народов СССР, вышли на первый план²⁷. Нужно было «собрать» многочисленные народы в один нарратив. С этим возникли проблемы. Панкратова указала, что перед авторами было два варианта сведения национальных историй. Первый – описание их истории по отдельности и в хронологической последовательности. Но тогда истории народов не превращались бы в единый объединяющий нарратив. Поэтому за основу был взят хронологический подход, в котором народы объединялись в разделы, охватывающие широкие формационные и временные рамки (например, «Наша страна в древнейшее время»). Такой ракурс подачи материалы должен был подводить к мысли, что нахождение многочисленных народов в составе СССР является закономерностью: «Этот вопрос мы должны и можем ставить только таким образом, что народы, объединенные Великой Октябрьской социалистической революцией и братский союз равноправных свободных народов, не представляет какой-то случайности»²⁸.

В написании учебников можно обнаружить и отчетливый внешнеполитический вектор. Рост напряженности в Европе, в связи с приходом в Германии к власти нацистов и гражданской войной в Испании,

²⁶ Большая победа на историческом фронте // Исторический журнал. 1937. № 8. С. 6–12.

²⁷ Стенограмма доклада А.М. Панкратовой «О схеме учебника по истории СССР для средней школы» и его обсуждения на заседании сектора «История СССР» Института истории Академии наук СССР, 4 декабря 1937 г. // Институт истории Академии наук СССР в документах и материалах. Вып. 1 / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2016.

²⁸ Там же. С. 246.

требовал укрепления внутреннего единства народов СССР, чему и должен был способствовать будущий учебник.

Одновременно авторы должны были наполнить материал классовым содержанием и заклеить национальную политику царского времени. Панкратова подчеркивала, что, следуя за указания партии, русский царизм показывается как «тюрьма народов»²⁹. Впрочем, теперь авторы, по сравнению с их предшественниками, старались осторожнее использовать термин «колонии», и выступавшая Панкратова призвала участников обсуждения высказать свои соображения по поводу того, в каком случае уместно говорить о колониях, а когда нет. Это напрямую касалось истории Сибири. В этой связи особенно беспокоили японские историки. Панкратова заявила, что «сейчас Япония, японские историки выдвигают такого рода теорию, что Сибирь — это не русский край. Сибирь — это завоеванный русскими край, а, по существу, это край, где жили такие народы, как эвенки и тунгусы, в значительной мере происхождения монголо-китайского, ближе к Японии, чем к России»³⁰. В этой связи возникал важный вопрос: «Должны ли мы показать Сибирь просто, как колонию, или же подчеркнуть ее особенность, как освоенной русскими переселенцами русской земли»³¹. Схожие проблемы возникали и в отношении Украины и Грузии, в случае которых надо было следовать формуле «меньшего зла» и подчеркивать «добровольность этого присоединения». По мнению Панкратовой, решить возникшую проблему можно исходя из уровня развития производительных сил народа, присоединенного к России. Низкая ступень развития позволяла говорить о прогрессивности (чем ниже — тем прогрессивнее). Но «материалисты-диалектики», призывала докладчица, не должны забывать и о реакционных последствиях завоеваний царизма³², поскольку отказ от демонстрации национального гнета в Российской империи ставил под сомнение необходимость Октябрьской революции для освобождения народов³³. Историки, принявшие участие в обсуждении, конспекта будущего учебника поддержали подход авторского коллектива.

Наконец, в 1940 г. наконец вышел учебник «История СССР» для старших классов. В седьмом классе изучалась история СССР с древнейших времен и до конца XVII в. В восьмом классе проходили XVIII—XIX вв., а девятый посвящался истории советского периода. В издании был реализована концепция общей исторической судьбы и классовой солидарности народов.

²⁹ Там же. С. 250.

³⁰ Там же. С. 252.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 253, 259.

³³ Там же. С. 254.

Покорению сибирских народов в XVII в. отводился довольно большой параграф. Здесь описывалась деятельность Строгановых, поход Ермака. Завоевание объяснялось лучшей технической оснащённостью русских. Управление регионом и его народами описывалась как система эксплуатации, основой которой являлось взимание ясака, упоминалась практика приведения к покорности при помощи заложников. Русские купцы за бесценок покупали пушнину. Подчеркивалась предательская роль местной знати, которую русское правительство подкупало подарками.

Параграф завершался важной фразой о складывании многонационального русского государства: «Таким образом, в XVI в. под властью московских царей оказался, кроме русских, целый ряд других народов: казанские и астраханские татары, мордва, мари, чуваша, удмурты, башкиры и народы Западной Сибири. Так Русское государство начало постепенно превращаться в многонациональное государство. Вокруг сильного русского народа были насильственно объединены другие, более слабые народы»³⁴. В данном отрывке большой интерес вызывает появление термина «Русское государство», причем первое слово с большой буквы. Еще пару лет назад в учебной литературе это было бы немыслимо. В последней фразе русский народ назывался «сильным», а насильственный характер присоединения все еще признавался (спустя несколько лет чаще будут говорить о «добровольном» присоединении), но теперь такое присоединение выглядело логичным и неизбежным, поскольку более слабые народы присоединялись к более сильному.

Глава XIX рассказывала о народах Сибири в XVII в. Говорилось о жадности русских торговых и служилых людей, которые нападали на якутов и отнимали у них пушнину и скот, а женщин и детей забирали в плен. Отпор завоевателям давали буряты и киргизы. Упоминалось, что народы Сибири поднимали восстания. Но указывалось и то, что русская колонизация способствовала подъему производительных сил. В заключение говорилось, что пришлое русское население страдало от феодальной эксплуатации не меньше, чем коренные народы.

Вторая часть, предназначавшаяся для девятого класса, охватывала историю XVIII – начала XX в.³⁵ В параграфах, посвященных правлению Петра I, национальная тематика не акцентировалась и появлялась только во внешнеполитическом контексте, когда говорилось о Каспийском походе. Очевидно, что такой нейтральный подход был связан с общей тенденцией к включению Петра I в советский пантеон

³⁴ История СССР: Учебник для VIII класса средней школы / Под ред. А.М. Панкратовой. М., 1940. С. 143.

³⁵ История СССР: Учебник для IX класса средней школы / Под ред. А.М. Панкратовой. М., 1940.

выдающихся исторических деятелей. А вот с преемниками Петра можно было не церемониться. Параграф 13 назывался «Колониальная политика русского царизма при преемниках Петра I». Активная колониальная экспансия связывалась с высокими военными расходами, приводившими к обнищанию населения. Из-за этого правительство стремилось решить свои проблемы при помощи колониальных захватов. Поэтому раздел параграфа назывался «Захват Камчатки». Не обошлось и без упоминания восстания камчадалов в 1731–1732 гг. А вот экспедиция В. Беринга была оценена как важнейшее научное событие.

Политика по отношению к народам Сибири оценивалась как «жестокое колониальное угнетение», приводившее к вымиранию целых народов. Земли местного населения захватывались «русскими кулаками».

Учебник для десятого класса³⁶, освещавший события XX в., также был насыщен национальной тематикой. При этом национальные истории тесно привязывались к революционному процессу в России и, фактически, к истории партии большевиков. Русский пролетариат объявлялся лидером мирового революционного движения, носителем всего лучшего, и, как следствие, только в союзе с ним национальности могли достичь освобождения. В этом контексте упоминалось национальное движение у народов Поволжья и Сибири.

Итак, репрезентация истории сибирских народов в советских учебниках истории 1930-х гг. отражала общие тенденции в развитии «национальной» исторической политики в СССР. К концу 1930-х гг. был пройден путь от борьбы с «великорусским шовинизмом» и ярко выраженного антиколониалистского дискурса к более умеренной форме подачи материала. «Ужасы» царской колонизации все еще занимали заметное место в школьном учебнике, но уже дополнялись описанием и позитивных вещей, привнесенных русскими в жизнь сибирских народов. Во многом это было следствием внешнеполитического фактора. Советские авторы смягчили риторику не только из-за общего изменения вектора идеологического развития и поворота к идеологии «дружбы народов», но и учитывали претензии Японии на Сибирь и Дальний Восток. Демонстрация прогрессивных последствий присоединения Сибири к Русскому государству должна была показать историческое право СССР на эти территории.

Литература

Андерсон, Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. [Текст]. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.

³⁶ История СССР: Учебник для X класса средней школы / Под ред. А.М. Панкратовой. М., 1940.

- Большая победа на историческом фронте [Текст]. // Исторический журнал. 1937. № 8. С. 6–12.
- Бранденбергер, Д.Л.* Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). [Текст]. СПб.: ДНК, 2009. 415 с.
- Вдовин, А.И.* Русские в XX веке: Трагедии и триумфы великого народа. [Текст]. М.: Вече, 2013. 621 с.
- Дубровский, А.М.* Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). [Текст]. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 621 с.
- И.В. Сталин: Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы: Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений. [Текст]. Сборник документов и материалов. Ч. I. 1920–30-е годы. СПб.: Наука-Питер, 2006. 494 с.
- Институт истории Академии наук СССР в документах и материалах. [Текст]. Вып. 1 / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: ИРИ РАН, 2016. 320 с.
- Историю – в школу: создание первых советских учебников [Текст]. / Вестник Архива Президента Российской Федерации. М.: Архив Президента РФ, 2008. 303 с.
- История СССР: Учебник для IX класса средней школы [Текст]. / Под ред. А.М. Панкратовой. М.: Учпедгиз, 1940. 272 с.
- История СССР: Учебник для VIII класса средней школы [Текст]. / Под ред. А.М. Панкратовой. М.: Учпедгиз, 1940. 272 с.
- История СССР: Учебник для X класса средней школы [Текст]. / Под ред. А.М. Панкратовой. М.: Учпедгиз, 1940. 368 с.
- К изучению истории. [Текст]. М.: Партиздат, 1946. 38 с.
- Краткий курс истории СССР [Текст]. / Под ред. А.В. Шестакова. М.: ГУПИ, 1937. 223 с.
- Мартин, Т.* Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939. [Текст]. М.: РОССПЭН, 2011. 662 с.
- Миллер, А.И.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. [Текст]. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.
- Покровский, М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке. [Текст]. Изд. 5. М.: Госиздат, 1929. 576 с.
- Слезкин, Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. [Текст]. Изд. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 509 с.
- Суни, Р.Г.* Советское и национальное: единство противоречий. [Текст]. // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы. Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М., 2014. С. 17–40.
- Трепавлов, В.В.* Народы России в школьных учебниках по отечественной истории (до XX в.). [Текст]. // Отечественная история. 2003. № 1. С. 114–120.
- Ферро, М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. [Текст]. М.: Книжный клуб 36,6, 2010. 480 с.
- Шейнфельд, М.Б.* Историография Сибири (конец XIX – начало XX в.). [Текст]. Красноярск: Красноярск. гос. пед. ин-т., 1973. 399 с.
- Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. [Текст]. / Отв. ред. Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков. М.: Новый хронограф, 2012. 447 с.
- Tillett, L.* The Greater Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. [Текст]. Chapel-Hill, 1969. 468 P.
- Yilmaz, H.* National Identities in Soviet Historiography: The Rise of Nations under Stalin. [Текст]. L.; N.Y.: Routledge, 2015. 256 P.

«Было бы целесообразным подготовить специальную научную работу или сборник статей, посвященных вопросам древней истории ногайцев, истории Ногайской Орды»

Документы, которые впервые публикуются в сборнике, отражают историю подготовки Всесоюзной научной конференции, посвященной «600-летию Ногайской государственности», прошедшей в 1991 г. в Ногайском районе Дагестана. В организации этого научного мероприятия самое активное участие принимали научные сотрудники отдела общих проблем истории народов СССР Института истории СССР, в том числе заведующий отделом С.Г. Агаджанов, а также ногайский общественный деятель Б.А. Кельдасов. Встреча с последним во многом предопределила дальнейший путь в науке В.В. Трепавлова, который с этого времени стал активно заниматься изучением истории ногайцев и Ногайской Орды.

Ключевые слова: 600-летие ногайской государственности, ногайцы, история Ногайской Орды, С.Г. Агаджанов, Б.А. Кельдасов, В.В. Трепавлов

K.S. Drozdov

«IT WOULD BE ADVISABLE TO PREPARE A SPECIAL SCIENTIFIC WORK OR A COLLECTION OF ARTICLES DEVOTED TO THE ANCIENT HISTORY OF THE NOGAI PEOPLE, THE HISTORY OF THE NOGAI HORDE»

The documents published for the first time in the collection reflects the history of the preparation of the All-Union Scientific Conference dedicated to the «600th anniversary of the Nogai state», which was held in 1991 in the Nogai district of Dagestan. The scientific staff of the Department of General Problems of the History of the Peoples of the USSR of the Institute of the History of the USSR, including the head of the Department S.G. Agadzhanov, as well as the Nogai public activist B.A. Keldasov, took an active part in the organization of this scientific event. The meeting with the latter largely determined the future path in the science of V.V. Trepavlov, who from that time became actively engaged in the study of the history of the Nogai people and the Nogai Horde.

Key words: 600th anniversary of the Nogai statehood, Nogai people, History of the Nogai Horde, S.G. Agadzhanov, B.A. Keldasov, V.V. Trepavlov

Публикуемые ниже документы о необходимости организации и проведения в Ногайском районе Дагестанской АССР в 1991 г. Всесоюзной научной конференции, посвященной «600-летию Ногайской государственности», были обнаружены мною в переписке Института истории СССР за 1989–1990 гг., когда проводилась экспертиза ценности материалов, имеющих историческое значение, для их последующего отбора и постоянного хранения в составе фонда № 1841 («Ин-

ститут истории СССР») в Архиве РАН (АРАН). Когда я с ними ознакомился, мне показалось, что тогда, на рубеже 1980–1990-х гг., они несли определенный символический смысл и в какой-то мере предопределили дальнейший путь в науке В.В. Трепавлова, который с этого времени стал активно заниматься изучением истории ногайцев и Ногайской Орды. Мне было интересно узнать мнение на этот счет самого Вадима Винцеровича. И вот, что он мне рассказал:

«По прошествии многих лет сложно восстанавливать в памяти подробности события более чем тридцатилетней давности. По-моему, это был 1989 г. В отделе общих проблем истории народов СССР шло заседание, на котором присутствовал и я – молодой м.н.с., лишь недавно переехавший из Свердловска, защитившийся и принятый на работу в Институт. Заседание было посвящено обсуждению некоей рукописи, описывавшей, кажется, события на Северном Кавказе в XVII в. Кроме сотрудников отдела, в центре композиции, на почетном месте восседал незнакомый мне пожилой посетитель – как вскоре выяснилось, ногайский общественный деятель Бальбек Аджибайрамович Кельдасов¹. (Из публикуемых ниже документов явствует, что он приезжал в Институт договариваться об организации научной конференции в Дагестане.) После выступлений более «взрослых» докторов и кандидатов наук с оценкой рукописи слово было предоставлено мне. Я что-то вешал, придав себе умный вид, и среди прочих словоизлияний употребил выражение «ногайские татары». (Ну а что: так и в книгах пишется, да и кто они вообще, если не татары?! – такова была логика свежее испеченного кандидата-монголоведа, до того ни сном ни духом не задумывавшегося ни о ногайцах, ни об их Орде, которая давно сгинула во тьме времен.) И тут неожиданно взорвался Кельдасов (передаю близко к тексту): «Молодой человек абсолютно неправ! Нельзя говорить “ногайские татары”! Ногайцы и татары – это разные народы, с разной историей! У ногайцев было свое государство!» и т.п. Я опешил от такого напора, да и сотрудники отдела во главе с С.Г. Агаджановым² не стали за меня заступаться перед гостем. Разнос, учиненный Кельдасовым, задел и расстроил меня, но главное – побудил от обиды присмотреться к истории ногайского народа, кото-

¹ Кельдасов Бальбек Аджибайрамович (1932–2009) – ученый секретарь Ногайского отделения Географического общества АН СССР, ногайский общественный деятель. Один из инициаторов празднования 600-летия Ногайской государственности в 1991 г. Своей научно-исследовательской и просветительской деятельностью Кельдасов стремился сохранить и популяризировать богатую и самобытную историю ногайского народа.

² Агаджанов Сергей Григорьевич (1928–1997) – советский и российский историк-востоковед, специалист по средневековой истории народов Центральной Азии. Доктор исторических наук (1970), профессор (1989), член-корреспондент АН Туркменской ССР (1973). В Институте с 1976 г., в 1989 г. заведующий отделом общих проблем истории народов СССР.

рый, как мне внятно растолковали, оказывается, отличается от татар. Постепенно ногайская тематика увлекла и через довольно короткое время превратилась для меня в одну из главных (и — вот ведь как бывает! — любимых) тем, которой я посвятил много лет и несколько книг».

В 1991 г., когда праздновалось 600-летие ногайской государственности, в отечественной историографии фактически не было фундаментальных работ, посвященных этой проблеме, которая, без всякого преувеличения, была Terra Incognita. Но пройдет всего лишь десять лет, и в 2001 г., на ученом совете ИРИ РАН В.В. Трепавлов, ученик С.Г. Агаджанова, блестяще защитит докторскую диссертацию «История Ногайской Орды», в которой осветит все наиболее актуальные и спорные вопросы, связанные с ранней историей ногайского народа, историей образования Ногайской Орды и ее взаимоотношениями с народами Евразии. Так исполнились пророческие слова Агаджанова, вынесенные в заголовок данной публикации, о том, что история Ногайской Орды еще ждет своего исследователя, и «в связи с этим было бы целесообразным подготовить специальную научную работу или сборник статей, посвященных вопросам древней истории ногайцев, истории Ногайской Орды и ее взаимоотношений с окружающими народами».

Географическое общество
 Союза СССР
 НОГАЙСКИЙ ОТДЕЛ
 «27» октября 1989 г.
 № 117
 Терекли-Мектеб⁴

Директору Института
 истории АН СССР
 тов. Новосельцеву А.П.³

При этом обращаюсь к Вам с очень важным вопросом. Для восстановления исторической памяти Ногайского народа необходимо организовать мероприятия, посвященные 600-летию образования Ногайского государства.

Как известно по источникам, основателем Ногайской Орды был выдающийся Ногайский полководец, дипломат, первый Ногайский бий (Верховный князь) Эдиге. Он объединил в основном прямых предков ногайцев: печенегов (канглы), половцев (кипчаков) и разбил Золото-Ордынского хана Тохтамыша, создал собственно Ногайскую Орду в 1391 году⁵.

Ногайская Орда, как феодальное государство, имела дипломатические отношения, т.е. с Московской Русью, Турцией, Литвой, Румынией, Венгрией⁶. Официальные документы сохранились в ЦГАДА⁷ и других архивах страны.

³ Новосельцев Анатолий Петрович (1933–1995) – советский и российский историк-востоковед, доктор исторических наук (1974), член-корреспондент АН СССР (1984). Специалист по средневековой истории стран Кавказа и Закавказья, Ирана, Древней Руси. В Институте с 1958 г., в 1988–1993 гг. – директор Института.

⁴ Терекли-Мектеб – село в Дагестане, административный центр Ногайского района.

⁵ Этот абзац письма изобилует неточностями. Эдиге (Едигей) из тюркского племени мангытов в конце XIV – начале XV в. был верховным военачальником-беклербеком Золотой Орды и ее фактическим правителем. Ногайский народ в то время еще не сформировался; а печенегов и половцев давно не существовало. Канглы, кипчаки и мангыты были тюркскими племенами, подобными десяткам таких же кочевых племен Золотой Орды. Управляя государством от имени полностью покорных ему ханов, Эдиге не имел необходимости и замысла основывать еще одно государство – «собственно Ногайскую орду». В 1391 г. по его повелению подвластные ему кочевники (в первую очередь единоплеменные мангыты) поселились в малонаселенных степях на западе современного Казахстана, где образовали особое удельное владение в составе Золотой Орды – Мангытский юрт. Из него впоследствии выросла Ногайская Орда. Но оформилась она как самостоятельная полития лишь к концу XV в., при жизни поколения правнуков Эдиге. Золотоордынский хан Тохтамыш потерпел несколько сокрушительных поражений не от Эдиге, а от Тамерлана. Эдиге же, наоборот, пал в битве с одним из сыновей Тохтамыша в 1419 г. (консультация В.В. Трепаилова).

⁶ Приписывание Орде принадлежности к феодальной формации является заблуждением. Румынии как государства в ту эпоху не существовало. О связях Ногайской Орды с Венгерским королевством в источниках сведений нет (консультация В.В. Трепаилова).

Институт истории СССР АН СССР под редакцией д.и.н. Буганова В.И. выпустил первую книгу «Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг.»⁸. Остальные книги по согласованию с АН СССР будут выпущены в Венгрии с комментариями на трех языках: английском, венгерском и русском⁹.

Кроме этого выпущена книга Б.Б. Кочакаева¹⁰ АН Казахской ССР «Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв.»¹¹. Вышла из печати монография «Ногайцы» в соавторстве И.Х. Калмыкова, Р.Х. Керейтова, А.И. Сикалиева, издатель Карачаево-Черкесский Н.И.И. истории, литературы и экономики¹².

Ногайцы СССР имеют достаточно оснований отметить эту дату.

Просим Вас оказать содействие в составлении программы и проведении мероприятия, связанных с годом основания Ногайской государственности.

С глубоким уважением

к Вам ученый секретарь подпись

Б.А. Кельдасов

АРАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 1988. Л. 26. Подлинник.

На письме, зарегистрированном 16 ноября 1989 г., имеется резолюция зам.директора Института истории СССР А.Н. Сахарова¹³: «т. Агаджанову С.Г. т. Преображенскому А.А.¹⁴ Уважаемые товарищи, прошу подготовить Ваши предложения. Нужен ответ. А. Сахаров. 16.XI.89. Срок 10 дней.».

⁷ ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов. Ныне РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

⁸ Посольская книга по связям России с Ногайской ордой, 1489–1508 гг. / АН СССР, Ин-т истории СССР; [подгот. текста и вступ. ст. М.П. Лукичева, Н.М. Рогожина]. М., 1984. В.И. Буганов был членом редколлегии книги. Буганов Виктор Иванович (1928–1996) – советский и российский историк, источниковед, археограф, специалист по социально-политической истории России XI–XVIII вв., доктор исторических наук (1969), член-корреспондент РАН (1994). В Институте с 1955 г., в 1989 г. – заведующий сектором источниковедения истории СССР дооктябрьского периода.

⁹ Этот проект так и не был осуществлен.

¹⁰ Правильно – Кочакаев Б.-А.Б.

¹¹ *Кочакаев Б.-А.Б.* Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1988.

¹² Ногайцы: Историко-этнографический очерк / И.Х. Калмыков, Р.Х. Керейтов, А.И.-М. Сикалиев. Черкесск, 1988.

¹³ Сахаров Андрей Николаевич (1930–2019) – советский и российский историк, доктор исторических наук (1982), член-корреспондент РАН (1991). Занимался историей дипломатии, внешней политики и культуры Древней Руси; социально-экономическими отношениями в Российском государстве в XVII в. В Институте с 1984 г., в 1989 г. заместитель директора по научной работе. В 1993–2010 гг. – директор Института российской истории РАН.

¹⁴ Преображенский Александр Александрович (1925–2002) – советский и российский историк, специалист по истории России XVII – начала XVIII в. Доктор ис-

368850 Дагестанская АССР
Ногайский район Терекли-Мектеб
Ногайский отдел Географического
общества СССР.
Ученому секретарю Б.А. Кельдасову

15.03.90 № 14105-2115.4 – 23

Институт истории СССР АН СССР направляет Вам ответ на Ваше письмо относительно истории ногайцев и Ногайской Орды, подготовленный в Отделе общих проблем истории народов СССР.

Директор Института истории СССР
АН СССР, чл.-корр. АН СССР,
доктор исторических наук,
профессор

А.П. Новосельцев

Уважаемый тов. Кельдасов Б.А.!

По вопросу о времени выделения Ногайской Орды из государства Джучидов имеющиеся источники содержат различные данные, которые нуждаются в дополнительном углубленном исследовании. Несомненная роль эмира Едигея в консолидации мангытских племен в конце XIV – начале XV вв. Однако на основании существующих материалов нельзя утверждать, что Ногайская Орда создана как самостоятельная государственная единица уже после первого похода Тимура на Золотую Орду в 1391 г. Как известно, после этого похода Тохтамышу удалось консолидировать свои силы и захватить обширные территории в Закавказье. Лишь в результате похода Тимура в 1395–1396 гг. Золотая Орда была окончательно разгромлена.

Только после этого похода Едигей остался в Прикаспийских степях, пытаясь восстановить былую славу Джучидов (битва с литовским войском на Ворскле, поход на Москву, внутренняя борьба за верховную власть и т.д.). Все это позволяет говорить о том, что начальный период в истории Ногайской Орды нуждается в серьезном и разностороннем дополнительном изучении. Достаточно напомнить, что до настоящего времени не вы-

торических наук (1969), профессор (1980). В Институте с 1952 г., в 1989 г. заведующий отделом истории СССР периода феодализма.

яснено происхождение этнонима «ногаи», время и причины замены им древнего племенного названия «мангыты». Попытки связать это с именем темника Ногая, жившего в XIII в. на территории современной Молдавии, не имеют под собой никакого основания и могут рассматриваться лишь как упрощенное и бездоказательное толкование.

В настоящее время в науке приоритетное внимание уделяется этнографическому изучению ногайцев. Что же касается начального периода в их истории, то он практически не разработан и нуждается в самом серьезном изучении. В связи с этим было бы целесообразным подготовить специальную научную работу или сборник статей, посвященных вопросам древней истории ногайцев, истории Ногайской Орды и ее взаимоотношений с окружающими народами. Разработка этих вопросов позволит уточнить и определить время превращения Ногайской Орды в самостоятельное политическое объединение.

Зав. Отделом общих проблем
истории народов СССР подпись

С.Г. Агаджанов

АРАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 1988. Л. 27–29. Копия.

№ 3

Географическое общество
Союза СССР
НОГАЙСКИЙ ОТДЕЛ
№ 119
Терекли-Мектеб

АН СССР, Институт истории СССР
директору Новосельцеву А.П.
«11» июня 1990 г.

При этом обращаюсь к Вам вторично по поводу проведения мероприятия, посвященного 600-летию образования ногайской орды (1391 год), основатель Эдиге. Вы адресовали первое мое обращение зав. отделом тов. Агаджанову С.Г. По этому вопросу я был у Вас несколько раз, встретился с зам. директором тов. Дмитренко¹⁵ и зав. отделом историкоповедения доктором исторических наук с тов. Бугановым В.И.

¹⁵ Дмитренко Владимир Петрович (1933–1997) – советский и российский историк, доктор исторических наук (1983), область научных интересов – проблемы социально-экономической истории России 1920-х гг.; один из ведущих специалистов по истории нэпа. В Институте с 1958 г., в 1990 г. – заместитель директора.

Последний раз состоялся разговор в отделе у тов. Агаджанова С.Г. По предложению тт. Егорова¹⁶, Мухамедьярова¹⁷, Агаджанова С.Г. остановились на следующем.

Провести научную конференцию, семинар или совещание при Географическом отделе СССР АН СССР, в с. Терекли-Мектебе.

Товарищи и заинтересованная сторона пришли к мнению провести конференцию с привлечением ученых института истории СССР, Дагфиллиала АН СССР, Грозного, Астрахани, Ставрополя, Черкесска. Тему назвали «Основные аспекты историко-географического развития Ногайской Орды (1391–1783 годы)».

Всю организационную сторону берет на себя Ногайский отдел Г.О. СССР АН СССР.

Очень прошу Вас содействовать решению проведения конференции в 1991 году.

Тезисы докладов будут размножены Ногайским отделом Г.О. СССР АН СССР.

Заранее благодарю за решение вопроса, с глубоким уважением к Вам

Ученый секретарь Ногайского

отдела Г.О. СССР АН СССР

подпись

Б.А. Кельдасов

АРАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 1988. Л. 30. Подлинник.

На письме, зарегистрированном 21 июня 1990 г., имеется резолюция директора А.П. Новосельцева: «А.Н. Сахарову, С.Г. Агаджанову».

Кроме того, к письму была прикреплена небольшая записка зам.директора А.Н. Сахарова следующего содержания: «Т. Агаджанову С.Г. Уважаемый Сергей Григорьевич, мне кажется необходимым поддержать эту научную инициативу. Ваше мнение? Прошу переговорить. И, если Вы за, надо подумать о формах ее реализации. А. Сахаров. 25.VI.90». (*АРАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 1988. Л. 31. Подлинник.*)

¹⁶ Егоров Вадим Леонидович (род. 1938) — советский и российский историк, археолог, доктор исторических наук (1987), один из ведущих специалистов по исторической географии и археологии Золотой Орды. В Институте с 1970 г., в 1990 г. старший научный сотрудник отдела общих проблем истории народов СССР.

¹⁷ Мухамедьяров Шамиль Фатыхович (Фаттыхович) (1923–2005) — советский и российский учёный, кандидат исторических наук, действительный член РАЕН (1997). Специалист по средневековой истории тюркских народов. В Институте с 1970 г., в 1990 г. старший научный сотрудник отдела общих проблем истории народов СССР.

368850 Дагестанская АССР
Ногайский район Терекли-Мектеб
Ногайский отдел Географического
общества АН СССР.
Ученому секретарю Б.А. Кельдасову

12.07.90 № 14105-2115.4 – 55

Институт истории СССР АН СССР согласен с Вашим предложением о проведении в 1991 г. научной конференции на тему «Основные аспекты историко-географического развития Ногайской Орды». Совещание целесообразно провести в г. Терекли-Мектеб с участием специалистов из Института истории СССР АН СССР, Института археологии АН СССР, Дагестанского филиала АН СССР, ученых Чечено-Ингушетии, Северокавказского Научного Центра, Астрахани, Ставрополя, Черкесска. Институт истории СССР АН СССР готов участвовать в конференции и помочь в составлении программы ее проведения¹⁸.

Зам. директора Института истории
СССР АН СССР, доктор исторических
наук, профессор

А.Н. Сахаров

АРАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 1988. Л. 32. Копия.

Литература

- Кочкаев, Б.-А.Б.* Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. [Текст]. Алма-Ата: Наука КазССР, 1988. 268 с.
- Ногайцы: Историко-этнографический очерк* [Текст]. / И.Х. Калмыков, Р.Х. Керейтов, А.И.-М. Сикалиев. Карачаево-Черкес. НИИ истории, филологии и экономики. Черкесск: Ставроп. кн. изд-во: Карачаево-Черкес. отд-ние, 1988. 230 с.
- Посольская книга по связям России с Ногайской ордой, 1489–1508 гг.* [Текст]. / АН СССР, Ин-т истории СССР; [подгот. текста и вступ. ст. М.П. Лукичева, Н.М. Рогожина]. М.: Ин-т истории СССР, 1984. 100 с.

¹⁸ 15–18 ноября 1991 г. в Терекли-Мектебе с участием ученых из Института истории СССР прошла Всесоюзная научная конференция, посвященная 600-летию образования Ногайской государственности, и празднование ногайского народного героического эпоса «Эдиге».

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

В.В. ТРЕПАВЛОВА

1983

1. *Овчинникова Б.Б., Трепавлов В.В.* К вопросу о древнетюркском наследии в Монгольской империи [Текст] // Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников. Т. 2 / Отв. ред. Л.Б. Алаев. М.: Наука, 1983. С. 30–33.

1986

2. *Трепавлов В.В.* Проблема генетической преемственности государственных образований кочевников в востоковедении [Текст] // Урал и проблемы региональной историографии. Феодализм. Первобытнообщинный строй (Информационные материалы) / Отв. ред. А.В. Бакунин. Свердловск: Уральский НЦ АН СССР, 1986. С. 122–125.

3. *Трепавлов В.В.* Южносибирские территории в составе государства монгольских феодалов XIII в. (политико-правовой статус населения Тувы и Алтая) [Текст] // Вопросы истории Горного Алтая / Отв. ред. Н.В. Екеев. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное изд-во, 1986. С. 3–12.

1987

4. *Трепавлов В.В.* Историческое знание и государственные традиции [Текст] // Исторические знания и современность / Отв. ред. В.Д. Викторова. Свердловск: Уральский НЦ АН СССР, 1987. С. 114–125.

5. *Овчинникова Б.Б., Трепавлов В.В.* Позднесредневековые памятники Центральной Тувы [Текст] // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Тезисы докладов / Отв. ред. Н.А. Томилов. Омск: Омский гос. университет, 1987. С. 184–187.

6. *Трепавлов В.В.* Социально-политическая преемственность в государственном строе Монгольской империи XIII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук [Текст]. М., 1987. 16 с.

1988

7. *Овчинникова Б.Б., Трепавлов В.В.* Исследования на «дороге Чингисхана» [Текст] // Культура тувинцев: традиции и современность / Отв. ред. Ю.Л. Аранчын. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 1988. С. 20–28.

1989

8. *Трепавлов В.В.* Алтайский героический эпос как источник по истории ранней государственности [Текст] // Фольклорное наследие Горного Алтая / Отв. ред. Ф.А. Саглаев. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский НИИ истории, языка и литературы, 1989. С. 125–171.

9. *Трепавлов В.В.* Система крыльев в Монгольской империи XIII в. [Текст] // Цыбиковские чтения. Тезисы докладов и сообщений / Отв. ред. Ш.Б. Чимитдоржиев. Улан-Удэ: Бурятский ин-т обществ. наук, [Б. и.] 1989. С. 126–128.

10. *Трепавлов В.В.* Политическая традиция в Центральной Азии (начало н.э.—XIII в.): пути развития и способы трансляции [Текст] // История и культура монголоязычных народов: источники и традиции. Международный «круглый стол» монголоведов. Тезисы докладов и сообщений / Отв. ред. Ш.Б. Чимитдоржиев. Улан-Удэ: Бурятский ин-т обществ. наук, 1989. С. 62–64.

1990

11. *Трепавлов В.В.* Структура концепции верховной власти в кочевых империях [Текст] // Всесоюзная Ассоциация монголоведов. Бюллетень. Экспресс-выпуск. М.: Наука, 1990. С. 7–10.

12. *Трепавлов В.В.* Героический эпос тюркских и монгольских народов как источник по истории ранней государственности (к постановке проблемы) [Текст] // «Джангар» и проблемы эпического творчества. Тезисы докладов и сообщений / Отв. ред. Н.Ц. Биткеев, Э.Б. Овалов. Элиста: Калмыцкий НИИ языка, литературы и истории, 1990. С. 124–125.

13. *Трепавлов В.В.* [Рецензия] Allsen Th.T. *MongolImperialism. The Policies of the Grand Khan Möngke in China, Russia and Islamic Lands, 1251–1259.* Berkeley; Los Angeles; London: Univ. of California press, 1987 [Текст] // Народы Азии и Африки. 1990. № 1. С. 183–187.

1991

14. *Трепавлов В.В.* Соправительство в Монгольской империи XIII в. [Текст] // Archivum Eurasiae mediæævi. T. VII. 1987–1991. Wiesbaden, 1991. P. 249–278.

15. *Трепавлов В.В.* Төрү у древних тюрков и монголов [Текст] // Международная Ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень. Вып. 18. М., 1991. С. 19–30.

16. *Трепавлов В.В.* Институт нурадинства в Ногайской Орде [Текст] // Основные аспекты историко-географического развития Ногайской Орды. Тезисы докладов и сообщений / Отв. ред. С.Г. Агаджанов. М.; Терекли-Мектеб: Сов. фонд. культуры, 1991. С. 15–17.

17. *Трепавлов В.В.* Институт кековатства в Ногайской Орде [Текст] // Проблемные вопросы истории Западного Казахстана. Материалы научно-практической конференции / Отв. ред. М.К. Козыбаев. Гурьев: Гурьевский пед. ин-т, 1991. С. 62–64.

1992

18. *Трепавлов В.В.* Образ Неба и каганская власть у кочевников Центральной Азии [Текст] // *AltaicReligiousBeliefsandPractices* / Ed. by A. Rona-Tas. Budapest: Magyar Tudományok Akademia, 1992. P. 371–377.

19. *Трепавлов В.В.* Сведения олонхо о дуализме управления [Текст] // Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы докладов к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова / Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: Ин-т материальной культуры РАН, 1992. С. 232–234.

20. *Трепавлов В.В.* Татары: миграция этнонима [Текст] // II Дальневосточная конференция молодых историков. Тезисы докладов / Отв. ред. Н.Н. Крадин. Владивосток: ДВО РАН, 1992. С. 64–66.

21. *Трепавлов В.В.* Восточные элементы российской государственности (к постановке проблемы) [Текст] // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Тезисы докладов международной научно-практической конференции / Отв. ред. С.А. Панарин. М.: Восточная литература, 1992. С. 57–59.

22. *Трепавлов В.В.* Статус «Белого царя»: Москва и татарские ханства в XV–XVI вв. [Текст] // Там же. С. 59–62.

23. *Bekmakhanova N. Ye., Trepavlov V.* [Рецензия] Forsyth J.A. A History of the Peoples of Siberia. Russia's North Asian Colony, 1581–1992. Cambridge: Cambridge univ. press, 1992 [Текст] // Nomadic peoples (Uppsala). 1992. № 31. P. 123–124.

1993

24. *Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в. (проблема исторической преемственности) [Текст]. М.: Восточная литература, 1993. 168 с.

25. *Трепавлов В.В.* Традиции государственности в кочевых империях (очерк историографии) [Текст] // Mongolica. К 750-летию «Сокровенного сказания» / Отв. ред. А.Н. Кононов. М.: Восточная литература, 1993. С. 169–189.

26. *Трепавлов В.В.* Нурадины Ногайской Орды [Текст] // Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды / Ред. С.Г. Агаджанов и др. Махачкала: Географ. об-во РФ. Ногайский отдел, 1993. С. 43–61.

27. *Трепавлов В.В.* Система крыльев в Монгольской империи XIII в. [Текст] // История и культура народов Центральной Азии / Отв. ред. Ш.Б. Чимитдоржиев. Улан-Удэ: Бурятский НЦ СО РАН, 1993. С. 10–23.

28. *Трепавлов В.В.* Восточные элементы российской государственности (к постановке проблемы) [Текст] // Россия и Восток: проблемы взаимодействия / Отв. ред. С.А. Панарин. М.: ИВ РАН, ИРИ РАН, Научно-информационная фирма «Туран», 1993. С. 40–52.

29. *Трепавлов В.В.* Статус великого князя: от ордынского «улусника» к «Белому царю» [Текст] // Там же. С. 302–311.

30. *Трепавлов В.В.* Государственная традиция в России (вопросы типологии, периодизации, источников происхождения) [Текст] // Историческое познание: традиции и новации. Тезисы докладов / Сост., общ. ред. В.В. Иванов, В.В. Пузанов. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 1993. С. 173–176.

1994

31. *Трепавлов В.В.* Россия и кочевые степи. Проблема восточных заимствований в российской государственности [Текст] // Восток. 1994. № 2. С. 49–62.

32–42. *Трепавлов В.В.* Авары. Агинский дацан. Анинский дацан. Аргыны. Батый. Берке. Бурия. Великая Болгария. Гунны. Гусиноозерский дацан. Дацаны [Текст] // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 1. М.: БРЭ, 1994. С. 17, 23, 85, 102, 176, 215, 216, 353, 658, 661, 674.

1995

43. *Трепавлов В.В.* «Евразийская» проблематика в научных дискуссиях России и Запада [Текст] // Контактные зоны в истории Восточной Европы. Ред. С.Г. Агаджанов и др. М.: ИРИ РАН, 1995. С. 165–174.

44. *Трепавлов В.В.* Тюркская знать в средневековой России [Текст] // Элита и этнос средневековья / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: ИВИ РАН, 1995. С. 127–134.

45. *Трепавлов В.В.* Дружина в бурятских улигерах [Текст] // Средневековая культура Центральной Азии: письменные источники / Отв. ред. Ш.Б. Чимитдоржиев. Улан-Удэ: Бурятский ин-т обществ. наук, 1995. С. 76–84.

46. *Трепавлов В.В.* Ногайская альтернатива: от государства к вождеству и обратно [Текст] // Альтернативные пути к ранней государственности / Отв. ред. Н.Н. Крадин, В.А. Лынша. Владивосток: Дальнаука, 1995. С. 199–208.

47. *Trepavlov V.* The Social Status of the Yakut Epic Hero [Текст] // *Asian Folklore Studies*. Vol. 54. Nagoya, 1994. P. 35–48.

48. *Trepavlov V.* Eastern Influences: the Turkic Nobility in Medieval Russia [Текст] // *Coexistence*. 1995. № 32. Kluwer Academic publishers. P. 9–16.

49. *Trepavlov V.* The Nogay Alternative: from a State to a Chiefdom and Backwards [Текст] // *Alternative Pathways to Early State* / Ed. by N.N. Kradin, V.A. Lynsha. Vladivostok: Dal'nauka, 1995. P. 144–151.

50. *Трепавлов В.В.* «Шертные» договоры: российский прообраз протектората [Текст] // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. 1. Материалы IV международной научной конференции / Отв. ред. С.А. Панарин. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 1995. С. 28–30.

51. *Трепавлов В.В.* Ногайская государственность: особенности генезиса, функционирования и кризиса [Текст] // Проблемы взаимодействия национальных культур. Сборник тезисов региональной научной конференции / Ред. Е.М. Пигарев. Астрахань: Астраханский пед. ин-т, 1995. С. 36–38.

1996

52. *Trepavlov V.* A Chief and a Priest: Temporal and Spiritual Substances in Nomadic Sociality [Текст] // *International Journal of Central Asian Studies*. Vol. 1. Seoul, 1996. P. 97–125.

53–61. *Трепавлов В.В.* Джанибек. Джучи. Динлины. Дулаты. Едигей. Каракитай. Карлуки. Керей. Кимаки [Текст] // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 2. М.: БРЭ, 1996. С. 32, 35, 39, 94–95, 124, 497, 508–509, 549, 567.

62. *Трепавлов В.В.* Некоторые проблемы политической истории Башкортостана ногайского периода [Текст] // Башкортостан в XVI–XVIII вв. Тезисы докладов научной конференции / Отв. ред. И.М. Акбулатов. Уфа: Нац. музей Республики Башкортостан, 1996. С. 3–6.

1997

63. *Трепавлов В.В.* Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения [Текст]. Уфа: Уральский НЦ РАН, 1997. 72 с. (Материалы и исследования по истории и этнологии Башкортостана. № 2).

64. *Трепавлов В.В.* Конь боевой и романовский полубубок [Текст] // Родина. 1997. № 3/4. С. 109–112.

65. *Трепавлов В.В.* [перевод]. Ала ад-Дин Ата-Мелик Джувеини. История Покорителя Вселенной. Перевод с фарси [Текст] // Там же. С. 45–47.

66. *Трепавлов В.В.* Сибирско-ногайские отношения в XV–XVII вв. (основные этапы и закономерности) [Текст] // Взаимоотношения народов Сибири, России и стран Востока / Отв. ред. Б.Д. Пак. М.; Иркутск; Тэгү: Иркутский гос. пед. ун-т, 1997. С. 180–186.

67. *Трепавлов В.В.* Волга в культурной традиции народов Восточной Европы [Текст] // Этнографическое обозрение. 1997. № 6. С. 103–108.

68. *Trepavlov V.* Traditions in Russian Statehood [Текст] // State and Minorities. A Symposium on National Processes in Russia and Scandinavia. Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. Konferenser 39 / Ed. by V. Alexeyev, S. Lundkvist. Stockholm: Gotabtryckery, 1997. P. 17–20.

69. *Трепавлов В.В.* Ногайский компонент в истории и цивилизации Евразии [Текст] // Россия и Восток: история и культура. Материалы IV международной научной конференции / Отв. ред. Н.А. Томилов. Омск: Омский гос. ун-т, 1997. С. 22–25.

70. *Трепавлов В.В.* Предки ногайцев на Северном Кавказе (XIV в.) [Текст] // Современное состояние и перспективы развития исторической науки Северного Кавказа и Дагестана. Тезисы докладов научной конференции / Отв. ред. Г.Г. Гамзатов. Махачкала: Дагестанский НЦ РАН, 1997. С. 47–50.

71. *Трепавлов В.В.* Ногайская Орда и Московское царство: подданство или протекторат? [Текст] // Астраханский край: история и современность (к 280-летию образования Астраханской губернии). Материалы всероссийской научной конференции / Отв. ред. Н.М. Ушаков. Астрахань: Астраханский гос. пед. ун-т, 1997. С. 152–154.

72. *Трепавлов В.В.* Мангут – мангыт – ногай: трансформация этноса и его имени [Текст] // Языки, духовная культура и история тюркских народов: традиции и современность. Труды международной конференции. Т. 3 / Отв. ред. М.З. Закиев. М.: Инсан, 1997. С. 25–26.

73. *Trepavlov V.* Oriental Elements of Russian State-building [Текст] // Oriental Studies in the 20th Century: Achievements and Prospects. Abstract of the papers. Vol. 2 / Отв. ред. Л.Б. Алаев. М.: ИВ РАН, 1997. P. 371.

1998

74. *Трепавлов В.В.* Сибирь [Текст] // Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления / Отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. М.: Славянский диалог, 1998. С. 58–117.

75. *Гатагова Л.С., Исмаил-заде Д.И., Котов В.И., Некрасов А.М., Трепавлов В.В.* Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны? [Текст] М.: ИРИ РАН, 1998. 37 с.

76. *Трепавлов В.В.* «Волга-Матушка» – для кого? [Текст] // Родина. 1998. № 4. С. 41–46.

77. *Трепавлов В.В.* Или Ногайской Орды [Текст] // Этническая история тюркских народов России и сопредельных территорий / Отв. ред. А.Г. Селезнев, Н.А. Томилов. Омск: Омский гос. ун-т, 1998. С. 108–112.

78. *Трепавлов В.В.* Тюркская знать в России (ногаи на царской службе) [Текст] // Вестник Евразии. 1998. № 1/2. С. 101–114.

79. *Трепавлов В.В.* Тайбуга. «На Мангытском юрте третий государь» [Текст] // Tatarica. 1997/98. № 1. С. 96–107.

80. *Гатагова Л.С., Исмаил-заде Д.И., Котов В.И., Некрасов А.М., Трепавлов В.В.* Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны? [Текст] // Отечественная история. 1998. № 5. С. 122–132.

81. *Ovchinnikova V., Trepavlov V.* «Chighis-khan's Road» as a Monument of Medieval Fortification [Текст] // International Association for the Study of the Cultures of Central Asia. Issue 29. Moscow: S. p., 1998. P. 181–194.

82. *Трепавлов В.В.* Предисловие. Б.Д. Греков, А.Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение (предисловие к изданию 1998 г.) [Текст] // *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.: Богородский печатник, 1998. С. 5–12.

83. *Трепавлов В.В.* Особенности управления Сибирью в XVII – начале XX вв.: региональные факторы [Текст] // Государственное управление: история и

современность. Международная научная конференция / Отв. ред. В.А. Кувшинов. М.: Университетский лицей, 1998. С. 90–92.

84. *Трепавлов В.В.* Ногаи в Юго-Восточной Европе [Текст] // Славяне и кочевой мир. Средние века – раннее Новое время / Отв. ред. Л.В. Заборовский. М.: ИСЛ РАН, 1998. С. 143–136.

85. *Трепавлов В.В.* Проблема неславянской государственности в российской истории. Фактор военных побед и поражений [Текст] // Кавказская война: спорные вопросы и новые подходы. Тезисы докладов международной научной конференции / Отв. ред. А.И. Османов. Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН, 1998. С. 25–27.

86. *Агаджанов С.Г., Трепавлов В.В.* [Рецензия] *Арутюнова-Фиданян В.А.* Армяно-византийская контактная зона. Результаты взаимодействия культур. М.: Наука, 1994 [Текст] // Отечественная история. 1998. № 4. С. 169–171.

1999

87. *Гатагова Л.С., Исмаил-заде Д.И., Котов В.И., Некрасов А.М., Трепавлов В.В.* Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны? [Текст]. Lewiston; Queenston; Lampeter: The Edition Meller Press, 1999. 38 с.

88. *Трепавлов В.В.* Формирование системы отношений между Центром и национальными окраинами в России (XVI–XX вв.) [Текст] // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений / Отв. ред. А.Н. Сахаров, В.А. Михайлов. М.: Наука, 1999. С. 115–120.

89–92. *Трепавлов В.В.* Ногаи Малые. Ногайская Орда. Ногайцы. Юсуповы [Текст] // Татарский энциклопедический словарь / Гл. ред. М.Х. Хасанов. Казань: Институт Татарской энциклопедии, 1999. С. 407, 408, 680.

93. *Трепавлов В.В.* Приключения «Чудес творений»: из ханской библиотеки Казани в «либерию» Ивана Грозного [Текст] // Гасырлар авызы (Эхо веков). 1999. № 3/4. С. 35–38.

94. *Трепавлов В.В.* Приход калмыков на Волгу [Текст] // История и культура монгольских народов. Тезисы докладов и сообщений / Под. ред. Э.П. Бакаева и др. Элиста: Калмыцкий ин-т гуманитар. исслед., 1999. С. 116–117.

95. *Трепавлов В.В.* Ногайский фактор в русско-башкирских отношениях XVI–XVII вв. [Текст] // Ядкяр (Уфа). 1999. № 1(7). С. 92–96.

2000

96. *Трепавлов В.В.* Введение [Текст] // Русское население национальных окраин России XVII–XX вв. / Отв. ред. В.В. Трепавлов. М.: Славянский диалог, 2000. С. 3–5.

97. *Гатагова Л.С., Исмаил-заде Д.И., Котов В.И., Некрасов А.М., Трепавлов В.В.* Война и ислам на Северном Кавказе XIX–XX вв. [Текст] М.: ИРИ РАН, 2000. 54 с.

98. *Трепавлов В.В.* Бий мангытов, коронованный chief (вождества в истории позднесредневековых номадов Западной Евразии) [Текст] // Альтернативные пути к цивилизации / Под. ред. Н.Н. Крадина и др. М.: Логос, 2000. С. 356–367.

99. *Трепавлов В.В.* Кочевники на русских рынках: ногайская торговля в XVI–XVII в. [Текст] // Отечественная история. 2000. № 3. С. 165–174.

100. *Трепавлов В.В.* Канун государственности в олонхо (взгляд историка на якутский героический эпос) [Текст] // Олонхо – духовное наследие народа саха / Отв. ред. Е.М. Махаров. Якутск: Ин-т гуманитар. исслед. АН РС(Я), 2000. С. 24–56.

101. *Трепавлов В.В.* Численность кочевого социума: источники и способы подсчета [Текст] // Этнографическое обозрение. 2000. № 4. С. 95–101.
102. *Трепавлов В.В.* «Под государевой высокою рукою». Проблема российского подданства кочевников в историографии и источниках [Текст] // Россия и мировая цивилизация. К 70-летию члена-корреспондента РАН А.Н. Сахарова / Под ред. А.Н. Боханова и др. М.: ИРИ РАН, 2000. С. 398–412.
103. *Trepavlov V.* The Mangyt Biy as a Crowned Chief (Chiefdoms in the Nomadic History of Late Medieval Western Eurasia) [Текст] // Alternatives of the Social Evolution / Ed. by N.N. Kradin e. a. Vladivostok: FEB RAS, 2000. P. 302–310.
- 104–111. *Трепавлов В.В.* Контарини (в соавторстве с А.Е. Петровым). Кочевые узбеки. Кунграты. Курыканы. Мамай. Мангыты. Менгу-Тимур. Меркиты [Текст] // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 3. М.: БРЭ, 2000. С. 32, 82, 208, 237, 468, 473, 544, 558.
112. *Трепавлов В.В.* Трактовка истории и исторического времени средневековыми кочевниками Евразии [Текст] // Европа в древности и средневековье. Историческая память и формы ее воплощения. XII чтения памяти В.Т. Пашуто. Материалы конференции / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: ИВИ РАН, 2000. С. 190–192.
113. *Трепавлов В.В.* Монголы-мангуты и тюрки-мангыты, XIII–XV вв. [Текст] // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Материалы международной конференции / Отв. ред. Б.В. Базаров. Т. 1. Улан-Удэ: Бурятский НЦ СО РАН, 2000. С. 247–249.
114. *Trepavlov V.* Elitology and Nomadistics: the Points of Contact [Текст] // Hierarchy and Power in the History of Civilization. Abstracts / Ed. by D.M. Bondarenko, I.V. Sledzevsky. Moscow: S. p., 2000. P. 132–133.

2001

115. *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды [Текст]. М.: Вост. лит., 2001. 752 с.
116. *Trepavlov V.* The Formation and Early History of the Manghit Yurt [Текст]. Bloomington: Indiana Univ., Research Institute for Inner Asian studies, 2001. 57 p. (Papers on Inner Asia. № 35).
117. *Трепавлов В.В.* Алтыулы: остатки Ногайской Орды в казахских степях [Текст] // Вестник Евразии. 2001. № 2(13). С. 33–53.
118. *Трепавлов В.В.* Культ Волги у народов Восточной Европы [Текст] // Великий Волжский путь / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2001. С. 50–55.
119. *Трепавлов В.В.* Ногайские батыры в походе и в бою [Текст] // Диалог культур Евразии. Вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия / Отв. ред. А.А. Бурханов. Казань: Изд-во ТГГИ, 2001. С. 279–288.
120. *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. [Текст]. М., 2001. 47 с.
121. *Трепавлов В.В.* Российское государство как евразийская держава. Фактор неславянской государственности [Текст] // Место России в Евразии. The Place of Russia in Eurasia / Ed. By D. Szvak. Budapest: Magyar Ruzsisztikai Intezet, 2001. P. 307–310.
122. *Трепавлов В.В.* Генеалогические легенды в Дешт-и Кипчаке XV–XVI вв. [Текст] // Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. XIII чтения памяти В.Т. Пашуто. Материалы конференции / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: ИВИ РАН, 2001. С. 177–182.

123. *Трепавлов В.В.* Казыев улус: наименования, территория, население [Текст] // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. Материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. В.А. Шаповалов. Ч. 1. М.; Ставрополь: Издательство СГУ, 2001. С. 200–203.

124. *Трепавлов В.В.* [Рецензия] *Горский А.А.* Москва и Орда. М.: Наука, 2001 [Текст] // Вестник Российской академии наук. 2001. Т. 71. № 9. С. 849–851.

125. *Трепавлов В.В.* [Рецензия] *Ерофеева И.В.* Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Алматы: Санат, 1999 [Текст] // Отечественная история. 2001. № 2. С. 181–184.

126. *Трепавлов В.В.* [Рецензия] *Косиков И.Г., Косикова Л.С.* Северный Кавказ. Социально-экономический справочник. М.: Микрон-принт, 1999 [Текст] // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 146–149.

2002

127. *Трепавлов В.В.* Волга в сакральной топографии тюрок и славян [Текст] // Великий Волжский путь. Ч. II: История формирования и развития / Отв. ред. М.А. Усманов. Казань: Институт истории АН РТ, 2002. С. 137–150.

128. *Трепавлов В.В.* Вольные казаки и Ногайская Орда (некоторые подробности ранней истории казачества) [Текст] // Восток. 2002. № 3. С. 40–52.

129. *Трепавлов В.В.* Ислам и духовенство в Ногайской Орде [Текст] // Этнографическое обозрение. 2002. № 4. С. 100–111.

130. *Трепавлов В.В.* Ногайская Орда в истории России [доклад и дискуссия] [Текст] // Труды Института российской истории РАН, 1999–2000. Вып. 3 / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: ИРИ РАН, 2002. С. 5–29.

131. *Трепавлов В.В.* Партийно-государственные элиты союзных республик: особенности формирования и развития [Текст] // Образование и развитие многонационального государства в России: сущность, формы, значение. Материалы научной конференции / Отв. ред. В.Б. Убушаев. Ч. 1. Элиста: Калмыцкий гос. ун-т, 2002. С. 10–18.

132. *Трепавлов В.В.* Татарские ханства Сибири XV–XVI веков [Текст] // Преподавание истории в школе. 2002. № 4. С. 12–17.

133. *Трепавлов В.В.* Казанское ханство [Текст] // Там же. 2002. № 7. С. 26–32.

134. *Трепавлов В.В.* Астраханское ханство [Текст] // Там же. 2002. № 8. С. 14–19.

135. *Трепавлов В.В.* Сарайчук: переправа, некрополь, столица, развалины [Текст] // Тюркологический сборник. 2001. Золотая Орда и ее наследие / Отв. ред. А. Н. Кононов. М.: Восточная литература, 2002. С. 225–244.

136. *Кляшторный С.Г., Трепавлов В.В.* От редколлегии [Текст] // Там же. С. 5–8.

137. *Трепавлов В.В.* Этнотерриториальное деление Дешт-и Кипчака в позднем средневековье (по материалам ногайско-русской дипломатической переписки) [Текст] // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556 / Отв. ред. М.А. Усманов. Казань: Мастер-Лайн, 2002. С. 367–377.

138. *Трепавлов В.В.* [Рецензия] *Хоскинг Дж.* Россия: народ и империя. Смоленск: Русич, 2000 [Текст] // Отечественная история. 2002. № 2. С. 172–175.

2003

139. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.) [Текст] / Подгот. к печати, введ., коммент. В.В. Трепавлова. М.: ИРИ РАН, 2003. 93 с.

140. *Трепавлов В.В.* Введение [Текст] // Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия / Отв. ред. Н.Е. Бекмаханова, М.Б. Булгаков, Л.С. Гагагова, Д.И. Исмаил-Заде, В.И. Котов, Ш.Ф. Мухамедьяров, В.В. Трепавлов, Э.П. Федосова. М.: Наука, 2003. С. 3–20.

141. *Трепавлов В.В.* Глава 4. Многонациональная цивилизация России: поиски закономерностей [Текст] // Там же. С. 343–377.

142. Присоединение Среднего Поволжья к Российскому государству. Взгляд из XXI века. «Круглый стол» в Институте российской истории РАН 14 ноября 2002 г. [Текст] / Отв. ред. А.Н. Сахаров, В.В. Трепавлов. М.: ИРИ РАН, 2003. 81 с.

143. *Трепавлов В.В.* Народы России в школьных учебниках по отечественной истории (до XX в.) [Текст] // Отечественная история. 2003. № 1. С. 114–120; Содержание исторического образования в контексте модернизации полиэтнического общества России. Материалы всероссийской конференции / Под. ред. С.М. Чернышева. М.: ИНПО, 2003. С. 225–238.

144. *Трепавлов В.В.* Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) [Текст] // Тюркологический сборник. 2002. Россия и тюркский мир / Отв. ред. А.Н. Кононов. М.: Восточная литература, 2003. С. 320–353.

145. *Трепавлов В.В.* Белый падишах [Текст] // Родина. 2003. № 12. С. 72–75.

146. *Трепавлов В.В.* История и историческое время у позднесредневековых кочевников Евразии [Текст] // Древнейшие государства Восточной Европы. 2001. Историческая память и формы ее воплощения / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: Вост. лит., 2003. С. 191–203.

147. *Трепавлов В.В.* Восточные и северные пределы Ногайской Орды в XV–XVIII вв. [Текст] // Проблемы истории России. Вып. 5: На перекрестке эпох и традиций / Отв. ред. А.Т. Шашков. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2003. С. 157–171.

148. *Трепавлов В.В.* Установление российской гегемонии на Южном Урале (вторая половина XVI – начало XVII в.) [Текст] // Русские в Башкортостане. История и культура / Отв. ред. В.Н. Самородов. Уфа: ГУП УПК, 2003. С. 39–48.

149. *Трепавлов В.В.* Изучение истории народов России и межэтнических отношений: современные проблемы и подходы [Текст] // История: проблемы объективности и нравственности. Материалы международной конференции. Ташкент: [Б. и.], 2003. С. 25–31.

150. *Трепавлов В.В.* Светская и сакральная власть в эпическом и историческом социуме [Текст] // V Конгресс этнографов и антропологов России. 9–12 июня 2003 г. Тезисы докладов / Отв. ред. В.А. Тишков. Омск: [Б. и.], 2003. С. 78.

151. *Трепавлов В.В.* [Рецензия] Три столетия территориального расширения России. Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2002 [Текст] // Отечественная история. 2003. № 2. С. 181–185.

152. *Трепавлов В.В.* Присоединение Среднего Поволжья к Российскому государству. Взгляд из XXI века. «Круглый стол» [Текст] // Отечественная история. 2003. № 4. С. 217–218.

2004

153. *Трепавлов В.В.* Народы и государства на территории России XIII–XVII вв. [Текст] // Большая российская энциклопедия. В 30 т. Том «Россия». М.: БРЭ, 2004. С. 301–309.

154. *Трепавлов В.В.* Вождь и жрец в эпическом фольклоре тюркских и монгольских народов [Текст] // Монгольская империя и кочевой мир / Отв. ред.

Т.Д. Скрынникова. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского НЦ СО РАН, 2004. С. 76–100.

155. *Трепавлов В.В.* Возникновение и становление Золотой Орды [Текст] // Преподавание истории в школе. 2004. № 1. С. 26–30.

156. *Трепавлов В.В.* Золотая Орда в XIV–XV веках [Текст] // Там же. 2004. № 2. С. 25–29.

157. *Трепавлов В.В.* Башкортостан в эпоху Салавата: два столетия российской подданства [Текст] // Идея свободы в жизни и творчестве Салавата Юлаева / Отв. ред. И.Г. Илишев. Уфа: Гилем, 2004. С. 24–36.

158. *Трепавлов В.В.* Тюркские народы Поволжья и Приуралья: от Золотой Орды к Московскому царству (проблемы адаптации) [Текст] // Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. B. 63). Herausgegeben von A. Kappeler. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2002. S. 279–292.

159. *Трепавлов В.В.* Феномен Мамаева кургана (тюркские имена на карте Поволжья) [Текст] // Историческая география России: новые подходы. Сборник статей, посвященных 70-летию В.М. Кабузана / Отв. ред. Я.Е. Водарский. М.: ИРИ РАН, 2004. С. 49–55.

160. *Трепавлов В.В.* «Казыев улус». Тюрки Северного Кавказа в позднем средневековье [Текст] // История народов России в исследованиях и документах. [Вып. 1.] / Отв. ред. В.В. Трепавлов. М.: ИРИ РАН, 2004. С. 6–49.

161. *Трепавлов В.В.* Казыев улус – рудимент кочевой цивилизации на Северном Кавказе [Текст] // Medieval Nomads. First International Conference on the Medieval History of the Eurasian Steppe / Ed. By I. Vasary. Szeged, 2004. P. 23–24.

162. *Трепавлов В.В.* Присоединение финно-угорских народов к Российскому государству (цивилизационный аспект) [Текст] // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. Материалы III международного исторического конгресса финно-угроведов / Отв. ред. А.С. Казимов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. С. 27–35.

163. *Трепавлов В.В.* Падение Казанского ханства и Ногайская Орда [Текст] // Проблемы истории Казани: современный взгляд / Отв. ред. и сост. И.К. Загидуллин. Казань: Институт им. Ш. Марджани АН РТ, 2004. С. 177–199.

164. *Трепавлов В.В.* Ногайская Орда [Текст] // Сарайшык билеушілері мен батырлары / Сост. К. Орынгали, гл. ред. Э. Төлеуішев. Алматы: Арыс, 2004. С. 221–283.

165. *Трепавлов В.В.* Сарайчук: переправа, столица, некрополь, развалины [Текст] // Там же. С. 284–302.

166. *Трепавлов В.В.* Развитие российско-азербайджанских отношений с XVIII века [Текст] // Азербайджан и Россия. Исторический диалог / Отв. ред. А.А. Искендеров. М.: Изд-во РАГС, 2004. С. 116–119.

167. *Трепавлов В.В.* Российская государственность в системе традиционных представлений о монархии у народов Евразии XV–XVIII вв. [Текст] // Евразия: этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы. Тезисы докладов научной конференции / Отв. ред. В.А. Чернецов. М.: РГГУ, 2004. С. 280–282.

168. *Трепавлов В.В.* [Рецензия] *Блиев М.М.* Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004 [Текст] // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 162–164.

2005

169. *Трепавлов В.В.* «Большой хозяин». Русский царь в представлениях народов России XV–XVIII веков [Текст] // Отечественная история. 2005. № 3. С. 124–138.

170. *Трепавлов В.В.* «Непоколебимый столп»: образ России XVI–XVIII вв. в представлении ее народов [Текст] // Вопросы истории. 2005. № 8. С. 36–46.
171. *Трепавлов В.В.* Образ русских в представлениях народов России XVI–XVIII вв. [Текст] // Этнографическое обозрение. 2005. № 1. С. 102–118.
172. *Трепавлов В.В., Ю Джин.* Формирование республиканских политических элит (некоторые аспекты национальной политики в СССР) [Текст] // Россия в XX веке. Война 1941–1945 гг. Современные подходы / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Наука, 2005. С. 452–468.
173. *Трепавлов В.В.* Русско-кавказские отношения в XVI–XVIII вв.: историческая реальность и историографические схемы [Текст] // Россия и Кавказ: история и современность / Отв. ред. А.Г. Кучиев. Сост. В.Д. Дзидзоев. Владикавказ: ИПП им. В.А. Гассиева, 2005. С. 265–273.
174. *Трепавлов В.В.* Казанское ханство – «Алибаев, Алтыбаев и Болгарский царев юрт» [Текст] // Бюллетень Общества востоковедов. Вып. 12: Hungarorossica II: История и культура евразийской степи / Редкол. М.С. Мейер и др. М.: ИВ РАН, 2005. С. 86–97.
175. *Трепавлов В.В.* Крымское ханство [Текст] // Преподавание истории в школе. 2005. № 3. С. 15–19.
176. *Трепавлов В.В. (псевд.: Винцеров В.В.)* Северный Кавказ в древности [Текст] // Там же. 2005. № 8. С. 10–17.
177. *Трепавлов В.В.* Улусный субстрат и имперский суперстрат: поиск «ядра» кочевой государственности [Текст] // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. С. 71–84.
178. *Трепавлов В.В.* Малая Ногайская Орда. Очерк истории [Текст] // Тюркологический сборник. 2003–2004: Тюркские народы в древности и средневековье / Отв. ред. А.Н. Кононов. М.: Восточная литература, 2005. С. 273–311.
- 179–180. *Трепавлов В.В.* Астраханское ханство. Ахмед [Текст] // Большая российская энциклопедия. В 30 т. Т. 2. М.: БРЭ, 2005. С. 400, 576.
- 181–184. *Трепавлов В.В.* Бату. Беклербек. Белая Орда. Большая Орда [Текст] // Там же. Т. 3. М.: БРЭ, 2005. С. 107, 187, 191, 745.
185. *Трепавлов В.В.* Историческое финно-угроведение России в контексте модернизации методологии и проблематики гуманитарных исследований [Текст] // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов. Материалы III всероссийской научной конференции финно-угроведов / Отв. ред. А.А. Попов. Сыктывкар: [Б. и.], 2005. С. 468–469.
186. *Трепавлов В.В.* [Выступление] «Круглый стол». Обсуждение книги В.Д. Дзидзоева «Кавказ конца XX века: тенденции этнополитического развития (историко-политическое исследование)». Изд. 2-е. Владикавказ, 2004. 359 с. [Текст] // Научная мысль Кавказа. 2005. № 5. С. 63.
187. *Трепавлов В.В.* [Рецензия] История Коми с древнейших времен до конца XX века. В 2 т. Сыктывкар: Коми кн. изд., 2003 [Текст] // Отечественная история. 2005. № 4. С. 179–180.

2006

188. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. [Текст] / Отв. ред. М.А. Усманов, сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. Казань: Татарское книжное изд-во, 2006. 391 с.
189. *Трепавлов В.В.* «Ваша Высокая Порта». Российская государственность в системе традиционных представлений о монархии у народов Евразии XV–XVIII вв. [Текст] // Восток. 2006. № 1. С. 26–41.
190. *Трепавлов В.В.* Присоединение народов к России и установление российского подданства (проблемы методологии изучения) [Текст] // Этнокультура

турное взаимодействие в Евразии. Кн. 2 / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин, В.А. Тишков. М.: Наука, 2006. С. 198–205.

191. *Трепавлов В.В.* Империя как сообщество народов (уроки российской истории XVI–XIX вв.) [Текст] // Судьба двух империй. Российская и Австро-Венгерская монархии в историческом развитии от расцвета до крушения / Ред.-сост. Л.П. Колодникова. М.: ИРИ РАН, 2006. С. 118–127.

192. *Трепавлов В.В.* Российское подданство в интерпретации народов Поволжья и Южного Урала XVI–XVIII вв. [Текст] // Цивилизации народов Поволжья и Приуралья. Т. II. Ч. III. Проблемы истории и геополитики / Отв. ред. Г.И. Тафаев. Чебоксары: Чувашский гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2006. С. 366–376.

193. *Трепавлов В.В.* Арало-Каспийский регион в XVII–XVIII вв.: проблемы изучения подданства и сюзеренитета [Текст] // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии. Ч. 2 / Редкол.: С.Е. Ажигали и др. Актобе: Принт-А, 2006. С. 3–9.

194. *Трепавлов В.В.* Власть и управление в тюркском кочевом обществе (по эпическим сказаниям народов Южной Сибири) [Текст] // Тюркологический сборник. 2005. Тюркские народы России и Великой Степи. М.: Восточная литература, 2006. С. 323–354.

195. *Трепавлов В.В.* Особенности и закономерности «национальной политики» России XVI–XIX вв. [Текст] // История и историки: историографический вестник. 2005 / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Наука, 2006. С. 172–182.

196. *Трепавлов В.В.* Образ русского белого царя в культуре народов Евразии [Текст] // *Turcicaet Ottomanica*. Сборник статей в честь 70-летия М.С. Мейера / Отв. ред. и сост. И.В. Зайцев, С.Ф. Орешкова. М.: Вост. лит., 2006. С. 71–90.

197. *Трепавлов В.В.* Среднее Поволжье в эпонимической традиции позднего средневековья [Текст] // Источники и исследования по истории татарского народа. Материалы к учебным курсам. В честь юбилея академика АН РТ М.А. Усманова / Сост. Д.М. Усманова, Д.А. Мустафина, науч. ред. И.А. Гилязов. Казань: Казанский гос. ун-т, 2006. С. 181–188.

198. *Гатагова Л.С., Трепавлов В.В.* Кавказская война [Текст] // Преподавание истории в школе. 2006. № 1. С. 11–16.

199. *Трепавлов В.В.* «Шесть Сыновей». Западный Казахстан в период распада Ногайской Орды [Текст] // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск, 2006. № 1–2. С. 121–137.

200. *Трепавлов В.В.* [Рецензия] *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М.: Восточная литература, 2004. 303 с. [Текст] // Отечественная история. 2006. № 2. С. 152–154.

2007

201. *Трепавлов В.В.* «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. [Текст]. М.: Вост. лит., 2007. 255 с.

202. *Котов В.И., Трепавлов В.В.* Русский народ в XX в.: парадоксы исторической судьбы [Текст] // Отечественная история. 2007. № 3. С. 50–59.

203. *Трепавлов В.В.* «Добровольные вхождения в состав России»: торжественные юбилеи и историческая действительность [Текст] // Вопросы истории. 2007. № 11. С. 155–163.

204. *Трепавлов В.В.* Кочевники южнорусских степей [Текст] // Преподавание истории в школе. 2007. № 3. С. 36–45.

205. *Трепавлов В.В.* Лояльность в обмен на ярлык. Присоединение башкир к России [Текст] // Родина. 2007. № 9. С. 29–35.

206. *Трепавлов В.В.* Московское государство и башкиры: проблема добровольного присоединения [Текст] // Россия и Башкортостан: история отношений, состояние и перспективы / Сост.: З.Р. Рахматуллина, Н.А. Хуббитдинова. Уфа: Гилем, 2007. С. 270–272.

207. *Трепавлов В.В.* Московское государство и башкиры: проблема добровольного присоединения [Текст] // 450 лет вместе с Россией. Материалы научно-практической конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России / Авт.-сост. А.Н. Алмаев. Уфа: [Б. и.], 2007. С. 16–22.

208. *Трепавлов В.В.* Московское государство и башкиры: к вопросу о добровольном присоединении [Текст] // Вестник Академии наук РБ. Т. 12. Уфа, 2007. № 3. С. 25–27.

209. *Трепавлов В.В.* Московское и казанское «подданство» Сибирского юрта [Текст] // Сулеймановские чтения. Материалы X всероссийской научно-практической конференции / Под ред. А.П. Яркова. Тюмень: СИТИ ПРЕСС, 2007. С. 101–102.

210. *Трепавлов В.В.* Арало-Каспийский регион на перекрестке культур и цивилизаций [Текст] // Каспий-Арал оңірінін тарихи-мәдени муралары. Б.І. Жауапты редакторлар Б.И. Нурдәулетова е.а. Актау: Ш. Есенов ат. АқтМУ, 2007. Б. 7–11.

211. *Трепавлов В.В.* «Ордынское иго» в русской истории (некоторые размышления на «вечную» тему) // Vasileus. Сборник статей, посвященных 60-летию Д.Д. Васильева / Сост. и отв. ред. И.В. Зайцев. М.: Восточная литература, 2007. С. 246–254.

212. *Трепавлов В.В.* Предки «Мамая-царя». Киятские беки в «Подлинном родослове Глинских князей» [Текст] // Тюркологический сборник. 2006 / Отв. ред. А.Н. Кононов. М.: Вост. лит., 2007. С. 319–352.

213. *Трепавлов В.В.* Власть и народы. Этнический компонент в административной политике государства XVI–XX вв. [Текст] // Управление Россией. Опыт. Традиции. Новации. XVI–XX вв. / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Наука, 2007. С. 227–238.

214. *Трепавлов В.В.* Расшифровка намеков. Как Сизифы атакуют чужие вершины [Текст] // Защитим имя и наследие Рерихов. Т. 4. Документы. Публикации в прессе. Очерки / Гл. ред. Л.В. Шапошникова. М.: Международный центр Рерихов, 2007. С. 754–757.

215. *Kotov V., Trepavlov V.* The Russian People in the 20th Century: Paradoxes of the Historical Destiny [Текст] // Social Sciences. Vol. 38. Minneapolis, MN, 2007. № 4. P. 46–58.

216. *Трепавлов В.В.* Казанский сюзеренитет: translation imperii от ханства к царству [Текст] // Казань и алтайская цивилизация. 50-я ежегодная международная алтаистическая конференция. Труды и материалы / Под общ. ред. З.Г. Нигматова. Казань: Идел-Пресс, 2007. С. 205–206.

217–218. *Трепавлов В.В.* Дешт-и Кипчак. Джанибек [Текст] // Большая российская энциклопедия. В 30 т. Т. 8. М.: БРЭ, 2007. С. 617, 634.

219–220. *Трепавлов В.В.* Едигей. Едигея набег 1408 [Текст] // Там же. Т. 9. М.: БРЭ, 2007. С. 618, 619.

221. *Трепавлов В.В.* Отзыв о диссертации В.А. Росова «Русско-американские экспедиции Н.К. Рериха в Центральную Азию (1920-е и 1930-е годы)», представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук [Текст] // Защитим имя и наследие Рерихов. Т. 5. Документы. Публикации в прессе. Очерки / Гл. ред. Л.В. Шапошникова. М.: Международный центр Рерихов, 2007. С. 489–492.

2008

222. *Трепавлов В.В.* Введение [Текст] // Русские в Евразии XVII—XIX вв. Миграции и социокультурная адаптация в иноэтнической среде / Отв. ред. В.В. Трепавлов. М.; Тула: Гриф и К, 2008. С. 4–12.
223. *Трепавлов В.В.* Глава 1. Поволжье и Урал [Текст] // Там же. С. 13–45.
224. *Трепавлов В.В.* Глава 2. Сибирь [Текст] // Там же. С. 46–113.
225. *Трепавлов В.В.* Присоединение удмуртов к Московскому государству и закономерности формирования многонациональной России [Текст] // Россия и Удмуртия: история и современность / Сост. и общ. ред. В.В. Пузанов, А.Е. Загребин. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2008. С. 25–30.
226. *Трепавлов В.В.* Начало формирования многонациональной России: контакт народов и культур в Поволжье [Текст] // Роль конфессий в развитии межнациональных отношений: Россия – Балканы – Поволжье. Труды международной научной конференции / Редкол.: Ю.П. Аншаков и др. Самара: Изд-во Самарского НЦ РАН, 2008. С. 12–18.
227. *Трепавлов В.В.* Начало формирования многонациональной России: контакт народов и культур в Поволжье [Текст] // Этнос и культура. 2008. № 1–2. С. 14–18.
228. *Трепавлов В.В.* Царские ярлыки. Наследие монгольской государственности в Московской Руси [Текст] // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации. Сборник материалов международной научной конференции / Под ред. Л.Е. Масановой, Б.Т. Жанаева. Алматы: Дайк-Пресс, 2008. С. 104–113.
- 229–230. *Трепавлов В.В.* Золотая Орда. Ибрагим [Текст] // Большая российская энциклопедия. В 30 т. Т. 10. М.: БРЭ, 2008. С. 529–531, 611.
- 231–232. *Трепавлов В.В.* Исмаил. Калга [Текст] // Там же. Т. 11. М.: БРЭ, 2008. С. 22–23, 486.
- 233–234. *Трепавлов В.В.* Монгольская империя Чингиз-хана. Монгольские завоевания и образование улусов. Ногайская Орда [Текст] // Большой атлас истории и культуры Казахстана / Отв. ред. К.М. Байпаков. Алматы: АБДИ Компани, 2008. С. 228–230, 302–303.
235. *Трепавлов В.В.* Новая книга о роли татар в истории России [Текст] // Ахметшин Ш.К. Потомки татарской знати на русском престоле. XVI – первая четверть XVII в. СПб.: Славия, 2008. С. 8–9.
236. *Трепавлов В.В.* [Рецензия] История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России / Отв. ред. Б.Х. Бгажноков. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. [Текст] // Отечественная история. 2008. № 4. С. 184–185.

2009

237. *Трепавлов В.В.* Формирование многонационального государства в России: закономерности и особенности [Текст] // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2007 / Отв. ред. А.П. Деревянко. М.: Наука, 2009. С. 64–71.
238. *Трепавлов В.В.* Добровольное присоединение башкир к России: лояльность в обмен на ярлык [Текст] // Там же. С. 447–461.
239. *Трепавлов В.В.* «Национальная политика» в многонациональной России [Текст] // Историческая психология и социология истории. 2009. Т. 2. № 1. С. 60–73.
240. *Трепавлов В.В.* Русские переселенцы в Поволжье и Приуралье XVI–XVIII вв.: особенности адаптации [Текст] // Уральский исторический вестник. 2009. № 2(23). С. 75–83.

241. *Трепавлов В.В.* Миграции русских на Восток в XVI–XVIII вв.: адаптация в инокультурной среде [Текст] // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. Вып. 25. С. 338–342.
242. *Гатагова Л.С., Трепавлов В.В.* Государственная национальная политика на Северном Кавказе до 1917 г.: особенности, специфика [Текст] // Проблемы истории народов Северного Кавказа: межнациональные отношения (XX–XXI вв.) / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: ИРИ РАН, 2009. С. 14–69.
243. *Трепавлов В.В.* Родоначальники Аштарханидов в Дешт-и Кипчаке (заметки о предыстории бухарской династии) [Текст] // Тюркологический сборник. 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран / Отв. ред. А.Н. Кононов. М.: Восточная литература, 2009. С. 370–395.
244. *Трепавлов В.В.* Хадж из Дешт-и Кипчака в XIII–XVII веках [Текст] // Научный Татарстан. 2009. № 1. С. 90–99.
245. *Trepavlov V.* XIII–XVII Yüzyıllarında Deşt-i Kıpçak Türk leri NacYolunda [Текст] // Belleten. Türk Tarih Kurumu. С. LXXIII. Aralık 2009. Sayı 268. Ankara, 2009. S. 775–787.
246. *Трепавлов В.В.* Джучиев улус в XV–XVI вв.: инерция единства [Текст] // Золотоордынское наследие. Материалы международной научной конференции. Вып. 1 / Отв. ред. и сост. И.М. Миргалеев. Казань: Фэн, 2009. С. 11–15.
247. *Трепавлов В.В.* Вхождение калмыков в состав Российского государства. Добровольность и целесообразность в условиях XVII–XVIII вв. [Текст] // Материалы международной научной конференции «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства. В 2 ч. / Отв. ред. Н.Г. Очирова. Ч. 1. Элиста: Джангар, 2009. С. 22–26.
248. *Трепавлов В.В.* «Белый царь» в русском фольклоре и традиционной политической культуре [Текст] // Очерки русской народной культуры / Отв. ред. И.В. Власова. М.: Наука, 2009. С. 28–48.
249. *Трепавлов В.В.* Монгольская империя: PaxMongolica и Еке Улус [Текст] // Форум «Идель-Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации», I международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Тезисы докладов / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. С. 244–246.
250. *Трепавлов В.В.* Присоединение Поволжья и Приуралья к России. Проблемы этнокультурного взаимодействия [Текст] // Финно-угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации) / Сост. и общ. ред. А.В. Загребин, В.В. Пузанов. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2009. С. 66–75.
251. *Мустакимов И.А., Трепавлов В.В.* Новые османские документы по истории Большой Ногайской Орды [Текст] // Гасырлар авызы (Эхо веков). 2009. № 2. С. 35–42.
252. *Трепавлов В.В.* Тюркские народы Евразии и Османская империя в XVI в. [Текст] // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей / Отв. ред. И.А. Мустакимов, А.Г. Ситдииков. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. С. 7–34.
253. *Трепавлов В.В.* Сергей Григорьевич Агаджанов [Текст] // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 3 / Отв. ред. В.В. Трепавлов. М.: ИРИ РАН, 2009. С. 5–14.
254. *Трепавлов В.В.* Сергей Григорьевич Агаджанов (к 80-летию со дня рождения) [Текст] // История и историки. Историографический вестник. 2007 / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Наука, 2009. С. 309–315.
255. *Трепавлов В.В.* Раздел III, гл. 1. Образование и политическая история Улуса Джучи до 1266 г. [Текст] // История татар с древнейших времен. В 7 т. Т. III. Улус. Джучи (Золотая Орда). XIII– середина XV в. / Под ред.

М.А. Усманова, Р.С. Хакимова. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 170–176.

256. *Трепавлов В.В.* Раздел III, гл. 2. Государственный строй Улуса Джучи [Текст] // Там же. С. 176–186.

257. *Трепавлов В.В.* Раздел IV, гл. 1, § 1. Система крыльев и административное устройство. Проблема Ак-Орды и Кок-Орды [Текст] // Там же. С. 188–190.

258. *Трепавлов В.В.* [Рецензия] История Удмуртии. С древнейших времен до XV века; История Удмуртии. Конец XV – начало XX в.; История Удмуртии. XX век. Ижевск: Удмуртский НИИ истории, языка и литературы УрО РАН, 2004–2007 [Текст] // Российская история. 2009. № 4. С. 184–187.

259. *Трепавлов В.В.* [Рецензия] *Юсуфов Ю.М.* История Башкортостана XV–XVI вв. (социально-политический аспект). Уфа, 2009 [Текст] // Российская история. 2009. № 5. С. 183–185.

2010

260. *Трепавлов В.В.* Золотая Орда в XIV столетии [Текст]. М.: Квадрига, 2010. 72 с.

261. *Трепавлов В.В.* Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории [Текст]. Тула: Гриф и К, 2010. 112 с.

262. *Трепавлов В.В.* Сакральная топография Дешт-и Кипчака [Текст] // Историко-культурное наследие Каспий-Аральского региона / Отв. ред. П.О. Сармурина, Ж.О. Конратбаева, Н.Б. Дауымшарова. Актау: [Б.и.], 2010. С. 16–22.

263. *Трепавлов В.В.* Крылья Бумбы (кочевые потестарные структуры в эпической стране калмыков) [Текст] // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 4 / Отв. ред. В.В. Трепавлов. М.: ИРИ РАН, 2010. С. 55–80.

264. *Трепавлов В.В.* Феномен Мамаева кургана. Тюркские имена в топонимике Поволжья [Текст] // Мамай. Опыт историографической антологии / Под ред. В.В. Трепавлова, И.М. Миргалеева. Казань: Фэн, 2010. С. 129–135.

265. *Трепавлов В.В.* Предки «Мамая-царя». Киятские беки в «Подлинном родословие Глинских князей» [Текст] // Там же. С. 136–170.

266. *Трепавлов В.В.* «Хочем с тобою быти у братстве и в приязни» (Послания короля Сигизмунда I хану Мухаммед-Амину) [Текст] // Гасырлар авызы (Эхо веков). 2010. № 3/4. С. 92–101.

267. *Трепавлов В.В.* Героический эпос как исторический источник (по материалам тюрко-монгольского фольклора) [Текст] // Вопросы истории и культуры народов России. Сб. статей к 80-летию проф. М.М. Блиева / Отв. ред. Р.С. Бзаров. Владикавказ: Изд.-полиграф. предприятие им. В. Гассиева, 2010. С. 67–78.

268. *Трепавлов В.В.* Шыңғыс хан құрған Моңғол империясы. Моңғол шапқыншылығы және ұлыстардың құрылуы [Текст] // Қазақстан тарихы мен мәдениетінің үлкен атласы. Ғылыми редактор Қ.З. Өскенбай. Алматы: АБДИ Компани, 2010. Б. 228–230.

269. *Трепавлов В.В.* Ногай Ордасы [Текст] // Там же. С. 302–303.

270–271. *Трепавлов В.В.* Курултай. Кучук-Мухаммед [Текст] // Большая российская энциклопедия. В 30 т. Т. 16. М.: БРЭ, 2010. С. 447–448, 485.

2011

272. *Трепавлов В.В.* Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды [Текст]. Казань: Фолиант, 2011. 252 с.

273. *Трепавлов В.В.* Введение [Текст] // Образы регионов в общественном сознании и культуре России (XVII–XIX вв.) / Отв. ред. В.В. Трепавлов. М.; Тула: Гриф и К, 2011. С. 4–13.
274. *Трепавлов В.В.* Глава 1. Волга-Матушка = Ана Идель [Текст] // Там же. С. 14–37.
275. *Трепавлов В.В.* Глава 2. Урал и Сибирь: образы и стереотипы [Текст] // Там же. С. 38–53.
276. *Трепавлов В.В.* Категория «российская цивилизация» и феномен полиэтничности [Текст] // Феномен идентичности и современное гуманитарное знание. К 70-летию академика В.А. Тишкова / Сост. М.Н. Губогло, Н.А. Дубова. М.: Наука, 2011. С. 124–137.
277. *Трепавлов В.В.* Присоединение народов Поволжья и Южного Урала [Текст] // Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории / Сост. А.И. Аксенов и др. М.: Русская панорама, 2011. С. 92–114.
278. *Трепавлов В.В.* Сакральная топография Улуса Джучи [Текст] // Этнографическое обозрение. 2011. № 2. С. 107–115.
279. *Трепавлов В.В.* Сибирский хан (?) Али [Текст] // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы международной конференции / Отв. ред. Д.Н. Маслюженко, С.Ф. Татауров. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. С. 95–100.
280. *Трепавлов В.В.* Кучумовичи и калмыки: геополитический мезальянс [Текст] // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 22–35.
281. *Трепавлов В.В.* «Казачество» Кучумовичей: жизнь в скитаниях [Текст] // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 3 / Сост. и отв. ред. Б.Р. Рахимзянов. Казань: Ихлас; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 141–154.
282. *Трепавлов В.В.* Золотая Орда после распада: воспоминания о единстве [Текст] // Тюркологический сборник. 2009–2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье / Отв. ред. А.Н. Кононов. М.: Восточная литература, 2011. С. 360–383.
283. *Трепавлов В.В.* Послания короля Сигизмунда I хану Мухаммед-Амину [Текст] // Архивы и общество. 2011. № 17. С. 120–124.
284. *Трепавлов В.В.* Грузия в структуре партийно-государственной элиты Союза ССР (1920–1970-е годы) [Текст] // Россия – Грузия: альтернатива конфронтации – созидание... (Проблемы российско-грузинских отношений. XIX–XXI вв.) / Сост. Н.Ф. Бугай. М.: ИРИ РАН, 2011. С. 279–288.
285. *Трепавлов В.В.* Россия и народы Кавказа: проблемы цивилизационного взаимодействия [Текст] // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 5. Материалы научно-практической конференции «Россия на Кавказе: три века политической истории», посвященной 200-летию установления российско-осетинских отношений / Отв. ред. Н.Ф. Бугай, В.В. Трепавлов. М.: ИРИ РАН, 2011. С. 8–13.
286. *Бугай Н.Ф., Гагагова Л.С., Трепавлов В.В.* Южная Осетия в структуре межнациональных отношений Кавказа (исторический аспект) [Текст] // Там же. С. 277–303.
287. *Трепавлов В.В.* [Введение, выступления:] «Круглый стол» «Задачи изучения Золотой Орды» [Текст] // Научный Татарстан. 2011. № 2. С. 114–124.
288. *Трепавлов В.В.* [Рецензия] Зуев А.С. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII–XVIII век). Новосибирск: СО РАН, 2009 [Текст] // Российская история. 2011. № 3. С. 179–181.

289. *Трепавлов В.В.* Сибирский юрт после Ермака. Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш [Текст]. М.: Восточная литература, 2012. 231 с.

290. *Трепавлов В.В.* Глава 3. Присоединение народов Поволжья и Южного Урала [Текст] // Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть / Отв. ред. Ю.А. Петров. М.: РОССПЭН, 2012. С. 152–183.

291. *Трепавлов В.В.* Глава 6. Вхождение казахских жузов в состав России [Текст] // Там же. С. 246–254.

292. *Трепавлов В.В.* Глава 9. Россия и народы Кавказа [Текст] // Там же. С. 377–401.

293. *Трепавлов В.В.* Глава 10. Этническая политика и особенности управления национальными окраинами [Текст] // Там же. С. 40–427.

294. *Трепавлов В.В.* Глава 2. Этнокультурный фактор в развитии Московского государства и ранней Российской империи [Текст] // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции Российского государства / Отв. ред. Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков. М.: Новый хронограф, 2012. С. 60–101.

295. *Трепавлов В.В.* Западная Сибирь после Ермака: российское «царство» и татарский «юрт» [Текст] // Российская история. 2012. № 2. С. 173–184.

296. *Трепавлов В.В.* Образы регионов в общественном сознании и культуре России [Текст] // Историко-культурное наследие и духовные ценности России / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделин, В.А. Тишков. М.: РОССПЭН, 2012. С. 246–253.

297. *Трепавлов В.В.* Освещение истории неславянского населения в будущей многотомной «Истории России» [Текст] // «Казахстан тарихы»: зерттеу нәтижелері және кәптомдық «Отан тарихы» жобасының тұсаукесері. Жауапты ред. Х.М. Әбжанов. Алматы: Елтаным, 2012. Б. 10–14.

298. *Тишков В.А., Трепавлов В.В.* Синтез народов и культур в Российском государстве: восточное направление колонизации в XV–XVIII вв. [Текст] // 1150 лет российской государственности и культуры. Материалы к Общему собранию Российской академии наук, посвященному Году российской истории / Под ред. А.П. Деревянко, В.А. Тишкова. М.: Наука, 2012. С. 74–95.

299. *Трепавлов В.В.* «Всегда надобе береженье». Сибирские царевичи на восточных рубежах Московского государства (XVII век) [Текст] // Военное дело Улуса Джучи и его наследников / Отв. ред. А.К. Кушкумбаев. Астана: Фолиант, 2012. С. 264–274.

300. *Трепавлов В.В.* Менгу-Тимур [Текст] // Большая российская энциклопедия. В 30 т. Т. 19. М.: БРЭ, 2012. С. 718.

301. *Трепавлов В.В.* [Интервью в публикации:] Казан алын сәбәпләре һәм нәтижеләре: XXI гасыр югарылыңнан бәялә [Текст] // Мирас чын (Казань). 2012. № 8–9 (октябрь). Б. 86–87.

302. *Трепавлов В.В.* [Рецензия] Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. 4-е изд., доп. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2008 [Текст] // Этнографическое обозрение. 2012. № 1. С. 16–171.

303. *Трепавлов В.В.* «Орда самовольная». Кочевая империя ногаев XV–XVII вв. [Текст]. М.: Квадрига, 2013. 224 с.

304. *Тишков В.А., Трепавлов В.В.* Синтез народов и культур в Российском государстве: восточное направление колонизации в XV–XVIII вв. [Текст] // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. К 70-летию академика А.П. Деревянко / Отв. ред. В.И. Молодин,

М.В. Шуньков. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 580–599.

305. *Трепавлов В.В.* «Белый царь» и «Большой хозяин» [Текст] // Родина. 2013. № 2. С. 38–41. № 4. С. 67–69.

306. *Трепавлов В.В.* Казахские ханы XVI в. в Литовской метрике [Текст] // Отан тарихы. 2013. № 3 (63). С. 54–61.

307. *Мустакимов И.А., Трепавлов В.В.* «Чингисидское» происхождение христианских монархов в тюркской и монгольской исторической традиции [Текст] // Тюркологический сборник. 2011–2012. Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств / Отв. ред. А.Н. Кононов. М.: Восточная литература, 2013. С. 255–262.

308. *Trepawlow W., Uskenbay K.* Dašt-i Kipčak in ethnohistorischen Raum Eurasiens im 13.–16. Jh. [Текст] // Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens. Bd. II. Herausgegeben Th. Stöller, Z. Samašev. Bochum: Deutsches Bergbaumuseum Bochum, 2013. S. 889–901.

309. *Трепавлов В.В.* Институт беклербекства в социально-политической структуре татарских ханств [Текст] // V международный Болгарский форум «Политическое и этнокультурное взаимодействие государств и народов в постордынском пространстве (XV–XVI вв.)». Тезисы. Симферополь: Крокус, 2013. С. 126–128.

310. *Зыков А.П., Трепавлов В.В.* Городище Искер – город Сибирь: памятник археологии и истории конца XIV–XVI веков [Текст] // От Смуты к империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. Тезисы докладов научной конференции / Отв. ред. Л.А. Беляев. М.: ИА РАН, 2013. С. 20–21.

311–312. *Трепавлов В.В.* Монгольская империя. Муса [Текст] // Большая российская энциклопедия. В 30 т. Т. 21. М.: БРЭ, 2013. С. 7–8, 497.

313–315. *Трепавлов В.В.* Ногайская Орда. Нур ал-Дин. Нурадин [Текст] // Там же. Т. 23. М.: БРЭ, 2013. С. 255–256, 395.

316–321. *Трепавлов В.В.* Ногаи. Ногайская Орда. Ногайско-казанские отношения, XV–XVI вв. Ногайско-османские отношения, XV–XVII вв. Ногайско-русские отношения, XV–XVII вв. Хадж, маршруты в XIII–XVII вв. [Текст] // Ислам в Поволжье. Энциклопедический словарь. М.: Медина, 2013. С. 235, 237, 239, 240, 242, 341.

322. *Трепавлов В.В.* Просопографическое исследование о Чингисидах [Рец. на: *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII веков. Просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мир, 2011] [Текст] // Российская история. 2013. № 3. С. 3–6.

323. *Трепавлов В.В.* [Интервью в публикации:] Падение Казани 1552 г.: потери и приобретения. Ответы на вопросы [Текст] // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 5. Вопросы источниковедения и историографии истории средневековых тюрко-татарских государств / Отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2013. С. 139–140.

324. *Гатагова Л.С., Трепавлов В.В.* Предисловие [к интернет-проекту «Переселение черкесов в Османскую империю по документам российских архивов. 1860–1865»] [Текст] (URL: <http://kavkaz.rusarchives.ru/>).

2014

325. *Трепавлов В.В.* Вводный раздел, глава 1. Общая характеристика позднего ордынского периода [Текст] // История татар с древнейших времен. В 7 т. Т. IV. Татарские государства XV–XVII вв. / Отв. ред. Р.С. Хакимов. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 4–10.

326. *Трепавлов В.В.* Раздел I, глава 1, § 1. Предпосылки и особенности дезинтеграции Улуса Джучи [Текст] // Там же. С. 78–82.
327. *Трепавлов В.В.* Глава 2, § 6. Ногайская Орда [Текст] // Там же. С. 156–162.
328. *Трепавлов В.В.* Раздел II, глава 1. Большая Орда [Текст] // Там же. С. 180–196.
329. *Трепавлов В.В.* Глава 4. Ногайская Орда [Текст] // Там же. С. 215–222.
330. *Трепавлов В.В.* Раздел III, глава 7, § 5. Военное дело и военное искусство Ногайской Орды [Текст] // Там же. С. 717–722.
331. *Трепавлов В.В.* Раздел IV, глава 2. Большеордынские татары и их наследники [Текст] // Там же. С. 759–762.
332. *Трепавлов В.В.* Глава 5. Ногаи [Текст] // Там же. С. 779–783.
333. *Трепавлов В.В.* Присоединение Нижнего Поволжья к Московскому государству [Текст] // Там же. Т. V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI–XVIII вв.) / Отв. ред. Р.С. Хакимов. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 104–119.
334. *Петров Ю.А., Трепавлов В.В.* Россия и Кавказ: уроки истории в свете новых исследований [Текст] // Вестник Российской академии наук. 2014. Т. 84. № 10. С. 882–890.
335. *Petrov Yu.A., Treptavlov V.V.* Russia and the Caucasus: Lessons of History in the Light of New Studies [Текст] // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2014. Vol. 84. No. 5. P. 344–351.
336. *Трепавлов В.В.* Россия и Кавказ в XVI–XVIII вв.: логика взаимного притяжения [Текст] // Кавказ в истории России: дискуссионные проблемы. Материалы «круглого стола» / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: [Б. и.], 2014. 32–37.
337. *Трепавлов В.В.* Беклербек в структуре монгольской и тюркской государственности [Текст] // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2 (4). С. 21–34.
338. *Трепавлов В.В.* Касимовское царство в памяти татар XIX века [Текст] // Золотоордынское обозрение. 2014. № 4 (6). С. 148–165.
339. *Трепавлов В.В.* «Остатки царей подвластных». Историческая память татар XIX в. о Касимовском царстве [Текст] // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 6 / Отв. ред. В.В. Трепавлов. М.: ИРИ РАН, 2014. С. 283–299.
340. *Трепавлов В.В.* Ногайская Орда в истории России [Текст] // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к будущему. Материалы Первой международной научно-практической конференции / Отв. ред. Н.Х. Суюнова, А.Х. Курмансеитова, С.А. Кукаева. Черкесск: [Б. и.], 2014. С. 99–104.
341. *Трепавлов В.В.* Российское подданство калмыков в ритуалах и символах (из истории этнической политики XVII–XIX вв.) [Текст] // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 8–19.
342. *Трепавлов В.В., Гатагова Л.С.* Россия и Грузия: от православной солидарности к имперскому покровительству [Текст] // Из истории российско-грузинских отношений. К 250-летию Георгиевского трактата. Сборник документов / Отв. ред. А.Н. Артизов. М.: Древлехранилище, 2014. С. 3–56.
343. *Трепавлов В.В.* [Рецензия] История Чечни с древнейших времен до наших дней. Том 3. История Чечни. XIX в. / Отв. ред. Я.З. Ахмадов. Грозный: Грозненский рабочий, 2013. 656 с. [Текст] // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2014. № 2 (23). С. 120–124.

2015

344. *Трепавлов В.В.* Степные империи Евразии. Монголы и татары [Текст]. М.: Квадрига, 2015. 368 с.

345. *Трепавлов В.В.* «Орда самовольная». Кочевая империя ногаев XV–XVII вв. [Текст]. Изд. 2, испр. М.: Квадрига, 2015. 224 с.

346. *Трепавлов В.В.* Роль и значение символики и ритуалов в этнической политике России XVI–XIX вв. [Текст] // Традиции и инновации в истории и культуре / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.А. Тишков. М.: ОИФН РАН, 2015. С. 244–250.

347. *Трепавлов В.В.* Репрезентация власти в этнической политике Российской империи [Текст] // Труды Отделения историко-филологических наук РАН / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: Наука, 2015. С. 196–207.

348. *Трепавлов В.В.* «В царстве другого царства быть не может». Вассальные владения в составе России (XVII – начало XX в.) [Текст] // Российская история. 2015. № 3. С. 3–14.

349. *Трепавлов В.В.* Царские путешествия по этническим регионам России [Текст] // Вопросы истории. 2015. № 2. С. 85–97.

350. *Трепавлов В.В.* Уроки имперской этнографии: царские путешествия по этническим регионам России [Текст] // Миграции. Формирование Российского государства. Материалы международных семинаров исторических исследований «От Рима к Третьему Риму». 2010–2015 / Отв. ред. П. Каталано, Ю.А. Петров. М.: ИРИ РАН, 2015. С. 254–262.

351. *Трепавлов В.В.* Царские путешествия на Кавказ. Члены императорской фамилии в крепостях и аулах [Текст] // Родина. 2015. № 10. С. 102–107.

352. *Трепавлов В.В.* «Древнее обыкновение» и царская инвеститура. Восшествие на престол вассальных правителей в России XVII – начала XX в. [Текст] // Восток. 2015. № 4. С. 5–16.

353. *Трепавлов В.В.* «Белый царь» в «Божьем мире»: патернализм и сакральность в России XVI–XVIII вв. [Текст] // Мир и Империя. Материалы международных семинаров исторических исследований «От Рима к Третьему Риму» 2003, 2005, 2006 гг. / Отв. ред. П. Каталано, А.Н. Сахаров. М.: ИРИ РАН, 2015. С. 409–414.

354. *Трепавлов В.В.* Несостоявшаяся Орда. «Дикое поле» в середине XV в. [Текст] // Проблемы истории Новороссии / Отв. ред. В.Н. Захаров. М.: ИРИ РАН, 2015. С. 18–26.

355. *Трепавлов В.В.* Социальная история в XIII– начале XVI века [Текст] // Башкиры / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, Е.С. Данилко. М.: Наука, 2015 (серия «Народы и культуры»). С. 84–92.

356. *Трепавлов В. В.* Судьба Сибирского ханства и борьба Кучумовичей за независимость в конце XVI–XVII в. [Текст] // История и культура сибирских татар / Отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 271–277.

357. *Трепавлов В.В.* Литовская метрика как источник по истории тюркских государств Восточной Европы [Текст] // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4. С. 92–106.

358–359. *Трепавлов В.В.* Сибирское ханство. Синяя Орда [Текст] // Большая российская энциклопедия. В 30 т. Т. 30. М.: БРЭ, 2015. С. 134–135, 261.

360. *Трепавлов В.В.* [Рецензия] Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг. Сборник исторических документов в 2 томах / Сост. И.В. Ерофеева. Алматы: АБДИ-Компани, 2014 [Текст] // Отан тарихы. 2015. № 3(71). С. 190–192.

2016

361. *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды [Текст]. Изд. 2, испр. и доп. Казань: Казанская недвижимость, 2016. 764 с.

362. *Trepavlov V.* The Population of the Grand Horde: «People of Throne» and the First Cossacks [Текст] // Central Eurasia in the Middle Ages. Studies in Honour of Peter B. Golden / Ed. by I. Zimonyi and O. Karatay. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2016. P. 425–434.

363. *Зыков А. П., Трепавлов В. В.* Городище Искер – город Сибир: памятник археологии и истории XIV–XVI вв. [Текст] // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. Материалы научной конференции / Отв. ред. Л.А. Беляев, А.В. Юрасов. М.; Вологда: Древности Севера, 2016. С. 190–197.

364. *Трепавлов В.В.* Ногайские имена на карте Евразии [Текст] // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. Материалы Второй международной научно-практической конференции / Отв. ред. Н.Х. Суюнова, Р.Х. Керейтов, С.А. Кукаева. Черкесск: [Б. и.], 2016. С. 13–17.

365. *Трепавлов В. В.* Башкиры в этнической политике России XVII–XIX вв. (ритуально-символический аспект) [Текст] // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2016. Т. 21. № 3(83). С. 61–71.

366. *Трепавлов В.В.* Введение [Текст] // Золотая Орда в мировой истории / Отв. ред. И. Миргалеев, Р. Хаугала. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 7–12.

367. *Трепавлов В.В.* Глава II, § 5. Образование Улуса Джучи [Текст] // Там же. С. 137–147.

368. *Трепавлов В.В.* Глава III, § 2. Административное устройство. Организация управления [Текст] // Там же. С. 148–157.

369. *Трепавлов В.В.* Глава X, § 4. Предпосылки дезинтеграции Улуса Джучи [Текст] // Там же. С. 729–734.

370. *Трепавлов В.В.* Глава XI, § 1. Джучиев улус в XV–XVI вв.: инерция единства [Текст] // Там же. С. 735–742.

371. *Трепавлов В.В.* Глава XI, § 2. Большая Орда [Текст] // Там же. С. 742–752.

372. *Трепавлов В.В.* Глава XI, § 11. Мангытский юрт (Ногайская Орда) [Текст] // Там же. С. 832–842.

373. *Трепавлов В.В.* Заключение. Золотая Орда и татарские юрты в мировой истории [Текст] // Там же. С. 922–926.

374. *Трепавлов В.В.* Глава III, § 1. Образование Золотой Орды [Текст] // История татар Западного Приуралья. Т. I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства / Отв. ред. Р.С. Хакимов. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 128–144.

375. *Трепавлов В.В.* Глава IV, §3. Южное Приуралье в составе Ногайской Орды [Текст] // Там же. С. 263–277.

376. *Трепавлов В.В.* Тюркологические исследования начала XXI века и «Тюркологический сборник» [Текст] // Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции памяти С.Г. Кляшторного / Отв. ред. Ч. Сампилдондов. СПб.; Улан-Батор: [Б. и.], 2016. С. 125–126.

377. *Трепавлов В.В.* «Чалмоносцы и язычники» в православной империи. Церемониальный аспект религиозной политики [Текст] // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 7 / Отв. ред. В.В. Трепавлов. М.: ИРИ РАН, 2016. С. 277–296.

378. *Трепавлов В.В.* Налогообложение в Сибирском юрте [Текст] // Тюркологический сборник. 2013–2014: Памяти С.Г. Кляшторного / Отв. ред. А.Н. Кононов. М.: Наука, 2016. С. 320–330.

379–380. *Трепавлов В.В.* Тохта. Узбек // Большая российская энциклопедия. В 30 т. Т. 32. М.: БРЭ, 2016. С. 323, 695.

381. *Трепавлов В.В.* Предисловие [Текст] // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 5–6.

382. *Трепавлов В.В.* [Рецензия] Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг. Сборник исторических документов в 2-х томах. Сост. И.В. Ерофеева. Алматы: АБДИ-Компани, 2014 [Текст] // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2016. № 4. С. 224–227.

2017

383. *Трепавлов В.В.* «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. [Текст]. Изд. 2, испр. и доп. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017. 320 с.

384. *Трепавлов В.В.* Этно-ретро-этюды. Этническая политика России в исторических миниатюрах [Текст]. М.: Кучково поле, 2017. 352 с.

385. *Зыков А.П., Косинцев П.А., Трепавлов В.В.* Город Сибири – городище Искер (историко-археологическое исследование) [Текст]. М.: Восточная литература, 2017. 559 с.

386. *Трепавлов В.В.* Тюркские элиты в полиэтничной империи [Текст] // Историческая мозаика Евразии. Сборник статей к 70-летию Д.Д. Васильева / Сост. Т.А. Аникеева, А.Д. Васильев и др. М.: Пробел-2000, 2017. С. 260–267.

387. *Трепавлов В.В.* Золотая Орда в общественном сознании и историографии [Текст] // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии. Материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред. В.В. Тишин. М.: Медиана, 2017. С. 14–21.

388. *Trepavlov V.* Introduction [Текст] // *The Golden Horde in World History* / Ed. by I. Mirgaleev, R. Nautala. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017. P. 7–12.

389. *Trepavlov V.* Chapter II, § 5. The Formation of the Ulus of Jochi [Текст] // *Idem.* P. 134–143.

390. *Trepavlov V.* Chapter III, § 1. The Administrative Structure. Administrative Organization // *Idem.* P. 144–153.

391. *Trepavlov V.* Chapter IX, § 4. Factors and Peculiarities of the Desintegration of the Ulus of Jochi [Текст] // *Idem.* P. 724–729.

392. *Trepavlov V.* Chapter XI, § 1. The Jochi Ulus in the 15–16th Centuries: the Inertia of Unity [Текст] // *Idem.* P. 730–737.

393. *Trepavlov V.* Chapter XI, § 2. The Great Horde [Текст] // *Idem.* P. 737–747.

394. *Trepavlov V.* Chapter XI, § 11. The Manghit Yurt (the Nogai Horde) [Текст] // *Idem.* P. 828–838.

395. *Trepavlov V.* Conclusion. The Golden Horde and Tatar Yurts in World History [Текст] // *Idem.* P. 919–922.

396. *Trepavlov V.* Section III. Formation and Political History of the Ulus of Jochi [Текст] // *The History of the Tatars since Ancient Times. Vol. 3. The Ulus of Jochi (Golden Horde). 13th Century – Mid-15th Century* / Ed. by M. Usmanov, R. Khakimov. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017. P. 180–198.

397. *Trepavlov V.* Section IV. Chapter 1, § 1. The system of wings and the administrative structure [Текст] // *Idem.* P. 200–202.

398. *Trepavlov V.* Introductory section. Chapter 1. General Characteristics of the Post-Golden Horde Period [Текст] // *The History of the Tatars since Ancient Times. Vol. 4. Tatar States (15–18th Centuries)* / Ed. by R. Khakimov, I. Mirgaleev. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017. P. 4–10.

399. *Trepavlov V.* Section I. Chapter 1, § 1. Condition and Specific Features of Desintegration of the Jochi Ulus [Текст] // *Idem.* P. 4–10.

400. *Trepavlov V.* Section I. Chapter 2, § 6. The Nogai Horde [Текст] // Idem. P. 156–162.
401. *Trepavlov V.* Section II. Chapter 1. The Great Horde [Текст] // Idem. P. 180–196.
402. *Trepavlov V.* Section II. Chapter 4. The Nogai Horde [Текст] // Idem. P. 222–251.
403. *Trepavlov V.* Section III. Chapter 7, § 5. Warfare and Military Art of the Nogai Horde [Текст] // Idem. P. 717–722.
404. *Trepavlov V.* Section IV. Chapter 2. The Great Horde Tatars and Their Successors [Текст] // Idem. P. 759–762.
405. *Trepavlov V.* Section IV. Chapter 5. The Nogays [Текст] // Idem. P. 779–783.
406. *Trepavlov V.* Section I. Chapter 2. The Annexation of the Lower Volga by the Muscovite State [Текст] // The History of the Tatars since Ancient Times. Vol. 5. Tatars in Russia (Second Half of the 16–18th Century) / Ed. by R. Khakimov, I. Gilyazov, B. Izmaylov. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017. P. 103–118.
407. *Трепавлов В.В.* Введение [Текст] // Этнические элиты в национальной политике России / Отв. ред. В.В. Трепавлов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 7–12.
408. *Аманжолова Д.А., Дроздов К.С., Трепавлов В.В.* Глава VII. Этнические элиты в союзных республиках СССР [Текст] // Там же. С. 293–371.
409. *Аманжолова Д.А., Трепавлов В.В.* Заключение [Текст] // Там же. С. 372–386.
410. *Трепавлов В.В., Юрасов М.К.* Глава 1. Северное Причерноморье в эпоху древности и средневековья [Текст] // История Новороссии / Отв. ред. В.Н. Захаров. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 17–52.
411. *Трепавлов В.В.* Образование Улуса Джучи. Золотая Орда в XIII–XIV веках [Текст] // Татары / Отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова, В.В. Трепавлов, Р.К. Уразманова. М.: Наука, 2017. С. 94–113.
412. *Трепавлов В.В.* Ногайская Орда [Текст] // Там же. С. 186–197.
413. *Трепавлов В.В.* Возвращение к матрице: проявления цикличности в развитии степных политий [Текст] // Алтайская цивилизация и родственные народы алтайской языковой семьи, Бишкек: Турар, 2017. С. 600–608.
414. *Трепавлов В.В.* Русский царь в нехристианских культурах Российской империи [Текст] // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 2 (35). С. 222–240.
415. *Трепавлов В.В.* «Отецкие дети»: элита Казанского ханства в Литовской метрике [Текст] // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. № 3. С. 600–611.
416. *Трепавлов В.В.* Большая Орда перед Стоянием на Угре [Текст] // Великое стояние на ррке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Материалы всероссийской с международным участием научной конференции / Отв. ред. И.Н. Берговская, В.Д. Назаров. Калуга: Издатель Захаров С.И. («СерНа»), 2017. С. 321–342.
417. *Трепавлов В.В.* Казахская правящая элита в Российской империи. Церемониальное отображение подданства [Текст] // Страны и народы Востока. Вып. XXXVII. Государство на Востоке / Под ред. И.Ф. Поповой, И.В. Богданова. М.: Наука – Восточная литература, 2017. С. 263–297.
418. *Трепавлов В.В.* Образ народов России в глазах верховной власти, XVII – начале XX в (некоторые наблюдения) [Текст] // Научный Татарстан. 2017. № 1. С. 11–22.
- 419–422. *Трепавлов В.В.* Улуг-Мухаммед. Улус. Урус. Хан [Текст] // Большая российская энциклопедия. В 30 т. Т. 33. М.: БРЭ, 2017. С. 11, 98, 741.
423. *Трепавлов В.В.* Юсуф [Текст] // Там же. Т. 35. М.: БРЭ, 2017. С. 612.

424. *Трепавлов В.В.* [Рецензия] Аверкиев С.С. Влияние татар на жизнь русского народа [Текст] // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. № 2. С. 460–465.

2018

425. *Трепавлов В.В.* Степные империи Евразии. Монголы и татары [Текст]. Изд. 2. М.: Квадрига, 2018. 368 с.

426. *Трепавлов В.В.* Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. [Текст]. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. 320 с.

427. *Трепавлов В.В., Беляков А.В.* Сибирские царевичи в истории России [Текст]. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. 496 с.

428. *Трепавлов В.В.* «Орда самовольная». Кочевая империя ногаев XV–XVII вв. [Текст]. Изд. 3, испр. М.: Квадрига, 2018. 224 с.

429. *Трепавлов В.В.* Западная Сибирь на рубеже эпох: от ордынского прошлого к российскому будущему [Текст] // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 1. С. 227–239.

430. *Трепавлов В.В.* Дипломатия взаимного узнавания: общение администрации и «инородцев» в восточных регионах России [Текст] // Российская история. 2018. № 2. С. 4–12.

431. *Трепавлов В.В.* Мордва и Российское государство: особенности этнокультурного контакта [Текст] // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 8 / Отв. ред. В.В. Трепавлов. М.: ИРИ РАН, 2018. С. 330–340.

432. *Trepavlov V.* The Takht Eli Khanate. The State System and the Twilight of the Golden Horde [Текст] // Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée. 2018. Vol. 1 (143). P. 235–248.

433. *Трепавлов В.В.* «Земля одержала верх» (о некоторых закономерностях социально-политического развития РакMongolica) [Текст] // Исторический вестник. Т. 25. М., 2018. С. 10–29.

434. *Трепавлов В.В.* Имперский Центр и элиты Северного Кавказа: ритуальные парадигмы этнической политики [Текст] // Этногенез и этническая история народов Северного Кавказа. Материалы I международного нахского конгресса / Под ред. Ш.А. Гапурова, С.С. Магамадова. Грозный: Грозненский рабочий, 2018. С. 69–67.

435. *Трепавлов В.В.* Сибирско-ногайские связи [Текст] // Тюменское и Сибирское ханства / Отв. ред. Д.Н. Маслюженко, А.Г. Ситдииков, Р.Р. Хайрутдинов. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2018. С. 106–115.

436. *Трепавлов В.В.* Тюркское казачество во время и после распада Золотой Орды [Текст] // Казачество в тюркском и славянском мирах / Отв. ред. В.В. Грибовский, В.В. Трепавлов. Казань: Ин-т археологии им. А.Х. Халикова, 2018. С. 173–201.

437. *Грибовский В.В., Трепавлов В.В.* Введение [Текст] // Там же. С. 6–10.

438. *Грибовский В.В., Трепавлов В.В.* Заключение [Текст] // Там же. С. 676–682.

439. *Трепавлов В.* Уроки имперской этнографии: царские путешествия по этническим регионам России [Текст] // DirittoS toria. Rivista Internazionale di Scienze Giuridiche e Tradizione Romana. 2018. № 16 [электронный журнал].

440. *Трепавлов В.В.* Предисловие [Текст] // Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1561–1566 гг. / Сост. Д.А. Мустафина. Казань: Татарское книжное изд-во, 2018. С. 4–9.

441. *Гатагова Л.С., Трепавлов В.В.* «Перед толпою соплеменных гор». Проблемные вопросы истории политики России на Кавказе (XVIII–XIX вв.) [Текст]. М.: ИРИ РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2019. 280 с.

442. *Трепавлов В.В.* Степные империи Евразии. Монголы и татары [Текст]. Изд. 3. М.: Квадрига, 2018. 368 с.

443. *Трепавлов В.В.* Дешт-и Кипчак в сакральном измерении [Текст] // Новый взгляд и перспективы изучения историко-культурного наследия Мангистау. Материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред. П. Сармурзина и др. Актау: [Б. и.], 2019. С. 11–30.

444. *Трепавлов В.В.* Едигей во главе Золотой Орды: опыт чагатайской эмиграции [Текст] // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1 (75). С. 118–122.

445. *Трепавлов В.В.* Шибаны: несостоявшийся этноним [Текст] // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 2. С. 351–371.

446. *Трепавлов В.В.* Имперское пространство в русской сакральной географии [Текст] // Империя: проблемы внутренней и внешней колонизации. Материалы XXXVIII международного семинара исторических исследований «От Рима к Третьему Риму». Москва, 15 января 2019 г. / Ред. Ю.А. Петров и др. М.: Весь Мир, 2019. С. 104–111.

447. *Трепавлов В.В.* Ногайский вариант державы Тамерлана [Текст] // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. Материалы Третьей международной научно-практической конференции, г. Черкесск, 2–3 октября 2016 г. / Отв. ред. Н.Х. Суюнова, Д.С. Кидирниязов, М.А. Булгарова, С.А. Кукаева. Черкесск: КЧИГИ; Карачаевск: КЧГУ, 2019. С. 3–7.

448. *Трепавлов В.В.* «Жертва беспредельной и усерднейшей благодарности»: подношения властям как средство культурной репрезентации народов России [Текст] // «Чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла...». К 70-летию Николая Михайловича Рогожина / Отв. ред. Ю.А. Петров. М.: ИРИ РАН, 2019. С. 315–328.

449. *Трепавлов В.В.* Иштыакско-ногайские взаимоотношения // Иштыаки: приуральско-сибирское пограничье [Текст] / Отв. ред. А.В. Аксанов. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 99–113.

450. *Трепавлов В.В.* Степной шит Юрта: формирование ногайского населения Крымского ханства (XVI – первая половина XVII в.) [Текст] // Крымское историческое обозрение. 2019. № 2. С. 108–125.

451. *Трепавлов В.В.* «Золотая Орда не была варварским захолустьем ойкумены...» [интервью] [Текст] // Историческая экспертиза. 2019. № 2 (19). С. 26–34.

452. *Трепавлов В.В.* Рубеж на Угре [интервью] [Текст] // Историк. 2019. № 11 (59). С. 38–44.

453. *Трепавлов В.В.* [Рецензия] История Крыма. В 2 т. / Отв. ред. А.В. Юрасов. М.: Кучково поле, 2017. [Текст] // Российская история. 2019. № 4. С. 204–207.

454. *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды [Текст]. Изд. 3, испр. и доп. М.: Квадрига, 2020. 1040 с.

455. *Трепавлов В.В.* *Инородцы* на царских коронациях: этническая политика империи в ритуальном воплощении [Текст] // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8. № 3. С. 164–175.

456. *Трепавлов В.В.* Московский *Чаган-хан* [Текст] // Ottomans – Crimea – Jochids. Studies in Honour of Maria Ivanics / Ed. by I. Zimonyi. Szeged: University of Szeged, 2020. С. 325–329.

457. *Трепавлов В.В.* Сакральная топография Улуса Джучи [Текст] // Хан Джучи. Великая Степь / Отв. ред. Г.Ж. Тайбулдин. Нурсултан: Editions du JIPTO, 2020. С. 107–115.

458. *Трепавлов В.В.* Начало формирования российского народа [Текст] // Государственная национальная политика Российской Федерации. Учебное пособие для специалистов в сфере национальных и религиозных отношений / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: Просвещение, 2020. С. 67–74.

459. *Трепавлов В.В.* Дечингизация: сибирская версия [Текст] // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы IV Всероссийской (национальной) научной конференции / Отв. ред. Д.Н. Маслюженко, С.Ф. Татауров. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2020. С. 52–56.

460. *Трепавлов В.В., Горский А.А.* Посланцы папы римского в Монгольской империи [Текст] // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 3(100). С. 17–28.

461. *Трепавлов В.В.* История освоения Западной Сибири конца XVI–XVII вв. [Текст] // Очерки истории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры / Под ред. Р.Г. Пихои. М.; Ханты-Мансийск: проект «Академическая история Югры», 2020. С. 22–25.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абазов Алексей Хасанович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр Кабардино-Балкарский научный центр РАН», e-mail: alex_abazov@list.ru

Аманжолова Дина Ахметжановна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, e-mail: amanzholova19@mail.ru

Анчабадзе Юрий Дмитриевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института антропологии и этнографии РАН, e-mail: anchabadze@list.ru

Ахмадуллин Салават Зямилович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН, e-mail: salahmad@mail.ru

Беляков Андрей Васильевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, e-mail: belafeb@gmail.com

Вершинин Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник АНО Института археологии Севера, e-mail: u5830@yandex.ru

Визгалов Георгий Петрович, кандидат исторических наук, доцент Сургутского государственного университета, научный сотрудник Югорской лаборатории археологии и этнографии, e-mail: vizgalovgp@mail.ru

Ганич Анастасия Алексеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: windy_moon@mail.ru

Гагагова Людмила Султановна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, e-mail: lgochshat@mail.ru

Горский Антон Анатольевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: gor-ks@yandex.ru

Грибовский Владислав Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института украинской археологии и источниковедения им. М.С. Грушевского НАН Украины, e-mail: nuradyn@ukr.net

Дроздов Константин Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, e-mail: k-drosdow@yandex.ru

Зайцев Илья Владимирович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, e-mail: ilyaaugust@yandex.ru

Марчуков Андрей Владиславович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, e-mail: marchukov@mail.ru

Маслюженко Денис Николаевич, кандидат исторических наук, директор Гуманитарного института ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», e-mail: belafeb@gmail.com

Почекаев Роман Юлианович, кандидат юридических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», e-mail: rpochekaev@hse.ru

Рахаев Джамал Якубович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, e-mail: jamal_rv@mail.ru

Рябинина Елена Алексеевна, старший преподаватель ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», e-mail: denmas13@yandex.ru

Сулаберидзе Зураб Николаевич, кандидат исторических наук, доцент Тбилисского гуманитарного университета, e-mail: sulaberidze75@gmail.com

Тихонов Виталий Витальевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, e-mail: tihonovvitaliy@list.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Исследования и документы	
А.Х. Абазов. Моздокский верхний пограничный суд в системе органов власти на Центральном Кавказе в 1793–1822 гг.	5
Д.А. Аманжолова. «Вопрос о государственных формах существования отдельных наций – для нас производный». Организационно-управленческие аспекты советского нациестроительства. 1920–1930-е гг.	13
Ю.Д. Анчабадзе. Ногайцы в историософии российского кавказоведения	47
С.З. Ахмадуллин. Мурад Рамзи об истории башкир с XVI по XIX в. Фрагмент перевода «Талфик ал-Ахбар...»	62
А.В. Беляков. Князья Урусовы в России в XVII в.	87
А.В. Беляков, Д.Н. Маслоуженко, Е.А. Рябинина. Внешнеполитический контекст русского похода на Обь против Кучума в августе 1598 г.	106
Е.В. Вершинин, Г.П. Визгалов. Коми-зыряне и ранняя русская колонизация Северо-Западной Сибири	117
Л.С. Гагагова. Судьба депортированных народов после Сталина: новые ожидания (1955–1958 гг.)	131
А.А. Ганич. Мусульмане Кавказа в системе государственного регулирования ислама в Российской империи в XIX – начале XX в.	151
А.А. Горский. Полтина с деревни и с двух сох рубль: к вопросу о размере дани в Орду	168
В.В. Грибовский. Коши крымских чабанов в причерноморской степи XVI–XIX вв.: черты мужского союза	175
К.С. Дроздов. Белорусизация в Советской России в 1920–1930-е гг.: цели, методы и результаты	204

И.В. Зайцев. Бахрины/Барыны в поздней Золотой Орде и Казанском ханстве в XV в.	226
А.В. Марчуков. Новороссия: исторические предпосылки идентичности	231
Р.Ю. Почекаев. Кризис ханского правосудия: «арз» в Хиве в XIX – начале XX в.	236
Дж.Я. Рахаев, З.Н. Сулаберидзе. Записка П.П. Буткова «Описание прежнего внутреннего правления Грузии»	250
Дж.Я. Рахаев. «Советский народ» и проблемы интеграции репрессированных народов СССР: депортация в культурной памяти тюркоязычных горцев Центрального Кавказа	279
В.В. Тихонов. История народов Сибири в советских школьных учебниках 1930-х гг.	316
К.С. Дроздов. «Было бы целесообразным подготовить специальную научную работу или сборник статей, посвященных вопросам древней истории ногайцев, истории Ногайской Орды»	328
Список научных трудов В.В. Трепавлова	337
Сведения об авторах	364

Научное издание

**ИСТОРИЯ НАРОДОВ РОССИИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ
И ДОКУМЕНТАХ**

**К юбилею В.В. Трепавлова
Выпуск 9**

*Утверждено Ученым советом
Института российской истории РАН*

Редакторы: Е.В. Мамонова, М.А. Новикова, И.Н. Шамина
Выпускающий редактор; М.И. Бълхова
Компьютерная верстка: Л.П. Андрианова

Подписано к печати 01.03.22. Заказ № .
Формат 60 × 84/16. Гарнитура NewtonTT
23 п.л. 24,5 уч.-изд.л.
Тираж 200 экз. (первый завод)

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Издательский центр Института российской истории РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19